

Е.Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ
ТОМАХ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПОДГОТОВЛЕНО К ИЗДАНИЮ
ИНСТИТУТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ имени Е.Т. ГАЙДАРА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ЕГОРА ГАЙДАРА
И ГОСПОДИНА СЕППО РЕМЕСА

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР ТОМА
Л.И. Лопатников

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
*А.Г. Аганбегян, П.Е. Гайдар, Е.Ю. Гениева,
Г.О. Греф, С.М. Гуриев, М. Домбровски,
А.В. Колесников, А.Л. Кудрин, Я.И. Кузьминов,
Л.И. Лопатников, В.А. Мау, А.Д. Радыгин,
К.Ю. Rogov, Н.К. Сванидзе, С.Г. Синельников-Мурылев,
В.Г. Стародубровский, А.В. Улюкаев,
Я.М. Уринсон, А.Б. Чубайс, Р.М. Энтов,
В.А. Ярошенко, Е.Г. Ясин*

Е.Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 6

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО»
МОСКВА · 2013

УДК 338(47)
ББК 65
Г 14

Содержание

Г 14 **Гайдар, Е. Т.** Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 6 / Е.Т.Гайдар. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 480 с.

ISBN 978-5-7749-0696-3 (Т.6)
ISBN 978-5-7749-0690-1

Шестой том собрания сочинений включает статьи, написанные Е. Т. Гайдаром в самый сложный и противоречивый период новейшей экономической истории России – 90-е гг. XX в. Первая из этих статей вышла в свет в ноябре 1992 г., непосредственно вслед за приходом к власти правительства реформаторов, последние были опубликованы в конце 1999 г., когда стало ясно: трансформационный кризис со всеми его трудностями остался позади.

Для изучающих экономическую историю России, а также для широкого круга читателей.

УДК 338(47)
ББК 65

© Стругацкая М.А., 2013
© Институт экономической политики имени Е.Т.Гайдара, 2013
© Издательский дом «Дело» РАНХиГС, оформление, 2013

ISBN 978-5-7749-0696-3 (Т. 6)
ISBN 978-5-7749-0690-1

Наперегонки с кризисом	8
Меморандум об экономической политике Российской Федерации	10
Россия и реформы	31
Трудный путь от социализма	43
Логика реформ	62
«Веймарский синдром» угрожает России	70
Удастся ли затормозить гиперинфляцию?	74
На карте будущее не только России	76
Что будет, если победит концепция Лобова—Сосковца	85
Самая верная политика — это ответственная политика, а не популизм	88
Путь в никуда. <i>По поводу статьи В. Глазьева</i>	97
Новый курс. Возрождение государственного регулирования обогащает богатых и разоряет бедных	101
Кто уступает экстремизму, тот становится его жертвой	115
Построить Россию	120
Ставка на негодяев	143
Фашизм и бюрократия	151
Новые задачи: выбор за нами	162
Красная осень 1993-го	172

Сейчас важно не наделать глупостей	188
Уроки октября. Как их понимает одно из главных действующих лиц трагической осени 1993-го	191
Мы обречены на единство. Ответ Елене Боннэр	202
Год упущенных возможностей.	206
Мораль эффективна. Ответ на статью В. Костикова	208
От выборов нельзя уйти или спрятаться. Их надо выиграть	212
Работа над ошибками.	221
Россия XXI в.: не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии	225
Экономика России: анализ и краткосрочный прогноз	232
Правительство прошло по краю пропасти.	242
Крушение марксизма	249
Посткоммунистические экономические реформы: прошло пять лет	277
Отложенный выбор	289
Пристрастная рецензия	296
Либеральные реформы: неизбежность и неотложность.	301
Как построить «хороший» капитализм.	310
О природе бюджетных кризисов этапа финансовой стабилизации	319
Белорусский вектор российской политики	338
МВФ и Россия.	350
И все-таки «Яблоко» хочет взять много и поделить	357
Спрос на деньги. Об экономической мифологии постсоциалистического периода	361

Маска, я тебя знаю	369
Приглашение... в тупик, или Еще раз о «социальной рыночной экономике»	373
Почему в Москве жить хорошо	389
Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику.	393
Выбор был не в том, что будет больно или не будет. Было ясно, что будет	406
Детские болезни постсоциализма.	423
Проталкивание реформ (Цикл статей)	434
Проблемы «особенной стати» России	434
Как реформы забуксовали	442
Взрыв бомбы, заложенной усилиями думского большинства	450
Серьезный откат назад	458
Уроки российского кризиса для стран с переходной экономикой	466

Наперегонки с кризисом

УСЛОВИЯ, в которых начинает действовать новое правительство, таковы: оптовые и розничные цены вышли из-под контроля, месячная инфляция составляет 15%, номинальные денежные доходы стали неуправляемыми, высокие темпы инфляции приводят к тому, что сельское хозяйство не поставит продовольствие в город, Внешэкономбанк неплатежеспособен — полностью отсутствуют валютные резервы, останавливаются платежи по фрахту. Это ситуация, сложившаяся к середине ноября. Реальные возможности маневра для проведения реформы у правительства минимальны. Они ограничены еще и тем, что Россия не имеет необходимого набора государственных институтов для самостоятельной экономической политики. Слаб и малоэффективен механизм межреспубликанских согласований.

Своими мерами правительство стремится опередить развившийся процесс и начать им управлять. Оно развернет деятельность по двум направлениям. Первое — создание законодательной базы для проведения радикальной реформы. Второе — создание механизма, средств и методов, которые позволят ее реализовать. В первый блок входят указы, направленные на стабилизацию экономики, меры социальной защиты и обеспечение экономического суверенитета. Указ о либерализации внешнеэкономической деятельности содержит два важных принципа: разрешение заниматься внешнеэкономической деятельностью без специальной регистрации и введение конвертируемости рубля по текущим операциям без фиксированного валютного курса.

Введение конвертируемости рубля пришлось растянуть на полгода, потому что у нас сейчас нет возможности гарантировать его

Опубликовано в: Новое время. 1991. № 48. Ноябрь.

Эта статья была впервые подписана: *Егор Гайдар, заместитель Председателя Правительства РСФСР*, что обозначило начало нового этапа его деятельности. — Прим. ред.

устойчивость и установить фиксированный валютный курс с 1 января 1992 г. Приходится исходить из реальностей — у нас нет шести миллиардов долларов для создания необходимого стабилизационного фонда.

Предусмотрен комплекс мер, связанный с минимальными предпосылками размораживания цен: корректировка заработной платы работников бюджетных организаций, снятие ограничений на заработную плату в хозрасчетном секторе. Меры сами по себе рискованные, но неизбежные в условиях нынешней финансовой ситуации, когда сдержать инфляцию, по крайней мере в ближайшие месяц-два, скорее всего будет нельзя.

Дальше следует либерализация цен. В указ о либерализации войдет перечень товаров, на которые будут установлены регулируемые цены: товары производственно-технического назначения — нефть и нефтепродукты, газ, уголь, драгоценные металлы, сланцы, железнодорожные перевозки, услуги связи; потребительские — некоторые виды хлеба, молоко, обезжиренные кефир и творог, соль, сахар, детское питание, водка, жилищно-коммунальные услуги. Цены на эти виды товаров повысятся примерно в три раза в соответствии с общим индексом роста цен. Это неприятное, но неизбежное средство для стабилизации.

Готовятся меры, которые позволят форсировать процесс приватизации. В первую очередь они подразумевают малые предприятия, но не исключают и распродажу незавершенного строительства, приватизацию государственных предприятий. В ближайшее время будет издан указ по промышленности, суть которого — закрепить нынешний статус директоров предприятий, продлить на время старые контракты, с тем чтобы появился реальный механизм контроля за управлением государственным имуществом. Дальнейшие шаги правительства будут зависеть от ситуации. Анализировать и принимать необходимые меры придется уже на ходу.

Сейчас правительство проводит ревизию оборонных расходов. Идея такая: сохранить затраты на заработную плату, социальные программы, часть ассигнований на военную науку, но предельно жестко подойти к закупке военного снаряжения.

Мы жестко пересмотрим централизованные вложения на капитальное строительство на следующий год, решим, что действительно необходимо строить.

Правительству придется реконструировать налоговую систему, ввести налог на добавленную стоимость. Нам, без всякого сомнения, нужно будет поднять уровень налоговых отчислений.

Наша инфляция — феномен, возникший сравнительно недавно. До 1985 г. мы были страной с очень высоким уровнем финансовой стабильности. Рост цен связан с инвестиционным всплеском начала перестройки, с развертыванием крупных социальных программ, никак не соотносившихся с реальными финансовыми возможностями, а также с развалом налоговой базы.

После либерализации цен и первого инфляционного всплеска, связанного с паникой и адаптацией к рыночным условиям, ситуация быстро стабилизируется. Это проверено на опыте Восточной Европы. Как дальше будут развиваться события, зависит от многого, в том числе и от того, насколько нам удастся сохранить механизм управления в госсекторе, не допустить неконтролируемого роста зарплаты, как это случилось в Польше, противостоять популистскому давлению, направленному на то, чтобы компенсировать все потери. Закон об индексации, к счастью, позволяет правительству увязывать порядок и сроки ее введения с состоянием бюджета. Если мы будем придерживаться жесткой бюджетной политики, обеспечим контроль за кредитной экспансией коммерческих банков, то второй всплеск инфляции можно будет предотвратить.

Меморандум об экономической политике Российской Федерации

1. В течение последних примерно шестидесяти лет экономика России как часть экономики СССР подчинялась жесткому централизованному планированию. С середины 80-х гг. начался постепенный демонтаж этой системы, но она не была заменена каким-либо другим целостным экономическим механизмом. В течение того же периода накапливались макроэкономические диспропорции.

Опубликовано в: Российская газета. 1992. 28 февраля.

Меморандум, важный исторический документ, свидетельствующий о социально-экономической ситуации в стране на начальном этапе гайдаровских реформ и об экономической политике правительства в связи с предстоящим вступлением России в Международный валютный фонд, был подготовлен Е.Т. Гайдаром совместно с Председателем Центрального банка РФ Г.Г. Матюхиным, возглавлявшим ЦБ с декабря 1991 г. по июнь 1992 г. Россия вступила в МВФ 1 июня 1992 года. — *Прим. ред.*

В результате к началу нового десятилетия экономика подошла в состоянии острого кризиса, проявляющегося в падении производства, усилении инфляции, устаревании основных фондов, грубых искажениях ценовых соотношений, серьезных структурных диспропорциях, а также в тяжелых экологических проблемах. Переход в 1991 г. к демократической форме правления создал предпосылки для устранения коренных причин этих негативных явлений. Главные экономические цели Правительства России изложены в речи Президента России Б. Ельцина 28 октября 1991 г.: переход к рыночной экономике и достижение макроэкономической стабилизации. Ниже приводится краткое изложение экономической политики в первые месяцы 1992 г. и основные положения программы, которую правительство намерено осуществить в последние три квартала 1992 г. Российское руководство надеется, что эта смелая и комплексная программа получит соответствующую поддержку международного финансового сообщества.

А. Экономика в начале 1992 г.

2. В результате широкомасштабной либерализации цен, проведенной 2 января 1992 г., примерно 90% потребительских цен и 80% цен на продукцию производственного назначения (в стоимостном выражении и среднегодовых ценах 1991 г.) теперь свободны от прямого административного регулирования. Эта ценовая акция наряду с повышением остающихся регулируемых цен в 3–5 раз привела к подъему среднего уровня цен в январе, оцениваемому в 3,5 раза, что в какой-то степени было связано с сокращением избыточной денежной массы у предприятий и населения. Однако есть признаки того, что основной рост цен пришелся на первые недели января, в то время как в феврале уровень инфляции был значительно ниже. В ряде случаев цены упали по сравнению с их пиковым январским уровнем, так как производители и торговые организации столкнулись с резким снижением спроса.

3. Однако ясно, что скачок цен в январе был бы значительно меньшим, если бы в экономике — как в производстве, так и в торговле — была достаточно развита конкуренция. Правительство уже предприняло шаги к поощрению конкуренции и усилению восприимчивости предложения к изменению цен. Во-первых, в Указе

Президента РФ от 29 января 1992 г. № 65 заявлено, что каждый имеет право торговать чем угодно и в любом месте, если такая торговля специально не запрещена. Во-вторых, на всех уровнях государственного управления мы стремимся как можно быстрее осуществить планы приватизации, изложенные в Указе Президента РФ от 29 декабря 1991 г. № 341. Программа на 1992 г. предусматривает приватизацию 50% предприятий (организаций) промышленности строительных материалов, оптовой торговли и общественного питания; 60% предприятий пищевой промышленности, сельского хозяйства и розничной торговли, а также 70% предприятий легкой промышленности, строительства, автотранспорта и ремонта. Дальнейшая приватизация будет проходить в 1993–1995 гг. Очевидно, что ощутимого улучшения предложения товаров быстрее всего можно добиться за счет приватизации розничной и оптовой торговли и грузового автотранспорта.

4. В наши намерения входило совместить либерализацию цен с существенным ужесточением финансовой политики, для того чтобы не допустить превращения первоначального большого скачка цен в спираль «цены—зарплата» и гиперинфляцию, и снизить инфляцию до низкого уровня. Наш подход включает два основных элемента.

5. Во-первых, учитывая расчетный дефицит бюджета России в размере более 20% ВВП в 1991 г.¹, правительство планирует сократить дефицит консолидированного бюджета до 1% ВВП в первом квартале 1992 г. В основном укрепление бюджета обеспечивается существенным сокращением дотаций (обусловленным отмеченными выше ценовыми мерами), военных расходов и финансируемых из бюджета инвестиций. Одновременно доходы должны быть увеличены за счет замены налога с продаж и налога с оборота, унаследованных от централизованной плановой экономики, налогом на добавленную стоимость; экспорт энергоносителей и сырья будет также облагаться налогом. Если пересчитать бюджет в соответствии с международными нормами, т. е. исключить внешнее финансирование из доходов и включить затраты по обслуживанию

¹ Дефицит бюджета в 1991 г. подсчитан на основе добавления к фактическому дефициту Российской Федерации в целом за год той же доли доходов и расходов союзного бюджета за первые 10 месяцев 1991 г., которую Россия приняла на себя в ноябре—декабре 1991 г.

внутреннего государственного долга в расходы, то дефицит бюджета увеличивается до 4,4% ВВП. Хотя в январе проводилась политика жесткого секвестирования расходов, не исключено все же, что недополучение доходов и превышение расходов могут привести к росту дефицита бюджета до более 10% ВВП в первом квартале в целом.

6. Во-вторых, Центральный банк России (ЦБР) ужесточил монетарную политику. В частности, в первом квартале 1992 г. планируется резко ограничить рост кредитов ЦБР, предоставляемых коммерческим банкам. ЦБР увеличил ставку по таким кредитам с 2–9% в 1991 г. до 20% и освободил процентные ставки, которые могут устанавливать коммерческие банки. Резервные требования также будут постепенно увеличены до 20% в апреле, и их уровень будет одинаковым для всех коммерческих банков. Вероятно, в первом квартале в результате либерализации цен денежные сбережения в реальном выражении резко сократятся и избыточная денежная масса будет ликвидирована.

7. Либерализация большинства внутренних цен сопровождалась либерализацией системы внешней торговли и валютного обмена. В принципе любая хозяйственная единица имеет право участвовать во внешней торговле. Импорт почти полностью либерализован, тогда как большая часть экспорта в первом квартале 1992 г. по-прежнему подвергается квотированию и лицензированию. Это относится прежде всего к экспорту энергоносителей и других видов сырья (55% экспорта), а также вооружений (еще 15% экспорта). Экспорт всех остальных товаров свободен от количественных ограничений. Хотя система валютного обмена остается более сложной, чем нам хотелось бы, обменные курсы, по которым экспортеры обязаны продавать иностранную валюту, а импортеры приобретать ее, существенно понижены в реальном выражении по сравнению с коммерческим курсом конца 1991 г. в 1,7 руб. за доллар США. Обменные курсы, которые в настоящее время используются во внешней торговле, значительно занижены. Мы ожидаем, что политика, описанная в этом Меморандуме, приведет к повышению обменного курса по сравнению с существующим уровнем, что поможет сдержать инфляционное давление.

8. Российская Федерация остается верной обязательствам по обслуживанию внешнего долга, принятым ею по отношению к официальным и коммерческим кредиторам в ноябре—декабре 1991 г.

и январе 1992 г. Правительство намерено выплатить долг. Однако в настоящее время отсутствует возможность обеспечить полное погашение процентных платежей. Мы обсуждаем с нашими кредиторами проблему выплаты внешних долгов. В феврале была введена система регулярных перечислений средств из Внешторгбанка России во Внешэкономбанк (ВЭБ). Через банковскую систему контроль за сделками с иностранной валютой будет усилен, а начиная с марта 1992 г. банковские счета будут проверяться на основе таможенных документов. Это повысит возможности государства обеспечить поступление валюты.

9. Мы полагаем, что указанные выше меры осуществляются в правильном направлении и представляют собой коренной поворот от экономической системы прошлого к принципам рыночной экономики с низким уровнем инфляции и стабильным экономическим ростом. Однако мы признаем, что для успешного проведения преобразований и получения внешних финансовых ресурсов потребуются дополнительные меры. Поэтому мы стремимся к усилению и скорейшей реализации нашей программы реформ и стабилизации. Это предполагает осуществление долгосрочных и значительных преобразований в ряде областей, а также разработку всесторонней и целостной программы стабилизации в рамках реформ на последние три квартала 1992 г.

Б. ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА с 1 АПРЕЛЯ ПО 31 ДЕКАБРЯ 1992 г.

1. Цели программы

10. Целями программы являются резкое снижение темпов инфляции до низкого уровня к концу 1992 г.¹ и максимально возможное противодействие падению производства. Кроме того, предполагается добиться коренного улучшения внешнеэкономического положения. Это послужило бы основой для получения внешней помощи

¹ Как известно, в результате резкого ослабления кредитно-денежной политики после 6-го Съезда народных депутатов и действий нового руководителя ЦБ В. Геращенко эту задачу выполнить тогда не удалось. — *Прим. ред.*

и притока прямых иностранных инвестиций, необходимых для перестройки экономики.

2. Политика в области цен и инфляция

11. В настоящее время по-прежнему административно регулируются цены на 12 видов основных продуктов питания, некоторые коммунальные услуги, ограниченный круг энергоносителей и полуфабрикатов. Наша цель состоит в том, чтобы снять до конца марта 1992 г. все оставшиеся административные ограничения цен на потребительские товары и услуги (за исключением квартирной платы, коммунальных услуг и общественного транспорта). В результате лишь около 5% денежных расходов населения (в стоимостном выражении и в среднегодовых ценах 1991 г.) будет приходиться на оплату товаров и услуг по регулируемым ценам. Местным органам власти будет предоставлено право регулировать цены на молоко и хлеб за счет средств местных бюджетов.

12. В производственном секторе было бы нереально сразу допустить повышение цен на топливо и некоторые другие ключевые виды ресурсов до уровня цен мирового рынка. Это привело бы к неприемлемо резкому падению производства. Однако признано важным немедленно осуществить либерализацию цен на топливо. К 20 апреля 1992 г. взамен существующей системы будет введена новая система экспортных пошлин, которые будут охватывать всю разницу между внутренними и мировыми ценами на эти товары. В результате пересмотра этих экспортных пошлин в соответствии с заранее объявленным графиком цены достигнут уровня цен мирового рынка до конца 1993 г. Мы намерены при либерализации цен на топливо учитывать интересы других бывших республик СССР, заранее информировать их о наших намерениях и обеспечить единый уровень цен в рамках единого экономического пространства. Это поможет предотвратить ответные меры, которые, вероятно, привели бы к резкому сокращению межгосударственной торговли и только усугубили бы падение производства, которое ожидается в переходный период во время перестройки экономики на рыночных началах.

13. Мы намерены либерализовать все еще регулируемые цены на топливо и другие товары производственного назначения до 20

апреля 1992 г., что соответствует окончанию отопительного сезона. Временно будет сохранено регулирование цен на газ и электроэнергию. На сырую нефть цены повысятся с 350 руб./т в начале января до 2000–2500 руб./т, исключая налог на добавленную стоимость. При обменном курсе около 50 руб. за доллар США это означало бы повышение внутренней цены на сырую нефть до величины, составляющей более 1/3 цены мирового рынка по сравнению с положением в январе, когда при средневзвешенном курсе для производителей нефти более 100 руб. за доллар США цена нефти составляла около 3% цены мирового рынка. Экспортные пошлины на топливо будут пересмотрены до 1 января 1993 г. таким образом, что внутренние цены составят около 2/3 цен мирового рынка на тот период.

14. Решительное сближение цен на топливо и другие основные ресурсы с ценами мирового рынка внесет еще больший вклад в сокращение прямых бюджетных субсидий и уменьшение необходимости в особых налоговых льготах для этих секторов экономики. Резкое увеличение относительных цен на топливо будет стимулировать производство, особенно в условиях осуществляемых организационных изменений в топливно-энергетическом секторе, и приведет к существенному сокращению потерь.

15. Ожидается, что в апреле в результате дальнейшей либерализации цен общий уровень цен дополнительно возрастет на 50–75%. Однако при последовательном осуществлении твердой финансовой политики и политики доходов среднемесячный уровень инфляции затем должен быстро снизиться до 1–3% в четвертом квартале 1992 г. В этом случае в последние три квартала 1992 г. общий уровень инфляции составит 100–140% по сравнению со 145% в 1991 г. и около 350% в первом квартале 1992 г.¹

3. Система социальной защиты

16. Мы предполагаем обеспечить защиту наиболее уязвимых групп населения в течение переходного периода. Это потребует использования различных инструментов политики.

17. Во-первых, правительство установит потолок бюджетных расходов на субсидии потребителям, а это означает, что те цены

на услуги, которые останутся административно регулируемы в конце марта (см. разд. 2), должны повышаться вслед за дальнейшим увеличением затрат на производство. Сохраняющиеся субсидии в дальнейшем следует распределять, по возможности точно учитывая уровень доходов, в форме выплат наличных денег, для того чтобы компенсировать повышение цен гражданам, получающим социальные пособия (пенсии и семейные пособия).

18. Во-вторых, мы намерены как можно скорее ввести такую систему семейных пособий, которая будет в большей степени нацелена на группы населения с низкими доходами. Кроме того, эта система будет пересмотрена в целях ее упорядочения и исключения возможности двойной компенсации. Индексация пересмотренных пособий будет ограничена.

19. В-третьих, пособия по безработице должны быть сокращены, с тем чтобы облегчить бремя бюджетных расходов и обеспечить необходимые стимулы для продуктивной работы. Существующая система пособий по безработице, при которой пособие в первые три месяца составляет 100% уровня средней заработной платы безработного в прошлом и постепенно понижается в течение 12 месяцев до уровня минимальной заработной платы, будет изменена. Нынешнее пособие, основанное на средней заработной плате в прошлом, будет заменено двумя альтернативными видами пособий — обычным пособием и повышенным пособием. Повышенное пособие будет выплачиваться тем безработным, которые уволены в связи с закрытием или крупной реорганизацией их предприятий. Все прочие безработные будут получать обычное пособие. Повышенное пособие будет превышать обычное, но составлять не более 90% средней заработной платы в прошлом. Обычное пособие не будет превышать 75% величины минимальной заработной платы. После 6 месяцев все безработные будут получать только обычное пособие. Ожидается, что новая система будет введена не позднее 1 июня 1992 г.

20. Более точная целевая направленность таких пособий обеспечит значительную экономию бюджетных средств и средств Фонда занятости. Часть этой экономии позволит нам финансировать активную политику на рынке труда, включая программы переподготовки безработных и проекты стимулирования предпринимательства. В качестве крайнего средства мы будем готовы использовать проекты трудоемких общественных работ.

¹ См. сноску выше. — Прим. ред.

21. Наконец, выплата пенсий и пособий по социальному страхованию должна быть ограничена имеющимися в данный момент собственными средствами Пенсионного фонда и Фонда социального страхования. В 1992 г. правительство не будет субсидировать эти фонды. Оно также не будет ни увеличивать ставки отчислений на социальное страхование от их и так уже высокого уровня в 37% базовой заработной платы, ни далее снижать возраст выхода на пенсию. Правительство планирует принять меры по стимулированию развития частных пенсионных фондов и приватизации государственной пенсионной системы.

4. Финансовая политика

22. Для того чтобы добиться поставленной цели по снижению инфляции, необходимо ужесточение финансовой политики еще более значительное, чем в первом квартале 1992 года. Важные меры будут приняты в области как политики, так и монетарной политики.

а) Фискальная политика

23. Правительство намерено быстро продвигаться к цели достижения сбалансированного бюджета. Учитывая то, что в первом квартале 1992 года ожидается большой дефицит бюджета, необходимо принять серьезные дополнительные меры.

24. Значительные сокращения расходов уже произошли в ряде областей, в частности на оборону. Они будут продолжаться в течение всего года, что позволит добиться общего сокращения расходов бюджета. Будет дополнительно сокращен общий объем дотаций, который в бюджете на первый квартал предполагается на уровне около 5% ВВП. Политика в области цен, рассмотренная в разд. 2, внесет наибольший вклад в этом отношении. Прямые субсидии предприятиям к четвертому кварталу 1992 г. будут снижены на 1,5% ВВП. Дальнейший демонтаж системы централизованного планирования позволит значительно сократить расходы по управлению экономикой. Соответственно численность государственных служащих центрального аппарата сократится на 5% к середине 1992 г. и дополнительно на 10% к концу 1992 г. Кроме

того, мы будем избегать жесткой индексации заработной платы в бюджетных организациях к уровню инфляции и расходы на заработную плату в бюджетных организациях не будут расти более чем на 90% от роста фонда заработной платы в материальном секторе (см. также разд. 5).

25. Дополнительные меры будут приняты для увеличения доходной части бюджета. Они будут включать:

а) восстановление налога на добавленную стоимость на все товары, что будет предложено в проекте бюджета, который будет представлен в Верховный Совет в марте 1992 г.;

б) замену действующей системы обязательной продажи части валютной выручки по завышенному обменному курсу и существующих экспортных пошлин единым режимом налогообложения экспорта топлива и сырья;

в) введение с 1 июля 1992 г. единого таможенного тарифа со средним уровнем 15% заявленной цены;

г) дополнительное налогообложение (в форме рентных платежей и проч.) в размере в среднем около 50% внутренних цен на нефть и природный газ (без НДС) с момента либерализации этих цен в середине апреля 1992 г.;

д) дальнейшее сокращение числа налоговых льгот, включая льготы, которые получают регионы на основе объемов их экспорта;

е) распространение налога на добавленную стоимость и акцизов на импорт к 1 июля 1992 г.;

ж) предоставление местным органам власти права устанавливать дополнительные налоги.

Ожидается, что усилия по улучшению налоговой службы, которым приносит пользу техническое содействие МВФ, позволят повысить эффективность работы новой Государственной налоговой инспекции.

26. Бюджетный контроль будет укрепляться за счет трех основных мер. Во-первых, правительство будет продолжать придерживаться принципов жесткого секвестрирования, т. е. расходы будут ограничены в зависимости от поступления доходов. К концу 1992 г. в рамках Министерства финансов начнет действовать Казначейство; МВФ окажет техническое содействие в этой области. Во-вторых, правительство будет воздерживаться от создания новых внебюджетных фондов, а некоторые существующие будут

консолидированы в бюджет Федерации к концу 1992 г. В-третьих, правительство совместно с ЦБР намерено ограничить возможности местных властей финансировать бюджетные дефициты за счет банковских кредитов.

27. Правительство полагает, что рассмотренные выше меры позволят ликвидировать бюджетный дефицит к четвертому кварталу 1992 г. Мы также намерены продолжать среднесрочные фискальные и бюджетные реформы. Они будут включать введение более эффективной системы налогов на природные ресурсы и жесткое ограничение всевозможных налоговых льгот и изъятий.

б) Монетарная политика

28. Кредитная и монетарная политика станет еще более жесткой по сравнению с подходом, принятым в первом квартале 1992 года. Кредитная политика на следующие три квартала года предусматривает рост номинального объема кредитов темпами, соответствующими предполагаемым темпам роста инфляции и приросту чистых валютных резервов. Это должно обеспечить умеренные темпы роста кредитования во второй половине года, что было бы достаточно — в период возможного снижения прибылей — для обеспечения предприятий необходимыми финансовыми средствами для приспособления к новой структуре цен и рыночным стимулам. Ввиду существующей неопределенности представляется невозможным установить количественные показатели монетарной политики до конца года. Положение дел в области монетарной политики будет внимательно анализироваться, и мы будем ежемесячно обсуждать его с сотрудниками МВФ.

29. Мы ожидаем, что решительное проведение жесткой финансовой политики позволит восстановить доверие к рублю как к средству накопления. В этом случае будет увеличиваться накопление и произойдет заметное укрепление номинального обменного курса. Последний станет индикатором состояния денежного рынка и может быть использован для оценки правильности проводимой денежной политики.

30. ЦБР будет стремиться как можно скорее перейти к положительной ставке рефинансирования. Не будет использоваться субсидирование предприятий при помощи процентных ставок,

за исключением тех случаев, когда субсидии предоставляются непосредственно из бюджетных и внебюджетных фондов. Процентные ставки коммерческих банков будут либерализованы, хотя в течение определенного времени может быть необходимо ограничивать разницу между ставками по депозитам и кредитам. В противном случае банки, имеющие большие портфели неисполненных обязательств, могут попытаться установить эту разницу чрезмерно высокой в целях рекапитализации. Кроме того, с 1 апреля 1992 г. правительство будет выплачивать более реалистичный процент по внутреннему долгу, и это кроме всего прочего позволит Сбергательному банку выплачивать более высокий процент мелким вкладчикам. Через какое-то время процентные ставки станут главным индикатором, регулирующим вложение финансовых ресурсов в экономику.

31. До этого рост кредитования будет в основном сдерживаться при помощи установления единых лимитов по кредитованию ЦБР коммерческих банков. Такой лимит в 15% установлен на первый квартал 1992 г., хотя в случае изменения обстоятельств он может быть пересмотрен. Другие потенциальные источники ликвидности для коммерческих банков будут ограничены введением в марте 1992 г. соответствующих резервных требований для Сбергательного банка, применяемых к его срочным вкладам. Дополнительные меры принимаются для снижения излишних резервов в банковской системе (см. разд. 6). Лимиты кредитования, возможно, придется использовать и во второй половине года, пока ЦБР не достигнет необходимого уровня квалификации, а банковская система не станет достаточно зрелой для того, чтобы перейти к монетарной политике, основанной преимущественно на косвенных методах регулирования. (В этой области мы рассчитываем на значительную техническую помощь МВФ.) Кроме того, при появлении признаков того, что происходит чрезмерная кредитная экспансия, ЦБР будет готов ввести дополнительные меры для ограничения кредитования, осуществляемого коммерческими банками. Даже если придется применять лимиты кредитования ЦБР коммерческих банков в течение некоторого периода, мы намерены проводить недискриминационную политику в распределении кредитов между предприятиями и отраслями. Мы также рассчитываем на оказание нам технической помощи в разработке стратегии, касающейся долговых

обязательств предприятий перед коммерческими банками, которые не могут быть выполнены.

32. ЦБР намерен ужесточить порядок лицензирования банковской деятельности, чтобы не допустить чрезмерного роста количества банков, улучшить нормативное регулирование и выработать приемлемый баланс между внутренними и внешними ревизиями. Улучшение системы взаимозачетов является необходимым условием для обеспечения финансовой посреднической деятельности и создания межбанковского денежного и валютного рынка. Специальные меры будут приняты для обеспечения беспрепятственных межреспубликанских платежей. Мы обратились к МВФ за технической помощью для разработки новой системы, которая будет введена в третьем квартале 1992 г. Кроме того, Мировой банк оказывает нам помощь в перестройке системы коммерческих банков.

33. ЦБР будет кредитовать дефицит бюджета в размере, не превышающем 2% ВВП.

5. Политика доходов

34. Правительство с самого начала своей деятельности остается приверженным политике либерализации заработной платы. Тем не менее, учитывая быстрый рост зарплат в материальной сфере в конце 1991 г. и начале 1992 г., который влечет риск усиления инфляции и может привести к излишней безработице, правительство готово в случае необходимости ввести меры, предотвращающие избыточный рост заработной платы. Такая необходимость возникнет, если руководители государственных предприятий, по-прежнему преобладающих в экономике России, не будут твердо противостоять требованиям работников об увеличении заработной платы, что даже при условии достаточно жесткой кредитной политики может сопровождаться истощением финансовых активов предприятий, тем самым ухудшая перспективы структурной перестройки и долгосрочного развития.

35. Если произойдет чрезмерный рост заработной платы, правительство введет прогрессивный налог на сверхнормативный прирост заработной платы, выплачиваемой государственными предприятиями. Не будут установлены ограничения на заработную плату. Налог будет взиматься на основе фонда заработной платы,

однако частные предприятия не будут облагаться этим налогом, чтобы создать стимулы для увеличения их числа и приватизации государственных предприятий. Эта система будет применяться без всяких исключений. Налоговые ставки будут высокими и достаточно прогрессивными для того, чтобы воспрепятствовать излишнему росту заработной платы; в результате мы не ожидаем увеличения бюджетных доходов. Налог будет составлять 100% на первый процент сверхнормативного прироста заработной платы, 200% на второй процент и 400% на весь остальной прирост заработной платы. Предел, сверх которого рост заработной платы будет считаться сверхнормативным, будет единым для всех облагаемых налогом предприятий. Во втором квартале этот предел для каждого предприятия будет равен объему, выплаченному в феврале и увеличенному в 0,7 раза от предполагаемого роста цен в феврале—апреле. Аналогично в третьем квартале предел будет равен объему, выплаченному в феврале и увеличенному в 0,7 раза от предполагаемого роста цен в феврале—июле, и т. д. Цифра 0,7 требует утверждения в процессе переговоров по общему соглашению по заработной плате. Налог будет выплачиваться ежемесячно. Если прогноз цен окажется ошибочным или станут известны новые данные о фонде потребления, пересмотр налога будет проводиться в конце квартала. Налог будет выплачиваться из прибыли предприятий до уплаты <основных, общих> налогов и не будет включаться в себестоимость продукции.

6. Внешнеэкономическая политика

36. Мы намерены как можно скорее ввести систему единого обменного курса с фиксированным курсом рубля для того, чтобы создать номинальный якорь, которому отводится существенная роль в наших усилиях по стабилизации. Введение и поддержание системы единого обменного курса со временем позволят повысить эффективность внешней торговли и обеспечить интеграцию России в мировую экономику. Успех этой политики будет зависеть от выполнения некоторых условий. Одним из главных условий является достижение макроэкономической стабилизации при помощи осуществления программы мер, рассмотренных в этом Меморандуме. Кроме того, для того чтобы обеспечить устойчивость

фиксированного курса, необходимо накопить достаточные валютные резервы, которые в настоящее время истощены. Для этого, а также для общей поддержки экономической программы требуется внешнее финансирование.

37. В качестве главного шага на пути к системе единого обменного курса мы намерены до 20 апреля 1992 г. перейти от существующей системы с несколькими обменными курсами к системе двух обменных курсов: с единым плавающим обменным курсом, применяемым по всем текущим операциям, включая перевод процентов и дивидендов, и отдельным постоянным обменным курсом по движению капиталов. Этот курс, который будет более высоким по сравнению с плавающим курсом, будет отменен одновременно с введением фиксированного обменного курса, и тем самым будет введена система единого обменного курса. Когда будет введена система двух обменных курсов, предприятия будут обязаны продавать по рыночному курсу постепенно увеличивающуюся часть своих валютных поступлений. В конечном счете предполагается довести продажу валюты до 100% валютных поступлений предприятий. Экспортная пошлина, которая по выбору предприятий будет взиматься либо в рублях, либо в валюте, составит 20% валютных поступлений. Кроме того, будет обеспечен абсолютно свободный доступ к иностранной валюте импортеров товаров и услуг, а также иностранных инвесторов для перевода дивидендов и прибылей. Одновременно будут приняты меры по унификации режима хозяйственной деятельности национальных предприятий и предприятий с иностранным участием.

38. Для повышения ликвидности и эффективности валютного рынка мы до 15 марта 1992 г. осуществим следующие меры. Во-первых, уполномоченные банки получают право проводить валютные аукционы; на всей территории страны можно будет открывать пункты по обмену валюты; мы предложим другим бывшим союзным республикам сделать то же самое. Во-вторых, межбанковские валютные торги будут проводиться два раза в неделю, с тем чтобы в последующем проводить их ежедневно. В-третьих, будут отменены ограничения по обменному курсу, который разрешено использовать банкам при проведении операций по поручению их клиентов. Как только это станет возможным, нерезидентам будет разрешено покупать и продавать иностранную валюту на межбанковском

рынке для осуществления текущих операций. Банкам будет предоставлено, с определенными ограничениями, право открытой позиции по валютным счетам, так что им не придется, как сегодня, выступать лишь агентами конкретных предприятий и по конкретным операциям. Разрыв между наличными операциями, связанными в основном с туризмом, и безналичными операциями будет ликвидирован при помощи устранения существующих барьеров между двумя рынками. В соответствии с новой системой обменного курса в Верховном Совете России обсуждается новый закон о валютном регулировании и валютном контроле, который позволит обеспечить конвертируемость рубля по текущим операциям для резидентов и нерезидентов. Ожидается, что этот закон будет принят в марте и вступит в силу с 1 апреля 1992 г.

39. Плавающий обменный курс будет сохраняться до достижения макроэкономической стабилизации и накопления валютных резервов на уровне, достаточном для поддержания фиксированного обменного курса. Правительство и ЦБР будут стремиться укрепить рубль при помощи инструментов монетарной и фискальной политики. В течение этого периода экономический и политический риск будет оставаться высоким. Поэтому мы придаем важное значение обеспечению соответствующего внешнего финансирования экономической программы правительства. Кроме того, создание стабилизационного фонда повысило бы надежность и шансы на успех политики фиксированного курса.

40. Все экспортные квоты и экспортные лицензии (в отличие от прямых экспортных пошлин, упомянутых в п. 26) будут устранены до 1 июля 1992 г., за исключением квот на экспорт энергоносителей, которые будут постепенно отменены до конца 1993 г., и товаров, вывоз которых ограничивается по соображениям безопасности. Экспортные квоты на энергоносители будут установлены с учетом ожидаемого сокращения внутреннего потребления этих ресурсов, вызванного падением производства и энергосбережением, которое связывается с повышением относительных цен на энергоносители. Не будет возврата к количественным ограничениям на импорт.

41. Эти изменения в валютной и внешнеторговой системе, а также соответствующая макроэкономическая политика значительно улучшат перспективы укрепления платежного баланса России. Однако в 1992 г. положение с платежным балансом останется очень

серьезным главным образом из-за кризиса платежеспособности в 1991 г. и сбоев в экономической и финансовой системе. После развала торговли в рамках СЭВ и усиления внутренних макроэкономических диспропорций экспорт сократился в прошлом году на треть. Как следствие резкого сокращения валютных доходов, осуществления крупных платежей по обслуживанию долга, которые производились своевременно, и отказа в краткосрочных кредитах импорт уменьшился более чем на 40%, а валютные резервы были истощены. В начале 1992 г., несмотря на отсрочку уплаты долгов, согласованную с официальными кредиторами и коммерческими банками, ситуация остается очень сложной. Ожидается дальнейшее сокращение экспорта, так как отсутствие ключевых производственных ресурсов — сырья и оборудования — нанесет большой ущерб как производству, так и экспорту. Даже при отсутствии какого-либо роста совокупного импорта потребность во внешнем финансировании будет значительной.

42. Мы обратимся с просьбой о предоставлении внешнего финансирования к международным организациям, официальным кредиторам, коммерческим банкам и внешним поставщикам. Такое финансирование требуется для поддержания необходимого уровня импорта и быстрого пополнения валютных резервов. Для оказания общей поддержки населению, включая систему социальной защиты его наиболее уязвимых слоев, потребуется продовольственная и гуманитарная помощь. Стабилизационный фонд повысил бы надежность политики фиксированного обменного курса. Кроме того, мы обсуждаем бремя внешней задолженности с нашими кредиторами.

7. Экономические отношения между бывшими республиками СССР

43. Правительство намерено развивать внешнеэкономические связи России на недискриминационной основе в соответствии с принципами многосторонней торговли, общепринятыми в мировой экономике. В связи с этим правительство признает необходимость сохранения тесных экономических отношений с другими бывшими республиками СССР. Оно стремится к расширению сотрудничества во всех областях межгосударственных экономических и финансовых отношений.

44. Правительство РФ намерено принимать возможные меры для сохранения общего экономического пространства, а также воздерживаться от односторонних шагов, которые повредят торговле. Оно стремится к устранению количественных ограничений в межгосударственной торговле, содействию прямой торговле между предприятиями и ограничению прямого участия государства в торговых связях. Не будут предприниматься шаги, которые противодействовали бы рыночному давлению, приводящему к выравниванию цен в разных государствах.

45. Количественные ограничения на поставки в другие бывшие республики будут сведены к тем товарам, экспорт которых подвергается количественным ограничениям в торговле между Российской Федерацией и третьими странами (после пересмотра этой системы — см. разд. 6). Будут предприняты все усилия для того, чтобы обеспечить соблюдение существующих двусторонних торговых соглашений по этим товарам. Кроме того, согласно договоренности, достигнутой в Минске 14 февраля 1992 г., до 1 июля 1992 г. будет создан арбитражный суд для разрешения торговых споров между бывшими республиками.

46. Что касается межгосударственных денежных отношений, то ЦБР договорился с центральными банками других бывших республик о четких правилах платежей и расчетов, включая ведение корреспондентских счетов в ЦБР и превышение лимитов технического кредитования по таким счетам. ЦБР будет стремиться к координации денежной политики с другими центральными банками в рамках рублевой зоны, включая установление близких показателей кредитной эмиссии, единых ставок рефинансирования центральных банков и единых резервных требований. ЦБР готов договориться с членами рублевой зоны о равномерном распределении денежной эмиссии. Он также договорится о проведении общей политики обменного курса рубля и механизме интеграции валютных рынков бывших республик. ЦБР использует практику заключения специальных соглашений об упорядоченном изъятии рублей с теми республиками, которые планируют ввести собственную валюту, с тем чтобы намеченные показатели инфляции, рассмотренные ранее, оставались совместимыми с программой кредитования самого ЦБР.

47. Очевидно, что достижение упомянутых выше межгосударственных соглашений не может состояться за счет усилий одной

России и потребует аналогичных действий от других бывших республик. Мы отмечаем, что в круг задач МВФ входит содействие государствам в том, чтобы избегать шагов, разрушительных для национального или интернационального благосостояния. Мы имеем в виду, что МВФ будет убеждать другие бывшие республики пойти на такие соглашения.

8. Системные изменения

48. Правительство рассчитывает предпринять целый ряд структурных и системных реформ в рамках перехода к более открытой экономике, ориентированной на рынок. Они предполагают изменения политического и институционального характера в ряде областей, включая либерализацию цен, реформу предприятий и развитие частного сектора, содействие развитию конкуренции и антимонопольные меры, развитие финансовой сферы, внешнюю торговлю и инвестиции, а также создание системы социальной защиты. Кроме того, будут проведены крупные системные реформы в области энергетики и сельского хозяйства.

49. Структурные и системные реформы необходимы для того, чтобы усилить макроэкономическое управление. Следовательно, для достижения наших целей понадобятся специальные системные меры. Правительство намерено завершить составление плана реформ во всех отмеченных выше областях в ближайшее время, но не позднее июня 1992 г., имея в виду их быстрое осуществление. Мы уже начали и рассчитываем продолжить дискуссии со Всемирным банком и другими внешними кредиторами по вопросам структурных и отраслевых реформ в этих областях. Правительство предлагает, чтобы сотрудники Всемирного банка предоставляли сотрудникам МВФ информацию о том, как проходит составление и выполнение этих программ. Это поможет сотрудникам МВФ при анализе хода выполнения экономической программы правительства, изложенной в данном Меморандуме.

50. Как отмечалось выше, на масштаб роста цен в январе, безусловно, оказало существенное влияние отсутствие конкуренции в экономике — как в производстве, так и в торговле. Поэтому правительство намерено уделить особое внимание развитию более конкурентных рынков. Это предполагает комплекс мер, а именно

ликвидацию препятствий для создания новых предприятий (таких, как непоследовательное законодательство и отсутствие развитых рынков недвижимости); создание системы регулирования без ограничительных требований лицензирования производства и торговли; быстрое выявление и контроль за злоупотреблениями монопольным положением. За исключением естественных монополий, предварительное регулирование цен, назначаемых предприятиями-монополистами на отдельных рынках, будет прекращено с 1 июля 1992 г., а также будут сняты предельные нормативы рентабельности. Вместо этого мы сосредоточимся на позитивной программе содействия конкуренции в сочетании с реагированием на выявленные серьезные злоупотребления монопольным положением. Действующий сейчас предел в 25% торговой наценки для государственных торговых предприятий, который не применяется ни к частному сектору, ни к коммерциализированным государственным магазинам, будет временно сохранен, чтобы предотвратить монополистические злоупотребления и создать стимул для коммерциализации.

51. Как уже отмечалось, мы намерены как можно быстрее приступить к приватизации государственных предприятий. В первое время акцент будет сделан на быстрой продаже — при помощи открытых конкурсов или аукционов — мелких предприятий и магазинов. Приватизация крупных промышленных предприятий, безусловно, будет проходить медленнее, чем мелких предприятий и организаций торговли и сферы обслуживания. Корпоративизация всех предприятий с числом занятых свыше 200 человек будет проведена как можно быстрее; это заставит их подчиняться рыночной дисциплине и позволит укрепить управление в течение периода, пока будет решаться их дальнейшая судьба. Мы также намерены подготовить подробный проект программы массовой приватизации, которая может быть осуществлена к началу 1993 г. Эта программа будет основана на следующих основных принципах:

а) будут широко распространяться бесплатные приватизационные купоны в целях обеспечения широкой поддержки программы приватизации;

б) рабочим будет предоставлена доля в собственности предприятия, но не контрольный пакет;

в) будут резко сокращены ограничения на приватизацию отдельных предприятий и отраслей;

г) будут в основном ликвидированы ограничения на участие иностранных инвесторов;

д) приватизированная собственность будет включать участок земли, на котором она находится;

е) объекты незавершенного строительства будут облагаться специальным налогом, чтобы создать стимул к их завершению или продаже. Образование коллективной (неделимой) формы собственности возможно только как исключение.

52. Для сокращения масштабов прямого государственного вмешательства в экономику были отменены обязательные госзаказы. Сохраняющиеся льготы предприятиям, поставляющим продукцию государству, будут значительно сокращены в течение 1992 г. Все прочие элементы централизованного распределения материальных ресурсов будут устранены к концу 1992 г.

53. С целью стимулирования сельскохозяйственного производства и распространения приватизации на экономическую деятельность в сельской местности 29 декабря 1991 г. были приняты Указы Президента РФ по земельной реформе в сельском хозяйстве и перестройке колхозных и совхозных предприятий. Мы намерены полностью выполнить эти указы в течение ближайших двух лет и в настоящее время принимаем для этого необходимые организационные меры. Мы надеемся завершить приватизацию системы распределения ресурсов для сельского хозяйства и пищевой промышленности к концу 1992 г. Будут также предприняты серьезные усилия по демополизации и приватизации как сферы переработки продовольствия, так и оптовой торговли им.

9. Анализ выполнения Программы

54. Экономическая программа, описанная в этом меморандуме, была разработана в обстановке большой неопределенности. Правительство России рассчитывает на дальнейшее содействие МВФ в адаптации и корректировке этой программы по мере развития событий и получения дополнительной информации. Если того потребуют обстоятельства, правительство пойдет на усиление политики реформ. Существует также неопределенность относительно

получения внешней финансовой помощи для поддержки экономической программы. В зависимости от уровня внешнего финансирования будут пересматриваться основные параметры этой программы. Это будет делаться таким образом, чтобы обеспечить достижение стабилизации и других целей программы.

55. Правительство убеждено в том, что его политика и программа соответствуют поставленным целям, но будет по мере необходимости принимать дополнительные меры. В период осуществления программы руководство Российской Федерации будет поддерживать тесные связи с МВФ, который будет наблюдать за ее выполнением и достижением целей, определенных в этом Меморандуме. Ожидается, что сотрудники МВФ будут анализировать выполнение программы в апреле, июле и октябре 1992 г. Особое внимание будет обращено на степень выполнения мероприятий, требуемых для достижения намеченных программой целей, а также на степень развития необходимых инструментов экономической политики.

27.02.1992 г.

Е. Гайдар,
заместитель Председателя
Правительства
Российской Федерации

Г. Матюхин,
Председатель
Центрального банка
Российской Федерации

Россия и реформы

Пора объясниться. Год с небольшим назад, в июле 1991 г., я начал работать над книгой о проблемах постсоциалистической экономики. Когда-нибудь, надеюсь, удастся ее закончить. В ней будет много графиков, таблиц, ссылок на первоисточники. Там можно будет спокойно разобраться, какие гипотезы оказались точными, а какие не прошли проверку практикой, где ошибки и просчеты увеличили социальную цену преобразований, как смотрятся сами базовые постулаты современной экономической теории на фоне накопленного нетривиального опыта.

Опубликовано в: Известия. 1992. 19 августа.

Пока время для такого спокойного разговора малоподходящее. Мы в разгаре очередного раунда политической борьбы вокруг будущего российских реформ. Оппозиция проводимому курсу активизируется. Очередь желающих поруководить российскими государственными органами, почти растаявшая к осени прошлого года, теперь, когда многим кажется, что самая неприятная часть работы уже сделана, вновь стала шумной и многолюдной. Соответственно возросла и температура обвинений в адрес правительства.

На протяжении нескольких месяцев старался по возможности воздерживаться от публичной полемики. Однако сейчас настала пора объясниться по существу. Отбросив экономические детали, профессиональные споры, хочу поделиться видением сути того, что же, собственно, произошло за истекший после августовского переворота год, объяснить, почему действовали именно так, а не иначе.

Даже люди, с симпатией относящиеся к нашему правительству, справедливо обращают внимание на серьезные недостатки в разъяснении необходимости принимаемых решений. Именно на этом фоне в общественное сознание старались внедрить образ правительства «чикагских мальчиков», пытающихся по стандартным западным рецептам перестроить экономику России и в результате разваливших более-менее нормально работавший хозяйственный механизм.

Со сформировавшимся образом трудно спорить. Что толку доказывать, что ни я, ни мои коллеги-единомышленники при глубоком уважении к классическим работам чикагской школы никогда идеологически к ней не принадлежали. Больше того, на протяжении второй половины 80-х гг. мы в основном занимались исследованием специфики действия финансово-денежных регуляторов именно в социалистических и постсоциалистических экономиках, их отличий от стандартных канонов. Впрочем, это детали. Главное же, с чем категорически не могу согласиться, — миф о возможности выйти из кризиса, спасти Россию без радикальных рыночных реформ.

Есть две группы регуляторов, способных обеспечить жизнедеятельность общества, — эффективные деньги и эффективные приказы.

В середине 80-х гг., когда с началом перестройки из жизни общества сначала медленно, потом быстрее стал уходить страх перед

начальником, вся громоздкая машина государственного управления начала давать очевидные сбои. К сожалению, рубль и рынок не включаются автоматически, как только райком партии утрачивает былую власть. Возникает институциональный вакуум, угрожающий самому существованию народного хозяйства.

У государства уже нет сил заставить колхозы и совхозы отдать зерно и еще нет возможности заинтересовать в его продаже. Никто не слушает директивных указаний, но и слабые деньги тоже не работают.

В Советском Союзе эта картина нарастающего хаоса и безвластия с 1990 г. усугублялась конфронтацией органов власти Союза и республик. Предприятия, регионы получили широчайшие возможности выполнять лишь те решения, которые кажутся им привлекательными. Нескоординированные действия в финансово-кредитной области приводят к развалу денежной системы. Летом 1991 г. экономика Советского Союза была неуправляемой, находилась в состоянии свободного падения без каких бы то ни было надежд на стабилизацию. Впрямую встали вопросы, будут ли в городах зимой продукты питания, топливо, не развалится ли энергосистема, не остановится ли транспорт, короче — вопросы о выживании общества.

19 августа заговорщики попытались разрубить туго завязавшийся узел социально-политических проблем, взяв курс назад, к дисциплине приказа, палки, лагеря. Нельзя отказать им в последовательности. Если не готовы твердо и быстро идти к рынку, запустить основанный на заинтересованности механизм жизнеобеспечения, то чрезвычайное положение — единственный выход.

Распад Союза стал дорогой платой за неудавшуюся попытку повернуть историю вспять.

Победа в августе, разом возложившая на российские органы ответственность за все, что происходит в стране, лишившая их приятных преимуществ оппозиционности, сама по себе лишь усугубила кризис власти. Активность союзных органов в осенние месяцы, последовавшая за попыткой переворота, сосредоточилась в основном на создании уютных мест в коммерческих структурах, переводе туда средств и имущества. Республиканские органы, традиционно слабые, игравшие во многом декоративную роль, не имели адекватных систем управления деятельностью крупных социально-экономических блоков. Дискредитация партийного аппарата

подорвала его влияние на местном уровне даже в тех регионах, где до августа он сохранял сильные позиции. Все это вместе складывалось в картину нарастающего хаоса в стране. Вот характерные газетные цитаты октября 1991 г.: «Фарс минувшего лета может стать трагедией будущей весны...», «Хаос и неуправляемость в условиях новой, еще не сложившейся парадигмы власти грозят новыми путчами и взрывами народного недовольства...»

В общественных настроениях царили апокалипсические прогнозы по поводу будущего России. Газеты писали о возможности нанесения Россией «ядерного удара по Украине», сокрушались о неминуемом «разрушении России».

Пожалуй, самое тяжелое воспоминание в моей жизни — много часовые московские очереди конца 1991 г. К этому времени я хорошо знал, что почти остановился поток продовольствия в Москву из других регионов, понимал, как ненадежны перспективы залатать тоненькими стежками импорта огромные дыры продовольственного баланса, видел, как скудеют вычерпанные почти до дна ресурсы государственных резервов.

Круг экономической безысходности надо было разорвать во что бы то ни стало. Речь шла о более важном, чем реформы, — о выживании страны, ее граждан, о том, чтобы избежать ситуации, когда все попытки людей хоть как-то защититься от надвигающегося хаоса окажутся бесплодными и они останутся один на один со своими бедами, отданные в руки тех, кто на этом наживается и рассчитывает наживаться дальше.

Когда напоминают, чего не хватало России к концу прошлого года для создания эффективной рыночной экономики, мне хочется не спорить, а лишь дополнять список. Да, не было развитого, устойчивого частного сектора и четких правил, определяющих взаимоотношения государственных предприятий и их собственника государства. Не хватало конкурентной монополизированной рыночной среды. Не было системы финансовых институтов, обеспечивающих эффективное перераспределение ресурсов. Не было развитого рынка труда, трудовая мобильность сдерживалась традициями и рецидивами административных ограничений. У России не было своей банковской и денежной системы, своих границ, своей таможни. Но не было, абсолютно не было и времени, чтобы дождаться формирования всех этих предпосылок.

Альтернатива была предельно жесткой: либо российские власти немедленно запустят даже несовершенный, неотлаженный, неподготовленный рыночный механизм, поставят интерес на место неработающего приказа, либо — чрезвычайное положение, попытка силой навести порядок в экономике страны.

В высших органах власти России были люди, отстаивавшие второе решение. Чрезвычайное положение, военные комиссары на заводах, директивные плановые задания, жесткие санкции за их невыполнение. И только потом, когда-нибудь, после стабилизации положения — демократия и рынок.

Будучи практиками и реалистами, они справедливо отмечали то, сколь невелика надежда обеспечить в условиях кризиса запуск принципиально нового для страны механизма регулирования, как опасно ставить ее будущее в зависимость от успеха или неудачи реформ. Но они категорически отказывались видеть и понимать другое: сколь слабы формирующиеся российские силовые структуры, призрачны надежды военной силой обеспечить «порядок» в регионах, в какой мере не приспособлена вся молодая российская государственность для подобных политических экспериментов. Унизительная неудача с введением чрезвычайного положения в крохотной Чечне это убедительно доказала, хотя ничему их не научила.

К работающему рынку. Убежден, попытка силой выбить из регионов ресурсы для центра кончилась бы развалом России и хаосом. Осенью 1991 г. речь шла не о соревновании красивых долгосрочных программ и выборах безболезненного пути реформ, а о судьбе страны, ее целостности и будущем. Чтобы сохранить их, необходимо было заставить рынок работать.

Важнейшая проблема осени 1991 г. — выбор меры координации реформы в России и в других республиках Советского Союза. Наши экономики настолько тесно переплетены, что любые попытки хирургически обрезать эти связи неизбежно и больно бьют по всем. Идею, что Россия может обогащаться и жить припеваючи просто за счет перераспределения в свою пользу ресурсов, ранее направившихся в республики, лучше и не пытаться воплотить на практике — рикошет будет слишком болезненным. При едином денежном обращении, прозрачных границах четкая и эффективная координация экономических реформ была бы оптимальным решением.

О таком можно было бы только мечтать. Отсюда привлекательность идей Межгосударственного экономического комитета, «Союза ради реформы». К сожалению, эти прекрасные мечты имели мало общего с реальными отношениями республиканских органов после провала августовского переворота.

На заседаниях МЭКа долго и со страстью обсуждались вопросы раздела активов бывшего СССР. Достигнутые в мучительных дискуссиях соглашения подписывались с оговорками, а затем не выполнялись. Обстановка требовала предельно быстрых, четких и ответственных решений, а на межреспубликанском уровне все тонуло в дискуссиях. Законы сжимающейся бартерной экономики заставляли республики под любыми предложениями придерживать ресурсы, ограничивать вывоз, формировать таможи. Нужно было время, чтобы прошла эйфория суверенитета, была осознана тяжесть стоящих перед всеми проблем, чтобы преодолеть взаимную подозрительность. А как раз времени тогда и не было. Жизнь страны не может остановиться, пока республики в мучительных дискуссиях согласовывают стратегию реформ. В этой ситуации у российского правительства не оставалось выбора. Оно обязано было выступить инициатором старта преобразований, предложить другим следовать параллельным курсом, принять на себя бремя ответственности за нелегкие, но неизбежные решения.

Мы хорошо понимали, конечно, что либерализация цен сама по себе не обеспечивает даже минимально необходимых предпосылок, чтобы рынок заработал. Для этого нужно как минимум еще одно принципиальное условие: деньги должны обрести реальную покупательную силу.

Опасность гиперинфляции — одной из самых тяжелых болезней рыночной экономики — не в показателях месячных темпов роста цен, надолго зашкаливающих за 50% (в конце концов, это арифметика), а в том, что общество теряет веру в деньги, они становятся ненужными, перестают работать. Паралич народного хозяйства, следующий за развалом денежной системы, становится прологом социально-политических катаклизмов. От нежелания деревни поставлять продукты в города за стремительно обесценивающимися деньгами к кризису снабжения, хаосу и социальным катаклизмам. Таков разрушительный потенциал гиперинфляции.

В российской истории кровавая связь высокой инфляции и продовольственно-закупочного кризиса отпечаталась трагедиями продразверстки и раскулачивания.

В наших условиях (накопленные финансовые диспропорции и недоверие к рублю, устойчивые слухи о денежной реформе, укоренившиеся стереотипы дефицитной экономики) риск того, что рубль просто не будет работать, а его бессилие лишит государство каких-либо возможностей воздействовать на экономические процессы, был серьезным.

Подавляющее большинство предпринимателей, директоров заводов, обычных людей, стоявших в очередях, были глубоко убеждены в том, что дефицит, распределение навечно, что ни при какой политике и ни при каких ценах просто за деньги — без лимитов, фондов, знакомств, взяток — приобрести необходимые товары все равно будет невозможно.

Приведу еще несколько характерных газетных цитат, на этот раз начала нынешнего года, сразу же после либерализации цен: «До весны еще два месяца. Перезимует?», «Без руля и без рубля», «Катастрофа ожидается в феврале»... И опасения не были безосновательными. Следствием либерализации цен вполне могло стать массовое бегство от денег, резкое и последовательное ускорение месячных и недельных темпов инфляции, при котором для денег просто не остается места в регулировании хозяйственных процессов. В этом случае попытка прыгнуть в рынок становится лишь прологом все того же чрезвычайного положения.

Именно осознание вероятности такого развития событий, а отнюдь не святая вера в непогрешимость стандартных рецептов из макроэкономического учебника заставило сделать укрепление рубля главным приоритетом первого этапа реформы, до предела выжать тормоза финансовой стабилизации.

Интересы общества и социальных групп. В демократической стране правительство имеет лишь ограниченную свободу маневра, вынуждено считаться с мощными интересами, стоящими за тем или иным решением. Трудность стабилизационной политики в том, что, будучи необходимой, чтобы отстоять долгосрочные интересы общества и государства, она вместе с тем больно бьет по краткосрочным приоритетам каждой отдельной социальной группы. Общие интересы приходят в противоречие с частными

(причем практически со всеми из них), долгосрочные — с краткосрочными. Правительство, вынужденное проводить такую политику, предельно уязвимо для популистской демагогии.

Военно-промышленный комплекс, аграрное лобби, объединения отраслей, требующих субсидий и таможенной защиты, вкладывают слишком много усилий, денег, времени в обеспечение своей доли средств налогоплательщиков, чтобы их можно было так просто оттеснить от государственного пирога. В начале работы свобода маневра у правительства обычно больше. Потом она сокращается под грузом ответственности за непопулярные решения, компромиссов, выбитых обещаний. Вот почему в январе — марте мы пытались в полной мере использовать отпущенное политическое время, чтобы сделать деньги работающими и дефицитными, сцепить шестеренки рыночного механизма.

Вопрос о том, в какой мере российская экономика оказалась восприимчива к финансовому регулированию, просто обречен стать предметом многолетней дискуссии специалистов. Не вступая сейчас в профессиональную полемику, выскажу лишь свою точку зрения.

Реакция, ослабленная многолетним отсутствием рыночного опыта, стойкостью стереотипов дефицитной экономики, была замедленной, а иногда аномальной. Ценовой скачок января существенно превзошел уровень, который можно было прогнозировать из финансовых соображений. Даже в условиях нарастающей ограниченности спроса мощное влияние на развитие событий оказывала инфляция затрат. Предприятия, обеспечивая экспансию взаимных кредитов, поддерживали темпы роста цен, существенно превышающие прогнозные.

И все же в принципиальных моментах народное хозяйство отреагировало адекватно. Резкий скачок цен в январе с февраля сменился последовательным падением месячных темпов их роста. Раньше всего со спросовыми ограничениями столкнулись предприятия, выпускающие потребительскую продукцию. Затем по цепочке проблемы с реализацией пошли вниз, охватывая базовые отрасли. К лету даже для гордых металлургов — распорядителей дефицитнейшего ресурса, еще зимой всерьез грозившего заменить собой деньги в производственном обороте, — проблема реализации становится доминирующей. Круг распределяемых ресурсов быстро и без видимых усилий сжимается, а весь широчайший спектр требований

к правительству постепенно сменяется одним, зато предельно настойчивым: дай денег!

Жалобы и сетования на всеобщий дефицит мягко, как бы сами собой переходят в стоны по поводу затоваривания. На смену ресурсоограниченной, командной, бартерной экономике приходит все еще крайне неэффективное, опутанное традициями иждивенчества, все еще огосударствленное и монополизированное, но уже денежное в своих основах хозяйство.

Нет больше проблем ни со строительными мощностями, ни с материальными, ни с техникой. Чтобы реализовать любые экономические проекты, не хватает сущей безделицы, того, о чем раньше и говорить-то всерьез не приходилось, — рублей. Подавляющее большинство директоров промышленных предприятий, будучи квалифицированными, неглупыми людьми, не могут не понимать, что, если поддаться этому давлению, щедрой рукой закачать миллиарды рублей в народное хозяйство в меру appetитов всех и каждого предприятия, сразу снова не окажется ни мощностей, ни материалов, ни техники. Но это в общем, а каждый требует для себя, своего предприятия, коллектива, отрасли, задыхающихся от безденежья. И тут опять частное приходит в противоречие с общим. Дать деньги каждому — значит убить деньги всех.

Экономический кризис имеет свою логику развития. Чтобы затормозить инфляцию, укрепить рубль, приходится свертывать военные заказы, централизованные капитальные вложения. Падает спрос на потребляемые в оборонных и инвестиционных отраслях ресурсы. Они медленно, постепенно перераспределяются на другие нужды.

Спросовые ограничители в такой огромной и инерционной экономике, как российская, действуют с известным временным лагом. Они стали все сильнее сказываться на динамике производства летом, когда многие оборонные предприятия, выработав за первые месяцы годовой заказ, отправили рабочих в вынужденные отпуска. Оказались забитыми склады производителей машиностроительной продукции.

Руководители предприятий, выпускающих потребительские товары, хором жалуются на нарастающие проблемы со сбытом. Запасы в торговле и промышленности возросли в несколько раз. Проблемы сбыта для тех, кто не может их решить, оборачиваются свертыванием производства и занятости.

Безработица пока растет медленно. Но не стоит обольщаться: ее потенциал накапливается, и с осени усугубление проблем занятости неизбежно. Сам характер забот, доминирующих в общественном сознании, явно меняется. В списке жизненных приоритетов россиян место товарного дефицита, невозможности достать продукты постепенно занимает неуверенность в сохранении своего рабочего места. Для руководителей предприятий главной заботой становится неуверенность в реализации продукции, а значит, в сохранении производства.

В декабре 1991 г. после долгих и мучительных споров в Министерстве торговли о том, какую долю дефицитнейшей продукции разрешать оставить на свободную реализацию, ко мне пришел директор большого завода. На его взгляд, чтобы выжить, заводу нужно было лишь одно — гарантия права самому ею распоряжаться. Получив твердое обещание решить этот вопрос в ходе начинающейся реформы, горячо поблагодарил, а уходя посмотрел на меня с жалостью как на обиженного Богом и явно не представляющего себе, как на самом деле устроен этот мир. К марту его завод с трудом справлялся с недостатком спроса.

Заработавший рубль резко повысил степень управляемости экономики. Подавляющее большинство локальных проблем оказываются решаемыми. Выяснилось: чтобы завезти овощи в Москву или строительные материалы в Тюмень, не нужно проводить массовые накачки, вызывать на ковер провинившихся директоров и местных руководителей, биться в административном экстазе — достаточно оперативно выделить финансовые ресурсы.

Катастрофы не будет. Постепенно Россия обретает набор инструментов, позволяющих ей проводить осмысленную экономическую политику.

Самым сложным было установление контроля над денежным обращением. Потребовалось по меньшей мере полгода, чтобы ввести в банковскую систему изменения, позволяющие предотвратить хаотический выброс эмитированных в других республиках безналичных рублей на российский рынок. Сейчас такой механизм наконец вчерне сформирован, он открывает широкие возможности маневра — от создания эффективного и тесного банковского союза с теми, кто этого пожелает, до цивилизованного развода денежных систем.

Стабилизация рубля, при том что контроль за денежным обращением остается в руках центральных органов, укрепила позицию Федерации в отношениях с регионами. Именно рубль стал главным тараном, пробившим брешь во внутрироссийских межобластных таможенных барьерах, грозивших полностью парализовать товаропотоки. Центробежные силы, которые осенью прошлого года, казалось, вот-вот разорвут Россию на части, постепенно стали сменяться центробежными. Постепенное преодоление вызванного крахом союзных структур кризиса легитимности, овладение новыми рычагами экономического управления, формирование и организационное укрепление республиканских силовых структур — от таможни до армии — позволили России выйти из тупика политического бессилия, шаг за шагом занять позицию влиятельного арбитра в делах ближнего зарубежья. На смену осенним неудачам приходят успехи в стабилизации положения в Южной Осетии, Приднестровье.

Сейчас не боюсь катастрофы. При сохраняющихся серьезнейших экономических и социальных проблемах страна управляема, рынок заработал, голод не предвидится. Начавшийся процесс структурной перестройки будет болезненным, но через него все равно придется пройти. Механизм приватизации запущен — задействованы мощные интересы, теперь трудно повернуть назад. Центр тяжести в выборе путей развития смещается со вчерашнего вопроса о том, идти ли в рынок (думаю, даже наши серьезные оппоненты не заинтересованы в том, чтобы безудержной кредитной эмиссией вновь разломать рыночный механизм и вернуться в хаос конца 1991 г.) к альтернативе завтрашней: куда с рынком?

Известна закономерность: страны, пережившие период военных поражений и революций, зачастую резко ускоряют темп экономического роста. Социальные и политические катаклизмы парализуют активность влиятельных групп, использующих государственную власть для защиты архаичных, застойных структур, тормозящих экономическое развитие. Их устранение открывает путь высокоэффективному перераспределению ресурсов, формированию новых, динамичных секторов экономики.

В нашей стране на основе ее ресурсов и потенциала сформировалась уникальная производственная структура, ориентированная на что угодно, только не на человека. Мы жили в экономике, которая, потребляя в промышленности больше электроэнергии,

чем американская, на нужды людей направляла ее в десять раз меньше. Именно попытки расширенного воспроизводства этого расточительного монстра иссушили силы страны, проложили дорогу нынешнему кризису. Сегодня можно, разработав и реализовав на практике активную, наступательную, открытую, обращенную в будущее структурную политику, сформировать конкурентоспособные производства, на равных войти в сообщество развитых стран мира, преодолеть, наконец, унижительную отсталость и второсортность. Но силы инерции, влияние частных интересов все настойчивее тянут страну в прошлое, в глухую оборону и самоизоляцию за высокими таможенными заборами, ко все тем же обильным финансовым вливаниям в воспроизводство неэффективности. Первый путь вывел послевоенную Японию в мировые экономические сверхдержавы. Второй бросил Аргентину — одну из богатейших стран начала XX в. — в объятия слаборазвитости.

У меня нет иллюзий. Только в условиях острейшего социально-экономического кризиса, когда рычаги управления государством оказались лишенными каких-либо приводных ремней и пришла пора платить за перебитые горшки, наше правительство могло прийти к власти. Сейчас, когда после тяжелого шторма государственный корабль вновь обретает хотя бы минимальную остойчивость и стал слушаться руля, когда в казне призывно зазвучал благородный металл открываемых кредитов, руки представителей традиционной властной элиты снова потянулись к штурвалу. Они уже готовы опять вычерпывать широкими горстями из небогатого народного кошелька средства на непосильные военные ассигнования, многомиллиардные бесплодные инвестиционные проекты, субсидии и дотации, покрывающие бесхозяйственность.

Раскол в отношении к реформе проходит сегодня не по границам традиционных социальных групп, он рассекает каждую группу. Нет единого фронта противников реформы среди директоров оборонных предприятий, как нет его и среди аграриев или промышленных рабочих.

И партнеры у реформаторов могут быть по самым разным социальным азимутам. Реальная политика — это всегда компромисс, а не заупокойное «не могу поступиться принципами». К сожалению, упорно лепятся мифы о правительстве то как секте пуритан от либерализма, самодовольных и напрочь отметающих любое

сотрудничество, любое соглашение то, наоборот, как о пляшущем под чью-то дудку, сдавшем все свои приоритеты.

Политика — это не та область, где нужно встать насмерть и твердить, что не пойдём ни на какие уступки. Но, идя на них, нужно быть упорным до предела. Надо уступить ровно столько, сколько нельзя не уступить. И ни грана больше.

Трудно, шаг за шагом человек из инфантильно преданного или инфантильно капризного подданного всемогущего государства становится ответственным хозяином своей судьбы. В каждой группе, отрасли, регионе, профессии есть те, кто ищет и находит новые возможности, резервы, источники заработка, пути экономии, рынки сбыта, умело пользуется предоставленной свободой. Они делают дело, и поэтому их голос не столь громко звучит в сегодняшних дискуссиях. Но именно с ними, а не с крикунами — плакальщиками по былому имперскому величию связаны надежды на возрождение страны.

В том, чтобы дать тем, кто хочет и умеет работать, хоть немного подняться, укрепнуть, защитить их от мертвящего воздействия сил регресса, на мой взгляд, состоит сейчас важнейшая задача правительства. Сумеют ли они, осознав угрозу социального реванша, объединиться, выработать и отстоять свою обращенную в будущее стратегию развития — от этого, а не от скоротечных колебаний политической конъюнктуры и не от персональных перемен в высших органах управления зависит — куда пойдет Россия.

Трудный путь от социализма

Предлагаемый вниманию читателя альманах был задуман еще в середине 1991 г. как периодическое издание Международного центра исследований экономических реформ, в котором предполагалось освещать ключевые теоретические проблемы перехода к рынку стран с административно-командной экономикой. Непосредственной базой анализа должны были служить межстрановые сопоставления хода либеральных экономических реформ не только в Восточной Европе, но также в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии.

Обстоятельства не позволили в то время реализовать этот замысел. Провал августовского путча и формирование осенью 1991 г. нового Правительства

Опубликовано в: Экономические реформы. Вып. 1. М., 1993. С. 4–13.

России, к работе которого были привлечены многие ведущие сотрудники и члены ученого совета Центра, отвлекли нас от работы над альманахом.

И вот теперь появилась, кажется, возможность вернуться к первоначальному замыслу, тем более что правительством Е. Гайдара были наконец сделаны первые практические шаги по пути радикальных рыночных реформ в нашей стране. Накопленный в России опыт позволяет, по нашему мнению, по-новому взглянуть на многие теоретико-экономические вопросы. Однако наряду с работами, основанными на новейших материалах, нам представляется небезынтересным опубликовать некоторые статьи, подготовленные год назад.

Особенно ценна в этом отношении статья Е. Гайдара, представляющая собой вводную часть большого исследования, работа над которым велась летом 1991 г. и которое так и остается пока незавершенным. Здесь затронуты ключевые проблемы, тенденции и противоречия трудного пути к эффективной рыночной экономике, дающие основу для понимания тех сложных процессов, которые разворачиваются в России в настоящее время.

Из предисловия к альманаху «Экономические реформы»

Сконцентрировавший в себе первые демократические выборы в СССР, Польше и Венгрии, мирные революции в Чехословакии, ГДР и Болгарии, трагические декабрьские события в Румынии 1989 год радикально изменил политический ландшафт огромного региона. Эпоха всевластия коммунистических структур отошла в прошлое, идеологические препятствия, столь долго стоявшие на пути рыночных реформ и развития частного предпринимательства, были решительно отброшены. Однако в 1990 г. в СССР и странах Восточной Европы началось падение производства — резкое и повсеместное (Болгария — на 10,2%, Венгрия — на 6,5, Румыния — на 10,2, Польша — на 14, Чехословакия — на 3,5%).

В международных финансовых организациях распространилось убеждение, что в названных странах в лучшем случае лишь к концу 90-х гг. удастся восстановить объем производства 1989 г. Хотя мало кто из серьезных специалистов полагал, что трансформация социалистических хозяйственных систем будет легкой и безболезненной, масштабы обозначившихся проблем оказались неожиданными не только для общественности, но и для первых посткоммунистических правительств, их экономических советников. При всей во многом справедливой критике половинчатости, непоследовательности рыночно ориентированных реформ, не выходящих за рамки иерархической экономики, к падению производства

они, как правило, не приводили, в случае же успеха временно подстегивали темпы роста, позволяли улучшить положение на потребительском рынке, способствовали развитию мелкого частного предпринимательства.

Трудно спорить с Я. Корнаи, давно обратившим внимание на принципиальную разницу между реформами в рамках системы и системной трансформацией¹. Но что различия окажутся столь болезненными и неприятными, до 1990 г. было отнюдь не очевидно.

Казалось бы, против вероятности такого хода событий надежно свидетельствовал и азбучный, изъезженный пропагандой, но не потерявший убедительности опыт разделенных государств (Германия, Китай, Корея).

На фоне заката социалистических экономик, явно утративших к концу 80-х гг. динамизм и способность к развитию, твердый и решительный разрыв с прошлым, последовательный поворот к институтам и ценностям победившего в хозяйственном соревновании капитализма никак не ассоциировались в общественном сознании с перспективой многолетней стагнации.

Анализируя динамику ситуации в отдельных странах, можно, разумеется, выявить механизмы, обуславливающие падение производства в каждом конкретном случае (отметить неизбежность платы за остановку гиперинфляции в Польше, завышенные социальные ожидания в бывшей ГДР, оценить макроэкономические последствия падения добычи энергоносителей в СССР). Можно вспомнить о том, что часть продукции и до 1990 г. существовала лишь на бумаге или просто была не нужна никому, кроме вышестоящих органов управления. Но масштабы и сходный в принципиальных моментах характер проблем, с которыми сталкиваются постсоциалистические страны, заставляют посмотреть на углубляющийся кризис с более широких позиций, попытаться понять природу преград на пути хозяйственного развития, оставленных в наследство иерархической экономикой.

I

Универсализация значимости текущих социально-экономических процессов, попытки сделать глобальные выводы на основе

¹ См.: Корнаи Я. Запальчивый памфлет по поводу перехода к рынку. М., 1990.

исторически краткосрочного опыта — опасный путь, приводящий к серьезным ошибкам даже проницательных наблюдателей. Когда К. Маркс писал о грядущем углублении социального неравенства, он мог опереться лишь на реальный процесс роста дифференциации доходов в Англии в первой половине XIX в.¹ Перед глазами Й. Шумпетера² и Ф. Хайека³, с беспокойством обсуждавших безрадостные перспективы капитализма и либеральных ценностей, стояли Великая депрессия, революция в России и триумф фашизма в центре Европы. Картина заката и краха системы социальных институтов, получившей в XX в. столь масштабное распространение под названием «социалистическая экономика», не должна заслонять более широкую историческую перспективу. Ведь структура эта отнюдь не была только плодом идеологических недоразумений.

Идеологическая традиция биполярного мира («капиталистический лагерь — социалистический лагерь») и сегодня причудливо деформирует массовое экономическое сознание в постсоциалистических странах. Отсюда и постоянные апелляции к практике, уровню жизни передовых государств (в обоснование завышенных потребительских ожиданий) и идеализация досоциалистической хозяйственной реальности. У специалистов-современников тот факт, что большая часть стран, вошедших впоследствии в состав социалистического блока, существенно отставала от экономически доминирующего центра и сталкивалась с долгосрочными хозяйственными трудностями, сомнений не вызывал⁴. А сложнейшие проблемы догоняющего развития, запоздавшей индустриализации, пока еще определяющие социальную динамику на преобладающей части земного шара, постоянно воспроизводят предпосылки социалистической или квазисоциалистической экономической политики.

Крайне неравномерное распределение доходов — болезнь, с которой капиталистическое общество учится хоть как-то справляться лишь на высоком уровне развития, дойти до которого удается отнюдь не всем, вымывание среднего класса, формирование регионов

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 2.

² Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. N. Y., 1942.

³ Hayek F. The Road to Serfdom. Chicago, 1944.

⁴ Rosenstein-Rodan P. N. Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe // The Economic Journal. 1943. June-Sept. P. 202–211.

застойной бедности, где низкий уровень доходов предопределяет низкокачественное образование, ограниченную социальную и территориальную мобильность, логика устойчивых, растягивающихся на десятилетия перераспределительных конфликтов давно стали классическими сюжетами соответствующих экономических дисциплин.

Хорошо известно, что общая социально-политическая нестабильность проявляется во вспышках высокой инфляции, перемежающихся периодами стабилизационной политики¹. Известно и то, что резкие колебания темпов роста всех номинальных параметров (цена, заработная плата, ставки процента, валютный курс и т. д.) делают результаты долгосрочных капиталовложений непредсказуемыми и переключают предпринимательскую инициативу из производственной сферы на инфляционно-финансовые спекуляции².

Высокие темпы инфляции, общая экономическая нестабильность снижают стимулы к частным сбережениям, а неразвитость рынков капитала ограничивает возможности использования частных сбережений для продуктивных вложений в национальную экономику.

Это как раз те проблемы, с которыми постсоциалистические страны в той или иной мере столкнулись. Причем вызванный объективными потребностями модернизирующегося общества рост нагрузки на государственный бюджет разительно контрастирует у них со слабой налоговой базой³. Скудные национальные сбережения вовлекаются в финансирование бюджетного дефицита. Капиталовложения в инфраструктуру, в том числе социальную, недостаточны для ее устойчивого развития.

В данной ситуации необходимо учитывать, что избыточная опора на внешние источники финансирования при неразвитости современного экспортного сектора и неэластичности по доходам внешнего спроса на товары традиционного для них экспорта крайне опасна, поскольку ведет к накоплению задолженности и воспроизводству зависимости. С точки зрения интересов национальной

¹ Hirschman A. Toward Progress Study of Economic Policy-making in Latin America. N. Y., 1969. P. 161–225.

² McKinnon R. Money and Capital in Economic Development. Washington, 1973.

³ Deutsch K.W. Social Mobilization and Political Development // The American Political Science Review. 1961. Vol. LV. N 3. P. 493–514.

экономики, усилия по наращиванию экспорта оказываются малопродуктивными¹. Попытки же отказаться от импортной продукции, заменить ее собственной путем создания за жестким таможенным барьером и при финансовой поддержке государства отечественных предприятий обрабатывающей промышленности, работающих на карликовый внутренний рынок, обрекают их на хроническую неэффективность и зависимость от государственного патернализма.

Разумеется, названные проблемы отнюдь не являются фатальными. Опыт новых индустриальных стран Азии, в основном успешно справившихся с ними, сумевших обеспечить макроэкономическую стабильность и высокие темпы роста капиталовложений, прорваться на рынки готовой высокотехнологичной продукции развитых государств, — самое наглядное тому свидетельство². Так же, как, впрочем, пример Латинской Америки — региона, в котором долгосрочная стагнация и абсолютное падение производства стали следствием неспособности социально-экономических институтов урегулировать обозначенный выше комплекс противоречий³, — показывает: продекларированная верность капиталистическим ценностям отнюдь не является достаточным условием процветания.

II

Экономическая история последних двух веков — рассказ о том, как страны и регионы решали встававшие перед ними сложнейшие задачи индустриального развития, какие для этого институты создавали, насколько эффективными и устойчивыми они оказались.

В России, где на смену ветхим структурам архаичного царского режима, оказавшимся неспособными урегулировать острый социальный конфликт вокруг земельной собственности и не выдержавшим бремени крупномасштабного государственного

¹ *Prebisch R. International Trade and Payments in the Era of Coexistence // The American Economic Review. 1959. Vol. 49. No. 2. P. 251–273.*

² *Balassa B.S., Williamson J. Assisting to Success // Policy Analysis in International Economies. 1987. N 17.*

³ *Williamson J. On the Origins and Course of Latin American Crisis (A paper for Seminar on «Latin America: Facing the Challenges of Adjustment and Growth». Caracas, 1990) // The Latin American Journal of Economic Perspectives. 1990. Vol. 4. N 3. P. 61–74.*

финансирования индустриализации и мировой войны¹, пришло выигравшее кровавую гражданскую войну правительство радикальных социалистов. Общие контуры его хозяйственной стратегии оказались predeterminedными не столько марксистскими догмами (значительная их часть почти сразу была отброшена как нереалистичная), сколько логикой всемерного ускорения экономического роста. Именно этой задаче с мессианским энтузиазмом и решительностью были подчинены ресурсы страны.

Социалистическое государство, обладающее мощным аппаратом контроля и подавления, оказалось способным обеспечить масштабную налоговую мобилизацию финансовых ресурсов. Это позволило за счет государственных средств устойчиво поддерживать национальную экономику на высоком уровне. В результате добровольные частные сбережения перестали быть весомым фактором, определяющим объем и динамику инвестиций. Радикальная ломка предреволюционной социальной структуры, независимость национальных сбережений от накопления капитала частью населения, имевшей высокие доходы, создали широкие возможности для проведения эгалитарной распределительной политики. При всех реальных привилегиях новой элиты ограниченная имущественная дифференциация, гладкое по сравнению с доминирующими в развивающихся странах стандартами распределение доходов, относительно высокая социальная мобильность, а не только сила репрессивного аппарата работали на политическую устойчивость режима и эффективность официальной идеологии.

После инфляционных всплесков, сопровождавших первые этапы социалистической индустриализации, макроэкономическая стабильность поддерживалась на высоком уровне, редком в развивающихся странах с неконвертируемой валютой, тем более что подавление любой независимой профсоюзной активности и относительно эффективное замораживание цен на массовые потребительские товары позволили обеспечить действенный контроль за динамикой номинальной заработной платы. Как следствие темпы роста основных денежных агрегатов надолго застыли на стабильно низком уровне.

¹ *Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge (Mass.), 1962.*

Все это было характерно и для других социалистических стран. Крупные финансовые ресурсы, сконцентрированные в руках государства, социально-политическая и макроэкономическая стабильность, единое экономическое пространство в рамках блока, опирающееся на природные ресурсы СССР, открыли перед ними беспрецедентные возможности по проведению импортозамещающей индустриализации, о которой не могла мечтать ни одна развивающаяся страна. И как масштабное воплощение такой политики, проводившейся в течение десятилетий, — специфическая структура социалистических экономик со всеми ее современными парадоксами и перекосами.

Конечно, столь существенное расширение свободы макроэкономического маневра не достигается даром. Социалистические страны заплатили за него ограничением роли рынков во всех хозяйственных процессах, общим снижением эффективности микроэкономического регулирования. На смену обмену — доминирующей форме связей в рыночной экономике — приходят отношения принуждения¹. Традиционную роль денег в обеспечении ресурсопотоков начинают играть прямые властные распоряжения. Отсюда прогрессирующая бюрократизация хозяйственной жизни, атрофия инновационной деятельности, нарастающая структурная ригидность.

В такой системе хозяйствования с течением времени увеличение объема накопления перестает компенсировать снижение его эффективности, темпы экономического роста затухают. Подавленные на десятилетия распределительные конфликты вырываются на поверхность, подрывая действенность контроля инфляции. В силу этого финансирование экономического развития (и сохранение социального мира) все в большей мере зависит от внешних источников и перипетий конъюнктуры мирового рынка топливно-сырьевых товаров.

Утрата для общества идеологической привлекательности социалистической парадигмы и рост коррупции в органах власти идут рука об руку. Правящие элиты утрачивают уверенность в себе, своей политике. Начинаются периоды либеральных исканий и реформ,

¹ О классификации механизмов социальной организации см.: *Boulding K. Economics as a Moral Science // American Economic Review. 1969. Vol. 59. N 1. P. 1–12.*

которые всегда предельно опасны для устойчивости авторитарных режимов¹.

III

В социально-экономической системе, опосредующей оборот ресурсов прямыми актами государственной правящей партии (лимиты, фонды, разнарядки и т.д.), кризис власти эквивалентен по краткосрочным экономическим последствиям кризису денежного обращения в рыночной экономике. Широкое развитие бартера в постсоциалистическом хозяйстве еще не традиционный симптом денежной гиперинфляции (до этой стадии большинство не дошло), а наглядное проявление феномена, который, пользуясь терминологией Т. Парсонса, можно назвать гиперинфляцией власти. Причем потеря органами правящей партии способности решать задачи организации разгрузки вагонов, мобилизации сезонной рабочей силы на уборку урожая или выделения материальных ресурсов для ремонта теплосетей отнюдь не идет рука об руку с формированием предпосылок, позволяющих выполнять те же функции адекватными рыночной экономике способами. Никто и нигде не ждет появления свободных цен, устойчивых денег и развитой рыночной инфраструктуры, чтобы убрать ослабевший авторитарный режим от власти.

Начало падения производства — естественное следствие экстренного демонтажа традиционного механизма микроэкономического регулирования, функции которого лишь постепенно начинает выполнять рынок. Самое масштабное и драматическое проявление порождаемых этим процессом конфликтов — форсированное свертывание торговли между странами бывшего социалистического блока, ставшее неизбежным после распада его политической структуры. Но при всей сегодняшней болезненной остроте проблем, порожденных временным вакуумом в сфере микроэкономического регулирования, для долгосрочных перспектив постсоциалистических стран куда большее значение имеет радикальная ломка макроэкономической модели, обслуживающей их развитие

¹ О периодизации экономической политики коммунистических правительств периода упадка см.: *Кагаловский К. К экономической катастрофе. Лондон, 1991.*

на протяжении предшествующих десятилетий¹. Ведь эгалитарное распределение доходов, масштабные государственные инвестиции и импортозамещающая индустриализация сформировали (и не могли не сформировать) структуры, способные в течение долгосрочного периода воспроизводить хозяйственную нестабильность.

Эрозия налоговой системы, падение доли государственных доходов в валовом национальном продукте², широкий простор для популистской экономической политики («государство должно отдать долги народу»), экспансия социальных расходов³ — естественная реакция на крушение репрессивных режимов. В СССР на фоне войны законы эти процессы приобрели экстремальные формы, к тому же их общая логика явно выходила за рамки перипетий текущей политической борьбы и национальной специфики. Прогрессирующая финансовая слабость государства заставляет направлять значительную часть и так не слишком масштабных добровольных сбережений населения⁴ и эмиссионные доходы на финансирование текущего дефицита бюджета.

Диспропорция между потребностями в массивных капиталовложениях для перестройки архаичной структуры экономики и резко сократившимися внутренними источниками их финансирования — фактор, предопределяющий долгосрочные перспективы увеличения внешней задолженности и (или) относительно низкие темпы экономического роста в регионе. Причем завышенные надежды на массивное привлечение прямых зарубежных инвестиций явно не учитывают повсеместно слабую реакцию

¹ На общий характер макроэкономических трудностей, с которыми сталкиваются постсоциалистические государства и страны «третьего мира», пытающиеся либерализовать экономику, обратил внимание Р. Мак-Кинон. (McKinon R. *The Order of Economic Liberalization*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1991).

² В СССР доля доходов государственного бюджета в ВВП сократилась с 47,3% в 1985 г. до 41,0% в 1990 г. (A Study of the Soviet Economy. P., 1991. Vol. 1. P. 55). В первом полугодии 1991 г. больше половины расходов союзного бюджета и Стабилизационного фонда покрывалось за счет денежных эмиссий.

³ В 1985–1987 гг. в СССР среднегодовой прирост расходов бюджета на социально-культурные нужды (без расходов на науку, повышение пенсий) составил около 6 млрд руб. В 1991 г. их предполагалось увеличить на 50 млрд руб.

⁴ В 1985 г., т. е. еще до начала инфляционного процесса, доля сбережений домашних хозяйств в ВВП составляла 3,1% (A Study of the Soviet Economy. P., 1991. Vol. 1. P. 97).

представителей Запада на возможность их вложения в условиях сохраняющейся макроэкономической нестабильности¹.

Уже опыт экономических реформ в рамках социалистической экономики продемонстрировал и неизбежно порождаемый ими рост дифференциации доходов, и крайне болезненную социальную реакцию на углубление неравенства². Доступная статистика пока недостаточна для достоверных суждений об изменении распределения доходов в постсоциалистических странах. Однако развитие демонстративного потребления высокодоходных групп населения явно воспринимается общественным мнением как свидетельство растущего социального расслоения. А отсутствие традиционной легитимации имущественной дифференциации, связь «новых богатых» с нелегальным сектором и правящей коммунистической элитой, глубоко укоренившиеся эгалитарные стереотипы делают реакцию на рост неравенства крайне болезненной.

Ослабление контроля за номинальными денежными доходами населения — первое и самое наглядное проявление кризиса социалистических политических институтов, утраты ими способности подавлять или регулировать перераспределительные конфликты. Повсеместное повышение темпов роста номинальной заработной платы, углубление финансовых диспропорций, экспансия денежной массы, временное повышение доли вынужденных сбережений населения, затем ускорение открытой инфляции — вот черты, характерные для периода ослабления и ухода коммунистических правительств. К тому же в этих странах, в отличие от развитых рыночных экономик, использование инфляционных факторов не переломило ситуации и не стало стимулом развития: разгон инфляции идет на фоне стагнации и падения производства. А за ее торможение и финансовую стабилизацию, как и везде, приходится платить дальнейшим сокращением выпуска и занятости.

Эта несимметричность, хорошо известная по опыту «третьего мира», явно прослеживается в постсоциалистических странах. Сохранение народнохозяйственных структур, созданных в СССР, Восточной Европе, было возможным лишь до тех пор, пока существовал

¹ Adjustment Lenders Policies for Sustainable Growth. The World Bank. Washington, 1990. P. 88.

² Ahmad E., Wand Y. Inequality and Poverty in China: Institutional Change and Public Policy, 1978 to 1988//The World Bank Economic Review. 1991. Vol. 5. N 2. P. 231–257.

экономически и политически доминирующий центр, способный обеспечить соответствующие ресурсопотоки. Закономерная реакция на его распад — фрагментаризация экономического пространства, формирование протекционистских барьеров на субнациональных уровнях.

Значительная часть предприятий отраслей обрабатывающей промышленности и в СССР, и в странах Восточной Европы при расчетах по мировым ценам (как за производимую ими продукцию, так и за потребляемое сырье и комплектующие) оказывается производителями отрицательной чистой продукции. При любом уровне валютного курса они неконкурентоспособны. Обеспечить продолжение их деятельности, доступ к сырьевым ресурсам без таможенной защиты невозможно. События 1990-1991 гг., когда советский сырьевой экспорт, все в большей мере обходя Восточную Европу, устремился на рынок развитых капиталистических стран, могут в еще больших масштабах повториться с обрабатывающей промышленностью. При крайне ограниченной свободе маневра — между угрозой спазматического свертывания национальной промышленности и консервации за таможенными барьерами архаичной народнохозяйственной структуры, обрекающей страну на отсталость, — избежать появления масштабной безработицы, образования районов с застойными излишками рабочей силы невозможно. В то же время глубоко укоренившаяся традиция полной занятости делает социально-политический риск, связанный с таким развитием событий, существенным.

Рыночный социализм — его идея зародилась в начале века и стала особенно популярной в 60-х гг. — вырос из надежды соединить социальную справедливость, макроэкономическую стабильность и динамизм, представлявшиеся очевидными свойствами социалистической экономики, с микроэкономической эффективностью денежных регуляторов. К 1980 г., когда вполне выявилось нарастание склеротических явлений в народном хозяйстве СССР и стран Восточной Европы, ее авторитет заметно упал. А в 80-х гг. крушение коммунистических режимов резко и неожиданно бросило огромный регион в объятия реального рыночного социализма, сочетающего макроэкономическую нестабильность и острую недостаточность микроэкономического регулирования. Стало очевидным, что экономической платой за обеспечение социализмом

индустриального динамизма является не только постепенное угасание темпов роста, но и комплекс непростых проблем, встающих на пути стран, пытающихся вернуться на путь стабильного развития рыночного хозяйства.

IV

Общеэкономические рекомендации, которые специалисты могут предложить в подобной ситуации, к сожалению, слишком напоминают уговоры врачей не пить и не курить: они правильны, банальны и малопродуктивны. Чтобы такие советы имели смысл, нужны как минимум воля, способность твердо им следовать. В экономике — наличие властных структур, способных проводить осмысленную хозяйственную линию. Однако в период кризиса и крушения коммунистических правительств именно на это труднее всего рассчитывать. В большинстве случаев приходящие им на смену силы не имеют надежной организационной базы, связаны (ограничены) противоречивыми интересами и популистскими обещаниями, обладают крайне малой свободой маневра¹.

Формирование же общественных коалиций, объективно заинтересованных в проведении ответственной экономической политики, столь значимой для успеха стабилизационных усилий, в постсоциалистической социальной среде является нетривиальной задачей и по меньшей мере требует времени. Это хорошо видно на примере принципиального в переходный период вопроса о последовательности финансового оздоровления и либерализации цен. В частности, целесообразность первоочередных мер по сдерживанию совокупного спроса для подавляющего большинства грамотных экономистов самоочевидна, как и то, что за остановку уже разогнавшейся открытой инфляции придется платить дороже, чем за превентивную макроэкономическую сдержанность (подобные советы присутствуют и во всех рекомендациях международных финансовых организаций посткоммунистическим правительствам). Политики новой,

¹ Польша, где посткоммунистические структуры власти унаследовали героическую легитимацию «Солидарности», является очевидным исключением; остававшееся формально (до августа 1991 г.) коммунистическим Правительство СССР было уже явно лишено традиционных инструментов социально-политического контроля и идеологических ограничений и по своему положению и возможностям маневра близко к посткоммунистическим правительствам Восточной Европы.

демократической волны легко учатся повторять соответствующие словесные обороты, но чаще всего не способны что бы то ни было сделать для их воплощения в жизнь: рычаги контроля и над основными финансовыми пропорциями, и над ценами утрачены.

Приводимые ниже суждения о направлениях ответственной экономической политики, предопределяемых логикой задач, которые предстоит решать в посткоммунистическом периоде, не рекомендации, а лишь возможные точки отсчета в оценке хода преобразования, прогнозировании стабилизационных перспектив для стран региона.

1. Важно максимально сжать временной интервал между утратой контроля над денежной заработной платой, ресурсопотоками и размораживанием цен.

Когда традиционные административные рычаги управления экономикой уже недействительны, но еще не заменены равновесными, возникает крайне непродуктивный феномен подавленно-открытой инфляции¹. Органы власти своими решениями вынуждены санкционировать повышение цен, не приводящее, однако, к насыщению рынка. Процесс ценообразования политизируется. Быстро накапливающиеся диспропорции между темпами роста затрат и цен на готовую продукцию вызывают волны финансовых кризисов и трудовых конфликтов на предприятиях. Требования повышения цен подкрепляются угрозой забастовок и прекращения отгрузки продукции. Постепенно органы власти осознают, что политические издержки размораживания цен и высокой открытой инфляции в такой ситуации меньше, чем попыток удержать административный контроль над ними.

Большинство восточноевропейских стран после периода колебаний сделало решительные шаги в направлении либерализации цен в конце 1990 — начале 1991 г. В СССР комплекс симптомов подавленно-открытой инфляции также проявился в полной мере. Уже к лету 1991 г. тема либерализации твердо обосновалась в многочисленных стабилизационных программах, но практические шаги в этом направлении были весьма ограничены.

¹ Г. Колодко и В. Мак-Магон назвали его Shortageflation. (Kolodko G., McMahon W. Stagflation and Shortageflation: A Comparative Approach. Kyklos, 1987. Vol. 40. N 2. P. 176–197).

2. Поскольку длительный разгон открытой инфляции увеличивает плату за стабилизацию, этот период целесообразно сократить, насколько позволяют политические обстоятельства.

В посткоммунистической экономике, как показано выше, открытая инфляция каких-либо стимулирующих функций не выполняет. При всех издержках классической гиперинфляции ее разовый всплеск на фоне традиции денежной устойчивости, как правило, не оставляет долгосрочных последствий. Свидетельство тому — опыт возврата Европы к мирному хозяйству после Первой и Второй мировых войн. Напротив, постепенная адаптация общества к хронически высоким темпам роста цен и распространение набора соответствующих институтов накладывают серьезный отпечаток на общие контуры долгосрочного хозяйственного развития, постоянно воспроизводят экономическую нестабильность, делают дезинфляцию особо долгосрочным и дорогостоящим процессом. Чем дольше период открытой инфляции после крушения иерархической экономики, чем прочнее укореняются индексационные механизмы, тем сильнее инфляционная инерция и выше плата, которую приходится платить за стабилизацию падением занятости и сокращением объема производства.

Пример Польши, где ортодоксальная стабилизационная программа была адаптирована к местным условиям, показал тем, кто в этом сомневался, что инфляция в постсоциалистических экономиках реагирует на меры по ограничению совокупного спроса предсказуемо и стандартно¹. Успех в борьбе с ней, как и повсеместно, зависит в первую очередь от политической воли и лишь во вторую — от технического совершенства в разработке существенных деталей (выбор уровня валютного курса, форм его регулирования, обоснованности и предела использования политики доходов и т. д.).

Венгерское посткоммунистическое правительство унаследовало от реформированной социалистической экономики либеральную систему цен и относительно низкие темпы инфляции (правда, в 1990 г. они возросли с 18 до 30%). Однако там классическая задача торможения умеренной инфляции осложняется широким развитием

¹ Fisher S., Gelb A. Issues in Socialist Economy Reform. Report. The World Bank, WPS. 565. Washington, 1990. Dec.

индексации. В Чехословакии скачок цен после их размораживания в январе 1991 г. (45% в месяц) сменился существенным падением темпов открытой инфляции, что отражало достаточную эффективность рестрикционной денежной политики, проводившейся коммунистическим правительством, и умеренный уровень финансовых диспропорций, образовавшихся после его крушения. Румыния и Болгария весной 1991 г. на фоне резкого падения производства лишь вступили в период ускоренной открытой инфляции. Здесь вся плата за стабилизацию впереди. В бывшем СССР неурегулированность отношений органов власти разного уровня по поводу распределения сфер компетенции в денежной и финансовой областях резко сократила возможности проведения осмысленной стабилизационной политики.

3. Сохранение активной роли государств в образовании национальных сбережений и финансировании инвестиций — необходимое условие возобновления устойчивого экономического роста в посткоммунистических странах.

Бывший СССР и страны Восточной Европы составляют тот регион, в котором политика позитивного сальдо государственного бюджета (при значительном объеме государственных капиталовложений в инфраструктуру) оправданна не только с точки зрения текущих стабилизационных задач, но и как среднесрочная линия, обусловленная сохранением унаследованной от социалистической экономики традиции низких добровольных частных сбережений. К тому же система мобилизации бюджетных доходов у данных стран к условиям рыночной экономики не была приспособлена и имела неэластичную структуру. Очевидны проявления эффекта Оливера—Танзи: падение доли доходов государства в ВВП с ускорением инфляции из-за эрозии налоговой базы и временных лагов¹.

Перестройка налоговой системы и расширение доходной базы бюджета, обеспечивающие опережающий рост государственных доходов при ускорении инфляции, — вот минимально необходимые предпосылки финансовой устойчивости.

¹ Oliver J. Money Prices and Fiscal Lags: A Note on the Dynamics of Inflation//Banca Nazionale del Lavoro, Quarterly Review. 1967. Vol. 20.

Но и в случае осуществления эффективной налоговой реформы доля государства в ВВП не вырастет, а по сравнению с предельно высоким уровнем социалистического периода неизбежно снизится. Отсюда значимость долгосрочной разгрузки бюджета от непродуктивных расходов. Из крупных, макроэкономически значимых это в первую очередь субсидии и затраты на оборону. Элементарный анализ бюджетных перспектив рассматриваемых стран показывает, что они имеют шансы восстановить экономический рост, лишь сократив расходы по названным направлениям до величины, не превышающей в сумме 8–10% ВВП.

К лету 1991 г. налоговые реформы в рассматриваемой группе стран почти повсеместно находились лишь в начальной стадии. Значительно продвинулась к современной фискальной системе лишь Венгрия, унаследовавшая налог на добавленную стоимость от преобразований, осуществлявшихся в последние годы социалистическим правительством. В бывшем СССР же доля традиционных бюджетных доходов в ВВП быстро падала, а попытки введения эластичных по темпам инфляции источников государственных доходов (налог с продаж) по политическим причинам провалились. Поэтому проблема стабилизации доходной базы бюджета сегодня выглядит особенно сложной.

4. Стимулирование повышения доли частных сбережений в ВВП — важнейший фактор, определяющий долгосрочные перспективы развития региона.

Уровень добровольных частных сбережений в постсоциалистических странах пока повсеместно слабо реагирует на любые управляющие воздействия органов власти¹. Известно, что определяющее влияние на него оказывают социальные традиции, в данном случае они неблагоприятны. Государство может влиять на уровень денежных сбережений, лишь устраняя факторы, их дестимулирующие (резкие колебания номинальных параметров, недостаточная реальная ставка процента). Более того, в странах региона эта в высшей степени значимая задача дополняется необходимостью демонтажа

¹ Giovannini A. Saving and Real Interest Rates in LDC//Journal of Developing Economics. 1985. Vol. 18.

унаследованных институтов, систематически занижающих уровень частных сбережений в социалистической экономике. Так, массовое государственное жилищное строительство, нереалистично раннее пенсионирование, доминирующее государственное здравоохранение, массовое бесплатное высшее образование одновременно повышают финансовую нагрузку на бюджет, не позволяют ориентировать социальные программы на помощь действительно нуждающимся и вместе с тем сковывают (а то и устраняют) доминирующие в развитых странах стимулы к частным сбережениям.

Учитывая социальную деликатность проблемы и политическую слабость посткоммунистических правительств, ожидать от них серьезных шагов по названным направлениям на первых этапах преобразований нереалистично. Но по меньшей мере можно было бы не усугублять и так непростые проблемы.

5. Эффективное регулирование дифференциации доходов — долгосрочная предпосылка социально-политической стабильности в посткоммунистических странах.

Страны региона выходят из социалистической экономики с устоявшимися уравнительными общественными установками и относительно однородной социальной структурой. Экономические условия нового этапа развития (легализация частного предпринимательства, финансовая нестабильность, резкие отклонения внутренних и мировых цен, широкие возможности формирования и перераспределения рентных доходов) делают рост социального расслоения неизбежным. Причем не видно оснований, позволяющих рассчитывать на то, что в среднесрочной перспективе показатели дифференциации доходов стабилизируются на уровне более низком, чем характерный для развитых стран Запада (коэффициент Джини в Восточной Европе — 25,4%, в Западной Европе — 31,4, в США — 32,6, в Южной Азии — 42,8, в Латинской Америке — 49,5%)¹. Вместе с тем рост неравенства до масштабов, характерных для развивающихся стран, при отсутствии традиционной легитимации имущественного расслоения обрек бы посткоммунистические страны на хроническую социально-политическую нестабильность.

¹ *Milanovic B. Liberalization and Entrepreneurship. Dynamics of Reform in Socialism and Capitalism. N. Y., 1989.*

Процесс дифференциации доходов совпадает по времени с общеэкономическим кризисом. Неизбежные при этом падение уровня жизни малообеспеченных и пауперизация части среднедоходных групп, не способных поддержать привычные масштабы потребления, придают проблеме бедности взрывоопасный характер¹.

Между тем политическая стабильность и хотя бы минимальный уровень согласия и общественной поддержки правительства — неперемennые условия экономического роста. В этом отношении уроки, которые можно извлечь из мирового опыта, абсолютно однозначны². Отсюда значимость переориентации бюджетных социальных программ на целевую помощь наименее обеспеченным группам, установление прогрессивного характера налоговой системы не только с гуманитарной точки зрения, но и для достижения устойчивого экономического развития. Продвижение по данным направлениям пока было несимметричным: новые социальные программы, как правило, вводились не вместо, а в дополнение к существующим, меры по перераспределению налогового бремени на высокодоходные группы населения были непоследовательны и малоэффективны.

Перечень советов можно продолжать, включив в него разнообразные сюжеты (от формирования системы пособий по безработице, стимулирующей повышение мобильности рабочей силы, до сохранения действенного регулирования банковской сферы). Достаточно взять за основу хотя бы доклады четырех международных финансовых организаций Европейской комиссии о состоянии и перспективах советской экономики, подготовленные в конце 1990 — начале 1991 г.³ Наиболее общие оценки, полученные при сопоставлении фактического развития событий в различных странах с подобными рекомендациями, от этого не изменяются.

На этапе трансформации, который переживают бывший СССР и страны Восточной Европы, экономически разумная политика чаще всего является одновременно непопулярной. Ее проведение

¹ Названные процессы уже начали проявляться на фоне экономического застоя последних лет социалистической экономики (*Lanovic B. M. Poverty in Eastern Europe in the Years of Crisis. 1978 to 1987. Poland, Hungary, Yugoslavia // World Bank Economic Review. 1991. Vol. 5. N 2. P. 187–206.*)

² *Hughes H. Toward Clarity and Common Sense – Lessons in Development. A Comparative Study of Asia and Latin America. San Francisco, 1989. P. 261.*

³ *A Study of the Soviet Economy. IMF, the World Bank, OECD, EBRD. P., 1991. Vol. 1–3; European Economy. 1990. N 45.*

возможно лишь при восстановлении эффективной и сильной государственной власти. Чем дальше продвинулись те или иные посткоммунистические страны в этом направлении, тем увереннее реальная экономическая политика поворачивает на путь, позволяющий заложить фундамент стабильного хозяйственного развития. В СССР, где разумная государственная активность была парализована конституционным кризисом и войной законов, ход событий систематически отклонялся от профессионально-экономического эталона, что толкало страну на путь латиноамериканизации.

* * *

И все же хозяйственные и социально-политические препятствия, стоящие на пути органической интеграции постсоветских стран и стран Восточной Европы в сообщество стабильных развитых рыночных экономик, не дают оснований для фатально-апокалиптических прогнозов. Имеются серьезные позитивные факторы, которые нельзя сбрасывать со счетов (в частности, сравнительно высокий уровень образования населения, историческая связь с европейской традицией). Конечно, препятствия, о которых говорилось выше, реальны и заслуживают пристального внимания как экономистов, так и ответственных политиков. А надежды, что хозяйственные проблемы автоматически решатся, стоит лишь достаточно часто повторять волшебные слова: «капитализм», «частное предпринимательство» и «рынок», могут дорого обойтись не избалованному историческим везением региону.

Логика реформ

Экономическая теория после нынешнего периода радикальной трансформации восточноевропейской экономики приобретает существенно иные черты. Наиболее очевидным, хотя и не самым важным, результатом преобразований является перемещение разделов, посвященных советской и восточноевропейской экономикам, с полки, на которой написано: «сравнительный анализ экономических систем», на другую полку, которая называется «экономика развития».

Опубликовано в: Вопросы экономики. 1993. № 2. Февраль.

Если попытаться хотя бы коротко отметить, что нового привнесли преобразования в Восточной Европе¹ и России в экономическую теорию, то уместно вспомнить, как представлялся этот процесс в середине 80-х гг. в традиционных работах по анализу экономических систем и экономических реформ в социалистических странах.

Перечитывая сегодня эти работы, видишь, что, пожалуй, наиболее серьезной ошибкой, опровергнутой жизнью, было представление о высокой степени управляемости процесса трансформации социалистической экономики в рыночную. Идея, что этот процесс будет происходить в форме некой «социальной инженерии», что мощное государство исходя из соображений либо социальной справедливости, либо экономической эффективности будет привносить новые, эффективные, рыночно ориентированные механизмы, постепенно вытесняющие традиционные для иерархически организованной социалистической экономики механизмы ресурсного регулирования, оказалась иллюзией.

Именно здесь возникали проблемы устойчивости таких преобразований, угрозы их отторжения. Поэтому упор делался на выявление оптимальной последовательности шагов, которые позволили бы обеспечить их устойчивость, и т. д.

Опыт показал, что реально процесс идет иначе. Он начинается, когда традиционные политические институты власти теряют способность обеспечивать эффективный политический контроль над страной, ситуацией в экономике. Коренные преобразования осуществляют или пытаются осуществлять институционально слабые правительства, имеющие лишь ограниченную возможность и свободу маневра и вынужденные сталкиваться с мощными «тектоническими» процессами в обществе и экономике.

Наиболее остро обозначается вакуум микроэкономического регулирования, следующий за утратой государством способности эффективно управлять материальными потоками. Выясняется, что утрата органами власти – от райкома партии до правительства – способности обеспечить перетекание материально-технических ресурсов туда, где это необходимо для общества, происходит не тогда, когда формируются устойчивые, развитые предпосылки

¹ В настоящее время в подобном контексте принято говорить о странах ЦВЕ – Центральной и Восточной Европы. — *Прим. ред.*

эффективной реализации соответствующих задач на основе рыночных механизмов, а значительно раньше – при их явном отсутствии. Возникает институциональный вакуум, при котором ресурсные потоки уже не регулируются традиционно через целостную властную иерархию и еще не регулируются рынком, хотя бы монополизированным. В Советском Союзе эти противоречия в 1989–1991 гг. приобрели, пожалуй, наиболее драматические очертания, что можно объяснить и размерами страны, и быстрой потерей управляемости народного хозяйства, и комплексом специфических структурных черт советской экономики. В результате к 1991 г., когда контроль за ресурсными потоками был утрачен на уровне как Союза, так и России, начали развиваться хаотические и неуправляемые процессы свертывания экономической активности, очень болезненные для жизнеобеспечивающих отраслей.

Запуск рыночных механизмов, как и в восточноевропейских странах, происходит, когда еще не созданы соответствующие предпосылки, не сформирована развернутая, хорошо проработанная система прав частной собственности, рыночных институтов регулирования, перераспределения финансовых ресурсов и т.д. Их приходится включать в тот критический момент, когда полностью отказываются традиционные иерархические механизмы регулирования распределения ресурсов. И здесь возникает сложнейшая проблема для хозяйственных звеньев, которым неожиданно, практически с чистого листа приходится приспосабливаться к принципиально иному механизму регулирования. Данная проблема усугубляется тем, что в последние годы тоталитарного режима происходит последовательная утрата способности регулировать финансовые пропорции в рамках социалистической, иерархически организованной экономики.

При всех своих недостатках с точки зрения эффективности использования ресурсов традиционная социалистическая экономика обеспечивала высокие темпы экономического роста на протяжении исторически длительного промежутка времени, в том числе и в силу способности в крупных масштабах мобилизовать через государственные каналы финансовые ресурсы и направлять их на экономическое развитие. На этой основе формировался крупный, относительно неэффективный, но тем не менее обильно финансируемый инвестиционный комплекс. Естественной предпосылкой такой модели развития была способность государства подавлять

любые проявления социального недовольства, регулировать активность социальных групп, пытающихся перераспределить ресурсы в собственных интересах. Именно на этой основе в восточноевропейских странах, в Советском Союзе на протяжении длительного периода обеспечивалась макроэкономическая стабильность. Темпы роста денежных агрегатов на протяжении десятилетий были устойчиво низкими. Но в последние годы кризис тоталитарного режима привел и к утрате финансового контроля. Финансовый кризис почти всюду оказывается первой стадией перехода к крушению тоталитарных режимов. Быстро растут государственные расходы фактически по всем направлениям, идет эскалация претензий социальных групп и одновременно резко сокращается способность государства мобилизовывать финансовые ресурсы.

К тому времени, когда в России полностью отказались традиционные регуляторы материальных потоков, сформировались мощные финансовые диспропорции. Был накоплен крупный инфляционный навес, оценить величину которого к концу 1991 г. было в принципе невозможно в силу значительных изменений в «денежном» поведении. Вместе с тем факт его существования был достаточно очевиден исходя из микроэкономических наблюдений. Обозначились и крупные диспропорции в денежных потоках, дефицит государственного бюджета превысил 20 % валового национального продукта. В этой ситуации, особенно учитывая отсутствие развитых рыночных регуляторов, запуск рыночного механизма сопряжен с серьезной угрозой немедленного развития гиперинфляционных процессов. Именно это было доминирующей темой дискуссии по поводу перспектив радикальных экономических реформ в Советском Союзе на протяжении последних 2–3 лет его существования, когда диспропорции уже в полной мере проявились. Возникла угроза того, что непосредственной реакцией на попытку запустить рыночный механизм станут быстрый вход в гиперинфляцию, разрушающую денежное обращение, резкое ускорение обращения денег и в результате вместо запуска рыночного механизма мы получим ту же самую дефицитную, безденежную экономику при формально свободных ценах. На мой взгляд, это было наиболее серьезной проблемой, связанной с вынужденным запуском рыночного механизма.

Что же нужно сказать по итогам последнего года о возможности противостоять инфляционным процессам в условиях не

обладавшей еще рыночными институтами постсоциалистической экономики? Во-первых, мощное влияние оказывает инфляция издержек. Все поведение хозяйственных субъектов в полной мере является затратно-ориентированным. На протяжении первого периода спросовые ограничители в производственной сфере почти не воспринимаются как реальные. Требуются время и относительные твердость и последовательность политики для того, чтобы предприятия осознали, что они оказались в принципиально другой ситуации, начали иначе реагировать на денежные факторы, ограничивая темпы роста цен, сокращая производство продукции, не пользующейся спросом по предлагаемым ценам, и т. д.

Если отвлечься от деталей, то можно сказать, что реакция хозяйственных субъектов на ограничительную макроэкономическую политику была адекватной. Темпы роста цен, как это было характерно и для подавляющего большинства восточноевропейских стран, прошедших аналогичный период трансформации, довольно устойчиво снижались в месячном исчислении от экстремально высоких уровней января до относительно умеренных уровней июля – начала августа. Предприятия обеспечили существенно больший, чем это вытекало из накопленного инфляционного навеса, темп роста цен в первую очередь за счет экспансии взаимных кредитов. Необходимо заметить, что максимальный объем этих кредитов, который был достигнут к 1 июля и составил 3,2 млрд руб., равняется примерно 20 % годового валового продукта 1992 г. Примерно до той же величины он вырос, скажем, в Чехословакии в аналогичной ситуации. С течением времени у нас будет возможность внимательно изучить процесс экспансии подобных кредитов в условиях замораживания цен и, может быть, удастся выявить, почему столь сходным является макроэкономический результат запуска такого механизма. Роль же его очевидна – это амортизатор, позволяющий с помощью эмиссии низколиквидных денежных средств приспособить затратно-ориентированное ценообразование предприятий к ограничительной денежной политике государства.

Когда говорят, что экспансия кредитов между предприятиями парализует эффективность антиинфляционной политики, то упускают из виду, что, если бы это было так, не было бы и страшного давления предприятий, направленного на перевод этих квазиденег в нормальные ликвидные деньги. Именно отказ Центрального

банка и правительства удовлетворить эти претензии предприятий заставлял их шаг за шагом приспосабливаться к принципиально новой ситуации, когда они вынуждены ориентироваться на платежеспособный спрос. С течением времени происходят изменения в системе платежных отношений и в той традиционной модели поведения социалистического предприятия, в рамках которой оно вообще не озабочено тем, сколько (кому) оно отгружает продукции и когда получит за нее оплату. Предприятия начинают внимательно отслеживать платежеспособность собственных клиентов, постепенно переходят от платежных поручений к другим, более обязывающим потребителя формам оплаты.

Специфические проблемы в условиях советской экономики связаны с тем, что здесь явно отсутствует «номинальный якорь», к которому привязываются стабилизационные меры¹. Использовать в качестве номинального якоря замораживание заработной платы – это решение из общеэкономических соображений возможно, но социально-политически абсолютно нереализуемо. Пытаться в нашей экономике, в нашей социальной ситуации разморозить цены и одновременно в любом звене экономики заморозить заработную плату – значит вызвать неизбежные социальные взрывы, да и просто лавину требований, которой правительство не сможет противостоять и будет вынуждено отступить по широкому кругу позиций, после чего в образовавшийся прорыв неизбежно ворвутся все остальные профессиональные и социальные группы.

Использование в качестве номинального якоря валютного курса рубля неприемлемо по другим причинам. Во-первых, экономика остается сравнительно закрытой, роль валюты ограничена и ее курс малоэффективен в качестве номинального якоря. И во-вторых, мы вошли в реформу с нулевыми валютными резервами, практически без возможностей маневра посредством валютных интервенций. Попытка в этой ситуации зафиксировать курс была бы авантюрой. В результате мы вынуждены были начать стабилизационную

¹ Номинальный якорь – фиксированный показатель, который используется при осуществлении макроэкономических стабилизационных программ, т. е. программ «укрощения» высокой инфляции и предотвращения гиперинфляции, грозящей экономике. Например, монетарный якорь – фиксация номинального объема денежной массы, валютный якорь – фиксация номинального обменного курса, зарплатный якорь – фиксация уровня номинальной заработной платы. – Прим. ред.

политику ортодоксального типа, не предполагающую использования какого бы то ни было номинального якоря. В этой ситуации мы ожидали, что инфляционная инерция будет сильной и что эффективность макроэкономической политики окажется относительно ограниченной.

Именно поэтому мы не ставили целью немедленно добиться устойчивого макроэкономического равновесия, остановить полностью рост цен (в условиях накопленных крупных структурных и ценовых диспропорций эта задача была бы явно нереальной), а хотели избежать катастрофических диспропорций в денежной сфере, и в первую очередь развития гиперинфляционных процессов. Эту задачу в общем и целом решить удалось. Даже при отсутствии номинального якоря ограничительная политика работала.

Несколько слов о проблемах структурных реформ и долгосрочных перспективах развития нашей экономики. Очевидно, что не существует экономически оптимальных моделей приватизации государственной собственности. Это тот сюжет, где кончается логика экономических взаимосвязей и начинаются социально-политические коллизии. Мы не пытались сформировать бесспорно безупречную модель приватизации, а придерживались более практичной модели, которая должна быть принята влиятельными социальными группами как в какой-то степени отражающая совокупность их интересов и которая может быть осуществлена, потому что она реально опирается на интересы всех хозяйственных субъектов. Именно отсюда вынужденные компромиссы, сочетание в приватизационной программе противоречивых концепций, связанных с интересами трудовых коллективов, интересами директоров, интересами граждан (народная приватизация).

Судя по тому, как начал разворачиваться процесс акционирования предприятий, думаю, что все-таки баланс интересов здесь удалось найти. Сегодня уже не приходится предприятия «загонять палкой» в акционирование, налицо иная ситуация – если совсем недавно органы управления постоянно обращались с предложениями изъять ту или другую отрасль из числа подлежащих приватизации, то сегодня мы постоянно сталкиваемся с требованием снять имеющиеся ограничения, расширить круг хозяйственных субъектов, на которые распространяются приватизационные процедуры.

Если говорить о долгосрочных проблемах развития нашей страны и вообще постсоциалистических экономик, которые сейчас кажутся очевидными, то из них наиболее серьезной представляется долгосрочный дефицит сбережений, необходимых для устойчивого финансирования восстановления экономического роста. К сожалению, социалистическая экономика оставляет в наследство структуру накопления, крайне мало приспособленную к обеспечению устойчивого роста. Государство – в условиях социалистической экономики главный, традиционный субъект накопления – с конца 80-х гг., по крайней мере в нашей стране, уходит из этой сферы; объем бюджетных инвестиций становится меньше, чем дефицит государственного бюджета. А предприятия, столкнувшиеся с принципиально новой для себя хозяйственной ситуацией при запутанности отношений собственности, переключают свою активность на создание запасов и очень редко заинтересованы в финансировании крупных инвестиционных проектов. В связи с этим, естественно, сокращаются роль и удельный вес предприятий в финансировании экономического развития.

Наконец, мы имеем дело со стабильно низким уровнем нормы сбережений населения, доставшимся нам по наследству от социалистической экономики. Подобная ситуация обусловлена функционированием системы социальной поддержки, по существу перекрывающей те основные направления, на основе которых формируются частные сбережения в рыночной экономике. Некачественное, но бесплатное здравоохранение, бесплатное образование, бесплатное жилье, система пенсионного обеспечения воспроизводят низкий уровень нормы сбережений населения. Это, пожалуй, наиболее серьезная долгосрочная проблема посткоммунистических экономик: как перейти от роста, базирующегося на крупных налоговых изъятиях и государственном финансировании, к росту, базирующемуся на крупных частных сбережениях населения, их перераспределении через рыночные институты и направлении на высокоэффективные долгосрочные проекты? как на этой основе задействовать оставшийся, в значительной степени неиспользуемый инвестиционный комплекс, созданный в России? Эта нетривиальная задача только поставлена и весьма далека от решения. Здесь и будет стержень экономической стратегии переходного периода.

Серьезнейшие экономические проблемы, которые порождены процессом перехода к рыночной экономике в Восточной Европе и Советском Союзе, станут предметом долгосрочных исследований. Я абсолютно убежден в том, что подробное, дескриптивное изучение, анализ реального хода этих преобразований позволили бы существенно расширить наше общее представление о социально-экономических закономерностях развития, о том, как процесс развития протекал в XX в. и какие перспективы открываются нам в XXI в.

«Веймарский синдром» угрожает России

Главная опасность стала сегодня тривиально очевидной: с сентября инфляция «танцует» вокруг 25 % в месяц. Отсюда постоянная угроза бегства от денег¹, что делает экономическое управление крайне затруднительным. Пока, к счастью, нас не втянуло в катастрофическое развитие событий. Против сработали силы сдерживания: масштабы страны и инерционность хозяйства, регионализация рынка; у нас по-прежнему действуют долгосрочные контракты предприятий, сохраняются денежные иллюзии, индексация доходов весьма ограничена. Январский рывок цен в Москве в два раза превысил темпы инфляции в стране. И страна потихонечку все-таки погасила этот всплеск. Но длительное сохранение инфляции на нынешнем уровне постепенно устраняет набор тормозов, и самоподдержание инфляции на пороге 25 % – это фактор риска, а не стабилизации. К тому же на этих значениях инфляция очень чувствительна к любым сторонним воздействиям. Внешний шок, скажем,

Опубликовано в: Сегодня. 1993. 23 февраля.

«Веймарский синдром» — ностальгия по империи в условиях неокрепшей демократии, политическое оружие популистов, способствовавшее крушению Веймарской республики и приходу к власти Гитлера. Егор Гайдар многократно обращался к этой теме. Его крайне беспокоила опасность возрождения фашизма и сталинизма в новой России. — *Прим. ред.*

¹ «Бегство от денег» — термин, которым экономисты обозначают характерное для периодов высокой инфляции явление: население, движимое инфляционными ожиданиями, торопится избавляться по возможности от денег, покупая товары и услуги сверх обычного, чем стимулируется дальнейшее ускорение роста цен. — *Прим. ред.*

шахтерская забастовка, скачок курса доллара на бирже, политическая конфронтация, скандалы Центрального банка с правительством – все это само по себе может подбросить вверх темп инфляции. Сюда же примыкает отсутствие договоров с Западом по задолженности, его бескомпромиссная позиция может выразиться в арестах российских судов с грузами в портах западного мира. Причем вероятность такого сценария, на мой взгляд, не пренебрежительно мала.

Мне кажется, в ближайшие по крайней мере полгода угроза подрыва денежной системы с печальным набором последствий – замыкание на себя региональных рынков, долларизация экономики, резкое сокращение реального объема денежной массы, вытеснение денег из оборота – может случиться практически в любой момент. Это, пожалуй, самый серьезный из краткосрочных рисков. Здесь я бы обратил внимание на одну довольно неприятную вещь, надеюсь, преодолимую. Мне кажется, в последнее время снизилась уверенность в стабильности рыночного развития России, и это автоматически снижает перспективные цены на недвижимость в долларах, подталкивает отток капитала из России, сдерживает долгосрочные инвестиции, стимулирует перевод сбережений, как правило, в валютные активы. На мой взгляд, реальная устойчивость правительства, как ни парадоксально, зависит именно от уверенности отечественного предпринимательства, включая приватизированные госпредприятия. Мне очень не понравилась история с Уфимским заводом, отказавшимся поставлять двигатели заводу «Москвич», пока не получит от государства льготный кредит на 14 млрд руб. Когда у поставщика возникает соблазн придержать потребителя и товар, за который он сразу может получить расчет, – это не очень приятный симптом. Это как раз надежный признак, что денег слишком много. Шансы на такой оборот событий будут постепенно снижаться, если правительству удастся сбросить темпы инфляции хотя бы до 10–12 % в месяц. К числу среднесрочных угроз я отношу любые маневры в области приватизации, нарушающие последовательность государственной программы. В некотором смысле дело даже не в том, как будет распределена собственность, хотя, конечно, избыточные права трудовых коллективов порождают проблемы самоуправляющихся предприятий. Коротко говоря, они в принципе воспроизводят высокоинфляционную экономику с высокой безработицей. Но главное в другом: всякие изменения правил игры «по ходу» неизбежно

ставят под вопрос уже начатый приватизационный процесс и загоняют нас в восточноевропейскую ловушку с постоянными спорами о путях приватизации, бесконечно меняющимися решениями, сложнейшими проблемами возврата собственности и медленным продвижением к созданию частного сектора... Мы сейчас близки к тому, чтобы проскочить сквозь узкое горлышко подобных проблем, и было бы очень обидно сорваться под конец. Если говорить о долгосрочных угрозах, то наиболее серьезной мне видится недостаточная политическая поддержка рыночного развития страны и в связи с этим отсутствие механизма нормальной защиты частной и земельной собственности, контрактного права. На фоне относительно вялых реформ вполне реально получить затяжно застойную экономику. В подобного рода экономике неизбежно и расширенно воспроизводятся социальные проблемы. Мы уже сейчас сталкиваемся с имущественным расслоением общества, падением уровня жизни. Если это исторический эпизод на пути к устойчивому рыночному развитию (а этот цикл довольно ясно просматривается в Восточной Европе, где после острого кризиса стабилизируется объем производства, начинают расти доходы, смягчаются общественные проблемы), то мы должны пережить трудности. Но есть большой риск, особенно при наших социальных конфликтах, получить ситуацию, сходную с германской конца 30-х гг. И это было бы очень неприятно, потому что обнищание низших слоев среднего класса и расслоение в доходах вместе с ностальгией по утраченной империи создают такую взрывчатую смесь, что найдется немало охотников поэксплуатировать ее. В общем, я не исключаю в России «веймарского синдрома». Адекватна ли вызовам времени работа нынешнего правительства? Считаю, что в программе действий, которая была доложена на расширенном заседании Совета министров 11 февраля, основные акценты расставлены правильно. Не могу не поддержать антиинфляционные приоритеты и те практические меры, которые сформулированы. Можно говорить о том, что еще неплохо бы добавить, но это вопрос почти вкусовой. Неизмеримо важнее другое – в какой степени правительство окажется способным реализовать это, в какой степени у него достанет и внутренней цельности, чтобы последовательно провести реформы, и реальных рычагов противостоять давлению, которое идет со всех сторон. Нетрудно заметить, что уже сейчас в действиях

правительства, скажем, в практике финансовой стабилизации появились «нюансы». В программе совершенно справедливо упор делается на сокращение дотаций по главным направлениям бюджетных расходов. Но параллельно, вполне естественно, под мощным напором лобби идет увеличение объема дотаций агропромышленному комплексу. Совершенно верно, что дотируют везде в мире, но наблюдается любопытная закономерность: чем больше дотируют, тем ниже темп экономического роста. Это у нас забывают отметить.

Очень трудно будет правительству без поддержки Верховного Совета добиться своих целей в сокращении бюджетного дефицита. Сейчас ВС бюджет не принял. Это в какой-то степени развязывает Кабинету министров руки. Но постоянные угрозы, что будут приняты безумно расточительные нормативные акты, существуют. Независимое от правительства изменение пенсий вносит в его финансовую работу элемент неопределенности. Дело даже не в том, надо или нет и на сколько повышать пенсии. Дело в том, что если есть независимый от правительства источник мощнейших финансовых возмущений, то о какой-то последовательной политике в денежной сфере говорить довольно сложно.

Серьезный фактор риска – рассогласованность в политике правительства и Центрального банка, скажем, в таком направлении, как кредитование государств Содружества. В прошлом году сумма технических кредитов составила порядка 1 трлн руб. и явилась дополнительным источником инфляции. Никаких гарантий выполнения программы в ситуации такого инфляционного и политического кризиса, разумеется, быть не может. Смешно бывает, когда люди требуют гарантий. Представьте, что Верховный Совет берет программу Бориса Федорова, читает ее по строчкам, принимает затем несколько решений, полностью подрывающих ее, а потом спрашивает: господин Федоров, а почему вы не выполнили вашу программу? Единственной в какой-то степени гарантией может служить то, что иное развитие событий является апокалиптическим и потому предельно опасным. Само то, что Борис Федоров и вообще это крыло в правительстве сумели убедить других принять приоритеты финансовой стабилизации, показывает, что осознание риска гиперинфляции уже достаточно широко распространилось и в кругу традиционной промышленной элиты, еще недавно, на моей памяти, она не так четко представляла себе цели, задачи и смысл

общеэкономических рассуждений. Жизнь заставляет считаться с реальностью. И это важно, это сам по себе фактор надежды.

Удастся ли затормозить гиперинфляцию?

К декабрю в полной мере проявилась устойчивая зависимость между динамикой денежной массы, курсом рубля к доллару, темпами роста розничных цен и снижения объемов производства. Временной разрыв между изменением денежной массы и курсом рубля составлял примерно один месяц. На темпах роста цен и уровне падения производства изменение денежной массы сказывалось через 2–2,5 месяца.

Ужесточение осенью 1992 г. политики Центрального банка и бюджетной политики позволило снизить темпы роста денежной массы с 25–30% летом до 5–7% в ноябре. Активизация Центрального банка на валютном рынке, соглашения с международными финансовыми организациями позволили создать определенные валютные резервы Центрального банка и собственно бюджета. Это в дополнение к небольшому приросту золотого запаса и отсутствию потребностей в крупных сезонных кредитах в ближайшие месяцы создавало минимальный запас прочности, необходимый для свободы маневра при выборе приоритетных задач экономического развития.

Перспективы бюджета, если рассматривать их вне очень жесткого политического контекста, тоже были неплохими. Но их нельзя было отнести к краткосрочным, поскольку они связаны со структурными преобразованиями. Основные мобилизуемые источники — постепенное сокращение дотаций (животноводство, транспорт) и разгрузка в перспективе социальных расходов за счет жилищной реформы. Но эти и другие возможности обеспечения бюджетного равновесия (изменение структуры капиталовложений, сокращение расходов на обслуживание внешнего и внутреннего долга) носят скорее долгосрочный характер и не могут принести ощутимых результатов ранее чем через 2–3 года.

Опубликовано в: Экономика и организация промышленного производства. 1993. № 4.

Все это говорило о том, что на повестке дня не резкое ужесточение кредитно-денежной политики, а последовательная, постепенная дезинфляция. Со временем возможности успешной антиинфляционной политики даже возрастут: приватизация, адаптация хозяйственных субъектов к рынку постепенно создают предпосылки большей чувствительности экономики к мерам финансового и денежного регулирования. В качестве основной задачи было выбрано снижение темпов роста цен на протяжении 1,5–2 лет до 10% в месяц.

Произошли резкие изменения потребительского поведения, темпов роста недельных цен, начиная с первой декады января. Без какой бы то ни было очевидной связи с предшествующей динамикой денежной массы недельная инфляция в январе впервые вышла на 10% в неделю, отмечено резкое падение курса рубля. Эти процессы не просто реакция на денежный выброс или решение о замораживании цен. Конкретные меры проинфляционного характера так и не были приняты. В неустойчивых условиях конца прошлого года изменения в правительстве в сочетании с некоторыми мерами сугубо пропагандистского характера оказались достаточными для резкого сдвига в ощущениях хозяйственных субъектов, их представлениях об инфляционных перспективах. Как разворачиваются в такой ситуации события, хорошо известно: резко падает спрос на деньги, начинается бегство от денег, за этим следует не связанный с ростом денежной массы рост цен. Инфляционные ожидания подтверждаются. Цены действительно начинают резко расти, происходит дальнейшее падение спроса на деньги и так далее вплоть до развала денежной системы.

Политические последствия подобного развития событий в России носят крайне опасный характер. Они почти наверняка выведут область принимаемых политических решений за рамки демократических институтов. Поэтому на сегодня не существует задач первого, второго, третьего уровня, конкурентных между собой. Мы снова оказались в ситуации, когда есть всего одна задача, которая определяет полный крах или относительный успех экономической политики, — это недопущение, торможение гиперинфляции. Вопросы структурной политики, поддержки отраслей и т. п. имеют смысл только в том случае, если они укладываются в рамки очень жесткой антиинфляционной политики.

Если в декабре важнейшей представлялась проблема накопления, то сегодня и она отходит на второй план, поскольку в условиях гиперинфляции никаких накоплений просто не бывает. С инфляцией можно жить, обсуждать вопросы борьбы с ней, другие экономические альтернативы. Гиперинфляция — денежная катастрофа. Обсуждать альтернативы здесь нельзя. Ее надо предотвратить!

Проведение эффективной антиинфляционной политики затрудняет в первую очередь глубокий внутренний конфликт в российских органах верховной власти. Верховный Совет не только был и есть, но и на ближайшую перспективу неизбежно останется проинфляционно настроенным.

Многое зависит от политики Центрального банка. Однако даже такая очевидно необходимая и неотложная мера, как переход к ежемесячным процентным ставкам и их повышение минимум на 10% в месяц, вряд ли легкорезализуема в нынешних условиях.

Что касается правительства, то инструменты, находящиеся в его руках, не слишком эффективны. Кроме того, неизбежный двухмесячный разрыв между поступлением доходов и финансированием расходов в условиях гиперинфляции сильно увеличит нагрузку на бюджет. Да и сами члены правительства по-разному относятся к проблеме гиперинфляции...

На карте будущее не только России

Большой неожиданностью для противников экономических реформ явился положительный ответ на второй вопрос апрельского референдума. Этот вопрос был предложен парламентской фракцией «Смена — новая политика», состоящей в основном из бывших комсомольских активистов и посвятившей себя подрыву процесса реформ в нашей стране. Вопрос специально сформулировали таким образом, чтобы президенту было практически невозможно одержать победу.

Опубликовано в: Деловой мир. 1993. 26 августа.

В статье использованы материалы лекции, прочитанной автором в американском фонде «Наследие» (Heritage Foundation).

Не скрою, результат оказался неожиданностью даже и для меня. Ведь сограждан спрашивали: «Одобряете ли вы экономическую политику президента и правительства России?»

Практически это звучало примерно так: «Одобряете ли вы политику, которая привела к уничтожению значительной части ваших денежных накоплений? Поддерживаете ли вы политику, которая привела к инфляции и повышению цен? Одобряете ли вы политику, которая приводит к безработице?»

Мы были уникальной страной...

Все были абсолютно уверены, что типичным стал бы отрицательный ответ... Но большинство ответило: «Да». Почему? Неужели это тоже объясняется загадочной русской душой, которая любит страдания? Возможно. Но прежде всего это явилось результатом реальных изменений в жизни российских граждан. О реформе пишут много. Об инфляции, о коррупции, нестабильности и т. п. Но вы никогда не прочтете, скажем, о реальных изменениях в повседневном быте жителей маленького городка, находящегося в 500 км от Москвы.

Я рассказывал американским слушателям о том, как выглядел этот быт три года назад. Наши читатели это знают, но напомнить все же полезно. Купить что-либо в магазине было абсолютно невозможно. Дефицит был не только частью, но и самой сутью российской жизни. Людям приходилось совершать поездки раз в неделю или две в Москву или Петербург и пытаться купить что-либо, чтобы накормить свою семью. Часами стояли в очередях, чтобы купить два килограмма ужасной по качеству колбасы или полкило масла. Люди ездили в Москву по очереди, организовывались якобы автобусные экскурсии или якобы культпоходы в столичные театры (часто за счет предприятия, профсоюза) и т. д.

Подобный образ жизни казался настолько привычным, что никто даже не задумывался о его абсурдности. Мы были единственной страной в мире, граждане которой готовы были ради 3 кг мяса пролететь в самолете чуть ли не 1000 км!

И вас считали очень важной персоной, если у вас были какие-либо связи в магазине, фактически выполнявшем функции отнюдь не магазина, а государственной конторы по распределению

дефицитных товаров. На работе в основном обсуждалась жгучая тема: где что можно достать?

Теперь это все исчезло. Сейчас вовсе не обязательно ездить в Москву или Петербург за продуктами, нет нужды давать взятки работникам магазина. Можно просто пойти в магазин и купить то, что нужно. Даже в маленьком городке есть такие продукты, как мясо и колбаса или даже бананы, два-три года назад доступные лишь номенклатуре самого высокого уровня.

Статистики с начала 1992 г. стали публиковать индекс насыщенности рынка товаров. Он упорно растет из месяца в месяц.

Предпринимательский дух населения еще жив

Вторым фактором явилось ощущение безграничности новых возможностей. Россияне оказались вовлеченными в новые способы экономической жизни. После семи десятков лет коммунистического строя предпринимательский дух населения оказался намного выше, чем кто-либо, включая и меня самого, мог ожидать. В начале 1992 г. был издан президентский указ, положивший конец государственной монополии на торговлю и сделавший законной свободную торговлю. Нам казалось, что пройдет по крайней мере 2–3 недели, прежде чем мы увидим результаты данного указа. На самом же деле на следующее утро, когда я направлялся на работу на Старую площадь, я заметил огромную толпу людей на Лубянке и решил, что это была очередь за какими-нибудь товарами в «Детский мир». Но все эти люди, держа в руках копии президентского указа о свободе торговли, что-то продавали: обувь, велосипеды, масло... Это выглядело дико, нецивилизованно, но это было начало процесса формирования свободного рынка.

В настоящее время значительная часть населения России участвует в процессе реформ. Поэтому-то, когда был задан вопрос, суть которого заключалась не в том, хотите ли вы иметь более высокую зарплату, низкие налоги и уверенность, что не потеряете свою работу, а в том, хотите ли вы вернуться к ситуации, существовавшей два-три года назад, население оказалось достаточно разумным, чтобы такую перспективу решительно отвергнуть.

Что означают результаты референдума для будущего экономической политики России? Прежде всего они создали условия

для продолжения приватизационного процесса. Если в конце апреля казалось, что программа приватизации не продержится нескольких недель, то сейчас почти очевидно, что она будет продолжена. Ускорение как малой, так и крупной приватизации неизбежно. Теперь государство продает на свободном рынке каждый месяц акции приблизительно 500 российских средних и крупных предприятий. Всего их будет 17 тыс. Уже приватизировано приблизительно 70 тыс. малых предприятий. В целом сейчас более или менее понятно, что этот процесс нельзя повернуть вспять. К концу 1993 г. частный сектор будет доминировать или занимать солидную долю в сфере розничной торговли, в сфере сервисного обслуживания, а также в производстве строительных материалов, легкой индустрии, пищевой промышленности, машиностроении. Начинается приватизационный процесс в нефтяной, газовой и угольной промышленности, а также на транспорте. В целом я надеюсь, что к концу года более 50% общей валовой продукции в России будет произведено частным сектором.

Конечно, российские частные предприятия молодые и нестабильные. Сделан только первый шаг в запуске и отладке функционирования механизма частной собственности. Тем не менее сейчас уже невозможно прийти к руководителю завода или владельцу магазина и сказать ему, что все это было шуткой и что он опять должен подчиняться мудрому руководству местного партийного комитета и согласовывать каждый шаг с вышестоящим чиновником из отраслевого министерства. Что он ответит, я думаю, понятно.

Главное — финансовая стабилизация

Повлиял ли референдум на перспективы финансовой стабилизации? Конечно, надо учитывать политическую ситуацию. В такое время крайне трудно принимать непопулярные меры и решения. Например, цены на уголь были отпущены только недавно, хотя на самом деле это надо было сделать, по крайней мере, на три месяца раньше. Правительству приходится увеличивать затраты на социальные нужды — такие как пенсии, дотации военнослужащим и т. д. За все это мы расплачиваемся ростом инфляции. Однако после референдума стало возможным усилить контроль над денежной и бюджетной политикой. Появилась, в частности, возможность направить Центральный банк по пути увеличения процентных ставок,

что нам не удавалось в период между маем 1992 г. и апрелем 1993-го. Процентные ставки были увеличены со 100 до 110%, затем до 120%, сейчас они достигли 170%, т. е. почти до уровня инфляции. К сожалению, это делается медленно. Мы бы, конечно, предпочли более радикальное решение. Но, по крайней мере, стало ясно, что Центральный банк начинает сотрудничать с правительством.

В течение долгого времени правительство пыталось остановить выдачу кредитов странам СНГ. Было совершенно ясно, что большинство этих денег в конечном счете оседало на московском валютном рынке. После референдума стало наконец-то возможным остановить выдачу подобных кредитов и превратить их в обычные экспортные кредиты с эффективным механизмом контроля. Это способствовало уменьшению ежемесячного процента денежной эмиссии. Таким образом, у нас появился шанс замедлить инфляцию хотя бы до 15% в месяц. Это все еще высокий уровень, но, по крайней мере, мы видим, что движение идет в правильном направлении.

Конечно, абсолютно ясно, что почти невозможно стабилизировать экономику в стране, где парламентское большинство делает все для подрыва реформаторских усилий, для разрушения бюджетной и денежной политики правительства. Следовательно, самой насущной проблемой на сегодняшний день остается даже не экономическая реформа, а скорее политическая. Совершенно необходимо провести новые парламентские выборы и обеспечить создание широкой, ориентированной на рынок коалиции в следующем составе парламента. Я лучше не буду вдаваться в политические подробности данной задачи, могу только сказать, что результаты референдума показывают: это не является нереальным.

Российским демократическим силам, однако, придется доказать свою способность объединяться не только в период экстремальных кризисов, когда они знают, что их расстреляют на следующий же день после их поражения. Необходимо создать целую политическую систему, которая обеспечит неуклонное продвижение России к цивилизованному обществу.

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Именно с этой точки зрения следует оценивать рабочую программу «Развитие реформ и стабилизация российской экономики»,

предложенную правительством. На мой взгляд, она в целом соответствует потребностям современной российской экономики. Она верно ориентируется на такие приоритеты, как достижение финансовой стабилизации, рост частных сбережений и частных капиталовложений, включает ряд положений, направленных на улучшение экономической ситуации в стране. Я бы сказал, что она идейно продолжает известную Программу углубления экономических реформ, подготовленную прежним правительством в 1992 г.

Но, как нередко бывает в жизни, и сегодня далеко не все зависит от программы, как бы хорошо она ни была составлена. Сейчас мы оказались в такой точке экономического развития, которая характеризуется двумя противоположными тенденциями.

С одной стороны, начинают сказываться последствия ограничительной политики, которая (с некоторым интервалом в декабре — январе) проводилась примерно с сентября прошлого года. Намечалась стабилизация обменного курса рубля, причем объективно ее возможность удержаться в этой ситуации, добиться перелома в направлении потока денежных ресурсов: сделать выгодным хранение денег не в СКВ, как принято у нас, а в рублевой форме. Это означает впервые за долгое время возникновение обратного потока капиталов из долларов в рубли.

Речь пока идет не о притоке частных капиталов из-за рубежа — на это уйдет еще несколько лет, но о перемещении активов предприятий, на счетах которых уже лежат 12 млрд долл. Уже сейчас они теряют 14% в месяц на том, что хранят деньги в долларах, а не в рублях. И так будет, пока сохранится существующая процентная ставка и существующий темп инфляции.

Переключение активов с долларов на рубли могло бы существенно изменить ситуацию на рынке.

Конечно, все же базовый фактор — это не инвалютный курс сам по себе и не валютная политика, не валютные интервенции и т. д., а внутренняя финансовая, денежная политика, темпы экспансии валютной массы.

С другой стороны, повышение устойчивости курса и создание предпосылок вполне возможной, на мой взгляд, стабилизации сочетается с очень опасными тенденциями в бюджетной и денежной области, которые стали обозначаться последнее время. Резко увеличились темпы сезонного кредитования, выходящие за рамки

наметок правительства и ЦБ. Частично это связано с высоким урожаем 1993 г., с тем, что весной не были решены проблемы его кредитования и нормальных закупок. Это связано также с политическим давлением и чрезмерными уступками правительства — с огромными обещаниями, которые были розданы на разных этапах регионам и отраслям национальной экономики.

В результате снова начал увеличиваться темп роста кредитной массы, которая уже вышла за рамки возможного, и снова стали нарастать бюджетные трудности. Конечно, тут огромную роль сыграл Верховный Совет, утвердивший беспрецедентно дефицитный федеральный бюджет.

Если эти разнонаправленные тенденции не учесть разумным образом в осмысленной финансовой и общеэкономической политике, то мы рискуем встретиться с резким ускорением темпов роста денежной массы в августе — октябре. Это неизбежно сведет на нет усилия стабилизационной политики.

Короче говоря, сейчас мы вновь приблизились к точке июля — августа прошлого года. Хотя прямая аналогия, какую проводят некоторые авторы, была бы неправомерной. Сейчас условия более благоприятны: многие предприятия так или иначе уже адаптировались к рынку, так или иначе урегулировались многие проблемы, связанные с экономическим взаимодействием республик, немало важный фактор — отличный урожай этого года.

Если сорваться и к осени снова получить разгон инфляции, это по крайней мере на год отодвинет шансы на финансовую стабилизацию, а значит, на два года шансы на реальное улучшение экономической ситуации.

Сегодня от того, какие решения сумеют принять правительство и Центральный банк — окажутся ли они способными овладеть ситуацией, привести свои решения в соответствие с тем, что экономически возможно, отказаться от лобовых приемов, воспроизводящих традиционные стереотипы (например, в закупочной политике), — от всего этого, на мой взгляд, сегодня зависит во много раз больше, чем от самой прекрасной программы.

Могут спросить: что следует делать правительству, чтобы страна избежала опасности срыва в гиперинфляцию?

Значительная часть вопросов находится в компетенции Верховного Совета, и правительство их не контролирует. Но многое в его

руках. Я постарался бы сконцентрировать внимание на нескольких практических областях. Первая из них — закупочная политика. Стремление правительства скупить чуть ли не весь урожай зерна — явный рецидив из другой экономической системы, из другой экономики. Сейчас есть все возможности для того, чтобы отменить обязательные закупки, уникальный случай организовать нормальный рынок сельхозпродукции. Государство должно закупить только то, что действительно нужно для федеральных нужд: для госрезервов, для армии, крупных городов. Надо ограничить размеры федеральных обязательных закупок лишь теми средствами, которые учтены в федеральном бюджете. И пусть крестьяне продают все, что у них имеется в излишке, на свободном рынке. При этом возможно будет отказаться от импорта зерна. Мировое сообщество нас поймет. Останется небольшая потребность в сое и кукурузе для кормов, но значительная часть этой потребности покрывается Индией в счет уплаты ее долгов. С Китаем можно договариваться о бартере, об обмене кормов на оружие.

Мы имеем возможность — первый раз с 1926 г. — получить нормальный зерновой рынок, где цены определяются спросом и предложением. В случае необходимости и государство сможет выходить на него, покупать то же зерно по рыночным ценам... Если же вместо этого продолжим лобовую линию, закупим все, что можем, заставив крестьян продавать по заданным ценам, и за счет напечатанных рублей расплатимся с ними, то, безусловно, ввергнем страну в пучину гиперинфляции со всеми вытекающими из этого последствиями.

Это только один пример. Есть возможности маневра и во внешнеэкономической деятельности, и во многих других областях. Так что положение небезвыходное, проблемы имеют решение. Но ситуация требует реальных и последовательных действий.

Побороть инфляцию можно, но, конечно, лишь при условии проведения в жизнь традиционных макроэкономических мер, прежде всего таких, как регулирование процентных ставок и денежной эмиссии.

Второй важнейшей задачей является проведение радикальной правовой реформы, особенно создание юридической базы для развития частной собственности. Мне бывает очень неприятно признаваться зарубежным слушателям, что до сих пор мы были не в состоянии исключить из нашего Уголовного кодекса положение, согласно

которому любой российский гражданин, вовлеченный в рыночную деятельность, вполне может быть подвергнут уголовному преследованию. Здесь я имею в виду понятие спекуляции, определенное Уголовным кодексом как приобретение товаров с целью их перепродажи. Конечно, этот закон сейчас не применяется, но он не отменен, он существует! И это отнюдь не способствует спокойствию российских предпринимателей. России срочно необходимо принять новый Уголовный кодекс, новое земельное законодательство и другие основные юридические положения, способствующие созданию здоровой правовой ситуации для развития экономики России.

Третьей принципиальной задачей является радикальное уменьшение роли правительства в управлении российской экономикой. Даже сейчас, после существенного сокращения затрат в военной области, у нас все еще сохраняются огромные правительственные затраты. Мы расходует неимоверно много государственных средств на строительство жилья, на закупку зерна и другие субсидируемые правительством отрасли. Все это может взять на себя частный капитал, способный действовать более эффективно. Правительство все еще несет бремя сооружения новых и содержания существующих предприятий. Да и расходы в военной области остаются все еще значительными.

Предстоит многое сделать в области сокращения правительственного аппарата и повышения эффективности его работы. Совершенно очевидно, что реформы в России не могут почти целиком опираться на правительственные капиталовложения, как это было в XVIII в. – во время проведения реформ Петром I, или в XX в. – в период индустриальных реформ Витте, или позднее, при сталинской индустриализации. В наше время правительство просто не в состоянии позволить себе проведение индустриализации подобного типа. Реальные изменения в российской экономике могут быть основаны только на частных капиталовложениях.

Поэтому выбор, стоящий перед нами, очень прост. Или мы сможем создать такую юридическую, экономическую и финансовую базу, при которой частные капиталовложения приведут к созданию молодой и динамичной экономики, или у нас будет долгий период застоя с очень низким уровнем капиталовложений (частично получаемых с Запада), увеличением безработицы, социального давления и опасностью так называемого Веймарского синдрома, иными

словами, опасностью прихода на волне экономического хаоса новой фашистской диктатуры (или коммунистической, что в определенном смысле то же самое).

Это серьезный выбор, от него зависит будущее не только России, но и всего мира.

Что будет, если победит концепция Лобова—Сосковца

Сама по себе идея усиления государственного влияния в экономике вполне реалистична. Во многих странах, например в Японии, Франции, Венгрии, Китае, она успешно осуществлялась на практике. Но, как показывает опыт, это стало возможным в силу наличия двух условий: стабильности финансовой системы (в этом случае инфляционный «разогрев», который всегда возникает при вмешательстве государства в экономику, не влечет тяжелых последствий) и, что еще более важно, сильного государства, располагающего реальными возможностями не только декларировать ту или иную программу, но и реализовывать ее на практике.

Совершенно очевидно, что сегодня в России отсутствуют оба этих условия: инфляция постоянно угрожает перерасти в гиперинфляцию, возможности же государства контролировать исполнение своих решений, после того как несколько лет назад распалась система партийно-государственного принуждения, являются минимальными.

Таким образом, стабилизация российской экономики зависит не от усиления государственного контроля, а от уменьшения дефицита государственного бюджета и снижения темпов инфляции.

Видимо, можно было бы еще долго спорить на тему, что первично: борьба с инфляцией или так называемое «спасение

Опубликовано в: Известия. 1993. 17 сентября.

В 1993 г. в правительстве В. Черномырдина противостояли две группировки — антиинфляционная, реформаторская (Б. Федоров, А. Чубайс и др.) и проинфляционная во главе с О. Лобовым и О. Сосковцом. Последний в конце августа 1993 г. подготовил Концепцию экономической политики, содержание которой и критикуется в статье Е. Гайдара, вернувшегося в правительство: 18 августа он был вновь назначен вице-премьером. — *Прим. ред.*

производства», – если бы у нас перед глазами не было весьма красноречивых примеров. Есть, например, Эстония и Латвия, где, несмотря на тяжелый энергетический кризис, проведение жесткой кредитно-финансовой политики позволило стабилизировать экономическое положение и увеличить объем инвестиций в промышленность. А есть Украина с ее значительными возможностями, где именно проведение политики государственного вмешательства в экономику вкупе с выделением льготных кредитов государственным предприятиям создало ситуацию, близкую к экономическому коллапсу.

В нашей стране исполнительная и законодательная власти не нашли пока в себе сил полностью отказаться от предоставления безвозвратных кредитов, которые являются основным источником бюджетного дефицита и галопирующей инфляции. Кстати, по этой же причине нереальной становится и реализация альтернативной концепции приватизации за деньги. Ведь чтобы выкупить имущество за деньги, необходимы реальные накопления, которые в России практически целиком уничтожены инфляцией. Поэтому настаивать на проведении денежной приватизации в сегодняшних условиях – это все равно, что предлагать остановить приватизацию как таковую. Более того, в случае попытки реализовать те меры, которые содержатся в альтернативных экономических концепциях Лобова и Сосковца (индексация основных фондов предприятий, создание фонда государственной поддержки предприятий и др.), инфляция быстро перейдет в гиперинфляционную стадию, что сделает и вовсе невозможным проведение денежной приватизации даже в крайне ограниченных масштабах.

Необходимо также хорошо представлять себе, что, остановив ваучерную приватизацию, правительство и парламент будут вынуждены в течение длительного времени по-прежнему оказывать финансовую поддержку государственным предприятиям, увеличивая и без того чрезмерные расходы государственного бюджета.

Те, кто говорит, что приватизация не приносит никаких позитивных результатов, не понимают сути происходящего. Приватизация – это длительный процесс. Она не решает в одночасье всех экономических проблем, а способствует развитию необходимых для рыночной экономики институтов, в том числе фондового рынка, который должен обеспечить перелив капиталов в наиболее перспективные

отрасли и предприятия, что, в свою очередь, создаст предпосылки для структурной перестройки российской промышленности.

В нашей стране из-за ее социальных и политических особенностей был выбран «мягкий» вариант приватизации. Но логика рынка такова, что чем «мягче» реформа, тем дольше придется ждать от нее каких-либо позитивных результатов. «Мягкость» российской приватизации проявляется прежде всего в том, что на ее первом, ваучерном этапе собственник, как правило, не меняется – контрольный пакет акций остается у трудового коллектива, а директор не лишается своего кресла. Более «жесткой» и более результативной приватизация станет после того, как начнется перераспределение собственности, когда собственность через фондовый рынок начнет искать себе наиболее умелого хозяина.

В альтернативных же концепциях вместо приватизации нам фактически предлагают сделать ставку на создание под государственным управлением финансово-промышленных групп, которые якобы смогут в кратчайшие сроки вытащить из кризиса всю российскую экономику. В действительности попытки сформировать такие группы «сверху» лишь усугубят основные экономические проблемы – дефицит госбюджета и инфляцию, а также, что не менее опасно, законсервируют неэффективную, доставшуюся России в наследство от Советского Союза структуру производства.

Проблема состоит в том, что в основе большинства альтернативных концепций лежат не принципы экономической необходимости, а ведомственные интересы. Впрочем, это неудивительно. Ведь в России, как и в Советском Союзе, правительство по своей сути является исполнительным органом ведомств. Большинство министров, за исключением четырех-пяти человек, отстаивают не общегосударственные, а ведомственные интересы, превращаясь в активных лоббистов на уровне исполнительной власти.

В странах развитой демократии министры выдвигаются политическими партиями, которые формируют правящую коалицию, коалицию большинства. В результате кабинет министров, как правило, проводит не ведомственную, а общенациональную политику. Российская же специфика приводит к тому, что ведомственные интересы берут верх над общенациональными.

Сегодня в российском правительстве сторонники государственного (читай: ведомственного) управления экономикой находятся

в численном большинстве. Поэтому направление дальнейшего экономического развития России во многом зависит от позиции президента. В последнее время он пытается балансировать между реформаторами и «государственниками» в правительстве. Но положение складывается таким образом, что ему все-таки придется сделать свой выбор. Этот выбор окажет решающее влияние на развитие российской экономики и самого российского государства.

Самая верная политика — это ответственная политика, а не популизм

Ситуация, сложившаяся в 1989–1991 гг., когда спрос превышал предложение, цены были фиксированными, занятость полная, избыточная денежная масса реализовывалась в нормированном распределении в очередях, цены черного рынка резко оторвались от официальных цен, а сбережения носили вынужденный характер, отнюдь не чисто социалистический феномен. Подобные явления присущи и рыночным экономикам, но в военных условиях. Главная беда любой экономики, работающей в условиях подавленной инфляции, — кризис механизма ее государственного регулирования. Если рынок отключен от текущего регулирования, не обеспечивает взаимосвязи хозяйственных субъектов, то необходима жесткая авторитетная власть, способная перераспределять ресурсы по своему усмотрению.

Ситуации с подавленной инфляцией и недостаточно авторитетной властью тоже хорошо известны в мировой истории. Пожалуй, самый яркий эпизод — Россия в 1914–1917 гг., когда страна вошла в режим подавленной инфляции, а царское правительство оказалось недостаточно сильным и авторитетным, чтобы непосредственно перераспределять ресурсы. Оно ввело конфискацию зерна, административное перераспределение и продразверстку, но не сумело все это последовательно реализовать, скажем, взять зерно в Украине, Сибири, на Северном Кавказе и доставить его в крупные города. В 1989–1991 гг. — тот же набор характерных явлений.

Опубликовано в: Экономика и организация промышленного производства. 1993. № 11.

Рынок не работал, цены не равновесные, сбережения вынужденные, а власть с каждым днем все больше теряет способность перераспределять ресурсы.

Наиболее болезненный симптом и результат такого кризиса — кризис хлебозаготовок. За деньги крестьяне продавать хлеб не хотят, а силой забрать его у них уже не могут. Наглядный пример — четырехкратное падение объема хлебозаготовок за неделю в августе 1991 г. Если до августа крайкомы и райкомы могли еще что-то по инерции выбить, то с 21 августа эта «машина» работать перестала. Существующего запаса зерна в 212 млн т хватило бы примерно до января. Больше его взять было невозможно. Валютные ресурсы страны в 1989–1991 гг. были исчерпаны. Образовался острейший кризис задолженности. Ситуация была практически безвыходной. Люди, понимающие, что происходит, в сентябре — октябре 1991 г. пытались уйти от ответственности за любые экономические решения. Союзное правительство в состоянии полной растерянности, пытаясь уговорить кредиторов продолжать поставки, согласилось на российскую задолженность на беспрецедентных условиях вывоза остатков отечественного золотого запаса за границу и ликвидации российской банковской системы за рубежом.

Повторилась ситуация 1917 г., когда нужно было либо заставить рынок работать быстро и любой ценой, не думая об имеющихся предпосылках, либо пойти по пути эскалации механизма подавленной инфляции. Убежден, что первый вариант был более ответственным в этой ситуации, а второй привел бы нас к немедленному развалу России.

Что за полтора года изменилось? Что удалось, а что нет? С начала реформы у нас было две программы — минимум и максимум. Программа-минимум — перевести подавленную инфляцию в открытую, преодолеть кризис снабжения городов, создать предпосылки формирования институтов рыночной экономики и приватизации. Программа-максимум — сделав все это одновременно жесткими мерами, жесткой финансовой политикой, не допустить ускорения высокой открытой инфляции, инфляционной инерции, т. е. сразу в течение года сделать экономику не только рыночной, но и низкоинфляционной. Программа-минимум более или менее удалась, программа-максимум — нет.

На сегодня рынок заработал, проблемы хлебозаготовок и снабжения городов отошли в прошлое. Радикально изменилось валютно-финансовое положение страны. Мы начинали реформу в предельно опасной ситуации, когда у российских предприятий и у государства были практически нулевые валютные резервы (несколько десятков миллионов долларов). Сейчас у предприятий примерно 12 млрд долл., у государства — 6 млрд. Это в общем-то небольшие резервы, но вполне достаточные для устойчивого валютно-финансового положения.

Из месяца в месяц начал расти экспорт машинно-технической продукции, хотя он по-прежнему играет мизерную роль в экономике. Резко сократив уровень военной нагрузки на экономику, мы поставили перед военно-промышленным комплексом тяжелейшие и трудноразрешимые задачи. Падение производства здесь было резким. Оно в огромной степени стало детонатором общего падения производства в высокотехнологичных отраслях. Тем не менее сейчас ВПК адаптировался к новому уровню производства, темпы падения резко снизились. Сегодня 80% продукции ВПК — гражданская продукция.

Открытие рынка, либерализация цен создали предпосылки для начала приватизации. Люди, которые говорят, что будто надо было провести приватизацию до либерализации цен, плохо представляют себе, что такое на самом деле торговля в условиях дефицитного распределения при несвободных ценах. Ведь магазин в 1991 г. был не торговым предприятием, а агентом государства по распределению дефицитных товаров. Приватизировать его было так же конфликтно, как приватизировать коммунальные запасы продовольствия в осажденном городе. После того как оно становится хуже или лучше работающим, но все-таки нормальным торговым предприятием, с прибылью реализовывающим продукцию, открываются возможности нормальным путем — через конкурс или аукцион — его приватизировать. Приватизацию удалось разблокировать.

Чем мы заплатили за преобразования, начатые в столь кризисной ситуации? Самое наглядное — это падение производства. Но, во-первых, оно началось не в 1992 г., а в 1989 г. И шло с ускорением до осени 1992 г., затем несколько замедлилось. Во-вторых, падение производства из-за сокращения производства вооружений

и всего того, что его обслуживало, либо сокращение производства того, что никогда не было нужным, естественно и разумно для нашей страны. Так, огромная часть экономики работала на водную мелиорацию — это 10 млрд руб. капитальных вложений в старых ценах, что в 20 раз больше, чем в лесную и обрабатывающую бумажную промышленность. Это и целый комплекс отраслей, в том числе цементная промышленность, строительство. Все это, не оправданное в рыночной экономике, но существовавшее в экономике российской, постепенно «отпадает».

Надо отметить, что ни в одной стране, входящей из кризиса в реформу, в механизм регулирования подавленной инфляции, падение производства ниже 30% не бывает (от 30 до 40% в зависимости от условий и специфики страны). И мы не стали исключением. На мой взгляд, неизмеримо более серьезной платой за начатые в столь тяжелых условиях преобразования был резкий рост дифференциации доходов. Социалистическое общество при всех серьезных, плохо отражаемых в статистике привилегиях традиционной элиты было обществом относительно эгалитарным, по крайней мере по денежным доходам. Запуск рыночных механизмов всегда ведет к краткосрочному росту дифференциации. У нас это шло кризисно, на фоне высокой инфляции, создающей огромные возможности для спекулятивных доходов.

Не стоит верить безграмотным рассуждениям, будто у нас 90% людей стали бедными. Такого вообще не бывает. По вполне серьезным оценкам, у нас сегодня 36–37% бедных. Это очень много. И особенно неприятно то, что дифференциация росла на фоне стагнации производства и снижения общего уровня жизни, т. е. у крупных, традиционно среднедоходных групп населения резко сократились реальные доходы. На мой взгляд, это сейчас, пожалуй, самая серьезная долгосрочная стратегическая проблема, которая не имеет лобовых решений, потому что простым распределением, скажем дополнительными обильными социальными программами, ее не решить, в частности, потому, что у нас и так слишком высокий уровень налоговых изъятий.

Часто раздаются жалобы на то, что многие не платят налогов. Да, это так. Но надо иметь в виду, что этого зла нам не избежать уже потому, что у нас беспрецедентно высока доля налоговых изъятий. Особенно для страны нашего уровня развития. В 1992 г. вместе

с внебюджетными фондами мы перераспределили около 55% ВВП. А нормально для стран с аналогичным нашему уровню развития — 30–35%. Невозможно развивать рынок, имея 50–55% налоговых изъятий — ведь это означает, что у предприятий отбирается почти все. Попытки увеличить эту долю будут только стимулировать уклонение от налогов. И тут не стоит строить иллюзий относительно результативности и всемогущества налоговых инспекций и налоговой политики. Более того, у нас сегодня, как это ни парадоксально, в силу традиции экономики социализма, в силу того, что крупные предприятия имеют традицию платить налоги, неплохо работают механизмы изъятия налогов при всеобщем крике, будто их не платят. Скажем, нормальный показатель эффективности НДС у нас выше мирового — по итогам 1992 г. и первого полугодия 1993 г. он на уровне Финляндии и Норвегии.

Надо быть готовыми и к тому, что с развитием рынка и приватизации возможности государства мобилизовывать доходы будут сокращаться. Поскольку год рыночных реформ породил резкую дифференциацию доходов, теперь либо мы создадим механизм рыночного роста, который обеспечит предпосылки для регулирования наиболее острых социальных конфликтов, либо мы на это не способны и получим другую рыночную экономику — с растущими социальными конфликтами, застойной бедностью. Экономику, в которой на смену очередям за хлебом придут очереди за бесплатной похлебкой. Экономику с глубокими внутренними источниками нестабильности, которая не динамична и практически неизбежно подводит нас к неразрешимому социально-политическому конфликту, т. е. несовместимую с демократией. Можем получить германскую экономику 20-х гг.

От чего зависят возможности восстановления экономического роста России? Во-первых, существует иллюзия, будто можно обеспечить экономический рост, накачав экономику пустыми, инфляционными деньгами. Эта иллюзия по-иному называется приоритетами подъема производства. Ничего, кроме очередной инфляционной волны, она не принесет. Поясню: количество реальных денег (денежная масса, деленная на индекс цен) с увеличением эмиссии только сокращается. Дело в том, что при инфляции объективно падает доля денег в валовом национальном продукте. Видя, что деньги обесцениваются, вы стараетесь хранить их меньше.

Поэтому если цены вырастут в 4 раза, то денежная масса лишь в 2 раза. Если же вы попытаетесь увеличить ее в 4 раза, то цены подскочат в 8 раз, так как хозяйственные субъекты и дальше будут сокращать денежные активы. У нас сегодня доля денежной массы в ВВП равна 15%. Если мы встанем на этот путь, то вполне можем достичь до 1–1,5%. Значит, на этом пути никакого роста производства получить не удастся.

В России с характерными для нее незначительными ресурсами для накопления и малыми частными сбережениями традиционно само государство обеспечивало инвестиции в производство, мобилизуя их за счет налогов. Так было и при Витте, и при Сталине. Но сегодня этот путь для нас закрыт опять же потому, что доля налоговых изъятий в ВВП запредельная. Получается, что мы просто обязаны обеспечить условия для роста частных сбережений и частных инвестиций. Создание предпосылок для динамичных частных инвестиций становится не третьестепенным вопросом, а главным для нашего экономического будущего. И здесь учреждением очередного фонда в поддержку частного предпринимательства или введением налоговых льгот для того или иного вида бизнеса не обойтись. Нужно создать полноценную, эффективную «окружающую среду», в которой частные инвестиции смогут стать реальностью. Все экономические чудеса в XX в. подпитывались всплеском частных вложений. Общество много вкладывает в производство, богатеет, получает больше сбережений, опять вкладывает их в производство, еще быстрее богатеет.

Условия, необходимые для роста экономики, хорошо известны и не вызывают споров, по крайней мере среди специалистов: это денежная стабильность, низкая инфляция, низкие процентные ставки, умеренные налоги, надежная правовая база, дающая гарантии частной собственности. Конечно, за каждой из них стоят серьезные препятствия и проблемы. Но эта жестко заданная сейчас для России стратегия предопределяет выбор основных направлений реформ, от нашей способности реализовать которые зависит, станут ли тяготы 1992 г. прологом к экономической стагнации или к устойчивому развитию.

Речь идет, во-первых, о разгрузке государства от не свойственных ему в условиях рынка функций, во-вторых, о реформе бюджетного устройства. За 1992–1993 гг. не доверяющие друг другу

правительство и парламент напринали массу противоречивых финансовых решений, создали автономные источники финансирования. Так, парламент «прикарманил» себе Пенсионный фонд, взял под свой контроль Фонд занятости и Дорожный фонд, а правительство создало фонды, находящиеся, строго говоря, вне бюджета, в частности Фонд финансового регулирования топливно-энергетического комплекса. У каждого свои сборщики налогов. Экспансия внебюджетных фондов наблюдается и на местном уровне. В итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда в 1992 г. внебюджетные фонды «перевесили» бюджет на 10%. В результате органы власти не располагают достоверной информацией и не могут разумно маневрировать финансовыми источниками.

Немобилизуемые совокупные остатки внебюджетных средств составили в 1992 г. 5,6% ВВП, что в 8 раз превосходит расходы на культуру и превышает совокупные расходы на культуру, науку, здравоохранение и правоохранительные органы, вместе взятые. Эти деньги, как правило, вложены в коммерческие структуры, банки, приносят проценты. Правительство не имеет возможности мобилизовать их и управлять ими из-за того, что нет нормального взаимодействия с законодательной властью.

Теперь о финансовой поддержке сельского хозяйства. У нас дотации сельскому хозяйству традиционно высоки, в несколько раз выше, чем принято в мире, — до 1,2% ВВП (США — 0,6%). Более того, сезонное кредитование носит бюджетный характер. Без земельной собственности не может быть и нормального залогового права. А без последнего коммерческое кредитование сельского хозяйства вообще невозможно. Поэтому кредитование ложится бременем на государство. Неся ответственность за сезонное кредитование, государство дает деньги, во-первых, под низкий процент, во-вторых, возврат их не гарантирован (безвозвратно), в-третьих, в условиях, когда инфляционная волна, вызванная каждым следующим сезонным кредитованием, практически обесценивает сумму задолженности.

Таким образом, незавершенность правовых реформ, необходимых для нормальной работы рынка, и финансовая нестабильность тесно связаны между собой. Надо иметь в виду, что сезонное кредитование в 1992 г. составило 7,5% ВВП, намного превысив расходы на оборону, не говоря обо всем остальном. Конечно, вмиг, даже

приняв земельное законодательство, нам от сезонного кредитования не избавиться. Это довольно длительный процесс. Предстоит сформировать соответствующую инфраструктуру, полноценные коммерческие банки, в течение трех лет сократить бюджетную поддержку сельского хозяйства до принятых в мире норм. Освободившись от функций, не свойственных государству в условиях рыночной экономики, оно может сконцентрировать усилия и финансы на наиболее критических социальных программах, среди которых помощь семьям с детьми. Надо сказать, что у нас самой обездоленной оказалась именно эта категория населения, а вовсе не пенсионеры. Если доля бедных составляет 37%, то в бедных семьях живет 45% детей. Система финансовой поддержки семей с детьми традиционна и дает хороший перераспределительный эффект, выравнивает доходы по наиболее уязвимым группам. Соответствующая программа разработана и обойдется относительно недорого — лишь в одну седьмую сезонного кредитования сельского хозяйства.

Наряду с подобными программами, позволяющими управлять социальными конфликтами, можно было бы постепенно, ликвидировав финансовые диспропорции, снижать темпы инфляции, процентные ставки, проводить налоговую реформу, постепенно доводя уровень налогов до 37–38%. При этом сохранить НДС и развить систему налогов на ресурсы (в том числе на землю), стимулирующих эффективность их использования. Но нужно понимать, что эти налоги нормально работают только в том случае, если темпы инфляции невысокие. В противном случае они неизбежно обесцениваются.

Несколько слов о тактике. Раз в несколько месяцев у нас возникает кризис экономической политики, когда страна встает перед выбором, в какую сторону идти. Вот и сейчас налицо два противоречащих друг другу процесса. С одной стороны, признаки финансовой стабилизации: резко возросшие валютные резервы, высокая ставка процента по рублевым активам, урегулированные безналичные отношения с государствами Содружества, долгосрочная устойчивость курса рубля без крупных валютных интервенций со стороны Центрального банка, до июля относительно благоприятная общая динамика денежной массы. Все это благоприятствует тому, чтобы удержать стабильный курс рубля на протяжении следующих месяцев. А что значат сейчас несколько месяцев стабильности курса?

Средства российских предприятий почти равномерно распределены между рублевыми и долларовыми активами. В условиях инфляции это естественно. Разумные хозяйственники легально держат активы в долларах (в общей сложности это 12 млрд долл.): вы переводите рубли в доллары, размещаете активы в долларах, получаете позитивную ставку. Когда вам нужны рубли, вы уже по обесценяемому курсу рубля переводите доллары, оказываясь в выигрыше. Сейчас ситуация иная: каждый доллар активов приносит ежемесячно 14% убытков, потому что, конвертировав его в рубли, вы получите 14% прибыли в месяц на размещенные активы, а в долларах — только 0,1%. Возник мощнейший стимул перевода денег из долларов в рубли. Но ему противодействует неуверенность в том, что этот курс сохранится. Это рискованная игра. Есть, с одной стороны, мощный стимул перевода долларовых активов в рублевые, позволяющий в принципе поддерживать курс и на этой основе затормозить инфляцию, с другой — мощное давление, направленное на резкое увеличение темпов роста денежной массы. Уже в июле она заметно выросла под влиянием нескоординированных действий в денежной области, выданных избыточных кредитов. В августе давление не уменьшилось.

Правительство приняло немало дорогих решений, которые Минфин может какое-то время финансировать, но его возможности безграничны. Это очень конфликтная политика. И есть соблазн резко увеличить объемы кредитования, которое приведет к падению курса. Окажутся бессмысленными все усилия, направленные на его поддержку. Оправдываются панические ожидания, усиливается стремление перевести активы в долларовые. А разгон рублевого курса доллара — дополнительный мощный стимул к ценовой инфляции, росту потребительских цен. Вместо того чтобы иметь осенью–зимой постепенное падение темпов инфляции, мы получим мощную инфляционную волну. Задача финансовой стабилизации отодвинется по крайней мере на год при хорошем варианте развития событий, конечно, если мы не впрыгнем в украинскую ситуацию.

Сегодня реальная альтернатива и принципиальные экономико-политические решения будут связаны с тем, как правительство и президент на нее отреагируют. В условиях политического противостояния велик соблазн выбрать второй вариант: купить регионы,

дав одному триллион, другому... Они будут довольны, поддержат на выборах. Но это политика безответственная, опасная. Убежден, что президент ничего не выиграл накануне референдума набором далеко идущих популярных мер, связанных с замораживанием цен на бензин и массой прочих обещаний. По-моему, потенциал такой декларативной политики полностью исчерпан. У нас умный народ, который понимает, зачем это делается и что за этим последует. Поэтому, несмотря на напряженную политическую ситуацию, ответственная политика — самая правильная политика.

Путь в никуда

По поводу статьи С. Глазьева¹

Статья Сергея Глазьева «Борьба с инфляцией» стала одним из самых заметных явлений в предвыборной кампании 1993 г. И не только потому, что эта статья заняла всю первую страницу самого читаемого в стране экономического еженедельника «Экономика и жизнь», но и потому, что в этой статье один из наиболее талантливых российских экономистов систематически изложил претензии оппозиции к экономической политике нынешнего правительства.

По мнению С. Глазьева, стандартные методы макроэкономической стабилизации неприменимы в России, поскольку здесь отсутствуют адекватные микроэкономические механизмы, а именно ценовая конкуренция и банкротство предприятий.

Слабость и неэффективность ценовой конкуренции С. Глазьев связывает с высокой степенью монополизации российской экономики, в которой, по его словам, в большинстве отраслей свыше 80% продукции выпускается одним или двумя предприятиями. При этом Сергей Юрьевич, однако, забывает упомянуть о том, что это «большинство отраслей» представляют собой отрасли военно-промышленного комплекса, в которых и потребитель продукции только один — Министерство обороны.

Из архива Е. Т. Гайдара. Подготовлено к печати в декабре 1993 г.

¹ См.: Глазьев С. Борьба с инфляцией // Экономика и жизнь. 1993. № 47. Ноябрь. — Прим. ред.

Впрочем, разговоры о высокой степени монополизации российской экономики, активно ведущиеся у нас в стране и за рубежом, остаются разговорами, пока они не подтверждены фактологическими исследованиями.

Между тем недавно проведенное группой американских экономистов сравнение степени монополизации различных отраслей в США и России показало что вопреки распространенному мнению:

- крупнейшие российские предприятия имеют меньшие размеры, чем крупнейшие предприятия в большинстве развитых стран;
- на крупнейшие российские предприятия приходится весьма скромная доля производимой продукции;
- в российской необоронной промышленности очень мало предприятий-монополистов, а сами предприятия-монополисты сравнительно невелики по размерам; на эти предприятия приходится всего 0,2% выпуска гражданской продукции;
- степень концентрации производства в американской обрабатывающей промышленности, по крайней мере, не меньше, чем в российской;
- фирмы с доминирующим положением (доля на отдельном рынке свыше 35%) не доминируют в народном хозяйстве — их доля в общем объеме продукции составляет 7,6%.

Таким образом, аргумент о высокой степени монополизации российской экономики просто не выдерживает проверки фактами.

Что же касается необходимости института банкротства для достижения успехов в антиинфляционной политике, то здесь С. Глазьев становится жертвой того самого догматического подхода к экономической политике, в котором он обвиняет российское правительство.

Доктору экономических наук Глазьеву прекрасно известен опыт экономических реформ и осуществления программ стабилизации в странах Восточной Европы. Как раз этот опыт и опровергает расхожую догму о необходимости банкротств для успеха программ стабилизации. В Польше, которая сейчас может однозначно считаться образцом успешной стабилизации, банкротств не было вообще. В других странах, добившихся аналогичных успехов (Чехия, Эстония, Латвия), банкротства исчисляются единицами. Так что неудачи

антиинфляционной политики в России никак не могут быть связаны с отсутствием или наличием института банкротства.

Немало места в статье С. Глазьева уделено критике конкретных антиинфляционных мер правительства. С некоторыми его доводами трудно не согласиться. Действительно, секвестирование бюджетных расходов крайне дестабилизирует работу бюджетных отраслей народного хозяйства.

Однако вслед за этим следует вывод о том, что величина бюджетного дефицита не оказывает влияния на темпы инфляции. Действительно, такой однозначной связи нет: темпы инфляции определяются суммарным воздействием трех факторов — бюджетного дефицита, кредитов Центрального банка коммерческим банкам и покупки валюты Центральным банком, при этом бюджетный дефицит ответственен примерно за 50% инфляции в прошедшие два года (1992–1993 гг.).

По поводу централизованных кредитов С. Глазьев сетует, что из-за отсутствия структурной и промышленной политики распределение кредитных ресурсов осуществляется путем торга между конкурирующими группами давления.

Тут все перевернуто с ног на голову. Как раз из-за сильнейшего лоббизма конкурирующих групп давления оказывается невозможным проведение какой бы то ни было осмысленной промышленной политики.

Можно подумать, что если С. Глазьеву дадут возможность такую политику разработать, то лоббистские группы умерят свои аппетиты и послушно согласятся с приоритетами селективной политики, выработанными в тиши кабинетов на основе научного анализа и государственных интересов. Как бы не так — ведь речь идет об очень больших деньгах.

Серьезно критикуется в статье также политика стабилизации обменного курса валюты. Действительно, стабилизация курса валюты негативно повлияла на конкурентоспособность отечественных товаров. Однако следует помнить, что ни правительство, ни Центральный банк не провозглашали своей целью стабилизацию валютного курса и не прикладывали для этого специальных усилий. Даже наоборот — ЦБР осуществлял скупку валюты для предотвращения чрезмерного падения курса доллара.

Стабилизация курса, таким образом, стала закономерным результатом политики финансовой стабилизации, результатом

изменения поведения рыночных субъектов и новой ситуации на рынке.

Недовольные же будут всегда. Только вчера мы слышали крики негодования по поводу того, что курс доллара безумно завышен и нужны массивные субсидии импортерам. Сегодня заводят другую песню: курс доллара занижен, нужны субсидии экспортерам. Смысл здесь один — многие российские предприятия с установлением более реалистичного валютного курса российского рубля потеряли сверхприбыли, которые они получали от экспорта, или стали более открытыми для конкуренции со стороны импортируемых товаров.

Но говорить о том, что нынешний курс валюты подрывает конкурентоспособность отечественной промышленности (как это делает С. Глазьев), — это значит быть очень далеко от истины. Ведь даже при существующем валютном курсе цены в России в 4 раза ниже, чем в США, а заработная плата — в 20 раз ниже.

Что же предлагается взамен «иррациональной догматической экономической политики»? Как выясняется, все то, чем сейчас занимается правительство: формирование механизма рыночной конкуренции на микроуровне, законодательство об ответственности по контрактным обязательствам, развитие арбитражных судов, эффективная приватизация. Но все эти меры могут быть реализованы лишь постепенно — а с инфляцией надо бороться немедленно.

Между тем по главным проблемам антиинфляционной политики — кредитно-финансовым — С. Глазьев никаких решений не предлагает. Но альтернатива здесь жесткая: либо ограничительная политика, которой придерживается нынешнее правительство, либо безответственная кредитная эмиссия, ведущая к гиперинфляции, к немедленному краху национальной экономики по украинскому образцу.

Впрочем, еще одну меру представляет автор в качестве антиинфляционной — это создание промышленно-финансовых групп. Из заключительных абзацев статьи мы узнаем, что реализуемая сегодня политика приватизации, ориентированная на дезинтеграцию сложившихся объединений предприятий, усиливает инфляцию, поскольку «свободные цены теперь устанавливаются там, где раньше цены устанавливались в соответствии с внутривозвратской

кооперацией». И наоборот: по мысли автора, создаваемые государством финансово-промышленные группы, несмотря на свое монопольное положение, будут стабилизировать цены.

Чем объяснить это противоречие в тексте одной статьи: с одной стороны, монополизм — основная причина инфляции, с другой стороны — демополизация тоже усиливает инфляцию? Я полагаю, только интересами предвыборной кампании. Только этим можно объяснить ситуацию, когда экономист с европейским образованием забывает азы экономической теории, игнорирует опыт других стран и, наконец, впадает в логическое противоречие с самим собой.

Статья С. Глазьева — это лучшее подтверждение бесплодности всех попыток центристской оппозиции найти третий путь к рынку. Есть только два пути: путь, которым идет большинство стран мира, путь либеральной реформы, и путь назад, к командной системе. Третий путь — путь иллюзий, путь в никуда.

Новый курс. Возрождение государственного регулирования обогащает богатых и разоряет бедных

Прошло два месяца после выборов 12 декабря. Время достаточное, чтобы и политики, и общество успели осмыслить новую ситуацию, сделать свои выводы. Сказанное ниже выражает мою личную точку зрения, хотя к этим выводам я пришел во многом в результате консультаций с коллегами по «Выбору России».

РЕФОРМЫ ОКОНЧЕНЫ. ЗАБУДЬТЕ

Первая мысль, которую постоянно повторяют все, кто анализирует ситуацию, — закончен «героический период» российской реформы, начатый в конце 1991 г. «Выборы красноречиво (дальше некуда)

Опубликовано в: Известия. 1994. № 26. 10 февраля.

подтвердили исчерпанность курса радикального реформизма». С этим как будто согласны все: и сторонники, и противники «Выбора России», и оппозиция, и правительство, и жители России, и иностранные наблюдатели.

Спорить не приходится — политическое отступление налицо. Неудача на выборах, уход из правительства. Все это факты бесспорные.

Что же, в этом не было бы ничего скверного. Вполне нормальны и перемены политического и экономического курса и соответствующие персональные замены. Глупее всего занимать позицию непримиримого доктринера, у которого осталась лишь одна фраза: «Не могу поступиться принципами». «Ничего не забыли и ничего не поняли» — очень надеюсь, что это не наша позиция.

Смена курса оправдана в двух случаях. Когда поставленные задачи выполнены, ситуация в стране улучшилась и стабилизировалась настолько, что курс исчерпан, можно переходить к новой тактике для решения новых задач. В этом случае избиратели часто «благодарят» победившее «жесткое» руководство, проваливая его на выборах. Пожалуй, самый яркий пример такого рода — поражение У. Черчилля на выборах после победоносного завершения войны в Европе. Самый свежий — поражение правительства Х. Сухоцкой¹ в Польше после того, как восстановление здесь экономического роста стало очевидной реальностью.

Противоположный случай — курс меняют ввиду его очевидного провала, когда ситуация в стране ухудшилась, дестабилизировалась, стала неуправляемой настолько, что необходимо срочно менять тактику, чтобы не получить национальную катастрофу. Здесь можно вспомнить конец 1991 г., когда пришлось срочно менять правительство И. Силаева.

В обоих случаях проводившийся курс исчерпал себя, пришел к логическому завершению — или победе, или поражению.

У нас ситуация существенно иная. Задачи, поставленные в конце 1991 г., решены, но лишь частично — сделаны только первые шаги. Да, появились товары в магазинах, хотя и цены, и выбор оставляют желать лучшего. Удалось удержаться на краю гиперинфляции, но лихорадка инфляции продолжает «трепать» нашу экономику. Изменилась ситуация в области внешней торговли, экспорт

¹ Сухоцкая Ханна — премьер-министр Польши в 1992–1993 гг. — *Прим. ред.*

значительно превысил импорт, но структура и того, и другого нас глубоко не удовлетворяет. Увеличились валютные резервы — казна была практически пуста, а к концу 1993 г. валютные резервы страны составили свыше 4,5 млрд долл., но для такой страны, как наша, этого явно недостаточно. Прделана громадная работа по приватизации, но избранный вариант не является самым экономически разумным, мы вынуждены были на него пойти под давлением Верховного Совета, и в ближайшее время здесь возможны значительные потрясения. Перебирать можно долго, но общий баланс ясен: сделано полшага. Из абсолютного тупика ноября 1991 г. выйти удалось, не свалившись ни в экономический коллапс, ни в гражданскую войну, ни в диктатуру. В этом смысле стратегия и тактика реформ показали свою эффективность, экономика избежала летального исхода, более чем возможного в 1991 г. Но не удалось создать серьезный задел для решения главной задачи — структурной перестройки всей экономики, массивных инвестиций, обновления технической базы, роста производства, возникновения здорового среднего класса. Реформы не исчерпали себя, их просто прервали.

Может быть, однако, найден более эффективный курс? Этого не утверждают, кажется, даже наши оппоненты. Беда в том, что пока никакой курс взамен вообще не предложен. Единственное теоретическое новшество, пожалуй, заключается в демонстративном отказе вообще от «теоретических мудрствований», в установке на «практику», практический опыт. Сама идея «команды», объединенной экономической идеологией, отброшена. Г. Явлинский назвал новое правительство «типично советским». С фактической стороны это утверждение не вполне верно — например, как раз первое «советское» правительство 1917 г. было одной командой, объединенной жесткой идеологией (другое дело — какой именно идеологией). Однако пафос Явлинского ясен, и, если не вдаваться в исторические детали, с ним можно согласиться. Нет правительства единой идеи, единой логики. Есть собрание руководителей разных ведомств, озабоченных судьбой своих ведомств. Если же нет центральной экономической идеи, то очень трудно, почти психологически невозможно противостоять идущим отовсюду лоббистским требованиям, требованиям субсидий, льготных кредитов и т. д. Министр, внутренне считающий, «что хорошо для моей отрасли, то хорошо

и для России», и знающий, что его отрасли сегодня нужны деньги, просто не может постоянно насиловать себя, проводя — во имя каких-то там абстракций! — антиинфляционистскую политику. Так и работает практик, «хорошо знающий производство», — пытается ежедневно удерживать производство на плаву.

Однако отсутствие ясно отрефлексированной идеологии вовсе не значит, что нет вообще никакой идеологии. Идеология есть. Эта идеология банальна: «пусть идет, как идет». Идеология мелких колебаний. Теоретически неплохая в определенных ситуациях (например, в условиях роста производства, финансовой стабильности), в переживаемых нами экстремальных обстоятельствах она опасна для страны. Реально «пусть идет, как идет» оборачивается «пусть валится, как валится». Сиюминутное спасение производства путем бумажных инвестиций есть помощь конкретным руководителям отрасли ценой ограбления России. Нет и не будет при экстремально высокой инфляции настоящих, в твердой валюте инвестиций. Нет и не будет при инфляции структурной перестройки экономики. Нет и не будет при инфляции технологического перевооружения промышленности. Нет и не будет при инфляции среднего класса — он размывается в точном соответствии с обесценением рубля. Иначе говоря, в ситуации инфляции невозможно решение тех главных, фундаментальных задач, от которых наше общество прячет голову в песок, как страус, вот уже более 20 лет.

ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Перестройка 1985 г. возникла не как результат чьей-то прихоти. Отставание от передовых стран — технологическое, структурное, экономическое — накапливалось в течение десятилетий и приобрело к тому моменту угрожающий характер. СССР был на краю современной цивилизации, был абсолютно не готов войти в цивилизацию XXI в. С тех пор прошло 9 лет — и ни одна задача из числа технико-экономических задач, которые и вызвали перестройку, по-прежнему не решена. XXI век подошел вплотную, а мы стали еще дальше от него. О проблемах технологического, экономического отставания от Запада даже и упоминать перестали, все думают лишь о том, как выжить в обозримые три-четыре месяца. Но ведь если о проблеме молчат, она от этого не исчезла, она лишь усугубилась.

Глобальная проблема России — ответить на вызов времени, войти в число современных в технологическом, экономическом, социальном смысле держав. Это действительно историческая проблема, которую пытались решать все реформаторы, великие и малые, кровавые и мирные — Петр и Ленин, Александр II и Столыпин, Сперанский и Витте, Сталин и Горбачев. Бег России к мировой цивилизации напоминает погоню Ахиллеса за черепахой — огромными сверхусилиями удавалось «догнать и перегнать», особенно в военной технологии. А затем мир «незаметно», но непрерывно уходил вперед, и опять после позорных и мучительных поражений страна «группировалась к прыжку» и совершала новый рывок — и все повторялось... Трагический, «рваный, квантованный» цикл русской истории, истории рывков и стагнации. Только считанные годы были для органического развития экономики (конец XIX — начало XX в.), но результаты оказались замечательными. Промышленность, хотя и не до конца освобожденная, но все же максимально свободная за всю историю страны, начала быстро сокращать технологическое отставание от Запада. Я убежден: несмотря на последующие трагические десятилетия, потенциал «русского чуда» сохранился и сегодня, надо только дать ему нормальные стартовые условия.

Беда русских реформ была в том, что, столкнувшись с очередной необходимостью немедленно ответить на вызов времени, лидеры страны шли, казалось бы, единственно возможным путем: напрягли мускулы государства. Через сверхусилия государства стремились быстро вытянуть страну. От Петра Великого до Сталина — Берии мы имели возможность экспериментально проверить правильность такой «самоочевидной» тактики.

Идеологию такой реформы выразил в своем пророческом произведении, квинтэссенции русской истории, А. С. Пушкин:

О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Пушкина восхищала и ужасала грозная сила этой «сверхдержавной реформы». Но опыт показал: за рывком неизбежны стагнация и (или) обвал. Страна не может долго стоять «на дыбах».

Сверхусилия государства даются дорогой ценой — ценой истощения общества. Решая проблемы модернизации, Российская (а затем советская) империя только с одной стороны боролась с внешним миром. С другой стороны, имперское государство боролось со своим обществом. Каждый раз в экстремальной ситуации государство насилывало общество, обкладывало его разорительной данью. В результате задача военно-технической модернизации решалась на время, но зажатое общество не могло устойчиво экономически развиваться, не было социальной структуры, внутри которой человек чувствовал бы себя комфортно, мог бы реализоваться. «Узда железная» быстро ржавела и становилась цепью, впившейся в живое мясо страны. В длинные периоды стагнации общество тихонько старалось стащить с себя эту цепь, вылезти из-под непомерной тяжести государства. Классический образец — брежневский период, эта постсталинская стагнация, когда все живые силы страны существовали, противостоя государству, — будь то диссиденты, андеграунд в искусстве или теневая экономика. Но пока шла эта «холодная война» между обществом и государством, страна в целом опять отставала от свободно дышащего мира, опять переживала неизбежную стагнацию и, значит, вновь ставилась перед необходимостью новой модернизации, нового прыжка...

Идеология реформы, которую мы начали в 1991 г., была совершенно противоположной. Поднять страну не за счет напряжения всей мускулатуры государства, а как раз наоборот — благодаря ослаблению государственной узды, свертыванию государственных структур. Отход государства должен освободить пространство для органического развития экономики. Государство не высасывает силы из общества, а отдает ему часть своих сил.

Это была очень рискованная попытка. Если бы она сорвалась, то альтернатива была очевидна — военное положение, а возможно, и череда военных переворотов по принципу падающего домино. Но это была не какая-то безумная храбрость за счет общества. Мы исходили из фундаментальных законов экономического поведения человека разумного. И оказалось, что эти законы работают в России при всей нашей специфике, как работают и в Аргентине, Корее, Чехии и Словакии или Австралии. Освобождение цен наполняет магазины продуктами, финансовая дисциплина меняет экономическое поведение — производители начинают гоняться

не за бартером, а за деньгами. Повышается общая трудовая активность населения и т. д.

Тогда, в первые месяцы 1992 г., был сделан серьезный шаг. Но особенно важно, что это был «методологически новый» рывок в русской истории: не государство опять пришпорило народ, а государство отпустило вожжи, и действительно «невидимая рука рынка» потянула телегу из грязи.

Надо было сделать следующий шаг: на основе стабилизации финансов начать структурную перестройку во всем объеме. Необходимо было привлечение массивных инвестиций, которые одни могут обновить всю нашу дряхлеющую технологическую базу. Нужны тут и мобилизация внутренних ресурсов, и иностранные инвестиции, т. е. первый прорыв был сделан, теперь должны были втянуться в него главные силы.

Инфляция — экономический подтекст

Как известно, этого не произошло. Уже через несколько месяцев наша политика начала буксовать. Под давлением лоббистских групп, в частности в бывшем ВС, твердая линия бюджетной и денежной политики была сломана. Все силы мы тратили на то, чтобы противостоять давлению с требованием тех или иных финансовых льгот. В результате рост цен удавалось удерживать «на цепи», но добиться настоящего прекращения инфляции (до 2–3% в месяц) нам не удалось.

Разбухание денежной массы (за 1992 г. — в 7,4 раза, за 1993 г. — в 4,8 раза) не помогло производству. Оно обеспечило замедление, а в 1993 г. — фактическую стагнацию реформ. Огромные деньги были заработаны коммерческими банками, через которые проходили льготные кредиты. Но эти деньги, нажитые на инфляции, естественно, никто и не думает в условиях инфляции инвестировать в российскую промышленность. В стране тяжелейший кризис, а зарубежные вклады российских граждан и компаний за последние два года уже измеряются десятками миллиардов долларов и быстро возрастают. Вот куда в конечном счете после «переработки и обогащения» впадают инфляционные реки Центробанка — в зарубежные коммерческие банки. Вот реальный экономический подтекст того, что часто именуется «поддержкой производства, спасением

сельского хозяйства», «социальной ориентацией реформ». Несомненно, инфляция социально ориентирована, и столь же очевидно, на какие именно социальные группы.

Инфляция — самая выгодная коммерческая операция нашего времени. Она необходима паразитической буржуазии, плотно сращенной с коррумпированной чиновничьей и политической элитой. Прикрывается же это расхищение национального богатства, естественно, национальной и социальной демагогией, изготовленной по старому рецепту «чем невероятнее ложь, тем больше веры в нее». Неимущим внушают, что жесткая финансовая дисциплина направлена против них, а инфляция им помогает. Это очень похоже на объяснения наркоману, что ему исключительно ради его пользы дают очередной раз уколиться.

Итак, в 1992–1993 гг. российское руководство (с себя я, естественно, ответственности не снимаю) не смогло удержаться на изначально занятой позиции. Слишком многое сплелось: корыстные интересы разных слоев элиты, почти автоматическое сопротивление государственного аппарата, не желавшего терять свои полномочия, политическая демагогия «непримиримой оппозиции», борьба за власть между президентом и ВС, недоверие серьезного западного бизнеса, боявшегося вкладывать значительные суммы в нашу экономику. Все это вместе остановило реформу после первого же шага и заставило буксовать, а затем постепенно начался и откат. Разумеется, речь не шла и не идет ни о каком возврате к социализму — строю, слишком невыгодному для новейшей коммерческо-политической элиты. Реально им нужен лишь такой темп инфляции, такое медленное кружение экономики на месте, которое позволяет, не доводя дело до коллапса и взрыва, извлекать максимальные прибыли, максимально эффективно «приватизировать» государственные средства.

Сейчас, после переформирования правительства, «новый курс» получает легитимность. Монетаристские упрямы ушли, инфляции открыта широкая дорога. Усилятся обе ветви власти — и бюрократия, быстро приобретающая свои «классические» формы, и связанная с ней часть предпринимателей.

У сегодняшних «государственников» особая идеология — идеология циничного бюрократического декаданса. Они не ставят перед собой глобальных государственных задач, которыми некогда

вдохновлялась российско-советская бюрократия, — задач геополитических, военно-технических, даже полицейских (я уже не говорю всерьез о декларируемых «социальных приоритетах»). Задачи стоят иного, сугубо частного характера — усиление роли государства ради возможности спешного обогащения за счет государства. Это и всегда было — но как вспомогательная цель. Сегодня она становится основной. В государстве новейшие практики-государственники видят не Медного всадника, а огромную дойную корову. Я далек от каких-либо персональных намеков, более того, уверен в личной честности многих, особенно из числа высших руководителей. Но большой государственной идеи нет — ни реалистичной, ни даже утопичной. Латание дыр, коррекция курса реформ в интересах бюрократии — не более того. Чем же в этой ситуации может вдохновляться огромная масса бюрократии? Нет крупных целей, дисциплина ослаблена, ситуация нестабильна, возможности обогащения грандиозны. Естественно, что именно по этой логике идут и будут идти широкие бюрократические массы. И это проблема не криминальная, а социальная, глобально-политическая, если хотите — историческая. Коррупция становится не побочным продуктом, а детерминантой (по меньшей мере одной из детерминант) политического процесса.

Иногда этот процесс называют первоначальным накоплением. Оно всегда и везде было грязным, грабительским, через этот этап надо пройти и нам, и т. д. Здесь есть некая логика. Беда лишь в том, что в норме первоначальное накопление шло на развитие своей страны, а не сводилось к перекачиванию триллионов и десятков триллионов рублей в западные банки. Та форма «накопления в Швейцарии», которую мы имеем, напоминает только колониальный, полуколониальный, компрадорский режим. Нет, не расой, не национальностью, не языком предпринимателя определяется то, какой капитал он представляет — «национальный» или «компрадорский». Главный критерий иной: инвестирует ли он средства в стране, тем самым действительно обогащая ее, делая «первоначальное накопление» национальным накоплением страны, или же спешит вывезти деньги из страны, рассматривая страну лишь как средство, как источник своего обогащения.

Развитие такого капитала для страны — дорога в никуда. В нашей стране сегодня представлен и «национальный», и «компрадорский»

капитал. Их соотношение определяется в конечном счете не субъективными, культурными, этическими и т. д. факторами, а объективными законами. В условиях нестабильности, инфляции, экономического диктата государства (и, следовательно, коррупции) доминировать будет «хищнический», «компрадорский» капитал, реально использующий страну как колонию под прикрытием ультранационалистических лозунгов. В ситуации политической и финансовой стабильности, уменьшения роли государства открываются более выгодные условия для созидательного, «национального» капитала.

Так выстраиваются два «новых курса».

Стратегия отсутствия стратегии. Формальное сохранение статус-кво, топтание на месте, инфляция и обогащение коррумпированной элиты при абсолютном господстве бюрократии. Политически — опора на громкий социально-националистический популизм, вплоть до использования заведомых шарлатанов и авантюристов. Перспектива в самом мирном случае — полуколониальная Россия, впрочем, при вполне русских правителях и предпринимателях. Страна полуколониальная в экономическом, социальном, культурном аспекте, но с глобальными военно-имперскими амбициями.

Чтобы понять, как это выглядит на практике, послушаем не члена «ДемРоссии», не сторонника «Выбора России», а вчерашнего кумира наших националистов, боевого генерала и честного человека Александра Лебеда. Вот как он описывает ситуацию в Приднестровской республике, — республике, которой так сильно восхищаются «русские националисты» от газеты «День» до Жириновского. «В здешних магазинах пусто, на продовольственных рынках — астрономические цены, нет лекарств, учителя разбегаются. Полный развал и хаос. Я называю правительство ПМР преступным... Получив кредиты, эти ребята, радостно взвизгивая, затыкают несколько дыр в бюджете, а половину денег рассовывают по карманам».

Представьте себе это не в масштабе крохотной ПМР, а в масштабе России — и вы получаете картину России под властью правительства «национального спасения».

Стратегия ответа на вызов времени: радикальное изменение финансовой ситуации. Максимально возможное уменьшение государственного командования экономикой, хотя надо ясно понимать, что в наших реальных условиях роль государства в экономике все равно будет выше, чем в Японии или Корее, которым нас

призывают подражать. Как следствие начало настоящих инвестиций, внутренних и внешних. Если «патриоты» считают нормальным, когда десятки миллиардов долларов уходят из страны в западные банки, то мы считаем нормальным иное — когда десятки миллиардов долларов идут с Запада в нашу экономику. Это означает единственную возможность мирно преодолеть кризис российской цивилизации, обеспечить не просто экономический, технологический, социальный подъем, но создать иное качество российской цивилизации, войти в число передовых стран XXI в.

Обильные государственные расходы, запретительно высокие, но все равно не поспевающие за ними налоги, дорогое коррумпированное государство, бремя содержания которого парализует инициативу общества, его способности к саморазвитию, или последовательный отказ от бюрократических излишеств, освобождение простора частной инициативы и предпринимательства, сокращение неэффективных государственных расходов и опирающееся на него снижение реального налогового бремени — вот суть выбора, перед которым сегодня оказалась Россия.

НАША ВИНА. НАША НАДЕЖДА

Исходя из этих соображений, я и вижу нашу политическую стратегию. Мы обязаны возобновить реформы даже не с того места, где они остановились сегодня, а с того, где они начали буксовать в середине 1992 г. Это не упрямство — просто, увы, нет альтернативы. Надо добиться тех целей, ради которых реформы затевались, — целей и необходимых, и достижимых.

Однако было бы действительно верхом догматического доктринерства этим и ограничиться. Реформы забуксовали из-за абсолютно серьезных объективных причин. Если мы не извлечем урока из всей долгой истории 1992–1993 гг. (за которую в «мирных» условиях можно отдать добрых 10 лет), то мы опровергнем поговорку, что за битого двух небитых дают.

Уступки мощному напору отраслевых лоббистов привели к тому, что бремя экономических преобразований в значительной мере оказалось переложеном на те группы населения, которые являются естественной социальной опорой реформаторов. Когда бюджетные деньги в крупных масштабах тратятся на поддержку

неэффективных предприятий, их всегда не хватает на нужды образования, здравоохранения, науки, культуры — тех сфер, где занята основная масса среднего класса современного общества.

Бюрократическая расточительность прокладывает дорогу высоким налогам, стягивающим удавку на шее мелких и средних предпринимателей.

Возник замкнутый, порочный социально-политический круг. Отсутствие сильного, политически организованного, поддерживающего снизу правительство реформ (и давящего на это правительство!) среднего класса понижало сопротивляемость правительства к требованиям бюрократических лоббистов. А уступки их требованиям, в свою очередь, били по среднему классу, размывали его, отчуждали его от правительства.

Разорвать этот круг мы не смогли.

Еще одна проблема, справедливо пугающая и возмущающая наших потенциальных сторонников, — преступность. Рэкет, внеэкономическое принуждение, стал чуть ли не главным экономическим рычагом в нашем больном социуме. Я надеюсь, что наша фракция «Выбор России» будет самым жестким, самым последовательным образом добиваться расширения прав граждан на индивидуальную и коллективную самооборону от преступников, ужесточения наказаний за насильственные преступления, за участие в организованной преступности. Когда страна находится в таком положении, гуманизм к преступникам за счет их жертв по крайней мере неуместен. Я имею в виду, в частности, и Указ об амнистии. Общество воспримет такой указ как вызов — и будет право.

Но если преступность пугает, то беспредел коррупции глубоко оскорбляет. Главные причины провала демократической власти, убежден, связаны не с тем, что люди стали жить намного хуже (или демагоги сумели им внушить, что страна «катится в пропасть»), а с глубоким разочарованием избирателя в «демократии воров».

Здесь смешиваются несколько обстоятельств. Несомненно, часть демократических чиновников и депутатов с жадностью бедняков «дорвалась» до кормушки, и гнев тех, кто их избрал, вполне оправдан.

Однако в целом удельный вес «новых людей» среди руководящих чиновников, среди тех, кто просто мог брать взятки, совсем

не так велик. Номенклатура, особенно на местах, в огромной мере осталась прежней — зато вот сделать себе громоотвод из «демократов» сумела превосходно. «Линкольны» и «мерседесы», обдающие грязью нормального российского пешехода, как правило, не принадлежат представителям демократической власти, но ассоциируются именно с ними.

Что реально здесь можно изменить?

Да, именно наша фракция подняла в Думе вопрос об излишних материальных возможностях, предоставляемых депутатам. И именно «друзья народа» из фракций коммунистов и жириновцев дружно проголосовали за депутатские привилегии. Но это, в сущности, незначительный эпизод. Не борьба с привилегиями, тем более не малоаппетитные популистские крики на эту тему нужны. Нужно главное — разрушение объективной основы коррупции, монопольной власти государства над собственностью.

Сегодня в России острый дефицит политических идей. В 1987–1991 гг. на рынок было выброшено все, что создано человечеством, — от «Дороги к рабству» фон Хайека до «Майн кампф», от «Протоколов сионистских мудрецов» до «1984». Все слова сказаны. Жизнь для многих стала хуже. И наступило великое разочарование.

Когда говорят про выборы 12 декабря, обычно сосредотачиваются на трагикомической фигурке «победителя». Для меня куда важнее другое — почти 50% вообще не пришли голосовать. Не пришли на первые истинно свободные выборы. И сам успех «героя нашего безвременья» — это ведь тоже знак не доверия к его бредовым речам, а прежде всего глубокого разочарования, — разочарования в тех, кто считается серьезными, ответственными политиками.

Отсюда суетливые попытки соревноваться в раздаче пустопорожних обещаний, а то и в агрессивной националистической риторике. Жириновские второй свежести с демократическим прошлым шансов на успех не имеют, хотя и могут подсобить оригиналу.

Убежден, у тех, кто действительно готов бороться за достойное будущее России, есть лишь одно оружие — оружие правды и здравого смысла. От неумелого, неловкого использования в последнее время оно сильно притупилось, но другого все равно не будет.

Да, волшебного слова не существует. Но если искать слово, в котором полнее всего выражаются надежды и желания общества,

большинства жителей России, то я бы назвал слово «стабильность». Люди устали от изматывающего, как температура при гриппе, роста цен. Люди устали от бесконечных политических шатаний, устали бояться гражданской войны, переворота, фашизма. Люди устали от страха перед преступниками. И как спасения от всего этого измученное общество ждет наконец стабильности.

Но стабильность не имеет ничего общего с фиксацией статус-кво, с консервацией существующего положения вещей. Такая консервация означает нечто прямо противоположное — сохранение нестабильности, вечного броуновского движения бюрократии, мелкого движения мелких бюрократов, которое, перейдя за какую-то критическую отметку, вызовет глобальный обвал в России. Стабильность — это вовсе не пассивное принятие того, что есть. В лозунге «К стабильности!» заключен мощный волевой импульс, заряд политической воли. Надо приложить много сил и терпения, чтобы выйти на плато стабильности, но зато есть понятная и необходимая цель. Стабильность — лозунг политического действия, партия стабильности — партия стратегического движения, а не мелких интриг и демагогии.

Прежде всего необходимы финансовая стабильность, прекращение инфляции, роста цен. Об этом уже много сказано выше. Такая стабильность не просто приносит резкое психологическое облегчение человеку, делает его жизнь предсказуемой, дает возможность строить долговременные планы и т. д. — она является ключевой для всей вообще стабильности в стране.

Из этого следует начало экономического оживления — первые инвестиции в производство. Начало экономической стабилизации, в свою очередь, создает предпосылки для политической стабильности. Если убиты вирусы инфляции, если началось оживление экономики, начинают лопаться воздушные шары шовинизма, социальной и национальной ненависти, имперского тщеславия.

Политическая стабилизация — это уже мощный импульс для настоящих инвестиций в производство, инвестиций, по масштабу России измеряемых десятками миллиардов долларов. Так к финансовой стабильности добавляется и главное — экономическая стабильность, стабильный рост производства.

Политическая стабильность включает и геополитическую. Мы должны знать, наконец, в какой стране мы живем, знать ее твердые границы. Наша страна не «осколок империи», не временное

образование, мы не мечтаем вновь объединить — за свой счет — все республики бывшего Союза. Наша страна — великая Российская республика в ее нынешних нерушимых границах. Страна, как и любая нормальная, живущая не химерами и имперскими галлюцинациями, а своими интересами, живущая ради себя, не собирающаяся никого присоединять, покорять и уж меньше всего помышляющая о «последних бросках» головой вниз на юг.

И самое главное, наша конечная цель — социальная стабильность. Да, общество должно быть открытым, быть обществом действительно «равных возможностей». Людям должны быть созданы условия для занятий бизнесом и т. д. Но 90% людей ни в какой стране не собираются ни менять профессию, ни тем более идти в торговлю, бизнес и т. д. Нормальное, стабильное общество то, где человеку предоставляется возможность нормально, достойно, без нищеты, унижения и страха жить, занимаясь своей профессией всю жизнь, — будь то маляр, инженер, врач или помощник режиссера.

Для работы по созданию такого общества, общества стабильности, нужна прежде всего политическая воля. Мобилизовать эту волю россиян сегодня абсолютно необходимо.

Кто уступает экстремизму, тот становится его жертвой

Когда Дума приняла решение об амнистии¹, я сказал журналистам: если эти «мученики Лефортова» опять выведут на улицы толпы обманутых ими людей и прольется кровь — кровь будет на совести Думы, на совести тех депутатов, кто голосовал вот за такое «национальное примирение». Примирение по точной формуле Оруэлла: мир — это война.

Сейчас, когда они на свободе, пришло время разобраться.

Что большинство Думы стоит в оппозиции президенту — не новость. Весь вопрос — что понимать под оппозицией. Как известно,

Опубликовано в: Известия. 1994. 3 марта.

¹ 23 февраля 1994 г. Госдума проголосовала за амнистию членам ГКЧП и участникам событий сентября—октября 1993 г., и они были освобождены. — Прим. ред.

оппозиция делится на «системную», действующую в рамках существующей политической системы, мирную, и внесистемную, отрицающую существующую политическую систему, вооруженную. Лидеры последней находились в Лефортове и освобождены по решению Думы. Но в Думе, как мне казалось (и до сих пор кажется), превалируют как раз вполне «системные», легальные оппозиционеры.

Это не схоластическое теоретизирование. Например, я убежден, что не только министр нынешнего правительства Шахрай и экс-советник президента Станкевич, но даже и лидер коммунистов Зюганов куда естественнее, уютнее чувствуют себя на думской трибуне, чем на баррикаде. Мне кажется, что для этих людей министры, даже такие малопопулярные в их среде, как Козырев и Чубайс, ближе, чем боевики Баркашова «с Гитлером в башке и с наганом в руке».

Почему же тогда они добивались освобождения лидеров внесистемной оппозиции? Почему вступили на наклонный путь, который привел тоже вполне «гражданского» поначалу профессора Хасбулатова и «его» депутатов в компанию маргиналов, сделал их «вождями поневоле» для ампиловых и тереховых, баркашовых и макашовых, для тех «защитников Конституции», которые при слове «парламент» хватались за револьвер? Еще 3 октября Г. Явлинский (позиция которого при голосовании по амнистии представляется мне непонятной) правильно сказал: Руцкой, тем более Хасбулатов, не командует своими «защитниками». Это воинство, где перемешались уголовники, фашисты, профессиональные «солдаты удачи», презирает и Верховный Совет, и Конституцию. Они пока что используют некие легальные лозунги как фиговые листочки, но как только дорвутся до власти, сбросят, отбросят парламентских лидеров, которые им станут больше не нужны. Вот она, внесистемная оппозиция: криминализованная, террористическая, которая принципиально отрицает гражданское общество и сознательно или бессознательно, но твердо стремится к хаосу, беспределу.

Знаю, что в частных разговорах многие экс-депутаты Верховного Совета (иные из них представлены и в Думе) говорили: слава Богу, что мы избавились от таких друзей, как ампиловы, а уж с врагами вроде Гайдара мы и сами справимся. Вполне понятно: с «Выбором России» они предполагают бороться мирными средствами, в рамках легитимной политической системы, а с ампиловыми вместе можно вести только внепарламентскую, ломающую политическую

систему вооруженную борьбу, — борьбу, в которой, очевидно, побеждают экстремисты, а среди экстремистов — самые жестокие, самые криминализованные, борьбу, которая, кроме национальной катастрофы, всем нам не сулит ничего.

И, понимая все это, голосовать за возвращение баркашовых — ампиловых, по сути — за амнистию мятежу, огню, террору! Непостижимо.

Впрочем, все вполне постижимо. Недалекие люди, не умеющие извлекать опыт не только из истории, но и из своих поступков, делают снова ставку на «непримиримых», пытаются «использовать» крайнюю оппозицию для зарабатывания политических очков. В самом деле: сегодня, пока политическое море не штормит, роль системной оппозиции не слишком заметна. А вот если удастся вызвать новые волны, раскачать лодку, то тогда те же коммунисты Зюганова могут оказаться «центром», к которому вынуждена апеллировать и та, и другая стороны. Тогда можно и в правительство войти в качестве «меньшего зла», и вообще усилить свое влияние. Спровоцировать пожар, чтобы оказаться в роли пожарных. Вот такое «национальное примирение». Расчет столь же циничен, сколь и неразумен. Никогда не будут «непримиримые» таскать воду на мельницу своих парламентских союзников. Все тот же опыт Хасбулатова — Руцкого учит, что все будет как раз наоборот. Не крутую оппозицию используют, а она использует легальных «попутчиков».

Наивен и другой успокоительный расчет. Мол, у Жириновского и Руцкого один электорат и с появлением на сцене Руцкого и К° этот электорат расколется, раздробится, ослабив их обоих. Не логичнее ли другое: силы не разделятся, а умножатся? Может быть, и не вырастет электорат механически в два раза, но зато активность его вырастет. Бесконечная эскалация митингов, выступлений, все более наглых и абсурдных требований — эскалация, порожденная в том числе и неизбежной жесточайшей конкуренцией между Жириновским и Руцким, — все это неумолимо будет тащить Россию к краю обрыва. Все рассуждения о численности электората пригодны лишь для выборов. Но с появлением на сцене заряженного ружья с надписью «ГКЧП-3» вся драматургия политического спектакля резко меняется. Начинает пахнуть не выборами в 1996-м, а пороховой гарью и кровью сейчас, немедленно. И здесь побеждает не число голосов, а совсем другие факторы.

Дестабилизация уже началась. Стратегия «непримиримых», затягивающих в свою воронку умеренную оппозицию, понятна. Оседлать весенние забастовки, возглавить их политически, начать митинговую истерику в Москве и густо посыпать все это красным перцем насилия. Вот так можно добиться или досрочных выборов президента, или просто нелегитимной смены власти. Думаю, что точного сценария сегодня ни у одного из политических авантюристов нет. Они могут помнить точные слова Наполеона, которые так любил Ленин: сначала надо влезть в драку, а там видно будет. Они под этим понимают, что видно будет, как захватить власть в России, а мы видим дымящиеся развалины России.

Но неужели демократические силы так и останутся в роли констатирующих и разводящих руками? Неужели Россия обречена на свободный выбор между Жириновским и Руцким? Грош нам всем цена в таком случае!

Первое. При всей заезженности этой формулы перед лицом грозной опасности необходимо единение всех демократических сил. Увы, нас оказалось слишком мало, чтобы нам еще и дробиться. Если начинается дестабилизация, грозящая гражданской войной, то критерий отбора союзников очевиден: кто не с нами, тот с нами. Непримиримая оппозиция непримирима к Лужкову и правительству Москвы? Что же, и у нас много серьезных разногласий с мэром Москвы по тем же вопросам приватизации и т. д. Но политически мы сегодня должны стоять плечом к плечу — иначе рискуем закончить свои важные споры, тоже стоя плечом к плечу, но лицом к стене.

Мы во многом не удовлетворены действиями президента. Необходимо была более острая и точная реакция на «великую амнистию». Наверное, у президента тоже есть свой список претензий к нам. Но президент сегодня — естественный центр гражданского общества, гражданского мира в противовес партии гражданской войны. Кто не признает «законного президента Белого дома» Руцкого — сплотимся вокруг Президента России Ельцина.

Правительство. «Выбор России» не принимает многое в правительственной риторике последнего времени. Но мы должны сделать все, чтобы правительство не качнулось в «ту» сторону. Там, где правительство выступает инструментом стабильности общества, мы однозначно «за» это правительство. Старый лозунг,

когда-то казавшийся демагогическим: «Только б не было войны» — наш главный лозунг на данный период.

Второе. Опыт истории учит: кто уступает агрессии, становится ее жертвой. Речь идет и об идеологических уступках. Мы отрицаем любое идеологическое заигрывание с «непримиримыми», перенимание у них националистической демагогии, социального популизма. Наша позиция остается неизменной, мы за стабильное, безопасное, свободное российское общество, за нормальную рыночную экономику и примат частной собственности. Надо ясно показывать, что патриотизм, защита национальных интересов страны прямо противоположны шовинистическим завываниям, агрессивному и жалкому бреду, призванному обманывать наш народ и противопоставлять Россию всему миру. Надо ясно показать, что не печатание бумажек с растущим числом «ноликов», а здоровая рыночная экономика дает реальную защиту трудящимся.

Третье. Мы мирная партия, партия гражданского общества, партия, стремящаяся сохранить имеющуюся систему, апеллировать, перефразируя великого коммуниста, «к оружию критики, а не к критике оружием»¹. Но мир и стабильность в стране прочны, лишь когда твердо опираются на силу. Только язык силы доступен нашим «идеологическим оппонентам». Именно для того чтобы не опуститься до их уровня, нам необходима сила. Силловые ведомства не будут разменной монетой в политической игре. Доступ любым политическим «коммивояжерам» туда должен быть перекрыт абсолютно. Я имею в виду, например, обращение г-на Жириновского к Вооруженным силам, зачитанное недавно, в канун 23 февраля, по телеканалу «Останкино».

Далее. Вполне естественным сегодня представляется создание муниципальной гвардии, призванной, как в большинстве цивилизованных стран, охранять порядок в больших городах в соответствии с законом. Законодательная база для такого решения может быть проработана достаточно быстро.

Четвертое. Любые политические союзы и силы, любые верхушечные комбинации мертвы, если их не подпирает массовое политическое движение. Нам необходима, как никогда, массовая политическая партия, партия единомышленников. Среди многих целей этой

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. — Прим. ред.

партии, над созданием которой мы сейчас активно работаем, одна является доминирующей — сохранение мира в России, сохранение гражданского общества в стране.

Мы получили еще один сигнал. Если не услышим и его, нас могут разбудить уже автоматные очереди.

* * *

Россия обладает замечательной способностью — в последний момент мобилизовываться и действовать тем жестче и решительней, чем опаснее ситуация. По-моему, пора решительных действий наступила. Преступники амнистированы. Теперь надо защитить от них Россию.

Построить Россию

В конце века обостряются дискуссии. Нерешенные проблемы нависают лавинами и требуют, чтобы их решили. Тут есть какая-то магия цифр, феномен массовой психологии. Так было в конце пятнадцатого века — в 1492 г. (по старорусскому летосчислению — 7000 г. от сотворения мира). Ждали конца света. В Италии — Савонарола, в России — Схария. Конец шестнадцатого, 1598 г. — Борис Годунов восходит на российский трон. Самозванцы. Смутное время. Конец семнадцатого — стрелецкие бунты. Софья. В 1694-м — начало правления Петра I. 1698 г. — Стрелецкий бунт, захлебнувшийся в крови.

Конец восемнадцатого — конец блистательного времени Екатерины II! 1794 г. — смерть императрицы. На переломе веков — недолгое и невнятное царствование Павла I, прерванное шелковым шарфом и увесистой табакеркой. Начало девятнадцатого. Указ о вольных хлебопашцах 1803 г. и первый университетский устав 1804-го; проекты Сперанского вселяют надежды. Но не до реформ — по Европе ходит Бонапарт.

Наполеоновские войны. Кровь лучших пролита на землю Аустерлица и Бородина. А после победы — тайные общества,

Опубликовано в: Открытая политика. 1994. Май.

в которых быстро берут верх радикалы, они всегда берут верх в тайных обществах, они самые «крутые». И опять десятилетия ожиданий и административного произвола. Наконец — великие реформы Александра.

Напомню, их было четыре. И все исторические. 19 февраля 1861 г. — освобождение крестьян. 1864 г. — реформа местной административной власти, создание земств. Школьная реформа. Теперь бы сказали, что власть уделяла внимание социально-культурному развитию страны. Судебная реформа — введен суд присяжных. В 1874 г. — военная реформа. Отменена рекрутчина. Введена всеобщая воинская повинность для мужского населения Российской империи. Трудно переоценить значение этой реформы для демократизации общества и развития страны.

Начала развиваться промышленность. Строились железные дороги. Росли как грибы акционерные компании и страховые общества.

Укреплялись российские банки. В конце века русская промышленность и финансовые круги стали достаточно сильными, чтобы хотеть защитить свои интересы политически. Начал расти зерновой экспорт, наметились явные сдвиги в сельском хозяйстве после реформ Столыпина, направленных на ликвидацию общины как экономического механизма.

Но когда мы говорим об этом расцвете конца XIX — начала XX в., мы ни на минуту не можем забыть трагический результат социальных противоборств, завершившийся большевистским переворотом, кровавой многолетней гражданской войной, дальнейшим террором, созданием тоталитарного общества и семьюдесятью пятью годами последующего социалистического эксперимента. Сегодня история России, философские, идейно-нравственные наработки наших предшественников встали в центр политического, идейного противостояния.

Одни пытаются понять прошлое, чтобы понять настоящее, другие стремятся манипулировать обществом, гальванизируя старые идеи и старые аргументы об особом русском пути, панславизме, особой исторической миссии и геополитической роли России.

Сорок лет великих александровских реформ создали основу для перехода России в новый век и в новую мировую роль.

Почему страна сорвалась? Некоторые вполне серьезно утверждают, что на русской почве любые реформы обречены, и тоже апеллируют к истории, к тем же фактам и тем же событиям. Насколько неизбежен был срыв в революцию в начале XX в.? Об истории трудно говорить в сослагательном наклонении — что было бы, если... Трудно моделировать прошлое. И все-таки я думаю, что катастрофа революции и гражданской войны не была неизбежной.

Говорят, у победы много отцов, а у поражения один — солдат. Так и здесь. Винят уже российский народ. Не думаю, что это правильно.

У российских невзгод XX в. были свои авторы. Все это требует долгого и кропотливого разбирательства, однако очевидно не правы и те, кто во всем винил императора Николая и высший класс, и те, кто во всех бедах видел происки евреев и германского генштаба. К сожалению, общество было давно и трагически расколото, и во всех противоборствующих лагерях, как и теперь, было очень много радикалов и очень мало людей конструктивных, людей для созидательной работы.

Чрезмерно непримиримо и воинственно держались даже люди, называвшие себя либералами. Цепь трагических ошибок совершала государственная власть, разрушительно действовали радикальные социалисты (большевики, меньшевики, эсеры). Общество оказалось дезориентированным, а радикальные социалисты во главе с Лениным были готовы на все, в том числе и на насилие, и на убийство, и на массовый террор, и на захват власти. Собственно, это не было неожиданностью — десятилетия российское общество жило под нравственным прессингом социалистических идей и романтизации насилия. Легализация людей, открыто и публично презиравших законы и общественную мораль, присвоивших себе право судить и убивать, была нравственной основой будущего переворота. Именно это объясняет, почему общество с ужасом не отшатнулось на следующий день после того, как подул Октябрь ветрами — уже при «социализме». Горький в «Несвоевременных мыслях», Зинаида Гиппиус в «Петербургских дневниках» хорошо показали прежде всего эрозию общественной нравственности, страшный рост вседозволенности, из которой и выросло чудовище тоталитаризма.

Н.А. Бердяев замечал: «При полной распушенности личности разрушается и хозяйство. Революции неблагоприятны для хозяйства.

[...] Все опыты социальных революций уничтожают свободу лица в хозяйственной жизни»¹.

Интеллигенция и особенно литературный авангард несут свою долю исторической вины, как несет ее и автор «Левого марша».

Но сейчас речь о другом. Понять прошлое, чтобы не оказались неизбежными новые ошибки, не действовать по старым рецептам: тщеславия, амбиций, групповщины, безответственной хлесткой фразы.

Интеллигенция, «культурное общество» расколото, находится в глубоком кризисе идей и целей. Одни больны социализмом, другие, переболев, уходят в поиски религиозных и иных духовных сущностей. Корни кризиса в отсроченном, не принятом обществом историческом решении, в стрессе, во внутреннем стрессе, сопутствующем выбору. В нерешенности ключевых вопросов бытия, над которыми и в голову не придет мучиться обывателям в других странах. Не то в России. Пограничность, непроясненность: Восток или Запад? Европа или Азия? В чем задача России? Двухсотлетний спор славянофилов и западников, консерваторов и радикалов не кончился. Он и не может кончиться, потому что на все эти вопросы нет и не может быть последних ответов. Русская философия начала века пыталась эти ответы найти.

Бердяев с тоской писал, что «духовная жизнь человека попала в рабство к жизни материальной». С.Н. Булгаков создал целую религиозную «философию хозяйства».

Он считал, что социализм в такой же мере требует аскетического регулирования жизни, как и частная собственность, что «плен души у богатства и собственности равно опасен». Он разрабатывал понимание хозяйства как явления духовной жизни, как «творчества, дающего основание свободе».

Сегодня этими подходами интересуются теоретики новейшего менеджмента.

Я думаю, что сегодняшнее неустройство в нашем обществе, глубокая пропасть между разными позициями, которые могут занимать люди одной социальной страты, отражают не столько борьбу

¹ Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Письмо двенадцатое. О хозяйстве. Париж: YMCA-Press, 1990. С. 549–550.

социальных интересов, экономических или философских принципов, сколько никогда не прекращавшееся нравственное противостояние разных путей человеческой самореализации на Земле.

Социалистические опыты показали, что экспериментаторы готовы платить любую цену за само право их проводить (успеха не было ни в России, ни в Кампучии). Добро и зло, аскетическое или потребительски-ненасытное отношение к хозяйственному процессу, стяжательство и жадность, нищета и духовное богатство, чувство греха и вины — эти понятия из категории вечных, и о них, надеюсь, всегда будут думать россияне.

Моральные проблемы особенно мучают общество, когда оно находится не в высшей точке своего морального здоровья. Есть ложные ценности, за расставание с которыми дорого приходится платить. Бердяев видел тупиковость идеологии равенства: «Не неравенство создает нужду, а нужда создает неравенство как спасительное приспособление, как выход, предотвращающий хозяйственное и культурное понижение и гибель. [...] Неравенство есть условие всякого творческого процесса, всякой созидательной инициативы...»¹

Экономика и экономизм, в том числе так ненавистный многим монетаризм, не претендуют на решение мучительнейших философских и моральных проблем. Они как результат нашего развития, как наследие и расплата стояли и будут стоять перед обществом.

Но я убежден, что только построенное на честных, нелицемерных основаниях общество, следующее разумному закону и уважающее закон, даст надежду и на исправление нравов. Это задача двуединая — мы не сможем стабилизировать общество, не стабилизировав экономику. А этого не произойдет, если не стабилизируется человек в доброжелательном отношении к чужой (не моей) собственности, к чужой жизни и достоинству. В смутные, переходные времена нет недостатка в мрачных прогнозах и страшных прорицаниях. Их было много в начале века, много и в конце. Но было бы ни с чем не сообразно — ни с теорией, ни с практикой, если бы семьдесят пять лет большевистского эксперимента принесли другой результат.

То, что мы имеем, мы имеем благодаря этому режиму. Эту экономику, и эту экологию, и это население с нынешним уровнем

культуры, нравственности и правового сознания. Откровенно говоря, могло бы быть и хуже.

Забавно, что сейчас коммунисты выступают в роли критиков, будто только вчера прилетели с другой (процветающей) планеты.

Думаю, что в основе российской катастрофы 1917 г. и гражданской войны лежат не реформы и не ошибки в их проведении, а Первая мировая война и ее гигантская деструктивная роль для России. Мне возразят — отчего же не сорвалась Германия? Отвечу — сорвалась в гитлеровский фашизм. Отчего не сорвались другие европейские страны? Ответ на этот вопрос не может быть простым и коротким... Я для себя объясняю это так.

Россия в силу многих и сложных причин — страна догоняющего типа развития, догоняющей экономики. Мы догоняем Европу, догоняем Запад. Впрочем, как заметил П.Б. Струве, внутренние таможенные пошлины в России были отменены еще императрицей Елизаветой, на сорок лет раньше, чем это сделал французский революционный Конвент. В эпоху Французской революции в России уже господствовал принцип свободы промышленности, что удивляло иностранцев.

И все-таки Россия догоняла. В этом нет ничего уникального и обидного — и Япония догоняла, и Германия догоняла, и Италия до сих пор еще не вышла из своих коррупционных проблем, и Франция только после деголлевских реформ, точнее, в последние двадцать лет стала на путь социального партнерства, не чреватого взрывом развития. Строительство сложнейшего здания современной экономики, создание гражданского общества, пронизанного сложнейшей системой связей и ответственности, — дело долгое и трудное. И в Европе классический капитализм был ужасен в начале XIX в. — вспомним Диккенса. Строительство общества — это история партнерства и борьбы. Борьбы по правилам и не на уничтожение, иначе погибнет все общество, потому что ни один слой или класс общества не может быть из него без последствий изъят, как думали моралисты XVIII в. и социалисты начала XIX в., да и даже отец современного либерализма Джон Милль, одно время считавший допустимым поголовное уничтожение людей с доходом больше 500 фунтов в год.

И все-таки, несмотря на все войны и катаклизмы в Европе, современная цивилизация стала возможной потому,

¹ Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. С. 536–537.

что на протяжении десяти веков люди жили в ней оседло, за дедами — внуки, не было переселений народов и степных завоеваний, а была длинная-преддлинная традиция передачи состояний, поместий, наделов, укоренения прав земельной собственности... Возникновение наследственной земельной собственности было подкреплено многовековой традицией... Европа — это место обитания оседлых людей. Из их трудов вырос тот неиссякаемый поток инноваций, больших и маленьких нововведений, создавших основу цивилизации, который обеспечил Европе гигантский даже в мировом масштабе всплеск материальной и духовной культуры со второй половины нашего тысячелетия. Эту культурную почву Европы ощущаешь физически, как материальный факт, прогуливаясь по какому-нибудь германскому или английскому университетскому городку. Эту почву не сдирали бульдозерами, ее не переворачивали дерном вниз... Ее в корзинах носили из поколения в поколение.

Удивительно, что Владимир Ульянов, десятилетия проживший в Европе, проводивший долгие часы академических занятий в волшебном читальном зале Британского музея, ничего не впитал из этой атмосферы, напротив, стал непримиримым врагом этой цивилизации и этой культуры. При этом в России он ощущал себя европейцем. Я думаю, что он не верил в русский народ. Радикализм от неверия в правильность естественного хода событий, тем более если тебе лично он обещает более чем скромную роль.

Ведь российский коммунизм — это последовательная и агрессивная форма реакции на рост рыночной цивилизации в мире. В некотором смысле это наш ответ Европе, это отчаянная попытка пройти индустриальную фазу через сверхнапряжение общества и создание сверхгосударства. Империя не пала в семнадцатом году — перед угрозой стать республикой она преобразовалась в сверхимперию, сжав в едином кулаке все ресурсы и всю волю страны.

В этом смысле большевизм — это социальные эксперименты, но не радикальные реформы. Реформы, по моему убеждению, это вообще некие системы действий, направленные на увеличение свободы человека как вектора всемирной истории. Напротив, революционные реформы в социалистической упаковке ведут к порабощению людей и общества, к его феодализации, к упрощению общества, сведению всех стимулов к страху и всех политических механизмов к деспотии, унификации общества и уменьшению человеческой

свободы при непомерном росте чиновничьих амбиций от имени государства.

Борьба государства с обществом временно закончилась победой государства, но такая победа, к счастью, никогда не бывает полной и окончательной. Общество и его естественная, частная, потаенная жизнь (например, семья) всегда находят для себя даже под толстым слоем льда какую-то свою, не подвластную диктату полынью, свежий и чистый ключ, иначе тоталитарный режим был бы последним и высшим достижением социального развития.

Но такой путь дает иногда кратковременные дивиденды. За счет полного обнищания и разорения народа, крестьянства в первую очередь, удалось создать пояс городов-заводов, запустить огнедышащий конвейер вооружений, который и сейчас пожирает силы и соки общества.

Рывок по нехоженным путям истории дивиденды давал недолго. Потерявшая силы, сложную, многообразную социальную структуру страна быстро устала. Послесталинская эпоха была последним героическим этапом нового общества. Хрущев попытался подстегнуть страну энтузиазмом нового поколения, вместо страха предложить романтику неосвоенных дорог и пионерского порыва. Пионеры 50–60-х гг. действительно сделали очень многое.

Ведь Россия — новая страна, Новый свет, гораздо более новый, чем Америка, пятьсот лет мечом и крестом осваиваемая европейцами.

Южная — вотчина Испании и Португалии, Северная — объект британской и вообще североамериканской колонизации. Россия свой Новый свет, свою Евразию осваивала и осваивает до сих пор практически одна. В этом смысле Россия — Terra Incognita. Не столько история, сколько география. Россия — это новая планета с огромными возможностями для предприимчивого человека, и она еще скажет свое слово в 3-м тысячелетии. В Европе толстый культурный слой, а у нас «не тронутые» ни плугом, ни топором пространства. У нас важнейшими политическими и геостратегическими факторами всегда были климат, бездорожье, тайга и тундра. Достойны восхищения тот могучий дух, такая, по выражению Л.Н. Гумилева, пассионарность, которые вели русских первопроходцев на север и на восток, через всю Сибирь и Камчатку, которые переклестнули даже через океан — в Америку.

Но в стране не было свободного и мобильного населения, да и технологический уровень той поры был недостаточен для строительства цивилизации в Сибири и на Русском Севере.

В 70-е гг. прошлого века была допущена, на мой взгляд, стратегическая ошибка. Россия двинула свой цивилизационный потенциал на юг, в Туркестан, вместо того чтобы сосредоточиться на освоении Сибири и тихоокеанского Приморья. А на экспансию во все стороны сил, конечно, не хватило. Вместе с Туркестаном Россия приобрела сложнейшие центральноазиатские проблемы и трудносовместимую культуру... Большевики усугубили прежние ошибки; в результате республики советской Средней Азии требовали все больше и больше из союзного бюджета (читай — за счет России). Потребовали и воду сибирских рек, а вместе с водой астрономические централизованные инвестиции. Тревожные демографические тенденции, быстрорастущее население, хищное своекорыстие местных элит делали ситуацию тупиковой даже в среднесрочной перспективе.

Страна молода. Новосибирску сто лет, Владивостоку чуть больше.

Десятки и сотни крупнейших городов Сибири и Дальнего Востока насчитывают по пятьдесят—тридцать лет.

Транссибирская железная дорога начала нашего века стала памятником героической эпохе освоения.

Тоталитарное государство насилием и лагерями положило начало Воркуте и Комсомольску, Норильску и Братску, чудовищной эксплуатации человеческого и природного потенциала, но уже не было в состоянии справиться с глобальной исторической задачей — построить цивилизацию на этой гигантской части земного шара. Это способны сделать только свободные люди и свободная страна, живущая в мировом сообществе. Только новое поколение на новой основе вдохнет жизнь в наш тихоокеанский берег, создаст там новую инвестиционную, индустриальную, информационную жизненную среду, введет Россию в тихоокеанский клуб XXI в.

Поколение 50—60-х гг. создало атомную и космическую промышленность, построило основу сырьевого комплекса Сибири и Дальнего Востока, освоило целину. Но предыдущее поколение брали страхом и принуждением, нынешнее — обманом. Страна не стала богаче, а жизнь людей в тысячах новостроек полнее и лучше. Разоренное село тяжелым грузом легло на плечи государства. Миллионы тонн зерна мы стали покупать ежегодно.

К началу 60-х гг. стало ясно, что потенциал пути государственной плановой экономики как способа роста и мотора в соревновании систем подходит к концу. Мы с каждым годом, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее и неотвратимее, начали отставать. Тридцать лет разговоров о соединении достижений научно-технической революции с практикой ничего не дали. В 60-е, 70-е гг. база нашей экономики принципиально не отличалась от базы других развитых стран. Но они провели, пусть болезненно, структурную перестройку хозяйства, перевооружили ведущие отрасли, вывели многие энергоемкие и материалоемкие предприятия в другие страны — а мы продолжали накачивать прохудившиеся колеса государственной экономики. С каждым годом под аккомпанемент разговоров о науке, которая «становится непосредственной производительной силой», увеличивалось отставание и зависимость от мира, противником и могильщиком которого мы себя самонадеянно провозгласили.

К началу 90-х гг. решительные реформы стали насущно необходимыми. Тогда еще их можно было провести в гораздо более благоприятных общественных и экономических условиях. Но КПСС была не способна провести реформы, уничтожившие ее власть и влияние в обществе, — в этом смысл тогдашнего вязкого политического безвременья. Верховный Совет СССР был не способен одобрить реформы, означавшие начало экономического, а не политического сотрудничества республик, уничтожившие основу Союза ССР. Слишком много было (и остается) партнеров, не заинтересованных в экономическом, т. е. эквивалентном, обмене, а заинтересованных в прямом дотировании со стороны России, паразитировании на ней.

Понадобилось провозглашение 12 июня 1990 г. российского суверенитета, 12 июня 1991 г. — выборов первого президента России, понадобились победа над ГКЧПистами, смятение и разброд в стране тогда еще всесильной власти, чтобы президент Ельцин и его команда могли начать реформы. Понадобилось начало самостоятельного существования Российской Федерации. Только тогда реформы стали возможными, но отнюдь не гарантированными. Слишком большие интересы задеты, слишком много богатых и влиятельных людей, не заинтересованных в выходе страны на нормальный путь развития.

Мы сторонники минимального государства и максимальной самостоятельности хозяйствующих субъектов. Рынок для нас, разумеется, никогда не был самоцелью, и панацеей мы его не считаем. Есть множество стран с рыночной и совершенно жалкой экономикой. Процветание в этом мире скорее исключение, чем правило. Наша цель — сформировать высокоэффективную, динамично развивающуюся, работающую на человека российскую экономику. А все остальное — это средства, которые удачно или неудачно используются для достижения этой цели.

Когда мы пришли в конце 1991 г., самое большое потрясение, которое я испытал, было от внезапного понимания отсутствия какого бы то ни было управления ведущими отраслями, всей экономикой. Было ощущение, что самолет летит, а экипаж тихонько выпрыгнул на парашютах... Предстояли не только полет и мягкая посадка, предстоял резкий переход в совершенно иное измерение — к строительству нового государства, к строительству России (ведь российские структуры никогда не управляли своей экономикой, это делали за них «союзные органы»). Нужно было начинать строить Россию — страну, у которой не было ни границ, ни армии, ни таможи, ни Внешэкономбанка, ни четкого и определенного понятия гражданства, ни системы внешнеэкономического регулирования...

И тогда, в 1992-м, и теперь, в 1994-м, требуют государственной помощи отраслям, предприятиям, угрожают лавинообразным ростом банкротств и «непредставимыми социальными последствиями». Мы дрогнули в середине 1992 г., не выдержали колоссального политического давления, попытались сгладить остроту кризиса, сделать процесс более мягким за счет умеренной накачки денег в экономику, за счет управляемой высокой инфляции. Этот путь очень опасный, и прежде всего тем, что к высокой инфляции и даровым деньгам, к помощи, как сидению на игле, привыкает экономика, привыкают предприятия, они не напрягают все свои резервы для выздоровления, они все еще надеются на целительную силу государства. Но государство, если оно не мошенник, должно наконец признать, что у него нет этих целительных лекарств, кроме одного — создания благоприятной для экономики законодательной базы, снижения налогов, удешевления кредитов, а это возможно только при низкой инфляции. Инфляционный налог самый безжалостный и несправедливый, он в первую очередь обирает бедных

и средних, он оставляет нищим народ. На фоне инфляции денег происходит инфляция права и морали, правоприменения и долга. Наступает распад государства и анархия в обществе. Набирают силу лжецы и социальные демагоги, которые не приведут никуда, кроме как к бойне и диктатуре, к рабству для народа и всемогуществу для себя. Инфляция — наш самый заклятый враг, потому что при высокой инфляции, какими бы теориями и отсылками к зарубежному опыту не прикрывались, — при высокой инфляции у России нет будущего. Невозможна структурная перестройка экономики, монстры промышленности так и не смогут превратиться в эффективные современные предприятия, они никогда не найдут ни внешних инвесторов, ни собственных средств для технического перевооружения, не будет вложений в высокие технологии и долговременные проекты.

Мы требуем такого государства, которое сможет остановить, привести в рамки этот процесс, мы за то, чтобы миллиарды не уходили из страны, а шли в ее экономику, работали на ее могущество и процветание. Мы за минимальное государство, за сокращение его прерогатив и, самое главное, распределительных функций. Государство — это чиновники, бюрократы. Распределяют (квоты, льготы, кредиты, лицензии) они. Коррупцию ничем не укротишь, если не сократишь принципиально владычество чиновника над экономическим процессом. Рынок отнюдь не идеальная форма организации экономики, а всего лишь наилучшая, наиболее реалистичная. Если у чиновника есть возможность брать взятки, он будет их брать. Если есть за что их давать, их будут давать.

У государства останется очень много важных задач: обеспечение законности и порядка, стабильности финансовой системы, безопасности граждан и страны, забота о культурном наследии и фундаментальной науке, о больных и престарелых, о детях, оставшихся без кормильцев, об образовании будущих поколений, о благоприятной для жизни людей и биологически полноценной среде обитания, сложнейшие обязанности, вытекающие из членства в мировом сообществе государств.

Здесь возникает проблема регионализации политики, вокруг которой много ненужных спекуляций и политической возни.

В нашем представлении здесь все должно быть предельно ясно: центр, федеральные власти (московские чиновники) должны

оставить за собой лишь те функции, которые абсолютно необходимы для целостности и безопасности государства российского: оборона, законодательство и принцип правоприменения, расследование преступлений государственной (федеральной) важности, вопросы государственной безопасности (которые требуется основательно обсудить в обществе, избегая их расширительного толкования), финансы, таможня, ясные и недвусмысленные принципы внешнеэкономической деятельности, исчерпывающие списки объектов государственного контроля.

Все остальное должны получить регионы, субъекты Федерации. Только самостоятельность и экономическое творчество регионов, предпринимателей, политиков, ученых в регионах создадут основу российского экономического и культурного подъема.

Здесь нет никакой альтернативы, никакой, с нашей точки зрения, темы для дискуссии: историческая логика развития России, логика демократизации общества требует и региональной самостоятельности. Важно только, чтобы эта самостоятельность не понималась как самовластность местных чиновников взамен московских. А ведь так и происходит — местные губернаторы, рядящиеся в демократов Угрюм-Бурчеевы разгоняют народное представительство, подгоняют под себя избирательные законы (благо рябовский закон о выборах¹ дает им такую возможность), преследуют местные демократические газеты, надевают намордник на региональное телевидение... Тому множество примеров — Вологда, Волгоград, Уфа...

Региональная самостоятельность — это самостоятельность всех хозяйствующих субъектов, юридических и физических, это самостоятельность предприятий и граждан.

Допускаю, что в переходный период к новой российской демократии именно для защиты этих конституционных прав людей и предприятий в регионах еще не раз понадобится применять власть центру против региональных же чиновников.

* * *

¹ Здесь автор несколько ошибается: хотя Н.Т. Рябов и был с сентября 1993 г. председателем Центральной избирательной комиссии РФ, он прямого отношения к истории многократно менявшегося закона, точнее, Положения о выборах в Государственную думу не имел. Этот документ разрабатывался в рамках Конституционной комиссии группой В.Л. Шейниса и вряд ли мог называться «рябовским». — *Прим. ред.*

Реформы в России сегодня в опасности, как в опасности будущее нашей страны. Решения, принимаемые сегодня, будут влиять на судьбы мира долгие годы, если не столетия.

Сейчас мы в точке исторического выбора. Сейчас распределяются будущие мировые роли. Водораздел ляжет между теми, кто попадет в цивилизацию XXI в., цивилизацию третьего тысячелетия, в качестве динамично развивающихся рыночных экономик, и теми, кто окажется безнадежно отброшенным в слаборазвитость, нестабильность, непрерывные внутренние и пограничные междоусобицы, в африканизацию, в мировые аутсайдеры.

Есть страны, которые сумеют преодолеть эту страшную пропасть, эту невероятной трудности задачу. Одни — потому что у них есть культурная традиция связи с европейской цивилизацией — с цивилизацией, ориентированной на демократию и частную собственность, потому что у них есть высокий культурный уровень, другие — потому что у них есть психологическая крепость в борьбе с испытаниями и высокая степень согласия гражданского общества, внутренняя способность генерировать инновации, обеспеченная либо традицией, либо высоким уровнем образования.

Ключевой вопрос будущего России — где мы окажемся? Вопрос стоит с предельной остротой: сможем ли мы напрячь все ответственные культурные силы, создать предпосылки растущей снизу, на базе инноваций собственности, культурной экономической среды и добиться социально-психологической стабилизации общества, а затем и его культурного расцвета (когда общество поймет, что не оказалось на обочине истории, что достаточно ответило на вызов времени, что не осталось в очередной раз с вершками, когда надо — с корешками), или не сумеем решить эти задачи? Альтернативу предлагают коммуно-нацисты: еще раз попытаться догнать мир прыжком на базе тотального насилия и отработанной модели ГУЛАГа. Но уже без прежних ресурсов, без уверенности в том, что это и есть магистральный путь к успеху, без овладевшей массами всеобъемлющей идеологии, на основе отработанной технологии страха и лжи.

Я убежден, что это прямой путь к скорой национальной катастрофе, в лучшем случае к колониальному режиму и слаборазвитости. Здесь для России нет будущего.

Печально, что многие люди, искренне считающие себя патриотами России, этого не понимают. Вековой спор между

патриотами-западниками и почвенниками-славянофилами должен разрешиться созданием достойной российской цивилизации. Это путь долгий, а на этом пути будут колебания, когда то одна, то другая ветвь национальных реконструкторов будет превалировать. Но для этого нужно договориться о главном, о том, что все мы верим в могучие творческие силы России.

Если у России есть будущее — оно в создании условий для естественного развития.

Накануне третьего тысячелетия христианской цивилизации общество России решает фундаментальный, ключевой вопрос своего будущего, решает на фоне крайне неблагоприятных социальных проблем, демографического спада, затяжного экологического кризиса, на фоне разочарованного общества, потерявшего в трагических катаклизмах XX в. лучшую часть своего генетического потенциала.

Общество, которое на этапе позднего социализма уже поняло, что этот путь не ведет никуда, еще абсолютно не готово признать, что путь в цивилизацию требует от него долгого труда и глубокой внутренней дисциплины.

Неудачные экспедиции часто кончаются трагедиями именно на этапе возвращения — из-за усталости и разочарования, в одном переходе от базового лагеря...

Еще раз повторюсь: мы в точке исторического выбора. Но выбирать исторический путь сознательно, как цивилизованное общество, или неосознанно, как толпа, может только народ. Выборы 12 декабря показали как то, что значительная часть населения не готова к принятию на себя исторической ответственности (меня глубоко задевает то, что почти 50% граждан вообще не сочли для себя обязательным принять участие в историческом выборе), так и то, что немалая часть людей сделала свой политический выбор по мотивам многообразным, сложным, но прямо с делегированием политической воли не связанным.

В обществе, построенном не по тоталитарной модели (когда власть давит сверху на все, что под ней), а по демократической, когда различные силы и интересы влияют на принятие важных решений, в том числе и законов, и бюджета, чрезвычайно важна социальная опора, основа реформ.

Такой основой может быть только средний класс, в наших реалиях — предприниматели, городские и сельские, и прежде всего

не «центровые», а в бесчисленных российских малых городах, где мало еще что сдвинулось от былого свинцового устройства жизни, образованные люди, квалифицированные и уважающие себя рабочие, особенно на жизнеспособных акционированных предприятиях, многочисленные держатели акций, ученые, люди культуры и искусства, ставящие превыше государственной кормушки творческую свободу и связанную с этим негарантированность дохода.

А организовать, свести политику и средний класс, стать эффективным инструментом конкуренции за голоса избирателей и проведения поддержанной ими политики и должна партия, которую мы сегодня создаем.

* * *

Нормальных политических партий в России не было после победы большевиков в гражданской войне.

В условиях социалистического государства коммунистическая партия, конечно, не являлась никакой партией в цивилизованном смысле этого слова. В условиях тоталитарного режима правящая партия — это стержень всей властной структуры, это механизм социализации и жесткого социального контроля за подбором кандидатов во все виды элит, это структура, членство в которой необходимо для любого социального продвижения. В этом смысле большевики действительно создали «партию нового типа», прежде неведомую другим развитым обществам.

Членство в КПСС для одних было шансом всерьез продвинуться в эшелоны власти, для других — абсолютно необходимым условием профессиональной деятельности. Иногда это была цена, которую надо заплатить, чтобы тебя оставили в покое. Словом, членство в партии требовало следования определенным и обязательным ритуалам, демонстрирующим политическую лояльность и надежность. На раннем этапе членство в партии профессиональных революционеров, давая шанс на продвижение в структуре, вместе с тем влекло немалый политический риск. На позднем этапе риск уже был минимальным, а «беспартийность» строго изолировала человека от реального участия в политике, в процессе принятия значимых решений — политических, экономических, идеологических. Впрочем, участие рядовых членов партии тоже исключалось. В такой ситуации сама политическая машина становится средоточием

политической борьбы — борьба и согласование различных экономических и политических интересов и конфликтов ведется и реализуется через партийный аппарат. Партийная машина группирует эти интересы, структурирует их, служит инструментом для проведения в жизнь. Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС лоббировал интересы аграрных влиятельных сил, промышленный — промышленных, оборонный — военно-промышленного комплекса и т. д. Это была система, контролирующая поведение в соответствующих отраслях и регионах и вместе с тем представляющая их интересы. КПСС была тем котлом, в котором варилась политика. Это одна из причин, по которой в России лозунг люстрации (полного отстранения от политической жизни всех бывших членов КПСС) нереалистичен и неправилен. Здесь в отличие от стран Восточной Европы, где режим существовал тридцать пять—сорок лет и был привнесен на штыках внешней силы, сама интенсивность вовлеченности партии в общество и общества в партию была существенно иная, чем, скажем, в Чехии...

На позднем этапе вялого социализма разномыслие в партии, во всяком случае без открытого выражения позиций, перестало быть опасным и партия оказалась вместилищем самых различных взглядов. Коммунистическая партия конца 80-х гг. — партия, в которой можно было встретить людей практически всего спектра возможных убеждений, от последовательных либералов до законченных фашистов. Впрочем, либералы в ходе метаморфоз 1989–1991 гг. из нее ушли. Это лишило ее исторической возможности эволюционировать в сторону «нормальной» социал-демократии и обрекло на политическую маргинальность. Она освободилась от большей части своей склеротической элиты, сбросила ярмо старой номенклатуры и постепенно становилась, сохраняя федеральную (и, кажется, даже в масштабах бывшего Союза) структуру и значительную часть профессиональных оргкадров, политической силой, стремящейся дистанцироваться от исторической ответственности за все то, что она сотворила. На совести В. Зорькина и Конституционного суда решение лета 1993 г. о «нормальности коммунистической партии», давшее легальную основу дальнейшему нагнетанию политической обстановки в стране и росту политических притязаний. На первые заседания Конституционного суда представители этой партии шли отнюдь не с таким победоносным

видом, с каким выходили оттуда после окончания бездарно проведенного процесса.

Конечно, очень бы хотелось надеяться, что коммунистическая партия будет эволюционировать в сторону «нормальной» социал-демократии, с которой можно будет цивилизованно соревноваться, опасаясь, что их приход к власти может привести к новым налогам и новой стагнации, но не к новым репрессиям и отстрелу политических соперников.

Если бы удалось перевести острое политическое противостояние у нас в традиционную для западного общества дискуссию о том, что лучше — дорогое государство с высокой степенью социальной защиты и высокими налогами, как считают социал-демократы, или более дешевое государство, меньшая степень защищенности «общественных фондов потребления», меньше, попросту говоря, социализма и меньше налогов, то я бы считал, что будущее демократии в России достаточно устойчиво.

Беда в том, что у нас коммунистическая партия отнюдь не отказалась от прошлого, от неуважения к закону, к Конституции, от внепарламентских методов борьбы (вплоть до вооруженного восстания), от принципов, заложенных еще в первый устав, от «осадного положения» внутри партии, от борьбы с разномыслием в собственных рядах. Эти принципы полного презрения к праву и обществу даже не ленинские, они были сформулированы еще Г. В. Плехановым, они имманентно присущи коммунизму как ультралиберализму в политике, в частности принцип «*Salus populi suprema lex*» («благо народа — высший закон»), понимаемый как «нравственно то, что служит делу революции», а по сути дела нравственно то, чего требуем и что делаем мы. От этих принципов на исходе жизни отказался Плеханов, но от них не отказалась коммунистическая партия, что наглядно показывают и последние политические действия руководителей КПКРФ, включая отказ подписать договор об общественном согласии¹. Это по-прежнему коммунистическая партия, не имеющая монополии на власть, но не отказавшаяся от своих основных привычек, от намерения прийти к власти любыми способами, в том числе

¹ Политическое соглашение, заключенное в 1994 г. (сроком на два года), об использовании только мирных, конституционных средств решения возникающих проблем. Его подписали высшие руководители государства и представители ведущих общественных объединений. — *Прим. ред.*

через дестабилизацию положения, — партия, живущая по принципу «чем хуже — тем лучше», партия вооруженного восстания.

В России все еще нет нормальных политических партий и нет нормальной политической жизни. Некоторые считают, что и гражданского общества у нас нет. С этим я не согласен. Общество у нас есть, хотя и исковерканное синдромом «длительного сдавливания» тоталитаризмом.

У нас еще только должны возникнуть естественный политический ландшафт, настоящие партии, созданные на основе всеми признанных законов и Конституции.

Создаваемая нами партия подчеркивает свою приверженность Конституции и демократии как универсальным и высшим ценностям и условиям существования. Мы считаем себя исторически преемниками российского либерализма и конституционализма со всем их опытом побед и горьких провалов.

* * *

Партия нужна нам для того, чтобы противостоять вакханалии и разнузданности, коррупции, разворовыванию страны. Честные и достойные люди должны организоваться, несмотря на всю свою нелюбовь к партиям, для того чтобы защитить свою честь, достоинство и будущее. Нам нужна партия, чтобы победить на выборах, чтобы в будущий парламент пришли нормальные и сведущие люди, чтобы заложить основу расцвета России в будущем веке.

Партия нужна нам для того, чтобы защитить демократические начинания, демократическую печать, свободу слова и достоинство личности. Защитить завоеванный плацдарм свободы, когда наступает самодовольный реванш всевластной посредственности. В нашей стране почти не было свободы. Мы жили и умирали несвободными. У нас не было ни свободы верить в Бога и говорить об этом без опасения за собственных детей, ни свободы зарабатывать деньги и строить себе дом по своему вкусу и разумению, ни свободы выбирать себе занятия и место жительства, не говоря уже о стране жительства. Государство было нашим монопольным работодателем, и горе тому, кому оно отказывало в своей милости!

У нас и сегодня еще не много свободы. О какой свободе речь, когда месяцами не платят зарплату, когда душат налоги, когда некуда перебраться, потому что невозможно ни продать старую квартиру,

ни купить новую, когда нет никаких перспектив честно заработать себе на жилье и на достойную старость, нет устойчивых законов, права собственности не гарантированы, а вчерашние указы и постановления, выданные квоты и разрешения завтра становятся пустым клочком бумаги.

Но рынок не конец пути, а только самое начало постоянной борьбы за свободу как высшую ценность, за торжество закона. До сих пор у нас только дискуссии были о том, что хорошо бы ввести права личности ввиду международного недоумения по поводу наших порядков.

Но права личности нужно защищать всюду и каждый день. Наша партия считает это своей первейшей задачей.

Конечно, у нас всех идиосинкразия на партии. Мы не хотим ни партсобраний, ни партийной дисциплины. И первая мысль при создании демократических организаций — у нас все будет иначе. Там была структура жесткая — у нас будет мягкая, без фиксированного членства, без обязанностей и отчетности. Никакого насилия над партийными массами, никакой дисциплины, никакого манипулирования. Наши организации будут широко открытыми для всех, а решения наших съездов будут носить чисто рекомендательный характер... И вот с такими подходами мы выходим в реальный мир.

После проб и ошибок, занявших последние пять лет, мы начали понимать, что история политических организаций в других странах тоже заслуживает внимания, что тамошние политические партии — результат длительной социальной эволюции. Политическая организация без фиксированного членства может быть и симпатична, спору нет; но придут туда пять провокаторов, приведут двадцать своих боевиков и проведут — вполне демократически — любые решения.

Опыт последних лет показывает, что и в России на фоне стоящих перед демократическим обществом задач нужно переходить от движений к партиям с ясной структурой и фиксированным членством, как это принято во всем мире.

Тут очень жесткая дилемма: либо мы способны организовать эффективную политическую деятельность, защитить ростки новой России, убедить общество в том, что предлагаемый нами путь развития наиболее полезен для страны, либо мы отдадим ситуацию в руки тех, кто неминуемо столкнет страну на обочину истории.

Отсюда вырастающее из попыток, успехов и поражений осознание необходимости создать не тоталитарную, но сильную, регулярную и эффективную политическую организацию, где есть работающая структура, где принятые накануне решения не забываются, а реализуются, где у членов есть чувство ответственности и самодисциплины, а у функционеров надежда на продвижение, — организацию, которая способна предложить обществу идейную платформу, философско-социальную позицию и конкретную программу, готовая отвечать своей репутацией и своим положением в обществе за деятельность своих лидеров и активистов. Если нет реальной партийной организации, нет и партийной структуры, нет функционеров — нет «партийной элиты», к членству в которой естественно стремиться тем, кто все силы отдает работе в партии.

Это еще и способ социального контроля, ведь партия, придя к власти, будет расставлять своих людей в аппарате управления. Нынешний разгул коррупции характерен такой бесконтрольностью, когда не боятся ни прокурора, ни парткома. Это очень удобно для бюрократов, они ни от кого не зависимы.

Наша задача — новых людей, новых политиков, новых претендентов на государственные должности сделать зависимыми от общества.

Политика — это и способ распределения ключевых ролей в центре и в губерниях. Это долгая кропотливая работа над новыми политическими целями, а цели у партии всегда — следующие выборы. Наша задача — создать организацию, способную довести наши идеи до конкретных социальных групп — рабочих на приватизированных предприятиях, преподавателей, студентов, молодых научных работников, офицеров, предпринимателей и крестьян. Мало того, связь должна быть двухсторонняя, через местные организации мы должны понять и узнать региональные проблемы и найти специфический способ их решения в соответствии с нашими взглядами; аналитические центры партии и ее издания будут в режиме постоянного диалога с обществом формулировать и вырабатывать нашу позицию по всем существенным для общества вопросам.

Нужно сказать, что в тех странах, где удалось в последние десятилетия создать устойчивую социальную базу нормального рыночного развития, проблема партийной идентификации решалась

на основе одной простой, но фундаментальной договоренности: когда спорят между своими, не зовут чужих.

Скажем, либерально-демократическая партия Японии, последние сорок лет стоявшая у руля в этой стране, — это конгломерат многих и сложных политических структур с серьезными внутренними разногласиями, конкуренцией за лидерство разных групп и идейных платформ, с фракциями и фракционной борьбой, но с одним принципиальным условием: сохранение единства перед внешними и чуждыми политическими силами.

Примерно так же устроена германская ХДС/ХСС. Широкая свобода для внутренних дискуссий, борьба за лидерство и главенство, но монолитная политическая сила перед лицом внешних вызовов.

В нашей политической жизни принято другое: любой, кого сегодня не поддержали, завтра же хлопает дверью и объявляет о создании пусть маленькой, но своей партии.

Наша партия будет ставить правовое сознание вообще и конституционное в особенности в основу своей политической платформы. Свобода неотделима от права, от долга, от суверенитета внутренней жизни личности.

Сегодня важно договориться о главном: мы создаем широкую демократическую конституционную партию, которая даст возможность людям, отстаивающим в принципе один путь для выхода России из социалистического тупика, вести между собой дискуссии о стратегии и тактике, способах политической жизни и персоналиях, снимать разногласия и не бежать немедленно за поддержкой, не блокироваться, не голосовать вместе с политическими антагонистами.

И помнить все уроки политической истории России XX в., давние и недавние. И постараться, чтобы конец тысячелетия страна прожила спокойно и поднялась к новой жизни и новой мировой роли в первом веке третьего тысячелетия. Она этого заслужила. Фундамент той неведомой еще страны закладывается сегодняшней каждодневной работой.

П.Б. Струве, один из идейных отцов российского либерального консерватизма, писал: «Трагедия русской истории и русского крестьянства состоит в том, что предмет всегдашних вождений крестьянина — земля — никогда не обращалась и до сих пор не обратилась для него в подлинную и крепкую собственность...»

Нашим лозунгом должны быть два слова, поставленные рядом, объединенные одним смыслом, рожденные от единого корня: отечество и собственность.

И сегодня актуальны слова, сказанные семьдесят лет назад: «В России нужно не восстанавливать собственность — эта задача была бы относительно проста и легка. Нужно создавать собственность, создавать ее как прочное настроение и устремление народных масс... Нам нужен крестьянин-собственник. И он будет крестьянином-патриотом. Ибо таков глубочайший, в самом корне вещей заложенный смысл слова “патриот”. Быть патриотом — значит любить свое Отечество как собственность, любить так, как земледелец любит свою отчину...»¹

Социалистические, распределительные идеи больше ста лет были доминирующей социальной философией в России. Просто так, в одночасье, от них не отказаться ни обществу, ни культуре, ни людям. Нам еще предстоит изживать социализм мучительно и долго. Проблема в том, что вместо него будет поставлено в основу духа страны?

Ценности свободы, прогресса, демократии, созидательного патриотизма или национализм и фашизм, этот наследник социализма, приходящий после разочарования в нем?

Общество просыпается после социализма слабым и неустойчивым, оно подвержено инфекциям и трудно переносит напряжения. Для улучшения социального климата в обществе необходимо восстановить экономический рост, но на пути к этому масса препятствий. Возможности политического маневра очень узки. Социальная поддержка незначительна, и правительство ищет союзников. От общества, его политических элит зависит — получит ли страна на ряд решающих лет ответственную и последовательную экономическую политику или попадет в длинную и безрадостную полосу конфликтов и катаклизмов.

Выбор за нами.

¹ Струве П.Б. Отечество и собственность. Цит по: Русская философия собственности XVIII–XX. СПб., 1993. С. 268.

Ставка на негодяев

Во время избирательной кампании, в конце прошлого года, я сказал, что г-н Жириновский напоминает мне Гитлера образца 1929 г. К сожалению, если уж искать вполне точную аналогию, я немного ошибся: Жириновский с его 25% голосов избирателей уже превзошел Гитлера-1929 и достиг результата, полученного наци на выборах в рейхстаг в сентябре 1930-го. До прихода «кровавого маляра» к власти оставалось тогда два с половиной года...

Однако новоиспеченный лидер второй по величине фракции парламента России почему-то обиделся и подал на меня в суд. Он охотно называет себя национал-социалистом, а сравнение с фюрером национал-социализма его чем-то смущает. Может быть, Владимир Вольфович считает, что еще не заслужил такую высокую оценку? Похвальная, истинно национал-социалистская скромность, но этот субъект меня просто не понял. Я ведь не утверждаю, что он оригинал.

Конечно, эпигон Гитлера, и очень жалкий. Впрочем, эта публика всегда жалкая, пока не дорвется до власти. Их истинное величие измеряется только одним — количеством людей, которых они убили.

Поэтому я и сравнил этого субъекта с Гитлером 1929 г., а не с Гитлером 1933, 1939, 1941 или 1945 гг. От нас самих будет зависеть — дорастет ли он до таких сравнений.

Мне интересно, если обидевшись за сравнение с Гитлером, Жириновский назовет того вожака национал-социализма, на которого он сам ориентировался, называя себя национал-социалистом: Гебельс? Гесс? Гиммлер? Штрайхер? Может быть, Рем?

Во всяком случае я рад, что теперь у меня есть законный повод и обязанность изложить свои взгляды и на политическую деятельность этого господина, и в целом на проблему «русского фашизма».

1. ФАШИЗМ — КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Вспомним основные черты фашизма.

Экономически — милитаризация, «пушки вместо масла».

Политически — диктатура (но не наследственная монархия), презрение к демократии. Умение пользоваться демократией, чтобы уничтожить ее, установить диктатуру.

Опубликовано в: Известия. 1994. № 91. 17 мая.

Социально — опора сначала, в период борьбы за власть, на маргиналов, на разоряющиеся классы общества (при одновременном заигрывании с «пушечными баронами» ВПК), а затем, после прихода к власти, — социальный каток, «утрамбовывающий» все общество. Каток, у руля которого плотно сидит бюрократия.

Геополитически — агрессия, и только агрессия, или глобально-мирового, или регионального характера. «Вперед — по могилам».

Внутри самой фашистской партии — та же диктатура: вождь и рабское подчинение ему. Состав партии — маргиналы, жадные до власти и обозленные неудачники. «Ставка на негодяев».

Идеологически — воинствующий национализм, обычно связанный с антисемитизмом, и беспредельная, циничная демагогия по принципу «чем невероятнее ложь, тем больше веры в нее». Любые слова, обещания вообще ничего не значат, кроме сотрясения воздуха, и могут мгновенно меняться как угодно «по размеру надобности». Вся идеология — это лишь инструмент для достижения власти. В этом смысле фашистские лидеры могут по справедливости считаться не столько националистами, шовинистами, сколько профессиональными эксплуататорами национализма и шовинизма, «гешефтмахерами», делающими на этом свой бизнес. Верно, впрочем, и то, что их цинизму соответствует и их интеллектуальная ущербность, для которой абсолютно примитивный, животный национализм является самой удобной норой, в которую можно спрятаться от слепящего, неудобного света разума.

Философия — глубочайший антигуманизм, мизантропия. Фашизм рассматривает человека (неважно — представителя «своей», «избранной» национальности или враждебного «недочеловека») просто как злое и глупое (хотя и коварное) животное. И ничего больше. Люди понимают только плеть, любят плеть (для других). Человека тяготят фальшивые гуманистические, демократические условности — фашизм освобождает человека от них. «Освобождаю вас от химеры совести». Вся жизнь общества — свирепая животная борьба (самый вульгарный социал-дарвинизм) за «жизненное пространство». Сюда входят территории, ресурсы, все материальные блага. «Одно существо пьет кровь другого. Одно, умирая, питает собой другое. Нечего молотить вздор о гуманности».

Я привел эти широко известные «классические» высказывания «фюрера» и его присных, чтобы освежить в памяти, если кто забыл,

что такое нацизм. А обобщенную характеристику фашизма как системы государственного садизма дал Оруэлл: «Если вы хотите представить себе образ будущего, представьте сапог, топчущий лицо человека — всегда».

Для руководства таким движением подходит только вполне определенный тип личности. Личность, являющаяся живой квинт-эссенцией этой философии. Этот тип в общем, к сожалению, хорошо известен. Маргинал, лишенный стабильной социальной среды, не достигший ничего в своей профессиональной области. Болезненно неуверенный и одновременно постоянно сверхкомпенсирующийся в основном за счет унижения других, за счет агрессии. Человек, лишенный тепла, не знающий глубоких привязанностей, полностью зафиксированный на себе, своем честолюбии, своих сверхценных глобальных идеях — геополитических, национальных и т. д. Эмоционально холодный и внешне энергичный, истеричный демагог. Агрессивный, жестокий, неуравновешенный и вместе с тем ловко умеющий извлекать выгоду из своей неуравновешенности, оборачивать ее во вред другим и на пользу себе.

2. ФАШИСТ ЛИ Г-Н ЖИРИНОВСКИЙ?

Легко показать, что все классические признаки фашистской партии, идеологии, личности точно прикладываются к Жириновскому и возглавляемой им ЛДПР.

Общеизвестна «экономическая программа» Жириновского — ставка на новую милитаризацию промышленности, на развитие (а отнюдь не на конверсию!) ВПК. Фантастические подсчеты, что экспорт оружия может на треть (!) повысить государственные доходы, отнесу на совесть его партии, «которая не лжет». Ясно, для чего нужно вооружение до зубов — не для торговли, для войны! Передел мира, блицкриг, списанный с гитлеровского «дранг нах Остен», — идефикс Жириновского.

Эта идея, кстати, имеет и некоторые дополнительные патологические «обертоны». Этот господин болезненно ненавидит те регионы, где он родился (Казахстан, народ которого он называет «люди-овцы»), служил в армии (Грузия, о которой он говорит так: «Грузины поняли, что да, можно плевать русскому в лицо, можно изнасиловать русскую женщину, можно выгнать русскую семью, можно

нападать на русских солдат, но единственный итог всего этого: кто же будет хоронить грузин?») или которые он изучал, с которыми связана его профессия (Турция, которую необходимо «расчлениить», как «искусственное государство, не имеющее перспективы»). Так что, пожалуй, геополитика Жириновского — это что-то из области патопсихологии, психиатрии. Попытка использовать Россию как оружие для мести кому-то за какие-то личные унижения, реальные или придуманные...

Все это наводит и еще на одну мысль: если он так ненавидит все страны и народы, с которыми связана его судьба, то как же он должен в душе относиться к России, к русским? Ведь, как он сам пишет, его жизнь в России — и, конечно, без всякой его личной вины! — тоже была глубоко несчастна... Впрочем, как он относится к России, гадать нечего, раз мечтает о войне. Этим сказано все. Есть и более прямое высказывание «защитника русских»: «...в России, чтобы разбудить русскую нацию, ее можно разбудить кровью». Характерно, что это не вызвало ни малейшего протеста, а только сочувственное понимание его собеседника — другого «патриотического интеллектуала», Проханова...

Я не буду долго комментировать абсолютно бредовые цели войны в формулировке Жириновского: на юге вечно беспокойно, междоусобицы, коррупция и т. д. — поэтому... давайте присоединим этот регион к России!

(Иное дело, что проблема отношений по оси «Север — Юг» действительно является одной из важных во всех регионах мира, и она рискует стать важнейшей в начале XXI в. Но это совсем другой вопрос, и серьезная проблема не имеет никакого отношения к бреду г-на Жириновского...)

Более прозаической выглядит другая цель войны, на которую он прозрачно намекает: пограбить! «Мы умели громить врага... и освобождать чужие столицы. Но единственное, что у нас плохо, что после войны они, те, которых мы освободили, живут лучше нас. Поэтому к нашему мужеству, к нашим достижениям, к боевым успехам нашей армии нужно добавить еще и сразу же резкое улучшение жизни народа. Если мы победили, то победитель должен жить лучше с первого же дня победы».

Однако на самом деле и цель внешнего разбоя и грабежа является для этого «русского патриота» псевдоцелью, очередной приманкой

для избирателя. Настоящая политическая цель самого Жириновского одна: в ситуации войны (или подготовки к войне), оборвав контакты с Западом и раздувая ксенофобию, военно-националистический психоз, сломать существующую политическую систему и установить свою диктатуру. «Мы должны найти нашу собственную форму российской государственности...» Впрочем, зачем искать то, что давно найдено? «Я не предлагаю подавить у нас танками любые выступления, но я говорю, что нужен режим, при котором невозможны были бы выступления подобного рода...» (выступления студентов с требованиями демократии). Этот режим слишком хорошо известен. Диктатура, а в исполнении данного субъекта — даже не военно-авторитарная, а классически-нацистская.

Думаю, что сказанного более чем достаточно. Диктатура внутри страны (да такая, что «невозможны» любые выступления против нее, нечего и подавлять — «Мы все хотим жить мирно, по-человечески». Как жили при Гитлере, при Сталине — тихо-мирно), мировой грабеж и разбой, убийство («С миром ничего не случится, если даже вся турецкая нация погибнет, хотя я этого не желаю ей»), передел всего мира...

Конечно, геополитические галлюцинации г-на Жириновского большого практического значения не имеют (пока!), но внутри страны он представляет большую опасность. Вот в этом и вопрос: как человек, открыто проповедующий весь этот человеконенавистнический бред, добивается успеха на выборах? Что, мы нация сумасшедших, самоубийц, мечтающих отдать ему на заклятие сыновей, мечтающих, чтобы он залил кровью отнюдь не «берега Индийского океана», а наши улицы?

3. Водка «Жириновский»: химический анализ

Чем же он опоил избирателей?

Жириновский объясняет: передел мира, расчленение Афганистана, Ирана, Турции не что иное, как способ «не допустить войны. Не допустить кровопускания, насилия. Не допустить изгнания беженцев, мародерства. Сколько поломанных судеб в результате самой маленькой войны». Он что — издевается, этот господин? Да, издевается. И имеет для того основания, если за него голосуют миллионы. Издевается над своими избирателями, которых он считает,

очевидно, — опять в полном соответствии с теорией нацистов — злобным и тупым «быдлом». Работать не хотят, хотят жить грабежом чужих земель, но воевать боятся. Поэтому мы им и объясняем — грабить будем, но рисковать не станем. Поверят, потому что хотят верить, потому что им удобно в этот бред верить. «Все с удовольствием выберут один русский язык». Добровольно и с песнями.

Полное отсутствие логики, правдоподобия, способность лгать не по принципу «дважды два — пять», а по принципу «дважды два — стеариновая свеча» (не забудем: «мы партия, которая не лжет») вообще очень удобны. В дело идет любой популярный лозунг.

Жириновский тщательно дистанцируется от «замшелых», старомодных националистов, постоянно демонстрирует свою современность, динамизм, энергию. Он и о сексе свободно рассуждает, и против коммунизма и коммунистов выступает. Его партия не зря называется либерально-демократической. Когда создавалась ЛДПР, эти слова были в моде. Сейчас в моде национализм, в определенных слоях даже нацизм, и он, не отказываясь от старого названия, объявляет себя и национал-социалистом. Либерально-демократическая-национально-социалистическая... Завтра, пожалуй, добавится еще консервативно-анархически-монархистская.

Жириновский — талантливый демагог. Он не механически копирует Гитлера и Геббельса, а творчески развивает идеи учителей применительно к России. Гитлер был по-немецки серьезен. Жириновский, напротив, старается рассмешить, зная, что в русское народное сознание легче войти именно так, со смехом. Пусть харизма будет не мрачно-величественной, а окрашенной юмором, иронией, пусть «Вольфович» станет в один ряд с Василием Ивановичем, Штирлицем, станет героем анекдотов — это и есть путь к успеху в России 1990-х гг. Русский фольклор всегда с насмешкой — Жириновский учитывает эти правила игры.

Последняя удачная идея — водка «Жириновский». Опять попадание. Уже одно это сочетание слов делает «Вольфовича» (лучше бы так и называли — водка «Вольфович») свойским, родным. А уж тот, кто «принял» стопку «жириновки», неужели проголосует за кого-нибудь другого?

По старому верному рецепту д-ра Геббельса готовится и коктейль его пропаганды. В кучу смешиваются ингредиенты, все расхожие мнения, все предрассудки, бытующие в обществе. Например,

мы вечно всем помогаем, слишком добрые и нерасчетливые, от этого наши беды, весь мир на нас паразитирует; вся беда в плохом, бесчестном начальстве — сперва коммунистическом, теперь демократическом (те же экс-коммунисты); бандитов надо расстреливать без долгих судов, доигрались уже, хватит; пусть эти нацмены, дикие, черные, косоглазые, без нас поживут — живо на брюхе приползут; существует мировой заговор против России; мы — самые великие, должны грозить всему миру: хорошо бы жить, как в Америке; назад в коммунизм не вернемся — надоело; нужна твердая власть; пусть будет частная собственность, но не для этих спекулянтов «кавказской национальности». И т. д., и т. п.

Здесь есть и здравые мысли (или их следы), и злой, бессмысленный бред, и просто абсурд, идущий от полной неинформированности. Но фашистскую пропаганду это ничуть не смущает. Не важно, можно ли связать эти идеи в единую непротиворечивую систему — логику мы сбросили за борт сразу. Еще важнее, что за борт летят все моральные табу, приличия, ограничители. Сила фашистского популиста именно в том, что он не стесняется говорить самые грубые вещи и говорит их именно в том виде, в каком их говорят в очереди, в толпе. В каком-то смысле это действительно «истинно демократическая» политика, когда политик сознательно играет на низменных чувствах, дает им «узаконенный» выход, незаметно и сознательно потворствуя всему худшему, что есть в его избирателе, как говорил Достоевский, «дает право на бесчестие».

На какие группы ориентируется Жириновский? Как известно, на все и обращается к каждой адресно и четко. Но в действительности он делает ставку не на те или иные группы, а на носителей вполне определенного менталитета внутри любой группы: грубо-агрессивного, полуграмотного (того, что Солженицын назвал «образованщина»), никогда не видящего недостатков в себе, ничего не прощающего другим и свято верящего, что только насилие дает истинное решение всех проблем. В психологии такие люди называются носителями тоталитарного, фашизоидного сознания, авторитарного типа личности. Немудрено, что их много в распавшемся тоталитарном обществе, причем отнюдь не только среди тех, кому действительно живется плохо. Такие люди есть и среди тех, кто уже преуспел на «диком рынке», орудя зачастую кулаками, вырвал первые деньги, первый успех и возомнил себя «хозяином жизни».

Эти люди не склонны слишком задумываться над глобальными социально-экономическими условиями, способствующими и препятствующими развитию рыночных отношений. Они не читали фон Хайека, но твердо знают свои заповеди: «кто смел, тот и съел», «бей первым», «мертвые не кусаются».

Это и есть рэкет-рынок, — рынок, который хорошо вписывается в фашистскую идеологию. В свое время «мы диалектику учили не по Гегелю», а сегодня нам предлагают рынок строить не по Фридману, а по Жириновскому. Он обращается к «своим» бизнесменам, почтительно называет их «молодыми волками», молодыми вольфами, так сказать, и претендует быть их лидером, отцом-вожаком стаи, — стаи, в которую обещает превратить всю Россию, сделать ее страной алчных волков и запуганных овец. При этом он, конечно, клянется, что волки будут сыты и овцы целы. Как ни банально это выражение, но нельзя не сказать: редко когда действительно «волчий оскал» фашизма выступает так ясно, так наглядно.

Избиратель Жириновского догадывается, что его вождь — лжец. Но саму ложь этот избиратель препарирует в выгодном для Жириновского ключе. Война на юге? Вот это ложь, этого не будет. Зато правда в другом — угроза войны, хамский тон, грубость, возведенная в закон, показывают «крутость» нашего Вольфовича. «Крутость» — то, о чем так исстрадался избиратель Жириновского, то, чего ему так не хватает в цивилизованных политиках. И они верят, что «крутость» будет направлена против евреев, кавказцев, мафии, спекулянтов, либералов, американцев — только не против них самих.

...Впрочем, у каждой категории сторонников Жириновского свой список врагов, и из-за несовпадения таких списков возможны в дальнейшем небольшие недоразумения, разрешаемые в мужском стиле — в стиле «ночи длинных ножей», «хрустальной ночи» и многих других слившихся воедино ночей, которые в совокупности и называются словом «фашизм».

Но сегодня о таких деталях не думают. Программа Жириновского никого (и его первого) не интересует. Программа лишь повод продемонстрировать «крутость». Эту роль она выполняет отменно.

* * *

Этот человек мне лично активно неприятен. Вместе с тем он, из-за ненормальных социальных условий, из-за государственного

антисемитизма пошедший на такую мерзость, как отказ ради карьеры от родного отца, придумавший себе какого-то никогда не существовавшего в природе родителя, пытающийся, как секрет полишинеля, спрятать свое происхождение, вызывает сложные чувства. Тут и презрение, и смех, и жалость, и горечь... Он (не хочу называть его ни псевдонимом, который он себе присвоил, ни фамилией отца, от которой он отрекся) не единственный фашист в нашей стране. Но человек, о котором я пишу, сегодня самый популярный фашистский лидер в России. Значит, от него исходит самая большая угроза моей Родине, народу. Ответственные политики обязаны сделать все, чтобы этот мыльный пузырь лопнул как можно скорее.

Фашизм и бюрократия

I. СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ

После «безумного» 1993 г., закончившегося 4 октября, наступило ли пусть хрупкое, пусть временное, но спокойствие? Или мы можем ожидать масштабного политического кризиса в ближайшие месяцы? Если этот кризис произойдет, то куда повернется дрожащая магнитная стрелка российского политического компаса, кто получит дивиденды от кризиса?

Я никогда не давал политических прогнозов, не буду нарушать эту традицию и сейчас. Но как бы политологи ни выстраивали свои схемы, в них все сильнее входит новый и очень мрачный «коричневый» фактор. Если пользоваться той же метафорой, как будто под российский политический компас подложен тяжелый топор нацистских штурмовиков и стрелку все время сносит в эту сторону. Если бы этого фактора, этой угрозы не было, то к любым потенциальным политическим кризисам общество могло бы относиться значительно спокойнее: в конце концов, за вычетом этого фактора политический процесс едва ли может привести общество к летальному исходу. А вот нацизм, фашизм (жесткий или мягкий,

Опубликовано в: Сегодня. 1994. 15 июня.

коричневый или красно-коричневый) сегодня для России означал бы смерть, национальную катастрофу, имеющую в нашей истории один аналог — 1917 г. Второй такой «геологический разлом» наша земля может просто не выдержать...

Но не заражаем ли мы себя «фашистофобией», своего рода манией преследования? Ведь сегодня на российской политической сцене нацизм кажется каким-то призраком. Этот призрак бродит по страницам газет, верно, но где он в своей грозной реальности? Массовой нацистской партии нет. Конечно, можно указать на Жириновского, но его популярность по всем опросам падает — непрерывные пустые скандалы утомили избирателей. Можно надеяться, что пик своей популярности он прошел в декабре, но нет ощущения, что давление фашистской угрозы, пусть не слишком оформившейся, уменьшается. Напротив, кажется, что эта угроза — безотнositельно к фигуре Жириновского — растет.

Но кто же тогда? Откровенные нацисты, бандиты-баркашовцы? Самих по себе их нельзя считать политической силой — это все еще из разряда уголовной хроники. Их «фюрер» умело использовал 3–4 октября для кровавой рекламы себя и своего движения, но в «большую политику» пока не вошел.

Что же заставляет всерьез говорить об этой «угрозе без лица», об этих коричневых испарениях, встающих над политическим болотом?

Для меня «звонком» стало 3–4 октября. При всем, что мы знали о Хасбулатове, Руцком, ВС, не верилось, что они внутренне уничтожили дистанцию между собой и нацистами и широко протянут им руку, да еще вложив в эту руку автомат. Однако протянули. В переломный момент легитимная политическая оппозиция сделала выбор: ради завоевания власти можно идти рядом с нацистами, можно принять их помощь, их методы. Вот главный, решающе важный политический урок тех дней. Россия, наверное, единственная в цивилизованном мире страна, где политик, оставаясь серьезным, легитимным политиком, открыто заключает союз с нацистами и не отказывается от этого союза, когда «горячка битвы» прошла.

Слов в осуждение тех же баркашовцев и своего «сердечного согласия» с ними не нашлось в запасе ни у бывшего вице-президента России, ни у бывшего председателя ВС, ни у активно действующих сегодня в Думе экс-депутатов ВС и партий, поддерживавших ВС.

Последний пример — 12 мая, вечер газеты «Завтра» (этакого «центрального органа» непримиримой оппозиции). Приветствие Баркашова встретили аплодисментами те же Руцкой, Зорькин, Бабурин... Баркашова с успехом заменил генерал Макашов, прорывавший следующее: «Боже, помоги выкинуть из Кремля и из России всех жуликов, проститутток, воров, освободи нас от этой нечисти. А если тебе некогда, я это сделаю со своими товарищами. (Аплодисменты.) Служу Советскому Союзу». К известной всем характеристике Макашова это ничего, конечно, не добавляет, но ведь ему иступленно хлопали отнюдь не только маргиналы, а определенная часть политического истеблишмента, вполне влиятельные политики. Фотографии для истории: Ачалов, Руцкой, Макашов, Проханов, Константинов, Чикин, Анпилов, Бабурин, Невзоров, Зорькин, Зюганов, Романов, Стародубцев.

Руцкой, Зорькин, лидер КПРФ Зюганов, едва не ставший председателем Федерального Собрания Романов — бок о бок с Анпиловым, Макашовым. Вот мелкое, но прямое доказательство «смычки» легитимных политиков, всерьез претендующих на власть, и околонуцистских маргиналов. Не зря этот замечательный «вечер спевки» назывался «Согласие во имя России». Согласие с нацистами во имя России. Или согласие во имя нацизма в России? Аналога такому единому фронту в современной мировой политике, пожалуй, не подберешь. Зато аналогия есть в прошлом — так называемый Гарцбургский фронт, созданный в октябре 1931 г. в Германии реакционными генералами, националистическими политиками, королями ВПК и нацистами. Фронт этот просуществовал недолго и стал лишь питательной средой, бульоном для размножения нацистских бактерий, пожравших своих легитимных попутчиков. Гитлер и не скрывал своего к ним презрения. Но ведь и российские ученики фюрера пишут все в той же газете «Завтра» о своих союзниках: «Каждый, кто имеет совесть, обязан отдать должное именно “баркашовцам”. Именно им сегодня принадлежит право “морального” первенства в оппозиции. Им, а не трусоватым прагматикам из КПРФ или уклончивым, будто объевшимся сметаны, лидерам Российского общенационального союза... “Патриоты” в Думе — это отбросы оппозиции, пролезшие в декоративный ельцинский балаган по трупам и крови своих павших товарищей... Но как бы то ни было, новым депутатам следует помнить: предавая РНЕ (партия Баркашова),

вы предаете русское сопротивление, предаете павших, предаете Россию. А это вам так просто не пройдет».

Вот такие (и не такие еще) угрозы и плевки сносят от своих «крутых союзников» официальные лидеры оппозиции, не смеющие, разумеется, ответить хоть чем-нибудь подобным. Да, поистине «моральное» первенство в этой компании захватили не вице-президенты, спикеры, депутаты, а никому (пока) не ведомые «мальчики-баркашовцы». Они диктуют «союзникам» свою мораль, заставляют их играть по своим бандитским правилам. Вот такое согласие во имя России. И это при том, что у нацистских маргиналов нет известного, сильного лидера. Появись он — и мгновенно вся объединенная оппозиция превратится в машину, обслуживающую такого лидера, превратится в систему рычагов и приводных ремней, помогающую такому лидеру идти к власти.

Но даже если нацистский фюрер в обозримом будущем не вылупится, все равно давление нацистов будет «разворачивать» Руцкого, других «легитимных» лидеров, превращая их в «агентов влияния» нацистской политики.

II. ИДЕАЛЫ

Как же это может быть? «Чистые» нацисты имеют малый политический вес. Казалось бы, в союзе с известными националистическими политиками они заведомо слабая сторона, «меньшие братья», ведомые. А на проверку они оказываются ведущими. Чем этот парадокс объяснить?

Полнейшей идейной нищетой «легитимных» националистов.

Сколько бы они ни произносили заклинания про «просвещенный патриотизм», им так ни разу не удалось объяснить, что это такое. Их «просвещенный патриотизм» остался какой-то мертвой оберткой, внутри которой или пустота, или все та же конфета с красно-коричневым ромом. У нацистов есть идеология, есть лозунги — преступные, глупые, алогичные, но четкие, ясные, определенные. Национал-патриоты выработать свои лозунги оказались не способны.

При полной собственной идейной невнятности, при отсутствии всякого «табу» на нацизм, насилие, террор что они могут противопоставить воплям того же Макашова? «Даешь Советскую народную

власть! Даешь народное русское правительство! Даешь русскую экономику, русскую культуру, русскую армию!» (Особенно хорош макашизм в культуре. Впрочем, все остальное обещает быть ничуть не хуже...) И в ответ на весь этот бред юристы и депутаты, профессора и писатели-патриоты покорно кричат: «Даешь!» Нашли национальный перевод для «хайль». Да, постыдная картина полной идейной капитуляции «национально мыслящей элиты», которая без всякого трения совершает свой «полет на коленях» прямо к нацищенным сапогам макашовых-баркашовых.

Идеология нацизма, фашизма — злокачественная мутация национализма, национализм, превратившийся в свое отрицание, несущий гибель нации. Этот путь вверх по лестнице, ведущей вниз, точно описал В. Соловьев: «Национальное самосознание — национальное самодовольство — национальное самообожание — национальное самоуничтожение». Чтобы устоять на первой ступени, абсолютно необходимой всякой нации, но не заскользить дальше, нужна интеллектуальная и моральная самодисциплина, которой и в помине нет у национал-патриотов.

Национальный эгоизм почти так же свойствен человеку, как эгоизм личный. Озлобленный, агрессивный характер он приобретает, когда к нему добавляется жгучее чувство национальной обиды, несправедливости. У больших наций после развала империи это чувство практически неизбежно. Классический пример — та же Веймарская Германия. В России синдром «имперской обиды» тоже есть, правда, он смягчается несколькими обстоятельствами. Тут и традиционное ощущение огромности страны, почти не изменившееся после гибели СССР, и очень распространенное чувство глубокого отчуждения от государства (оборотная сторона насильственной государственной дисциплины). Проблема «жизненного пространства» никогда не жила в душе русского человека, а разговоры о том, что правящий режим оккупационный, управляемый из США, никем, кроме пациентов психиатрических клиник, всерьез не воспринимаются.

Воинствующий национализм, комплекс обиды и национальной ущемленности, пожалуй, питаются другим.

После гибели коммунистической идеологии (одновременно с этим, ввиду исчезновения объекта для борьбы, во многом утратил привлекательность и антикоммунизм) наступил глубочайший идеологический вакуум. Ценности чисто «потребительского

общества» его заполнить не могут. К тому же эти ценности в жизни огромной массы людей воспринимаются как издевательство, как реклама недоступных товаров. Вот здесь в дело вступает национализм. Личная обида «замещается», «облагораживается» обидой национальной, превращается уже в идеологию, в ориентир и опору в жизни. В этом «национализме обиды и нищеты» имплицитно содержатся не только (не столько) собственно национальные, но и переплавленные в национальную форму социальные мотивы. Бедность, эксплуатация, несправедливые привилегии, неоправданное расслоение общества — все это вдруг приобретает национальную окраску, видится в коричневом свете. Так возникает интерференция социальной и национальной злобы, известная как национал-социализм.

Подобного развития событий боялись во всех посткоммунистических странах. Ждали мутации: из коммунизма в нацизм. Однако страхи пока не подтверждаются ни в Восточной Европе, ни в Прибалтике. Ближе всех к красно-коричневой полосе подошли мы.

На бытовом уровне — разговоры, что «все скупили кавказцы», «в своем доме не дают прохода русскому человеку», «от них вся преступность». На идейном уровне — идея «всемирного заговора» против России с целью превратить ее в колонию международного, западного (американского, сионистского) капитала. Это является поистине идефикс национал-патриотической оппозиции. В обоих случаях мы видим отнюдь не чисто расовые (вообще абсолютно чуждые России), а национально-социальные предрассудки.

Сразу оговорюсь, рискуя вызвать протест иных своих коллег: за всем этим злым бредом, увы, стоит немало реальных проблем. Существует в нашей стране и мафия, собранная по этническому признаку, как есть она во всем мире, например, в США в том числе есть и «русская» мафия. Это не вся мафия, но вполне реальная ее часть. Существует и жесткая борьба на мировых рынках, в том числе финансовых, и там мало желающих бескорыстно помогать России, как и любой другой стране, тем более пропускать ее «вне очереди». В определенных финансово-политических кругах есть и недоброжелательное отношение к России, и желание ее изолировать. И в этом нет ничего ни ужасного, ни странного. В мировом сообществе нет идиллии «всемирного братства». Например, во многих странах жив антиамериканизм. Идет конкуренция, но прогресс

заключается в том, что она ведется твердыми, но корректными, «гражданскими» методами. Раздувание же национал-социалистического психоза отнюдь не способствует успеху в этой конкурентной борьбе.

Но почему же именно общественный организм России оказался наиболее податливым к действию красно-коричневых бактерий-убийц?

Таковы, увы, генетика и структура нашего общества.

В общем виде ответ заключен в одном слове — «тоталитаризм». Восточной Европе этот строй был навязан нашими танками. Ушли танки — рухнул строй. В нашей стране все сложнее. Да, когда ослабло насилие, этот строй зашатался и упал и у нас в стране — значит, разговоры о безусловной приверженности России к тоталитарному строю, к насилию и несвободе являются ложью. Но верно и другое — этот строй не был нам навязан извне, он в каком-то смысле, хотя и насилием и обманом, пришел к власти изнутри самой России, ее истории.

Подробное обсуждение этого, в сущности, основного вопроса российской истории и философии здесь, конечно, неуместно. Ясно одно: порыв к свободе и «бегство от свободы» трагически, подчас неразрывно переплелись в нашем прошлом. Так, большевистский тоталитаризм, разумеется, уничтожал, отрицал самодержавие, но вместе с тем был его законным продолжателем, наследником, который довел самодержавие до логического предела. ЧК расстреливала черносотенцев и была их духовной дочерью, лишь превзошедшей родителей в беспощадном насилии. Другой пример неразделимого, трагического противоречия русской истории — лозунг «За Родину, за Сталина». Ведь «в развернутом виде» это значит: «За Родину, за ее палача Сталина...»

Как бы то ни было тоталитарное сознание глубоко уходит в толщу нашей истории, где были войны (как в истории любой страны), но не было гражданского общества. Оборонное мышление, ксенофобия, ставка на силу, «сила власти», измеряемая мерой ее насилия по отношению к народу, — все это у нас не заемное. Конечно, это страшно уродует национальную память, не дает возможности появиться разумному, умеренному консерватизму. Какие традиции может охранять наш консерватизм? Гражданское общество? Независимость личности от государства? Частную собственность?

Да, все эти традиции у нас были — но лишь в зародыше, в потенции. Невольно консерватизм начинает возвращаться к действительно доминировавшим традициям — «необходимости самовластия и прелести кнута». А если отделить от этих традиций феодально-сословную честь, которая была совершенно вытоптана, то получается «самодержавие толпы», уже пограничное с нацистской идеологией...

Между тем как раз консерватизм является важнейшей частью здорового общественного сознания — тормозом, который помогает удержаться в рамках разумного национализма, удержаться на уровне национального самосознания, не скатываясь к саморазрушительному национальному самодовольству. Этот здоровый русский национализм, основанный на гражданских правах русского человека, на его твердом праве на частную собственность, еще предстоит формировать — если для того будут объективные социальные условия.

III. АЛЬТЕРНАТИВА

Еще важнее психологических традиций объективная структура общества.

Тоталитарное общество не разрушено. Оно надломлено, это и определяет специфику настоящего момента нашей истории.

Милитаризованная экономика. Экономическая и политическая власть бюрократической олигархии. Постоянные тенденции к окончательному бюрократическому реваншу — к восстановлению бюрократической машины в том виде, в каком она существовала в стране (и душила страну) до 1991 г. Вот картина общественного организма, которую мы наблюдаем.

Основа основ — отношения собственности. Сейчас без барабанного боя и, что трагично, практически без осознания обществом решается поистине исторический для России вопрос. Капитализм практически уже остановить нельзя. Дилемма в следующем: бюрократический (номенклатурный, государственный) капитализм или демократический (гражданский, открытый). Если брать известную историческую аналогию: пойдём мы «прусским» или «американским» путем. Вот фокус всей социально-политической борьбы сегодняшних дней. Вот что стоит за всеми законами, указами,

прениями, выстрелами и пресс-конференциями. Если говорить более корректно: каким будет соотношение того и другого элементов в нашем строящемся обществе.

Избрав государственно-бюрократический вариант, практически обреченный на застой, не имеющий сил для самодвижения, отделенный высокой стеной коррупции от подавляющего большинства населения, мы действительно обрекаем Россию на отставание от мира, на колониально-сырьевую роль, на вечную консервацию этой роли. Вот вам и «заговор» против России — «заговор», участниками которого являются отнюдь не «масоны», а бюрократическая элита, гордо именующая себя государственниками. Колониальные государственники...

Сегодня интересы этих групп (сохранивших — особенно на местах — всю полноту власти), очевидно, чисто охранительные. Их идеология едва-едва просматривается — людям не до того, они заняты практической деятельностью по своему обогащению. Как все богатые люди, они осторожны, крайности их пугают. Однако на всякий случай нацистов они могут подкармливать.

Возможна ли ситуация, когда правящая бюрократия пойдет на альянс с нацистами, «наймет бандитов», действительно повторив в России «веймарскую катастрофу»?

Во всяком случае эту болевую точку надо постоянно отслеживать, помня, что только союз с наиболее агрессивной частью бюрократической буржуазии может открыть нацистам дорогу к власти. Никаких реальных, тем более легитимных путей, чтобы одни нацистские маргиналы захватили власть, сегодня нет. Опасно иное: легитимная политическая, бюрократическая элита сама может двинуться в сторону нацизма, переродиться, «изнутри» прорасти «коричневым загаром». Пример такого перерождения перед глазами — Руцкой, Хасбулатов, Верховный Совет. Это была модель. Теперь представьте подобное перерождение в большем масштабе и сами оцените масштаб возможной катастрофы.

В 30-е гг. бытовала формула о фашизме как открытой террористической диктатуре наиболее агрессивных слоев буржуазии. Эта формула точно описывала как раз сталинский фашизм, была в некотором смысле его «бессознательной рефлексией»: надо лишь вместо «буржуазия» поставить «бюрократия». Сегодня такая формула еще ближе к истине; фашизм у нас возможен лишь как диктатура

самых агрессивных слоев «буржуазной бюрократии», номенклатурного, паразитического капитала.

Союз бюрократии, буржуазии и нацистов — вот та главная опасность, которую мы должны перед собой видеть и исходя из которой строить свою политику.

Из сказанного, думается, абсолютно ясна моя позиция по модному ныне вопросу «просвещенного авторитаризма». Убежден: «хорошая диктатура» может быть только для тех, кто и «плохой» будет рад. Если же кто-то всерьез надеется защититься от нацизма, выстроив вокруг себя клетку «демократической диктатуры», то он горько ошибается, кидается из огня да в полымя. Диктатуру всегда выстроят без нас, против нас — здесь мы можем не тратить силы понапрасну. Как бы ни была принята сегодняшняя Конституция, она дает как раз оптимальное (с учетом традиции, реального баланса сил) соотношение авторитарного и демократического векторов в нашей политической системе. Не усиливать авторитарность, а превращать написанную Конституцию в действующую — вот задача.

Мы должны противопоставить союзу бюрократии и нацистов свою политическую конструкцию: союз демократии и либеральной буржуазии при нейтралитете (и соответственно соблюдении интересов) самых влиятельных отрядов бюрократии.

Стратегически наши интересы противоположны интересам бюрократии: мы за уменьшение влияния государства в экономике, за демократический путь развития рыночной экономики, вне контроля бюрократической олигархии.

Но мы по своему менталитету, по социальной группе поддержки не приемлем «борьбы на уничтожение». Такая борьба — и то, разумеется, только политическая, идеологическая — для нас возможна и неизбежна лишь с нацистами.

С бюрократией, связанной с ней буржуазией мы можем и будем всегда искать компромиссы, проводить свою политику так, чтобы не прижимать их к стене, чтобы обеспечивать им «мирное вращение» в открытой, демократический капитализм. Самое главное — ни при каких условиях не допустить союза правящей бюрократии с нацистами как с «меньшим злом». Бюрократическая олигархия должна все время ясно понимать: лучше «потерять» с демократами,

чем «найти» с нацистами. И, не надеясь на «понятливость» бюрократии, мы постоянно должны ей это объяснять.

Если союза бюрократических «верхов» и нацистских «низов» удастся не допустить, нацистская угроза для нашей страны так и останется лишь угрозой.

Говоря о чисто политических условиях, при которых реальна опасность переворота, весь опыт российской истории учит, что главное условие — два параллельных центра власти. Так было в 1917-м, в августе 1991-го, в октябре 1993-го. «Третья сила» всегда рвется наверх по спине одной из ветвей власти. Поэтому важная задача демократических сил — не допускать опасной конфронтации высших властных структур. Только так можно сохранить стабильность, целостность государства.

Лозунги государственников и националистов сегодня в цене. Нам нет нужды лгать и примерять чужую шкуру. Не из-за конъюнктуры, а по существу мы были и остаемся государственниками. Наша цель — эффективное, не самоедское государство. Конечно, мы не считаем, что, чем наглее бюрократия, тем сильнее государство. Если не путать государство с Держимордой, то очевидно, что мы государственники.

Мы измеряем свою приверженность российским национальным интересам тем, что удастся сделать для нормальной, достойной человеческой жизни русского человека, всякого гражданина России. Те, кого у нас называют националистами, измеряют свой национализм иначе — мерой своей ненависти к «инородцам», а то и просто циркулем для измерения неарийских черепов. С нашей точки зрения, они реальные русофобы, потому что, стараясь заразить ядом своей злобы Россию, губят ее, надеются превратить в больную страну. Такую же больную, как они сами... Нам не надо ни лукавить, ни умалчивать о своей позиции, ни отречься от своих слов. Мы ясно и просто можем объяснить, почему мы государственники и патриоты. Надо только верить в разум людей и говорить им правду. Будем помнить чудесные слова: наше достоинство — в разуме. А на свету разума исчезают призраки, в том числе и призрак нацизма, пугающий нашу Родину.

Новые задачи: выбор за нами

Реформы резко меняют сложившуюся жизнь, стереотипы, соотношение статусов. Они приносят и очевидные улучшения, и новые проблемы, одним открывают дороги, других толкают вниз по социальной лестнице. Как ни обидно для реформаторов, но реакция на эти изменения несимметрична. Если выигрываю — то потому, что я умный, работающий и удачливый. Если проигрываю — то потому, что плохое правительство. Хорошо, что появились товары, исчезли дефицит, очереди, национальная валюта стала конвертируемой. Но ведь так и должно быть. А вот то, что при этом цены высоки, а гарантия занятости отнюдь не так надежна, как раньше, — безобразия. Старое китайское проклятие: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен» — хорошо понятно тем, кому выпало видеть первые годы после социализма.

Лишь создав надежные предпосылки экономического роста на рыночной основе, добившись того, чтобы общество начало наконец не беднеть, а богатеть, обрело реальные ресурсы для решения наиболее острых проблем, можно сделать преобразования социально и политически устойчивыми.

Традиционной реакцией российских органов власти, столкнувшихся с проблемами ускорения экономического роста, было максимально возможное использование ресурсов государства, финансирование индустриального рынка за счет усиления налогового бремени. Теперь эти возможности исчерпаны.

Доля налоговых изъятий в валовом национальном продукте с учетом внебюджетных фондов в России и так чрезмерна. По международным стандартам эффективность введенных в 1992 г. налоговых инструментов сравнительно высока, но надежды на всеислие государственной налоговой инспекции явно утопичны (табл. 1).

Финансирование государственных инвестиций за счет дефицита бюджета, по сути, означает перераспределение и так не слишком обильных ресурсов частных сбережений. Пытаясь увеличить темпы роста капиталовложений, правительство лишь меняет пропорции, их распределение между частными и государственными.

Опубликовано в: Вопросы экономики. 1994. № 9.

Финансовая нестабильность и высокая процентная ставка — естественная реакция на инфляционное финансирование — блокируют эффективное участие частных инвестиций в обеспечении экономического роста. Попытки же вновь, как в начале 30-х гг., отключить только что задействованные рыночные механизмы, чтобы снять преграды на пути экспансии государственных капиталовложений, слишком явно ведут в тупик. Россия столкнулась с ситуацией, в которой старые, надежные, исторически проверенные рецепты ускорения роста неприемлемы.

Если государственные инвестиции могут играть лишь вспомогательную роль в стимулировании роста, значит, надежда на устойчивое развитие связана в первую очередь с перспективами частных капиталовложений. Именно их динамика теперь становится определяющей для российской экономики. Осознание этого факта требует фундаментальных изменений в приоритетах экономической политики. Важнейшими среди них теперь являются стабильность и предсказуемость динамики цен, уровень процентной ставки, уровень налогообложения, гарантии прав собственности.

Если стержень традиционной политики роста — повышение уровня налогообложения для финансирования государственных капиталовложений, то в центре новой политики — снижение бюджетной нагрузки на экономику, чтобы создать благоприятные условия экспансии частных инвестиций.

Разгрузка формирующегося частнопредпринимательского сектора от избыточного бремени финансовых обязательств перед государством становится не одним из вопросов краткосрочной финансовой стабилизации, а важнейшей предпосылкой устойчивого развития.

Итоги выборов 12 декабря 1993 г. можно оценить двояко. Можно — как следствие излишне радикальных реформ, сигнал к отступлению, умеренности и аккуратности в экономической политике,

Таблица 1. Эффективность налога на добавленную стоимость в 1988 г.

Страна	Поступления от НДС, % к ВВП	Ставка НДС, %	Эффективность налога, %
Дания	9,5	22,0	0,43
Финляндия	8,4	19,1	0,44
Индия	3,3	10,0	0,33
Новая Зеландия	6,7	12,5	0,54
Норвегия	9,4	20	0,47
Великобритания	6,0	15,0	0,40
Греция	4,3	11,6	0,37
Россия (1992 г.)	12,4	28,0	0,44

но, по моему убеждению, точнее — как следствие непоследовательности и колебаний, незавершенности процесса преобразований, формирования базы растущей рыночной экономики.

Без экономического роста не будет и социально-политической стабильности. Но важно осознать: если уж вышли из социализма, путь к экономическому росту один — через стабильные деньги, низкие рыночные процентные ставки, надежные гарантии частной собственности, открытую экономику, недорогое государство. Пока этого нет — впереди экономический застой на фоне растущей социальной дифференциации, бедность, деградация инфраструктуры. Значит, жизненно необходим новый тур российских реформ, позволяющих создать уже не просто работающий рынок, а предпосылки устойчивого экономического роста на базе частных сбережений и инвестиций — положение, при котором общество начинает богатеть, больше вкладывать в свою экономику и от этого богатеть еще быстрее. Короче говоря, надо обеспечить базу того, что называется экономическим чудом на российской почве.

Ясны и контуры важнейших преобразований.

Страна, налогоплательщики больше не могут позволить себе покрывать из бюджета неэффективность общественного сельского хозяйства. Нужны глубокая, несуетливая аграрная реформа, всемерное содействие развитию рыночной инфраструктуры на селе.

Фактор, воспроизводящий зависимость сельского хозяйства от государственного финансирования и связанную с ним экстремальную нагрузку на бюджет, — неразвитость системы коммерческого сезонного кредитования. А эта проблема, в свою очередь, упирается в вопрос о легализации полноценной частной собственности на землю, в свободу купли-продажи, залога земли. Соответствующие законы открывают дорогу резкому повышению финансовой ответственности и перераспределению ресурсов в пользу эффективных хозяйств, но встречают яростное сопротивление колхозно-совхозного лобби.

Разумеется, и с легализацией купли-продажи земли развитая финансовая инфраструктура, способная на коммерческих началах обеспечить обоснованные потребности в сезонном кредитовании, не сформируется разом, по мановению волшебной палочки. Помощь государства в ее становлении — естественное направление среднесрочной аграрной политики, так же как и развитие системы

форвардных контрактов для обеспечения государственных нужд, расширение отечественного продовольственного рынка, а по мере его стабилизации — введение элементов таможенной защиты отечественных сельскохозяйственных производителей.

Движение в этом направлении позволит уже в краткосрочной перспективе резко сократить потребность в прямых государственных ассигнованиях, а в среднесрочной — свести бюджетную нагрузку, связанную с проводимой аграрной политикой, до принятых в мировой практике норм.

Неудовлетворенная потребность в жилье сегодня в числе самых острых социальных потребностей российских семей. Масштабы потенциального спроса на новое строительство огромны. Именно с этим фактом связаны наиболее серьезные надежды переломить традицию низких сбережений домашних хозяйств в России. Если, используя меры государственной политики, этого удастся добиться, экспансия жилищного строительства может стать мотором восстановления капиталистического роста в России.

Важнейшее препятствие на пути использования такой возможности — острая диспропорция между ограниченными семейными доходами среднеобеспеченных групп населения и стоимостью нового строительства, слабое развитие залогового кредитования. Доля кооперативного и индивидуального жилищного строительства в его общем объеме в 1992 г. составляла всего около 10%. Получается так: если цель все равно недостижима — зачем предпринимать усилия, лучше с нарастающей безнадёжностью ждать очереди на государственное бесплатное жилье.

Одновременно государство во все больших масштабах втягивается в текущее финансирование содержания жилого фонда. Доля населения в покрытии затрат на его эксплуатацию в семейных доходах упала с 3% в начале 80-х гг. до долей процента в 1992 г.

Недостаток бюджетных ресурсов не позволяет государству проводить активную жилищную политику. Дешевое жилье, на нормальное содержание которого в бюджете хронически не хватает денег, становится все более низкокачественным, а возможности улучшения жилищных условий — призрачными.

Выбраться из этого порочного круга можно лишь на основе серьезной реформы государственной жилищной политики. Ее необходимыми элементами являются:

- постепенное повышение доли населения в оплате текущего содержания жилого фонда. В силу ограниченной эластичности спроса здесь неуместны разовые и резкие меры. Речь идет о том, чтобы в течение трех лет постепенно довести долю расходов, связанных с удовлетворением жилищных потребностей высоко- и среднедоходных семей, до 10% семейных доходов, сочетая движение в этом направлении с формированием системы жилищных дотаций для малообеспеченных семей;
- формирование развитой системы коммерческого кредитования жилищного строительства, упорядочение земельной собственности в городах, разработка правовой базы регулирования отношений собственности на жилище и жилищного кредитования;
- создание на федеральном и местном уровнях программ предоставления бюджетных ссуд и субсидий, позволяющих сократить разрыв между реальными финансовыми возможностями среднедоходных семей и стоимостью нового жилища, в размерах и порядке, стимулирующих участие населения в финансировании нового строительства.

Суть задачи заключается в том, чтобы перейти от политики безуспешных попыток заменить рынок в жилищной сфере к такой политике, которая будет в максимальной мере использовать возможности рынка, дополняя их там, где это необходимо, государственной поддержкой.

Попытка создания Вооруженных сил, способных противостоять всему капиталистическому миру, а с середины 60-х гг. и главному бывшему союзнику — Китаю, дорогостоящие политические авантюры за рубежом довели военные расходы СССР до уровня, характерного лишь для государств, участвующих в войне. Начав сокращение численности Вооруженных сил и резко снизив ассигнования на закупку вооружений, российское правительство в 1992 г. уменьшило их до 5,5% ВВП. Возможности в ближайшее время серьезно продвигнуться вперед в разгрузке экономики от этого бремени ограничены. В 1994–1995 гг. Россия будет вынуждена делать крупные затраты, связанные с выводом войск из-за ее пределов, их передислокацией, решать острые социальные проблемы военнослужащих, финансировать затраты, обусловленные самим сокращением армии (табл. 2).

Геополитическое положение России не позволяет ей использовать блестяще продемонстрированные Японией возможности ускорения экономического роста за счет долгосрочного поддержания военных расходов на экстремально низком уровне (до 1% ВВП). Вместе с тем стратегически важно довести в среднесрочной перспективе уровень военных расходов России до величин, характерных для большинства развитых рыночных экономик. Попытки заменить динамичный экономический рост и укрепление хозяйственной мощи — эти единственные долгосрочные гарантии стабильности, безопасности и обороноспособности страны — масштабным перераспределением скудеющих финансовых ресурсов на нужды армии, как наглядно показала вся история России, — путь тупиковый.

Сегодня сама структура, масштабы Вооруженных сил, доставшихся России от Советского Союза, становятся и непосильным бременем для налогоплательщиков и угрозой боеспособности армии. Каждый второй рубль налоговых поступлений в федеральный бюджет идет на нужды армии, а она все равно недофинансируется, задерживает денежное довольствие военнослужащим. Когда с количеством солдат, достаточным для укомплектования одной дивизии, пытаются сохранить четыре — в результате все малобоеспособны. Чтобы иметь современную, хорошо вооруженную, мобильную армию, посильную для России, жизненно необходимы военные реформы.

Сравнительно высокий образовательно-культурный уровень населения, а не природные ресурсы — главная ставка России в борьбе за место в мировой цивилизации XXI в. Масштабы бюджетного финансирования отраслей социально-культурной сферы

Таблица 2. Затраты на оборону в 1991 г., %

Страна	Доля в расходах центрального правительства	Доля в ВВП
США	21,6	5,5
Германия	8,3	2,7
Франция	6,3	2,8
Великобритания	11,1	4,2
Греция	6,7	4,0
Израиль	22,4	8,1
Южная Корея	22,2	3,8
Турция	10,4	3,2
Испания	5,4	1,8
Россия (1992 г.)	21,3	5,5

отнодь не чрезмерны по стандартам развитых рыночных экономик (табл. 3).

Доля этих расходов в ВВП на протяжении последних двух лет существенно не изменялась, но общее падение производства привело к примерно 30%-му снижению реального размера ассигнований. Отсюда падение реальной заработной платы занятых в этих отраслях работников, ухудшение материального обеспечения, общий кризис социально-культурных отраслей.

Попытки поправить положение за счет резкого увеличения объема бюджетных ассигнований, законодательного закрепления доли расходов на финансирование образования и культуры в ВВП, соотношения зарплаты занятых с доходами рыночного сектора явно игнорируют складывающиеся финансовые реальности, а достигнутые формальные успехи быстро обесцениваются следующей инфляционной волной.

Реально продвинуться в решении наиболее острых социально-культурных проблем можно, лишь активно задействовав следующие основные резервы:

- дополнение бюджетных ассигнований частным финансированием. В рыночных экономиках сопоставимые с российскими масштабы бюджетного финансирования здравоохранения сочетаются с массовым привлечением на эти нужды частных ресурсов (табл. 4);
- повышение целевой направленности использования выделяемых государственных ресурсов, последовательный переход от финансирования учреждений к финансированию программ и результатов;
- увеличение реальных бюджетных ассигнований на финансирование программ, стратегически важных для страны и не покрываемых

Таблица 3. Бюджетные расходы на здравоохранение и образование в 1989 г., % к ВВП

Страна	Образование	Здравоохранение
США	5,22	4,56
Англия	5,01	5,06
Сингапур	4,09	1,06
Израиль (1988 г.)	5,80	1,88
Чехословакия	4,82	4,97
Венгрия	6,11	4,02
Россия (1992 г.)	4,50	3,00

частными источниками (в первую очередь на начальное и среднее образование).

В современных условиях структурная политика, участие государства в финансировании развития не могут заменить частных капиталовложений, но способны их эффективно дополнить. Российские органы власти имеют в своем распоряжении широкий набор средств: бюджетные капиталовложения, ссуды, инвестиционные и конверсионные кредиты, льготы по экспортным и импортным тарифам для реализации инвестиционных проектов, налоговые кредиты. Главная проблема не недостаток объема бюджетных средств, направляемых на решение задач, связанных со стимулированием роста, а неэффективность их использования, финансирование нежизнеспособных хозяйственных структур.

В числе наиболее серьезных пороков российской экономики, рожденных социалистической индустриализацией, можно отметить беспрецедентно высокую энергоемкость ВВП; гипертрофированный оборонный сектор экономики; крайне неэффективное сельскохозяйственное производство, обрекающее страну на зависимость от масштабного импорта продовольствия; развитую, но не отвечающую требованиям рынка и деформированную распадом СССР транспортную инфраструктуру, слабую развитость сферы услуг.

Неспособность позднего социализма обеспечить необходимые структурные сдвиги, свертывание неэффективных производств стали важнейшей причиной его кризиса и распада. Приспособление структуры экономики к радикальным изменениям начала 90-х гг. было в основном пассивным: сокращение объемов хозяйственной деятельности, опережающее падение производства вооружений и инвестиционной продукции. Закрытие предприятий, вывод мощностей пока редкое явление.

Многие предприятия и отрасли оказались в кризисе, столкнулись с существенно снизившимся спросом на продукцию, необходимостью изменения структуры производства, сокращением занятости.

Таблица 4. Доля государства в финансировании здравоохранения, %

Средняя по низкодоходным странам	39,9
Средняя по странам со средним доходом	34,5
Средняя по высокодоходным странам	58,2

Как и везде, кризисные отрасли наиболее активны в политической защите своих интересов: у них самый сильный стимул к самоорганизации. Именно политические лобби слабых отраслей сумели в 70-х гг. переломить мировую тенденцию либерализации торгового режима, которая обусловила динамичный экономический рост в 50–60-х гг.

Сегодня видно, как блоки поддержки кризисных отраслей становятся важнейшим фактором политической жизни. Их влияние во многом предопределяет хаотичный, оборонительный характер структурной политики постсоциалистических правительств. Общие лозунги таких лобби — «сохранение производственного потенциала», «восстановление разрушенных связей», «защита производства». Предлагаемая линия в экономической политике — поддержка отраслей и предприятий, пострадавших в результате рыночных реформ.

Это предельно опасный путь. Встав на него, нетрудно досуха истощить небогатые финансовые ресурсы постсоциалистической экономики. Опыт показывает: поддержка нежизнеспособных в условиях рынка производств с легкостью поглощает любые мыслимые средства. Такой выбор — путь к высоким субсидиям, тарифным и нетарифным барьерам, защищающим хиреющую национальную экономику («производственный потенциал») от мирового экономического роста.

Стержень активной политики, обеспечивающий поддержку рыночного роста, принципиально иной: не спасение слабых, а содействие сильным, поддержка предприятий, способных отстоять свои позиции в жесткой конкурентной борьбе на мировом рынке, стимулирование экспортно-ориентированного роста, помощь в реорганизации и свертывании неэффективных, «заходящих» отраслей и производств.

К сожалению, будучи очевидно экономически эффективной, такая линия политической наиболее конфликтна. Потенциальная база ее поддержки — широкие слабоорганизованные социальные группы (налогоплательщики, потребители), а среди противников — хорошо структурированные отраслевые группы давления, энергично отстаивающие свои интересы. Унаследованная от социализма неразвитая политическая структура — еще один фактор, усиливающий риск поворота на протекционистский путь развития.

Лишь формирование широких политических организаций, обеспечивающих согласие по базовым вопросам национального развития, дает надежду противостоять этой тенденции.

Продвижение по обозначенным выше направлениям позволит:

- преодолеть бюджетный кризис, обеспечив финансовую и денежную устойчивость, создать стабильные, предсказуемые условия для частных капиталовложений;
- ограничив потребности бюджета в финансовых ресурсах для покрытия дефицита, дать инвесторам доступ к дешевым кредитам, поддерживать рыночную процентную ставку на низком позитивном уровне;
- снизить налоговую нагрузку до уровня, обеспечивающего динамичное развитие легальной частнопредпринимательской деятельности;
- разгрузив государство от не свойственных ему в рыночной экономике функций, повысить эффективность его деятельности в ключевых областях: обеспечении законности и правопорядка, защите наиболее нуждающихся, поддержке и обеспечении качественного образования, развитии социальной и производственной инфраструктур.

Все это еще не гарантия динамичного частнокапиталистического роста, но, по меньшей мере, абсолютно необходимая его предпосылка.

На стержневые проблемы экономической стратегии, на вопрос о путях развития России политика нынешнего правительства страны ответов пока не дает. Социализм оставил России в наследство серьезные препятствия на пути восстановления экономического роста, ограничив свободу маневра в выборе политики, позволяющей их преодолеть. Повышение благосостояния, преодоление отрыва от развитых стран оказались задачей куда более сложной, чем это представлялось многим в минуты триумфа августовской революции. Непреодолимых экономических препятствий этому нет. Беда в том, что диктуемая финансовой логикой жестко заданная стратегия действий оказывается в разительном противоречии с имеющимися возможностями политических решений. Отсюда попытки выбрать из минимально необходимого набора

преобразований, как изюминки из кулича, лишь самые приятные, политически прибыльные кусочки — великий соблазн экономического популизма.

От способности национальных политических институтов противостоять этому соблазну, обеспечить устойчивую поддержку столь необходимому новому этапу преобразований зависит, станут ли тяжелые реформы 90-х гг. прологом к динамичному рыночному развитию России или началом длительного периода стагнации, социальных конфликтов и нестабильности.

В свое время блестящий знаток российской экономической истории А. Гершенкрон обращал внимание на то, что проблемы стран догоняющей индустриализации не являются лишь их собственными. Весь мир в XX в. заплатил дорогую цену за позднее освобождение крестьян в России.

Экономически слабая, так и не сумевшая выбраться из мертвой хватки социализма, начиненная ядерным оружием Россия — наиболее серьезная угроза безопасности мира в XXI в. Динамично развивающаяся, осваивающая новые рынки — гарантия его устойчивости. Выбор за нами.

Красная осень 1993-го

16 сентября 1993 г., буквально сразу после моего звонка о согласии вернуться в правительство, президент объявил о предстоящем назначении. Вообще-то предполагалось, что он сделает это на запланированной ранее встрече с финансистами, но она по каким-то причинам не состоялась, вместо этого Борис Николаевич поехал в дивизию имени Дзержинского, объявил там. Получилось весьма воинственно.

Тем не менее указа еще не было, а я в тот вечер должен был улечь из Москвы на пару дней в регионы по делам избирательного блока «Выбор России». Решил до официального назначения поездку не отменять. В Ростове и Воронеже уже ждали люди.

Опубликовано в: Известия. 1994. 29, 30 сентября.

Статья использовалась в кн. «Дни поражений и побед». См. в т. 1 наст. Собр. соч. С. 246.

18 сентября довольно поздно вечером позвонил глава администрации президента Сергей Александрович Филатов, сказал, что указ подписан, попросил срочно вернуться в Москву и по возможности, сразу повидаться.

Часам к двенадцати воскресного утра приехал к нему на дачу и здесь узнал, что президент принял решение приостановить работу Верховного Совета, объявить новые выборы и провести референдум по Конституции. Филатову поручено продумать политический сценарий предстоящих событий. Сергей Александрович сказал, что все это вызывает у него серьезное беспокойство. Спросил, какова моя точка зрения.

После того как Верховный Совет открыто проигнорировал ясно выраженную апрельским референдумом волю народа к продолжению реформ и отверг одну за другой все попытки найти между двумя ветвями власти разумный компромисс, неизбежность подобного решения была очевидной. Но выбранный момент не казался подходящим.

Важный фактор внезапности, неожиданности уже отсутствовал, и создать его в сложившейся ситуации не представлялось возможным. Именно такого шага лидеры «непримиримой оппозиции» от Ельцина ждали, к нему готовились. Более того — явно на него провоцировали. Ведь невозможно иначе как сознательную провокацию, причем весьма точно учитывающую особенности характера Бориса Николаевича, расценить выходку Хасбулатова, который буквально накануне перед миллионами телезрителей лично оскорбил президента. Хасбулатов сознательно хочет вывести Ельцина из равновесия.

Так я и сказал Филатову, что, хотя решение и принято, с моей точки зрения, полезнее повременить, поддержать команду Хасбулатова в напряжении, заставить нервничать. Вряд ли стоит делать именно то, что ожидает противник, и в тот момент, когда он максимально приготовился.

К тому же ясно, что занять сейчас, сразу здание Белого дома, а значит, реально приостановить работу Верховного Совета, что является важнейшей предпосылкой успеха, невозможно.

Филатов попросил меня позвонить Борису Николаевичу, встретиться с ним, поговорить на эту тему. По всему было видно, что и он разделяет мои сомнения.

Ехал домой с нелегкими мыслями. Прямое столкновение, неизбежность которого давно вырисовывалась из общих соображений, из нехитрого анализа сложившейся ситуации, готово было вот-вот превратиться в суровую реальность.

Идеологических сомнений, колебаний, раздумий о том, можно ли распускать наш парламент, к этому времени у меня уже не было. Очень долго, на протяжении всего 1992 г., я решительно отвергал любые идеи конфронтационного, силового разрешения противоречий с парламентской оппозицией. Но за 1993 г. твердо убедился: нынешнее большинство в Верховном Совете совершенно беспрекословно подчиняется манипуляциям, а люди, которые этим большинством управляют, не связаны никакими этическими границами, демократическими нормами и чрезвычайно опасны для страны. Речь идет о том случае, когда демократически избранный парламент сам становится максимальной угрозой для демократии. Такое, как широко известно, в истории уже случалось.

Планировавшийся президентом выход из конституционного тупика вовсе не предполагал отмену демократии.

Его ключевая идея, главная цель — новые свободные выборы, незамедлительное проведение которых более чем логично, коль скоро политическая линия парламента столь явно разошлась с выраженной на референдуме волей народа.

Хорошо зная президента, я был убежден в том, что он не тот человек, который в случае победы воспользуется ситуацией, поведет наступление на свободу слова, вообще откажется проводить выборы, установит авторитарный режим. Нет, за судьбу свободы и демократии, если будет достигнут успех, я не опасался.

Вот только будет ли он? Вступив на путь прямой, открытой конфронтации, надо быть готовым при необходимости применить силу. А вот поведение силовых структур предсказать непросто. Причем далеко не все зависит от высшего эшелона командования. В подобной ситуации вдруг чрезвычайное, судьбоносное для огромной страны значение может получить то, как поведет себя какой-либо неизвестный майор, как воспримет приказ старший лейтенант, что сделают сержанты... Предсказать это, опираясь на даже тщательно проработанные, умные политические построения, невозможно.

Утром следующего дня, 20 сентября, в понедельник, после оперативного совещания В. Черномырдин попросил меня задержаться,

поделился со мной примерно той же информацией, что и С. Филатов, попросил высказать свое отношение. Ответил, что мотивы принятого решения понимаю, вижу высокий уровень мобилизации «непримиримых», но выбор момента считаю неудачным.

Виктор Степанович явно обрадовался. Мне показалось, что он ожидал другого ответа. Спросил, не поговорил ли я уже по этому вопросу с Ельциным, а если нет, то не собираюсь ли. Условились, что сейчас же буду звонить, просить срочного приема.

С президентом удалось соединиться практически сразу. Он сказал, что готов принять меня в 16.00.

Какие бы ни были переживания, в любой политической ситуации правительство должно не мельтешить и нервничать, а работать. Запросил отчет по реализации плана действий правительства, информацию о нормативных документах, находящихся в работе, и тех, что застряли в аппарате. Данные о финансах. Начал приглашать министров, чтобы войти в курс ситуации в их системах, понять, где она наиболее тяжелая. Незадолго до назначенного срока мне позвонили от президента, сказали, что наша встреча перенесена на завтрашний день.

Утром 21-го узнал от Виктора Степановича Черномырдина, что он сам имел вчера долгий, трудный разговор с президентом, убеждал отложить реализацию плана, ссылаясь на мое мнение. Но президент принял окончательное решение — указ будет оглашен сегодня вечером. Почти сразу же позвонил президент, извинился, что не сможет принять меня и сегодня. Было ясно, что он знает, о чем я собираюсь вести речь, не хочет тратить время на обсуждение решенного им вопроса. Все же я счел себя обязанным высказать свое мнение, привести аргументы. В какой-то момент мне показалось, что он заколебался, помолчал, еще раз взвешивая все известные ему «за» и «против», потом сказал: «Нет, все. Решение принято. Обратного хода нет».

Итак, до обнародования указа оставались считанные часы, развитие событий вступало в стадию форсажа. Теперь очень многое зависело от организации, координации действий. К сожалению, надежды, что они окажутся на должном уровне, у меня не было.

Дело ведь не только в организаторских способностях того или иного человека. Чрезвычайна сама ситуация, которая неизбежно наложит свой отпечаток на все, в том числе на способности

людей. Слишком многие захотят уйти от ответственности, избежать необходимости принять решение, исчезнуть, заболеть, не сделать, не понять и т. д. И это будет происходить в самое трудное время, причем на всех уровнях, на всех ступенях государственной машины. И ее затрясет так, что вззоет мотор и руль будет рваться из рук, будто песок сыпанули в масляный картер.

Приближается время, когда президент появится на экранах телевизоров. Ясно, что силовыми структурами займется он сам. Есть, однако, множество иных вопросов, которые могут оказаться весьма важными. Пригласил В. Шумейко, С. Шахрая, А. Чубайса, А. Козырева, Ю. Ярова. Набрасываем план первоочередных действий. Настроение тревожное, но рабочее. Несколько подавлен С. Шахрай, его мучают тяжелые предчувствия: Верховный Совет останется в Белом доме, значит — продолжит работу, значит — неминуемое поражение.

Общие контуры ситуации на ближайшие часы были легкопредсказуемы. Верховный Совет отказывается разойтись, Конституционный суд признает указ президента незаконным. Срочно собирается съезд, кворума, видимо, не будет, но независимо от этого он признает себя правомочным, приведет к присяге А. Руцкого, утвердит нового премьера, силовых министров, они попытаются перехватить управление, перетянуть на свою сторону регионы.

В ближайшие часы принципиально важно ограничить связь, перекрыть созданный еще после августа 1991 г. канал прямого, неконтролируемого выхода из Белого дома в телеэфир, жестко пресекать любые проявления неповиновения в региональных администрациях, сохранить управляемость в федеральных системах.

Стратегия: избегать силовых столкновений, провокаций, сохранять спокойствие и порядок и как можно быстрее разворачивать избирательную кампанию: формирование окружных и участковых комиссий, выдвижение кандидатов. Есть надежда, что многие из изолированных в Белом доме депутатов просто не выдержат, рванутся в свои округа, вступят в предвыборную борьбу.

Можно догадаться, что постараются противопоставить такому развитию событий лидеры «непримиримой оппозиции». Выборов они боятся как черт ладана, идти на них не хотят. Если нам для победы нужны порядок и стабильность, им — напряженность, драка, очень желательно кровь. Значит, главная их надежда — сделать противостояние максимально острым, решение вопроса чисто

силовым. Массовые беспорядки, хаос, анархия — вот шанс оппозиции на победу. При такой обстановке, заданной реальным раскладом сил, ясно, что в Верховном Совете с каждым днем, точнее, с каждым часом самое крайнее, экстремистское крыло будет получать все больший и больший вес, окончательно подминая остатки умеренных и «центристов».

Зашел к Черномырдину, показал набросанный нами план чрезвычайных действий. Он его поддержал, временно отказавшись лишь от команды отключить связь в Белом доме: рано, ведь тогда придется отключить много жилых домов.

Получаем первые сведения о действиях парламента. Все как прогнозировали. Руцкой — «президент». Он выступает с горячей речью, принимает на себя ответственность за страну. Им назначены новые министры силовых ведомств: В. Ачалов, А. Дунаев, В. Баранников. Расчет понятен: у всех у них в этих ведомствах свои люди, десятки или сотни ниточек связывают их с лично преданными им людьми в армии, в МВД, в КГБ. Неожиданно осталась вакантной должность нового премьера. Доходит непроверенная информация, что А. Руцкой хотел предложить ее Ю. Скокову, который в апреле был смещен с поста секретаря Совета безопасности. Однако Скоков вроде залег на дно.

Узнав о решении Верховного Совета ввести смертную казнь для «особо опасных пособников» президента, Виктор Степанович пересматривает свое решение по поводу задержки с отключением в Белом доме телефонов.

Приносят заявление министра внешнеэкономических связей С. Глазьева. Он подает в отставку. Для меня лично — неожиданный и неприятный удар. Того, что В. Баранников при случае изменит президенту, честно говоря, ожидал давно, даже когда он считался в окружении Ельцина одним из самых надежных и преданных. В его обращении с президентом всегда можно было подметить элемент «избыточной услужливости», вызывающий инстинктивное недоверие. Но Сергей Глазьев! Парень нашего поколения, в общем-то толковый экономист, давний член команды... Совсем недавно, перед самым началом реформ, в подмосковном Архангельском набрасывал контуры будущих действий... Правда, в рамках возможного в нашем кругу спектра мнений он всегда по вопросам о роли государства в управлении экономикой занимал более

«дирижистскую» позицию, в то время как С. Васильев или А. Илларионов — более либеральную. Ему нравились, например, идеи активной промышленной политики, государственного отбора победителей, знаменитый опыт японского Министерства промышленности и торговли, который он надеялся использовать у себя в Министерстве внешних экономических связей, куда в ноябре 1991 г. был назначен первым заместителем министра. После отставки П. Авена в декабре 1992 г. я был рад, что именно Глазьев занял это место. Конечно, уже давно можно было заметить, что А. Руцкой оказывает Глазьеву особое внимание, приглашает с собой чуть ли не во все свои зарубежные поездки, после которых обязательно хвалит этого министра мне, говоря, что в нашей команде попадают отличные ребята.

Совсем недавно, в августе 1993-го, когда развернулся очередной раунд перепалки с взаимным обвинением в коррупции, которое на этот раз коснулось и Глазьева, мы вместе с А. Чубайсом и Б. Федоровым, ни в малой мере не сомневаясь в его личной честности, сделали все, чтобы его защитить.

Еще вчера, 21-го, в середине дня приглашал его вместе с рядом других министров для обсуждения экономического положения. Говорили о проекте нового импортного тарифа, о давно назревшем снижении экспортных пошлин и сокращении списка котируемых товаров. И вот теперь, ночью, перебежал во вражеский лагерь.

Что же... Чужая душа — потемки... Да и то сказать, здесь, на нашей стороне, волей судьбы немало молодых, умных, образованных специалистов. Неизвестно, как сложится судьба. Может, и останется если не на седьмом, так на четвертом месте. А там, у Руцкого, у Хасбулатова, со специалистами ой как не густо. Причем победа их сейчас весьма вероятна. Так кто же, как не он, Глазьев, лучше других подойдет на роль премьера?

Хотел бы ошибиться, но, к сожалению, не исключаю, что именно такой немудреный ход мыслей увел его в противоположный лагерь, а затем, после декабрьских выборов 1993 г., выдвинул на роль одного из лидеров коммуно-националистического блока в Думе.

Кроме С. Глазьева, все министры продолжают нормально работать. Контроль за федеральными системами сохранен. Срочно отозванный из отпуска мой коллега первый вице-премьер О. Сосковец возглавляет работу оперативного штаба правительства.

Штаб заседает ежедневно два раза — утром и вечером. Общая картина развития ситуации в первые дни достаточно благоприятна. Указы Руцкого производят скорее комичное впечатление. Попытки вновь назначенных министров давать указания малоэффективны. После дня колебаний подавляющее большинство местных администраций демонстрирует лояльность правительству. Общество в целом воспринимает произошедшее без энтузиазма, с определенной тревогой, но и с пониманием. Теперь нужно развивать успех, главное — втягивать оппозицию в процесс новых выборов.

К сожалению, спустя несколько дней ясно: ощущение относительного спокойствия кажущееся. Положение начинает быстро осложняться. Белый дом не занят, сохранен как мощный центр сосредоточения оппозиции, и она с максимальной энергией начинает осуществлять свой сценарий: непрерывными и нарастающими по масштабу провокациями дестабилизировать обстановку и как можно скорее добиться, чтобы пролилась кровь. Чем больше — тем лучше.

В Белом доме большое количество оружия. Его раздают щедро, кому попало, но прежде всего, конечно, стягивающимся сюда из различных концов страны боевикам.

И вот наконец желанная цель отчасти достигнута, первая кровь пролита. Попытка захвата штаба Объединенных вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте. Двое убитых, есть раненые.

Правительство вынуждено принимать контрмеры, усиливать оцепление вокруг ставшего теперь предельно опасным Белого дома, подтягивать дополнительные силы ОМОНа и милиции. Вынужденная днем и ночью мокнуть под дождем в оцеплении милиция — прекрасный объект и для работы агитаторов оппозиции, и для провокаций.

Теперь правительство в положении обороняющегося: вынуждено менять войска, обеспечивать порядок... Пока нет возможности активными действиями переломить ситуацию в свою пользу.

На заседаниях правительственного оперативного штаба заместитель министра внутренних дел докладывает, что его люди устали, среди них оппозицией активно ведется агитация. Необходимы свежие силы. Представители Министерства безопасности, от которых в первую очередь ждем информацию о том, что происходит

в Белом доме, о возможных провокациях, рассказывают, как вчера во столько-то часов и минут к кольцу оцепления подошли два агента иностранной разведки и что один из шведских дипломатов сказал дипломату французскому...

Оппозиция организует митинги, демонстрации. Они не слишком многочисленны, зато очень агрессивны.

Во вторник, 28 сентября, возникла идея: представителям президента и правительства провести на местах межрегиональные совещания глав администраций и председателей Советов. Ознакомиться с обстановкой, настроениями, ободрить, успокоить. Дать ориентиры. Мне — Дальневосточный регион. 30 сентября вылетаю в Хабаровск.

Общее ощущение: все ждут, чем закончится дело в Москве. Сейчас считают, что президент сильнее, и сохраняют по отношению к нему лояльность. Областные Советы пока что вряд ли готовы ввязаться в решительное противостояние, они, скорее, нейтральны. Недавно избранный глава администрации одной из дальневосточных областей, присягнувший 22-го на верность Руцкому, кружит возле меня, заглядывает в лицо, говорит, что оклеветали...

В целом серьезной поддержки в регионах, на которую могло бы опереться парламентское большинство, нет. Вопреки повторяющемуся почти во всех комментариях утверждению о том, что «исход противостояния решится в регионах», укрепляюсь в своем убеждении: в России судьба выборов и войн действительно решается в регионах, но судьба революций и переворотов — в столице. Залетев в Комсомольск-на-Амуре, побывав на оборонных предприятиях, расхлебывающих плоды недалновидной политики нынешнего года, широких обещаний и скудного финансирования, 2 октября возвращаюсь в Москву. Узнаю, что здесь ситуация продолжает обостряться.

Соглашение о подключении Белому дому воды, электроэнергии и связи и об одновременной сдаче находящегося там оружия парламентом дезавуировано. Но, как уже не раз бывало, сам факт достижения такого соглашения воодушевил оппозицию. Она, воспринимая это как признак слабости президентской стороны, воспрянула духом, наращивает требования. Попытки переговоров при посредничестве патриарха в тупике. На Смоленском бульваре баррикады.

Все равно не вижу иной разумной тактики, кроме той, которая избрана с самого начала: избегать провокаций, втягивать оппозицию в выборы. Но наполненное оружием и боевиками здание

Верховного Совета похоже на заложенную в центре страны гигантскую мину, способную разрушить государство. Из отрывочных сведений складывается картина, что теперь именно боевики, а не официальные парламентские руководители — ключевая сила в Белом доме.

В воскресенье, 3 октября, утром — совещание у президента. Присутствуют В. Черномырдин, С. Филатов, О. Сосковец, В. Шумейко, О. Лобов, С. Шахрай, П. Грачев, В. Ерин, еще несколько человек. Обсуждаем итоги выездов в регионы, откуда многие только что вернулись.

Разговор довольно спокойный. Примерное резюме всех сообщений: пока контроль над основными федеральными структурами сохранен, масштабных акций неповиновения, беспорядков в регионах не организовать, региональные власти будут лояльны, выборы проведут.

Ситуация в Москве конкретно не обсуждается. Информацией о том, что оппозиция именно на сегодня запланировала переход к активным действиям, Министерство безопасности или не владеет, или решило с президентом и правительством не делиться.

После совещания поехал из Кремля к себе, на Старую площадь. Часов примерно в 16 позвонил Алексей Головков, в 1992 г. моя правая рука, руководитель аппарата правительства, а теперь один из главных организаторов «Выбора России». Только от него, а не от служб получил информацию о крупных беспорядках в Москве, о прорыве оцепления, о разоружении части милиции, о начале штурма мэрии.

То, чего так опасались, случилось. Оппозиции все же удалось перевести ситуацию противостояния в открытую борьбу, в форсированное, чисто силовое русло. Значит, время политических маневров кончилось. Теперь все решат собранность, организованность, воля к действию, натиск. Спологи новой гражданской войны, казалось, уже лизали небо над столицей России.

Позвонил В. Брагин, председатель телерадиокомпании «Останкино», сказал, что, по его сведениям, колонна грузовиков и автобусов с боевиками мчится от Белого дома к телецентру. Просит организовать оборону.

На этот раз моя сфера в правительстве только экономика. Находящиеся в моем распоряжении вооруженные силы — трое парнейков, три охранника, работавших со мной еще во время премьерства. Четвертый, их только что назначенный начальник, уже с середины

дня провалился как сквозь землю. Вмешиваться в управление войсками у меня нет полномочий. Да и сообразить нетрудно: сегодня даже приказы прямых начальников если и будут выполняться, то в лучшем случае как в замедленной киносъемке.

А между тем телефон буквально раскалится. От меня требуют действий, помощи, защиты. Звоню В. Ерину, передаю просьбу Брагина о поддержке. Виктор Федорович заверяет, что команда уже дана, силы направлены, все будет в порядке. Связываюсь с президентом, спрашиваю, готов ли указ о введении чрезвычайного положения. Выяснил — готовится, над текстом работает Сергей Шахрай.

Снова в телефонной трубке тревожный голос Брагина: где же обещанные войска? Тех, что имеются, явно мало, неадекватно ситуации... Выходит на связь О. Попцов, руководитель Российской телерадиокомпании: «Сейчас возьмутся и за нас, а здесь, возле Белорусского и на Шаболовке, вообще никакой защиты...»

Чтобы иметь независимый канал информации, нахожу Александра Долгалева, одного из руководителей организации защитников Белого дома «Живое кольцо». Его ребята традиционно располагают приличными сведениями о происходящем в Москве. Прошу, во-первых, начать срочный сбор его людей, во-вторых, регулярно, раз в полчаса, докладывать о развитии ситуации.

Из данных, которые теперь начинают поступать по разным каналам, складывается тяжелая картина. При искренних и настойчивых усилиях министра внутренних дел, явно пытающегося сделать все возможное и невозможное, его команды пока не дают ощутимых результатов. Мэрия сдана, ОМОН деморализован, милиции в городе не видно. Боевики оппозиции действуют нахраписто и решительно, все увереннее овладевая ситуацией.

Не могу дозвониться до Грачева, связываюсь с его первым заместителем. Общее ощущение хаоса и нерешительности только усиливается. Прекрасно понимаю, насколько трудно в сложившейся ситуации задействовать армию. На протяжении последних лет мы много раз повторяли, что армия вне политики, ее нельзя привлекать для решения внутривнутриполитических целей. Это стало в некотором смысле символом веры, убедительно подтвержденным в августе 1991 г. и с тех пор приобретшим особую прочность. Никто из нас никогда и не обсуждал возможность использовать армию во внутривнутриполитической борьбе. При любых самых крайних вариантах

мог обсуждаться только вопрос о привлечении внутренних войск, милиции, управления охраны... Развитие событий 3-го числа, когда стало ясно, что деморализованная милиция и внутренние войска не способны отстоять порядок в Москве, а вооруженная сила, выставленная оппозицией, вот-вот проложит безответственным и опасным экстремистам дорогу к власти в России, поставило вопрос о необходимости поднять армейские части.

Но дойдут ли теперь приказы, будут ли они выполнены, не получится ли, что, как в августе 1991 г., армейская машина просто откатится с места, будут лишь рапорты и показная активность? Уверенно ответить на такой вопрос не мог тогда никто, думаю, не исключая министра обороны и президента.

Оппозиция метко выбрала точку главного удара. Ее лидеры правильно оценили потенциал телевидения — самого, пожалуй, мощного в складывающейся обстановке «силового» ведомства. Захват «Останкина», обращение с телеэкрана Руцкого создали бы атмосферу, в которой колеблющиеся и в Москве, и в регионах могли поспешить присягнуть победителю. И от всего страшного для России, что могло произойти вслед за этим, Россию отделяла лишь горстка бойцов еринского «Витязя».

И вот телеэкран «Останкина» гаснет. Значит, дела совсем плохи.

...На 19.30 Черномырдин назначил заседание правительства. Но оно почему-то никак не начнется. Министры переминаются с ноги на ногу около дверей Малого зала на пятом этаже, вполголоса обмениваются информацией. Или, может, теперь слухами? Вот говорят, что вроде занят Дом радио возле Смоленской площади. И еще — что-то у министра связи захватили... И какой-то объект у министра топлива и энергетики... Невольно представляется знакомая до сих пор лишь по мемуарам атмосфера последнего заседания Временного правительства 25 октября 1917 г.

Больше всего удивился сообщению о захвате Государственного таможенного комитета. Подумал: это зачем? Неужели так торопятся выписывать себе лицензии на вывоз нефти? Только позже узнал о «списке Руцкого». Именно на таможенников он возлагал задачу задержать на границе членов правительства, которые, по его представлению, конечно, должны были вот-вот рвануть за рубеж. Арестовать и немедленно доставить на суд и расправу в Белый дом. Впрочем, хотя список возглавлялся председателем Совета министров,

был весьма обширным и включал многих мало-мальски заметных деятелей, фамилии президента, министра обороны и моя в нем не значились. Видимо, эту троицу везти далеко и не предполагалось.

Кажется, заседание еще так и не началось, когда на экране телевизора появился Юрий Лужков, призвал москвичей к порядку и спокойствию. По-моему, сказал совершенно не то, что требовала ситуация. Кто, собственно говоря, должен соблюдать порядок и спокойствие? Боевики, продолжающие штурм телецентра? Или граждане России, у которых в эту ночь вновь похищают свободу?

К порядку и спокойствию можно было бы призывать, если известно, что верные присяге войска есть, идут, выполняют приказ... Ну а сейчас, когда в Москве решается судьба страны, нельзя уговаривать мужиков, как малых детишек, лечь в постели, чтобы они под одеялами смиренненько дождались той власти, под которой им суждено проснуться. Нужно опереться на поддержку своего народа, уже дважды, в августе 1991-го и в апреле 1993-го, ясно показавшего, что он выбрал свободу.

Ситуация на 20 часов. Штурм «Останкина» продолжается, боевики оппозиции захватывают объекты, силы МВД деморализованы, армейские части на помощь не подходят, активности президентской стороны нет. Оппозиции почти удалось создать впечатление массовости своего движения, изоляции президента, отсутствия у него сторонников. Все это начинает морально разоружать тех, кто готов прийти на помощь.

Принимаю решение о необходимости обратиться к москвичам за поддержкой. В первую очередь звоню Сергею Шойгу, председателю Комитета по чрезвычайным ситуациям. Знакомы с 1992 г., вместе тогда бывали в горячих точках, знаю его как смелого, решительного человека, на которого можно опереться в такую минуту. Прошу доложить, какое оружие в подведомственной ему системе гражданской обороны имеется в районе Москвы, и на случай крайней необходимости срочно подготовить к выдаче 1000 автоматов с боезапасом. По голосу чувствую: переживает, прекрасно понимает огромную ответственность. Вместе с тем ясно — поручение правительства выполнит.

Связываюсь с Виктором Ериным. Говорю: если не призовем народ, дело, по-моему, кончится плохо. Он согласен, обещает помочь всем, чем будет в состоянии.

Звоню президенту, советуюсь. Он тоже согласен. Нужны организующая сила, те, кого в первую очередь придется вооружить, если действительно дело дойдет до крайности. Даю команду А. Долгалеву сосредоточить своих дружинников к Моссовету. Прошу крупных предпринимателей, имеющих свои охранные структуры, по мере сил поддержать обученными людьми.

Иду в кабинет премьера, рядом по коридорам самого начальственного, обычно чинного пятого этажа бегают растерянные работники аппарата. Один подскакивает ко мне: «Вы же понимаете, что все кончено! В течение часа они захватят здание!»

Виктор Степанович спокоен, держится хорошо. Просит на случай блокады здания правительства получить наличные в Центральном банке. Поручаю это первому заместителю министра финансов А. Вавилову, а сам информирую премьера, что отправляюсь на Российское телевидение, буду просить о поддержке, потом поеду к Моссовету.

До отъезда успеваю в своем кабинете записать на пленку небольшое выступление по радио для «Эха Москвы», беру с собой Аркадия Мурашова, коллегу по «Выбору России», бывшего начальника московской милиции. Пригодится.

Москва пустая — ни милиции, ни войск, ни прохожих. В машине слушаем по радио победные реляции оппозиции: побеждаем, точнее, уже победили, теперь никаких компромиссов, никаких нулевых вариантов, пришел последний час ельциноидов...

Подъезжаем к Российскому телевидению. Вход забаррикадирован. После долгих и настороженных переговоров моей охраны и охраны телевидения нас наконец пропускают. Попцов очень нервничает. После штурма «Останкина» ждет нападения боевиков. Не может понять, почему не присылают реальных сил для защиты. Ведь здесь больше нескольких минут не продержаться. Пока разговариваем, проходит информация, что оппозиция заняла здание ИТАР-ТАСС.

Еще раз связываюсь с Ериным, прошу хоть кем-нибудь прикрыть Российское телевидение. Теперь и сам вижу, что обороны никакой. Он обещает что-нибудь подбросить.

Перед выступлением, уже перед объективом телекамеры, попросил на минутку оставить меня в студии одного. Как-то вдруг схлынула горячка и навалилась на душу тоска и тревога за тех, кого вот сейчас позову из тихих квартир на московские улицы. И все же

выхода нет. Ведь кто-то обязан сделать это и принять ответственность на свои плечи.

После телеобращения — к Моссовету. Еще недавно мы проезжали мимо. У подъезда стояла маленькая кучка дружинников. Теперь набухающими людскими ручейками, а вскоре и потоками сверху от Пушкинской, снизу от гостиницы «Москва» площадь заполняется народом. Вот они — здесь! И уже строят баррикады, уже разжигают — ночь холодна — костры. Знают, что происходит в городе, только что видели на экранах телевизоров бой у «Останкина». Костерят власть, демократов, наверное, и меня в том числе, ругают за то, что не сумели как положено, не подвергая людей опасности, не отрывая их от семьи и тепла, сами справиться с угрозой. Справедливо ругают. Но идут и идут к Моссовету.

Шойгу выполнил поручение. Новенькие автоматы скоро подвезут, и офицерские десятки, готовые в случае нужды взять их в руки, уже строятся возле памятника Долгорукому... Но это — на крайний случай.

Выступаю от памятника Ю. Долгорукому, сообщаю, что от «Останкина» боевики отброшены, стоять нужно здесь, большой массой, не рассредоточиваясь пока по Москве, необходимо сразу начать организовываться, формировать дружины, которые при необходимости смогут поддержать верные президенту силы...

Главный вход в Моссовет закрыт. С трудом, в обход, перелезая через баррикады, пробираемся в здание. Прошу Мурашова наладить связь между нашими дружинниками и милицией. Еще недавно дом частично контролировала оппозиция. Группа депутатов Моссовета пыталась организовать здесь один из ее штабов, но теперь он очищен людьми Ю. Лужкова. Сам он оживлен, возбужден, даже весел. Говорит о необходимости решительных действий, которые позволили бы уже ночью переломить ситуацию. Видно, что Моссовет теперь надежно прикрыт. Отсюда нас так легко, как из мэрии, не выбьешь.

Созваниваюсь с В. Черномырдиным, рассказываю об обстановке в центре столицы, спрашиваю, что известно о подходе войск. В целом картина неопределенно-тягучая, но порыв оппозиции, кажется, начинает выдыхаться.

Еще раз выступаю у Моссовета и на машине — к Спасской башне. Здесь настроение более тревожное: темно, почти нет организованных людей. Ко мне подходит полковник в отставке, представляется,

просит указаний, помощи. Там, у Моссовета, — сплочение. Здесь, пожалуй, наше уязвимое место. Выступаю, потом принимаю меры, чтобы прикрыть собравшихся у Спасской башни.

...У меня в кабинете А. Чубайс, Б. Салтыков, Э. Памфилова, С. Васильев, А. Улюкаев и много других. Жадно расспрашиваю их, какие новости, что произошло за время моего отсутствия. Но информации до обидного мало. Прошу министров отправиться на митинги, выступить, поддержать настроение москвичей.

Около полуночи ситуация в городе наконец начала меняться. Сторонники президента выходят из состояния оцепенения и растерянности, приступают к действиям.

К этому времени абсолютно уверен, что власть в России в руки анпиловцев и баркашовцев не отдадим. Даже если к утру руководству МВД не удастся привести в порядок свои силы, а армия останется пассивной, тогда раздадим оружие демократическим дружинникам и будем решать вопрос сами. В том, что сможем это сделать, сомнений нет. Но это, конечно, вариант самый нежелательный и тяжелый.

Около часа ночи звоню президенту, говорю, что, по моему мнению, ему стоило бы встретиться с военными. Они должны его видеть, лично от него получить приказ. В противном случае остается риск, что армия так и не начнет действовать.

В половине шестого утра президент перезвонил, сказал, что с военными встретился.

5 октября радикальная оппозиция сокрушена. Порядок в Москве восстановлен, регионы демонстрируют подчеркнутую лояльность, угрозы гражданской войны больше нет. Но политические проблемы отнюдь не решены, больше того, по ряду направлений они усугубились.

Да, «они» не прошли. Но эта история не кончилась. Хорошо, что принята новая Конституция, которая наконец-то четко разделила полномочия властей. Хорошо, что после ликвидации путча полностью сохранены все политические и гражданские права. Но «они» и сейчас не успокоились.

16 сентября лидеры «непримиримых» собрались в Калининграде, хотели выбрать единого лидера. Из этой затеи, ясно, ничего не вышло.

Зато обсудили, как «отметить» годовщину 3–4 октября. Конечно, каяться перед Россией, москвичами, да и своими сторонниками,

которых они как пушечное мясо гнали на убой (напомню, погибли 150 человек, но, по счастью, ни один депутат не пострадал и ни один не покаялся), не намерены. И в голову не приходит.

Зато авторы «расстрельного указа» Бабурин, Руцкой, Проханов и Ко торжественно призывают кого-то «принять меры по предотвращению 4 октября любых провокаций, столкновений и массовых беспорядков». Если они обращаются к самим себе — что ж, лучше поздно, чем никогда.

Но вот беда — в том же номере газеты «Завтра», где это напечатано, опубликована беседа Проханова с «древнерусским витязем, бесстрашным офицером» Руцким. И вот что говорит этот герой, а ныне миротворец: мы виноваты в том, что «...чрезмерно увлеклись “парламентскими” формами, бездумным повторением заклинаний типа “наша главная сила в законе”, забыв о том, что реальная оппозиция должна в первую очередь опираться на массы, и только на них... Мы не сумели в решающий момент обеспечить эффективное сочетание парламентских методов с массовыми выступлениями за стенами Дома Советов не только в Москве, но и по всей России, не смогли направить вырвавшуюся на московские улицы энергию стихийного возмущения людей в регулируемое, тщательно выверенное и наиболее эффективное русло».

Не смогли эффективно организовать гражданскую войну в Москве и по всей России — вот о чем сегодня скорбит генерал! «Я уже убежден в справедливости старой истины: “Отказ от борьбы деморализует больше, чем поражение”. ...Нам надо было более решительно, целеустремленно и энергично выступить...»

До тех пор пока в нашем общественном сознании не произойдут перемены, пока мы не поймем, как легко безответственность и популизм могут перейти в национальную катастрофу — до тех пор нельзя считать, что кровавая октябрьская страница перевернута окончательно.

Сейчас важно не наделать глупостей

На днях я побывал по делам партии в Калининграде, Брянске, Ульяновске, Екатеринбурге. Было много встреч с общественностью,

Опубликовано в: Комсомольская правда. 1994. 20 сентября.

предпринимателями, руководителями регионов. Среди вынесенных впечатлений — растущий пресс проблем занятости. Он тяжело отражается на самочувствии людей. Но одновременно количество директоров-плакальщиков начинает заметно уступать количеству директоров-реформаторов. И это добрая примета.

Администрации разных регионов проводят разную экономическую политику, и результаты, естественно, различны. Рынок Екатеринбурга и Калининграда очень напоминает рынок Москвы. В Ульяновске же проводят коммунистический эксперимент. Там жесткий карточный режим. Накануне моего приезда разобрали все коммерческие палатки, действует неформальный запрет на ввоз импортных товаров. В экономике держатся за счет давления на крупные предприятия, за счет обмена их продукции по бартеру. Таких бедных магазинных полок я нигде не видел. Крахмально-мокрая колбаса с, казалось, напрочь забытым запахом напомнила мне о недавнем прошлом. При этом все, что по талонам, в Ульяновске дороже, чем в Брянске. Брянская область тоже тяжелый регион. Высокая концентрация ВПК, Чернобыль, проблемы занятости и низкой заработной платы — все это давит на администрацию, в целом достаточно динамичную.

Сейчас все понимают, что частные деньги пойдут туда, где есть надежные гарантии частной собственности, где сформировалось прочное демократическое ядро. Увы, во многих регионах страны (Ульяновск и Брянск показательны) складывается неприятнейшая зависимость: спад производства ведет к низкому уровню зарплаты. Это, в свою очередь, питает недовольство реформами и поддержку коммунистов, что создает неблагоприятный климат для инвестиций. И снова по спирали — низкая зарплата, отсутствие рабочих мест, поддержка коммунистов... Вывести из него чрезвычайно сложно, но нужно, ибо эти регионы тянут за собой шлейф нерешенных проблем реформирования.

Из поездки я вынес твердую уверенность — высокого уровня политической напряженности в стране нет. Желающих братья за булыжники не много, хотя хватает тех, кто хотел бы радикализировать ситуацию. Люди уже интересуются прагматическими вещами. В 1992 г. невозможно было представить, что для людей главной будет проблема, куда разместить свои деньги.

Сейчас правительству важно не наделать глупостей. К сожалению, крупномасштабную ошибку оно уже совершило 4 августа,

установив государственные закупочные цены на зерно. Один раз это правительство подобную ошибку уже делало. В прошлом году аграрное лобби навязало правительству высокие цены на зерно.

Но почему государство должно выступать всеобщим покупателем тапочек, шнурков, зерна? В этом нет никакого смысла. Эту работу делает рынок. Пожалуйста, приезжайте на Самарскую биржу, продавайте, покупайте, сегодня же рассчитывайтесь, нет отбоя от продавцов и покупателей. Не нравится цена? Введите дотацию. Нет, аграрное лобби навязало высокие — вдвое выше рыночных — цены, огромные объемы зерновых закупок. В итоге создали тогда бюджетный кризис. После этого пошли резкое усиление неплатежей за оборонный заказ, невыплаты студентам, военным, пенсионерам, врачам. А с колхозами расплатились? Да ничего подобного. Все равно столько денег мобилизовать было невозможно.

В 1994 г. делаем то же самое. Опять устанавливаем цены вдвое выше рыночных. Это будет иметь совершенно очевидное следствие: поднимутся цены на хлеб, комбикорма, молоко, мясо, яйца. Параллельно углубится бюджетный кризис, опять возрастут неплатежи в социальной сфере. Уже сегодня мы не можем выплачивать мало-мальски нормальные пенсии, потому что деньги отвлечены, а они должны реально работать. Опять будем расплачиваться с крестьянами до следующего года, опять они не получают чего хотели. Обиднее всего, что спасибо «выбиватели» ведь правительству все равно не скажут. Агрокоммунистическое лобби все равно будет его топтать.

После того как в августе правительство запустило мотор кризиса, появилась масса точек социальной напряженности. У меня часто возникает ощущение — не сознательно ли подобное делается? И все же, по моему глубокому убеждению, потенциала для глубокого социального взрыва в России сегодня нет. Не хотят люди идти на баррикады, хотят обустроить жизнь.

«Демократический выбор России» тем не менее не становится в оппозицию правительству. Мы понимаем: его политика отражает реалии, расстановку сил в Думе. Это, по сути, правительство коалиционное — в нем представлены очень разные политические силы, что и позволяет ему держаться, но проводит оно несколько разных видов экономической политики. Если приватизация соответствует программным ориентирам нашей партии и мы готовы за нее

нести полную ответственность, то за аграрную политику мы отвечать не можем.

Наша партийная фракция в Думе намерена добиваться скорейшего принятия Гражданского кодекса. Почему? Предельно просто. Рост благосостояния обеспечивается экономическим ростом. Экономический рост — это инвестиции. Основные инвестиции сегодня, когда поднимать налоги дальше невозможно, — это частные инвестиции. Частные инвестиции нуждаются в гарантиях прав собственника. А Гражданский кодекс в фундаментальном своем значении — это как бы конституция частной собственности. Вот почему мы будем отстаивать и эту конституцию.

Обещать избирателям: выберите меня, и я обеспечу каждой женщине по непьющему мужу — просто. Такая работа не требует интеллектуального напряжения, нравственных опор. Сложнее говорить правду. И мы ее говорим. Говорим, что не Гайдар отобрал деньги у населения. Их отбирали два последних коммунистических правительства, транжиря золотой и валютный запасы страны. Мы говорим честно, что восстановить сбережения граждан можно не ранее чем через 10 лет при условии экономического роста. Мы говорим открыто, что для России сегодня национализм так же губителен, как был он губителен для Германии. И именно потому нам нельзя повторить ошибку декабря 1993-го, когда демократы разобщились и потерпели поражение. У нас нет принципиальных расхождений, чтобы снова ощетиниваться друг против друга подозрениями, обидами и амбициями. Россия выстрадала демократию. Теперь самая важная и самая трудная задача — ее закрепить. Новый тоталитаризм — не важно, коммунистический или национал-патриотический — для России смертелен.

Уроки октября

Как их понимает одно из главных действующих лиц трагической осени 1993-го

Главный результат трагических событий прошлого октября нагляден: страна прожила год в мире, с сохранением всех политических

Опубликовано в: Комсомольская правда. 1994. 29 сентября.

свобод. Отрицать это не может никто. Это и не отрицают — об этом оппозиция просто молчит.

Столь же несомненно и другое (хотя проверить мы это, к счастью, не можем): если бы победили те «защитники Конституции», в России была бы гражданская война. Гражданская война в стране, начиненной ядерным оружием, такого история человеческого безумия еще не знает. Точно представить это невозможно: ведь метафоры Апокалипсиса каждый интерпретирует по-своему. Но об этом как о некоторой крайней точке — от которой мы все были совсем недалеко — надо помнить, чтобы лишний раз понять, чего мы избежали.

И еще одно. Горький, позорный парадокс нашего общественного сознания. Сегодня о тех днях охотно, самодовольно (с приличествующей порцией крокодиловых слез, естественно) вспоминают те, кто едва не довел страну до гибели. Охотно позируют перед журналистами Руцкой и К° — люди, подписавшиеся под амнистией (значит, признавшие себя преступниками), люди, развязавшие войну в Москве. Им бы ходить не поднимая глаз, а они ведут себя, как герои! И напротив, те, кто в те дни и часы прямо выступил против насильников и фашистов, сегодня едва ли не стыдятся этого! Во всяком случае никто не хочет принимать на себя ответственность за подавление вооруженного мятежа...

Те, кто фактически начал гражданскую войну, гордятся.

Те, кто остановил гражданскую войну, молчат. А в целом сегодняшняя годовщина октябрьских событий воспринимается многими как чуть ли не пиррова победа демократических сил. Это ложь. В те трагические дни демократия показала свою силу, ответственность, решимость. Верно, конечно, что в гражданской войне салютов и побед не бывает. Но побежденные бывают. Тогда побеждены были вооруженные мятежники. Если сегодня мы допустим, чтобы они одержали моральную победу, навязали обществу вторую «легенду Октября», мы предадим самих себя, предадим всех, кто боролся за свободу и достойную жизнь России до нас. Если сегодня мы лицемерно-грустно опустим глаза, отступим, признаем, что они «по-своему правы», что «обе стороны равно виноваты», то завтра наше предательство, наше моральное поражение могут обернуться новым кровавым мятежом. Поведение баркашовых-макашовых показывает: ничего не забыли, ничего не поняли.

ДВОЕВЛАСТИЕ

Самая очевидная, бесспорная причина кризиса — двоевластие. Конституция, действовавшая до декабря 1993 г., была внутренне противоречива. Принятая еще при Брежнев, она провозглашала, что вся полнота власти принадлежит Советам. В то время это не имело значения — ведь сами Советы могли в лучшем случае что-то советовать действительно всесильной КПСС. После падения КПСС они реально стали претендовать на власть.

Вскоре, однако, выяснилось, что по самой конструкции ни заменить исполнительную власть, ни реально руководить ею они не могут. На местах это выливалось в постоянные конфликты Советов и администрации (многие помнят перманентный конфликт Моссовета и мэрии Москвы). Но самый острый конфликт, естественно, разразился на высшем уровне, между президентом и Съездом народных депутатов — Верховным Советом.

Должность президента плохо вписывалась в советскую Конституцию. Изменить Конституцию легитимно было почти невозможно. Полномочия президента и Верховного Совета постоянно пересекались. На практике получалось не разделение, а взаимное блокирование двух ветвей власти.

Такое двоевластие бывало в российской истории и всякий раз заканчивалось драматически. Вспомним хотя бы два самых известных исторических эпизода. 1917-й — двоевластие Временного правительства и Советов. 1990–1991-й — двоевластие Кремля и Белого дома, властей СССР и России. Чем кончились оба противостояния — известно.

Но вот что характерно. Ведь и в первом, и во втором случаях это было не только противостояние двух «инстанций», двух «ведомств». Это было острейшее противостояние двух политических линий. Например, в 1917 г., пока те же Советы возглавляли «согласители» (эсеры и меньшевики), они находили компромиссы с правительством. И только когда в сентябре 1917-го новая политическая сила с особой программой — большевики возглавили Петроградский Совет, столкновение стало неизбежным. Все помнят и принципиальную политическую борьбу между союзным и российским руководством в 1990–1991 гг.

Но в 1992–1993 гг. ничего подобного не было! Безобразные сцены, «концерты» разыгрывались на съездах народных депутатов,

потешая и раздражая публику, оскорбления сыпались на министров, президента — а четкого политического противостояния не было!

Даже «непримиримая оппозиция» в Верховном Совете оказалась не в состоянии противопоставить что-то ясное линии исполнительной власти. Что уж и говорить про большинство Верховного Совета, еще в августе 1991-го поддержавшее Ельцина! Ни это большинство, ни экономист Хасбулатов, ни летчик Руцкой так и не сумели сформулировать четкую альтернативу президентско-правительственной политике, курсу реформ, самой их идеологии. Больше того — и сегодня, пытаюсь сохраниться в большой политике, осыпая то «цензурной», то нецензурной бранью своих противников, никакой целостной политической программы (не говоря уж об экономической) они так и не сформулировали.

Вот это поразительно! Ведь реформы, что о них ни говори, были действительно радикальными и системными.

Смысл реформ предельно ясен: переход к рыночной, капиталистической экономике. Вы ведете с этими реформами смертельную политическую борьбу? Ясно. Следовательно, вы за сохранение государственно-плановой, «социалистической» экономики. Можно с вами бороться с открытыми глазами. Но ведь ничего подобного не было. И Хасбулатов, и Руцкой, и большинство «их» в Верховном Совете не уставали бить себя в грудь: мы за рынок, мы за реформы. Но если так, то в чем же смысл борьбы, противостояния?

Не предлагая никакой связной альтернативы, Верховный Совет и съезд быстро заняли самую удобную позицию — бесплатных и безответственных защитников «униженных и оскорбленных». Но надежда прирастить моральный капитал за счет дешевых популистских игр, положить в свой карман проценты с народного недовольства — эта надежда оказалась пустой. Безответственная бесчестность этих самозванных народных защитников слишком явно «светилась».

Но, повторяю, главная — и очевидная — ахиллесова пята ВС состояла в том, что никакой реальной альтернативы курсу реформ они, в свое время давшие этому курсу зеленый свет, предложить так и не смогли. «Стратегия правильная, тактику надо менять» — вот все, что повторялось в 1992 г. (в 1993-м уже в меньшей степени, особенно в начале года, когда большинство Верховного Совета возлагало надежды на изменение курса реформ Черномырдиным).

Ну а как же менять тактику? Вместо ответа опять брань и... молчание. Характерна история с приватизацией. Сколько было проклятий, обвинений в очередном ограблении и обмане народа и т. д. Депутат Челноков, добровольно взявший на себя роль думского чудака, комкал ваучер и бросал в Чубайса... Короче, священный гнев депутатов пределов не знал. Казалось бы — чего же проще? Примите закон, запрещающий приватизацию или хотя бы приостанавливающий ваучерную приватизацию, и дело с концом. Нет, не посмели — альтернативы не было.

Полная политическая безответственность депутатов ярко проявилась на шестом съезде (апрель 1992 г.). Брань, истерические наскоки в адрес правительства. И тогда мы заявили, что подаем в отставку. Опять же, по логике вещей, казалось бы: правительство ужасное, губит, разоряет народ. И вот оно, проклятое, подает в отставку. Замечательно! Сформировать новый кабинет, предложить новую политику — вот задача депутатов. Ни секунды не сомневался, что, как только замаячит хоть призрак ответственности, депутаты испуганно пойдут на попятный. Нет идей, нет программы, нет волн, нет стратегии — одна нетерпка и популизм. Любопытно было лишь, в какой форме они начнут пятиться. Оказалось, в самой примитивной, даже какой-то очаровательно наивной. Так прямо и говорили: э, нет, ответственность на себя не возьмем, дудки! Отставка, разумеется, не принята, курс поддержан, собственные грозные решения признаны рекомендациями.

О какой же политической борьбе после этого вообще можно говорить?

СКЛОКА, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В ПЕРЕВОРОТ

Но ведь борьба была, и отчаянная. Каждый шаг правительства блокировался. Президента на съездах буквально травили. Зачем же, почему, если сами ничего не могли и не хотели предложить? Это была примитивная личная и ведомственная склока, поднятая до вершин политической борьбы. И хитрый Хасбулатов, и откровенно недалекий Руцкой явно не выдержали испытания неожиданной властью. Проявилось это четко, прямо по учебнику, особенно в случае с Руцким. Человек, не способный сформулировать даже подобие собственной политической программы и при этом занимающий

формально второй пост в государстве, считает, что он обделен властью!

Борьба за власть (власть, к которой он просто не приспособлен, просто не знает, что с ней делать) становится единственным мотивом. Раз он борется за власть, а своих взглядов не имеет, то неизбежно становится популистом без берегов, подхватывающим любую идею, любой обрывок идеи, которая в эту секунду кажется ему популярной. Отсюда постоянно противоречащие друг другу заявления, постоянные «челночные операции» — от Верховного Совета к президенту и обратно.

Случай Руцкого типичен. Примерно в такие же популистские игры без правил играл и весь Верховный Совет. Для многих депутатов война с исполнительной властью (точнее — безопасная брань в ее адрес) превратилась в спорт, в способ имитировать бурную политическую жизнь. Борьба эта была комичной — ведь при отсутствии собственной политической линии, при страхе перед ответственностью и реальной властью все грозные нападки на курс правительства напоминали известный анекдот: «с криком “держите меня!” он бросился под автобус». Но чем смешнее все это выглядело, тем больше депутаты ненавидели исполнительную власть.

Кроме того, Верховный Совет — структура чисто советская, иерархическая. Его жестко держал в руках президиум во главе с Хасбулатовым. И даже самый простой депутат понимал — если хочешь сделать карьеру в Верховном Совете, надо демонстрировать преданность, т. е. воевать с президентом.

Вся эта патологическая ситуация развивалась на фоне (или даже была следствием) общей больной наследственности нашей политической системы. Самое мучительное для многих депутатов именно то, что они депутаты, что их будут переизбирать. Главная проблема была в том, чтобы «закрепиться», стать новой пожизненной номенклатурой. Разумеется, среди депутатов были разные люди. Например, лидеры фракции демократов. С.Н. Юшенков в 1992 г. вволю поиздевался над этой заветной мечтой в распространенном на съезде проекте закона «о наследственном депутатстве», подробно доказывая, что введение этого института поможет создать профессиональный парламент и экономить деньги налогоплательщиков. К сожалению, не такие люди определяли политическую погоду в Верховном Совете.

В условиях замкнутой, жестко иерархизированной бюрократической системы, в которую быстро превратился Верховный Совет, кастовые тенденции развились в чудовищной степени. Сама идеология парламента, парламентаризма, постоянно свободно переизбираемой системы представительной власти была глубоко чужда большинству депутатов. Они охотнее соглашались на роль «служащих президиума», чем на роль собственно депутатов.

Едва ли не главным страхом большинства депутатов стал страх новых выборов. Как выяснилось, боялись они не зря — лишь горстка народных депутатов, избранных в 1990 г., прошла в 1993-м в Госдуму, а из числа известных оппозиционных лидеров — вообще считанные единицы (Бабурин, Исаков).

Несколько раз на протяжении 1992–1993 гг. президент предлагает компромиссы, позволяющие развязать узел двоевластия. Безрезультатно! За каждым из таких компромиссов маячит призрак досрочных выборов, а это категорически не приемлет большинство депутатов.

К началу осени 1993 г. ясно: все конституционные ресурсы исчерпаны. У народа спросили, референдум (по модели, принятой съездом!) провели, однозначный ответ получили. А двоевластие все сильнее подтачивает власть, парализуя ее основные структуры, порождая хаос непредсказуемости экономической политики, стимулируя волну преступности. Для президента, отвечающего за безопасность государства, пассивно смотреть на все это — значит, обмануть избирателей, их мандат доверия, дважды данный ему в 1991–1993 гг. Остается один путь: приостановление работы съезда и назначение новых выборов. Но это выход за рамки пусть противоречивой, латаной-перелатаной, но действующей Конституции.

Указ № 1400, разрешая кризис двоевластия, вместе с тем разрушал сами основы уже сложившейся номенклатуры Верховного Совета, разрушал фундамент не демократии правового государства, но чего-то много более важного для многих депутатов: учреждения под названием ВС, того кормила власти, которое они понимали как производное от слова корм.

Подписав этот указ, президент понимал — если депутаты разъедутся по округам, уйдут «с высоко поднятой головой», уедут, объявив: мы отвергаем незаконный указ, но, чтобы не спровоцировать гражданскую войну, расходимся и будем вести избирательную

кампанию, то для Президента и его сторонников результаты будут непростыми. И все же такая тактика открывала дорогу разрешению кризиса двоевластия без гражданской войны, при помощи избирательных бюллетеней, а не автоматов. Развернуть избирательную кампанию, заставить депутатов в нее включиться — именно на это был расчет.

Но такой ход был психологически невозможен для «хасбулатовского» Верховного Совета. Крайний политический эгоизм и эгоцентризм, страх перед избирателями, месяцами копившаяся и раздувавшаяся ненависть к президенту, наконец, «депутатская дисциплина», привычка подчиняться президиуму и корпоративное чувство — все это вылилось во взрыв.

В противовес предложенному пути разрешения кризиса двоевластия через выборы руководство Верховного Совета быстро выбирает другую тактику: конфронтация, дестабилизация общества, гражданская война. Лучше залить Россию кровью, чем спрашивать мнение избирателей.

Парламент, давно уже реально оторвавшийся от страны, заперся, превратил Белый дом в крепость и стал звать подкрепления. Они не заставили себя долго ждать.

ТРЕТЬЯ СИЛА

Союзники Верховного Совета, Руцкого, их настоящая «массовая база» определились давно. Но до поры до времени депутатское большинство и «союзники» стеснялись открыто протянуть руки друг другу. «Момент истины» наступил в октябре. Да, в те сентябрьские дни многие вполне разумные, интеллигентные люди, даже понимая политическую неизбежность указа президента, категорически отвергали его как нелегитимный юридически, нарушающий Конституцию. Но не эти люди пришли к Белому дому, во всяком случае не они составляли там большинство, задавали тон. Больше того — наслушавшись «защитников Конституции», насмотревшись на лозунги, те, кто действительно хотел защитить закон, как правило, бежали от Белого дома. Те, кто правил бал у Белого дома в октябре 93-го, не имели ничего общего с теми, кто пришел туда в августе 91-го. Основой для консолидации депутатов и их «защитников» был один-единственный принцип: «враг моего врага — мой друг».

В этой ситуации вполне естественно и неизбежно депутаты и Руцкой стали центром притяжения, прикрытием, а затем постепенно и знаменем самых агрессивных противников реформ. «Непримиримая оппозиция» как внутри, так и вне ВС в течение 1992–1993 гг. все плотнее сходилась с руководством ВС. Они нашли друг друга в общем слепом противостоянии президенту. В течение 1992–1993 гг. Верховный Совет выступал в основном как защитник и объективный провокатор действий «непримиримых». В самом деле, та постоянная, абсолютно бесцельная эскалация уличного насилия, которую мы переживали в Москве в 1992–1993-м, была бы невозможна, если бы хулиганы Анпилова не надеялись на раскол властей, на ту или иную помощь Верховного Совета. (Простое доказательство: как только двоевластие кончилось, кончились и уличные шашаши.) И все-таки быть защитником, молчаливым союзником — одно. Стать союзником открытым — совсем другое. И поразительно, как легко, мгновенно это произошло, как легко легитимные представители политического «истеблишмента» соединились с прямыми погромщиками! Больше того, ведь именно тогда, в краткие дни октября, мы вдруг увидели уже совсем другое, ранее вообще невиданное мурло — мурло настоящего, откровенного, ликующего фашизма, поднявшего свастику в самом центре Москвы. И вот именно туда — прямо к фашистам — и поспешили депутаты, «защищающие Конституцию», вчера еще со вкусом обсуждавшие, чем «гарвардская» модель экономики отличается от «чикагской», «социальный рынок» от «жесткого монетаризма».

Впрочем, союз с фашистами был не случаен. Если «политические взгляды» у большинства Верховного Совета и расходились с «красно-коричневыми», то были зато общие психологические черты, общий рисунок политического поведения. Разве баркашовцы предложили депутатам принять закон о смертной казни для тех, кто примет к исполнению указ Ельцина? Это предложил депутат Бабурин. Приняли. Разве сами анпиловцы и баркашовцы, схватив оружие, рванулись на мэрию и «Останкино»? Нет, «президент» Руцкой дал команду к наступлению. Дорожа своей жизнью, столь необходимой России, г-н «президент» сам в атаку не пошел, но цепные указания давал. Они зафиксированы радиоперехватами. Тут и «огонь на поражение», и призывы к авиации. Кровавая гражданская война — вот с чего собирался начать свое правление новый

президент России. И если она не состоялась — не его вина. Видно, как всегда, власти не хватило Александру Владимировичу. Как и нацисты, «легитимные депутаты» ставили на голое насилие, на кровь, на провокацию. «Мы будем защищать Конституцию, а если понадобится, то и с оружием в руках», — давно уже сказал депутат Астафьев на одном из съездов. Тогда его оборвал Хасбулатов: нет, наше оружие только законы. В октябре Хасбулатов кричал с трибуны Белого дома: «На Кремль, на Кремль! Выгнать узурпатора из Кремля!» А довольным матерным эхом ему отвечали, потрясая ключами от мэрии, генерал Макашов и молодчики со свастикой.

Итог

На что они надеялись — понятно. Рывком прорваться к власти, которую честным демократическим путем не захватить, и расчет был не так глуп. Кризис легитимности в стране, наличие двух ветвей власти почти парализовали силовые структуры. Они не знали, чей приказ исполнять. Я, мои коллеги по правительству видели все это своими глазами. Жители Москвы догадывались по странным «замедлениям» с вводом войск.

Путч имел шансы «прорваться». Мятеж мог закончиться удачей. Но от этого он не перестал бы быть безумным мятежом, тем самым «бессмысленным и беспощадным» бунтом.

В самом деле представим, что Макашов не струсил и смог прорваться в «Останкино». Передали на всю страну о захвате власти, парализовали окончательно всякую власть на местах, внесли в нее полный раскол. Что было бы дальше?

Во-первых, настоящая, полномасштабная гражданская война. Сторонники президента не ушли бы подобру-поздорову, очистив поле для руцких и макашовых. Но еще больше людей выступили бы не за президента, а просто за здравый смысл. Не думаю, что большинство тех людей, кто мужественно пришел в ту страшную ночь к Моссовету, были фанатичными сторонниками президента. Нет, просто они понимали, что отдать Россию «этим» невысказанно. И так, гражданская война была бы неизбежна. Во-вторых, взглянем на саму эту новоявленную «власть». Против общего врага они объединились на один миг. Уже сегодня, отнюдь не имея власти, «непримиримая оппозиция» разодралась, они поливают друг

друга грязью. Как же они делили бы власть, имея автоматы в руках? Так что внутри этой «власти» нас ожидали разборки — крупномасштабные бандитские разборки. Об их характере дает представление хотя бы такое высказывание «защитника Конституции» г-на Баркашова: «...всем ненавистный Верховный Совет, эта компания инфантильных болтунов...»

Я уж не говорю о профессиональных и моральных качествах новых руководителей. Верховный Совет, разумеется, не мог бы ничем руководить. А вот исполнительную власть возглавил бы Руцкой. Тот самый, который то заявлял, что «умрет в Белом доме», ибо «лучше умереть человеком, чем жить подлецом», то молил Зорькина обеспечить поручительство иностранного посла, чтобы спасти его драгоценную шкуру. Все это зафиксировано, тысячи раз показывалось по ТВ. Или такой момент. Руцкой сдает, потрясает автоматом и кричит, что его автомат не стрелял, вот он в смазке. Его автомат... А автоматы тех, кого он призвал к оружию? Стреляли ли они? Это г-на «президента» не волнует. Судьбы этих по его приказу брошенных в огонь людей его просто не интересуют. Не до того! Ни одного вопроса о них он не задал, занятый спасением себя, любимого...

Боевой летчик. Генерал. Президент России. Такое правительство нас ожидало... Мятеж завершается не тогда, когда рассеялся пороховой дым. Куда важнее реакция общества.

Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. породило революцию.

Расстрел Белого дома породил крики оппозиционных газет. К счастью — ни единой забастовки, не говоря уж о чем-то худшем...

Почему? Может, очень свиреп «временный оккупационный режим», который разрешает себя так публично называть, выпускает из тюрем всех своих противников до единого?

Да, власть мягкая, иногда чрезмерно, попустительски мягкая — но сейчас не о том речь. Вопрос: почему же тогда так спокоен народ, который, очевидно, не боится власти?

Ответ один — потому что здравый смысл, глубокое чувство справедливости, которое живет в душе русского человека, говорит ему: у власти не было другого выхода.

Если сравнить с тем же 1905 г.: расстрелять безоружную толпу — варварство, преступление.

Подавить вооруженный мятеж — горькая, но безусловная обязанность власти.

И еще. Может быть, без глубокого анализа, но интуитивно люди понимали, какую катастрофу несут нам Руцкой и К, готовые лить кровь (чужую!), как воду, ради голой власти.

Многие возмущены тем, что была нарушена Конституция. Я не разделяю такой взгляд, считаю, что это было неизбежно. Но и рад, что такой взгляд достаточно распространен.

Рад тому, что у нас складывается правовое сознание, что люди не готовы все прощать власти ради политической целесообразности.

Существует важнейшее понятие в любой политической системе — легитимность. Не на бумаге, но в сознании людей живущие ощущения, что законно — что незаконно. Именно им, этим чувством легитимности, реально руководствуются люди.

Нарушать Конституцию — нелегитимный поступок. Начинать вооруженный мятеж — преступление. Подавить мятеж, применяя, естественно, силу, — легитимное действие власти. Не слова, а поведение народа в течение нынешнего небывало спокойного года показывает, что огромные массы людей рассуждают и чувствуют именно так.

Значит, нравственные чувства и здравый смысл живы в России. В этом я вижу главный урок несостоявшегося «красно-коричневого октября».

Мы обречены на единство

Ответ Елене Боннэр

Дорогая Елена Георгиевна!

Внимательно прочитав ваше «Открытое письмо»¹, могу сказать, что согласен практически со всем, что там написано.

Политическая ситуация сегодня представляется мне опасной. Сочетание растущей аполитичности и социального напряжения — гремучая смесь, которая может взорваться при любом потрясении.

Лицемерие и цинизм поздней коммунистической эпохи не умерли вместе с ней. В условиях свободы они просто перешли в иную

Опубликовано в: Сегодня. 1994. 25 ноября.

¹ Открытое письмо Е. Боннэр под заголовком «Свои надежды связываю с вами» было опубликовано в газете «Сегодня» 15 ноября 1994 г.

форму и отравили своим трупным ядом только рождающийся организм молодой российской демократии. Лицемерие превратилось в наглый, хамский популизм; скрытый цинизм стал абсолютно откровенным, эпатажирующим.

Избиратель, видя все это и не слишком разделяя политиков на правых и виноватых, занял «круговую оборону», о которой вы пишете — «а пошли они все...».

Очевидно, что в этих условиях объединение ответственных демократических сил жизненно необходимо. Наш союз означал бы не механическое сложение, а умножение сил, потому что он дал бы нашим сторонникам самое главное — новую надежду, новый прилив сил. Нам необходимо второе рождение демократического движения, необходим второй импульс. Условия, конечно, куда более сложные, чем в 1989–1991 гг. Помимо общих причин, о которых все знают, есть и субъективный фактор — борьба политических амбиций. Исключительную роль играла личность Андрея Дмитриевича — он был абсолютным нравственным эталоном для всех либерально-демократических сил. Но — «нету их и все разрешено». Личности, которая была бы сопоставима с Сахаровым, нет и не будет. Когда движение идет на спад, усиливается разброд, распадается связь и начинают превалировать амбиции, подчас трагикомические и просто анекдотические.

Тем не менее минимальная политическая ответственность и простое чувство самосохранения подсказывают демократическим политикам, что наш союз необходим и неизбежен, дальнейших «разборок» наши сторонники нам не простят.

Принципиальная основа для союза есть. Это общие твердые установки — гарантии неприкосновенности частной собственности и прав человека, антимилиитаризм, борьба с растущей бюрократией и авторитаризмом, поддержка малого частного предпринимательства, построение не номенклатурного, а открытого, свободного рынка, обязательность сохранения демократических завоеваний, отказ от имперско-националистической политики и риторики. Но каковы должны быть конкретные, тактические шаги к объединению?

Мы много раз предлагали нашим единомышленникам различные формы объединения — и во время избирательной кампании 1993 г., и позже. И сегодня мы готовы соединить усилия.

Во-первых, демократические силы должны ясно обозначить свою принципиальную платформу, свою программу политических приоритетов и вытекающих из них действий, сохраняя при этом свободу рук в организационном плане.

Во-вторых, полностью солидарен с вашим предложением снять на ближайшее время с повестки наших общих политических обсуждений вопрос о президентских выборах. По своей природе он объективно подталкивает к расколу. И к тому же этот вопрос не срочный — до лета 1996 г., по нынешним российским меркам, целая эпоха. Я категорический противник того, чтобы сдвигать срок выборов президента — оттягивать их или приближать. Выборы должны состояться точно в оговоренный законом срок — 12 июня 1996 г. Это один из важных залогов стабильности, одно из условий, помогающих воспитать у всех нас уважение к закону, к легитимности власти, воспитать чувство уверенности. Выборы президента должны восприниматься не как чрезвычайное событие, стихийное бедствие, вариант переворота и смены режима, а как важная, но четко оговоренная часть общей стабильной и предсказуемой политической процедуры.

В-третьих, центр тяжести в наших совместных действиях — выборы в Думу. Судя по тому, как развивается политический процесс, баталии вокруг бюджета, отношение к правительству, они могут состояться уже весной 95-го. В любом случае избирательная кампания начнется не позднее конца лета 95-го. Нам надо четко отработать процедуру выборов по мажоритарным округам. Очевидно, что дробить там голоса — прямая игра на руку нашим противникам. Опыт последней избирательной кампании это ясно доказывает. Известны десятки случаев, когда кандидат-коммунист или националист проходил именно потому, что демократический электорат был расколот и дезориентирован.

Отсюда объективная потребность в создании широкой демократической коалиции на парламентских выборах, позволяющей объединить усилия, выдвинуть и поддержать в округах общих кандидатов, обеспечить координацию пропагандистских усилий. Ситуация декабря 1993 г., когда потенциальные союзники по демократической коалиции большую часть энергии потратили не на полемику с национал-социалистами, а на взаимную борьбу, не должна повториться.

В-четвертых, победа широкой демократической коалиции на парламентских выборах, формирование вместо нынешнего национал-социалистического большинства в Думе большинства демократического позволили бы внести серьезные коррективы в состав правительства и проводимую им политику, сделать его значительно более сильным, способным проводить осмысленный экономический курс.

И наконец, в-пятых, отработка механизмов взаимодействия, демократического единства в ходе предстоящих выборов объективно облегчит нам задачу выдвижения и поддержки в 1996 г. общего демократического кандидата на президентских выборах.

Таковы, как мне кажется, некоторые конкретные направления, в которых мы уже сегодня можем и должны действовать вместе. Иногда в качестве условия для объединения сил называют необходимость выработки общего отношения к правительству. Конкретно — неприятно действующему правительству.

Безусловно, отсутствие ясного курса, политическая аморфность в сочетании с бюрократической жесткостью — то, что характерно для правительства, — для нас абсолютно неприемлемы. Но какие действия с нашей стороны должны последовать? Вотум недоверия правительству? Но ведь для всех, считающих хотя бы на один ход вперед, очевидно: при сегодняшнем составе Думы вынести такой вотум можно... породив новый политический хаос, который на руку только нашим противникам. Неужели для кого-то это не очевидно? Победа над правительством сегодня точно уложилась бы в формулу «за что боролись — на то и напоролись». Это прекрасно понимают все ответственные демократические политики, что и проявилось во время голосования по этому вопросу в Думе. Так что разговоры об отставке правительства не более чем дань риторике.

Позиция «непримиримой оппозиции» по принципу «чем хуже — тем лучше», надеюсь, никогда не станет позицией порядочных демократических политиков. У нас есть другой принцип, сформулированный Сахаровым, — «условная поддержка». Не давать власти переродиться в авторитарно-номенклатурную, поддерживать ее демократические шаги и бороться с ее бюрократическим окостенением. Это относится и к правительственной, и к президентской власти. И мне кажется, не стоит ставить наше отношение к президенту в прямую зависимость от колебаний его популярности. Такой

популизм морально ущербен, политически суетлив и недальновиден. Впрочем, это моя точка зрения, которую никому не навязываю.

То, что объединение демократических и либеральных сил в России не тактический ход, а стратегическая задача, очевидно. Как очевидно и то, что сегодня в нашей стране решаются отнюдь не мелкие проблемы политической игры. Осознаем мы это или нет, но сейчас определяются исторические пути развития России в XXI в. И путей в конце концов всего два — создание авторитарно-бюрократического государства («третьей империи») или либерально-демократической республики. Вокруг этих двух полюсов и будут неизбежно группироваться политические силы.

Год упущенных возможностей

Считаю, что 1994 год с точки зрения реформ был годом упущенных возможностей. К концу 1993 г. сложилась достаточно благоприятная ситуация, позволяющая надеяться на экономическую стабилизацию в 1994 г. На основании чего можно было сделать такой вывод? Первое: с сентября 1993 г. резко пошли вниз темпы роста денежной массы. Второе: это произошло потому, что были существенно снижены объемы бюджетных расходов, в частности, из-за отмены льготного кредитования. Третье: из-за этого процентная ставка по долларovým депозитам стала устойчиво ниже, чем по рублевым депозитам. И была обеспечена позитивная процентная ставка. Это открывало возможность достаточно устойчивой и последовательной стабилизационной политики.

С естественным лагом следы финансовой стабилизации стали проявляться зимой—весной 1994 г. Была объективная возможность добиться роста доли денег в ВВП, устойчивого снижения темпов инфляции, стабилизации курса рубля и перенаправить кредитные ресурсы в сторону долгосрочного кредитования. Заметно стала расти доля сбережений.

Все было перечеркнуто одним решением — политическими уступками, компромиссами, попытками сидеть сразу на двух

стульях — обильным кредитованием бюджета после апреля, резким ускорением темпов роста денежной массы, которое подорвало возможности финансовой стабилизации, привело к всплеску инфляции осенью и соответственно к дестабилизации валютного курса.

Базой 1995 г. является предыдущий год, который был упущен. Отсюда дальнейшее падение производства, отсюда дальнейшая эрозия налоговой базы, отсюда, естественно, дополнительные трудности стабилизации. Правительство предлагает программу, суть которой ужесточение политики государственных расходов. Программа в данной ситуации конца 1994 г. рискованная, но возможная. Ключевые проблемы: удастся ли сбить высокие инфляционные ожидания в конце 1994 — начале 1995 г., удастся ли добиться перелома динамики процентной ставки и ее достаточно быстрого снижения весной 1995 г., удастся ли обеспечить стабилизацию валютного курса и увести капиталы в инвестиционную сферу.

Инвестиционные возможности сегодня — это проблема в первую очередь сбережений и их направления. До тех пор пока у нас накопления населения в иностранной валюте примерно в три раза превосходят вложения в национальную банковскую систему, ресурсов для серьезных инвестиций не будет. В связи с этим программа правительства по «ремонту национальных денег» — это вместе с тем, конечно, и программа по стимулированию перевода части сбережений, сегодня направляемых в иностранную валюту, на внутренний рынок для их использования и на нужды покрытия государственного бюджета и потенциально на нужды инвестиций.

Мы считаем, что если уж правительство поздно (но лучше поздно, чем никогда) выработало осмысленную стратегию, то эту стратегию надо поддержать и этому правительству дать ее реализовывать. Мы будем поддерживать эту стратегию. Мы не хотим досрочных выборов, мы не хотим отставки правительства, мы хотим, чтобы это правительство спокойно работало. Мы хотим, чтобы был принят бюджет. Но при этом мы будем критиковать правительство за все отступления, которые возможны и которые, как уже показал опыт, приводят к катастрофическим последствиям.

Мораль эффективна

Ответ на статью В. Костикова¹

В ближнем окружении президента Вячеслав Костиков — один из тех, с кем не очень хотелось бы спорить о морали в чеченской войне, тем более на страницах газеты. Знаю, что демократические убеждения для него не пустой звук. При любой возможности в ходе внутренних, скрытых от постороннего взгляда дискуссий он отстаивал здравый смысл, а не авантюру. Тем не менее на некоторые тезисы этой статьи не могу не ответить.

Первое. Автор утверждает, что для сохранения целостности России необходима война в Чечне. Он упрекает сторонников мирного пути преодоления чеченского кризиса в легкомысленном обращении с историей нашей страны, в недоучете особенностей народного сознания и тут же признает возможность изменения контуров российского государства, но не сейчас, а попозже, когда общество будет готово смириться с таким развитием событий.

Наша позиция, наоборот, предполагает укрепление интеграционных тенденций на территории как России, так и всего бывшего СССР. Именно эта цель наряду с соображениями морали заставляет нас столь решительно выступить против использования силовых приемов по отношению к нашим согражданам. Ничто так не подрывает единства страны, как попытки с помощью бомбежек удержать ее части от отделения.

Надеюсь, предшествующая работа избавит меня от обвинений в империализме. Но, право слово, убежден — на вопрос о том, какие города из перечня: Витебск, Могилев, Сумы, Донецк, Владикавказ, Дербент, Майкоп — входят, а какие не входят в состав России, большая часть вполне взрослого российского населения ответит неправильно. Такие исследования уже проводились и продемонстрировали крайнюю нечеткость представлений о национальных

Опубликовано в: Московские новости. 1995. 12–19 февраля.

¹ Костиков Вячеслав Васильевич — журналист, в 1992–1994 гг. пресс-атташе Президента РФ Б.Н. Ельцина. Впоследствии был послом России в Ватикане, продолжил работу в печати. Его статья под названием «Мы в книге Рока на одной строке» была опубликована в газете «Московские новости» 12–19 февраля 1995 г.

границах. Для многих россиян наша страна — это не только Российская Федерация, но и по меньшей мере значительная часть историко-культурного пространства царской России, потом Советского Союза. Сегодняшние российские границы реально сложились только осенью 1991 г. и не имеют глубокой легитимности в народном сознании. Поэтому сама российская государственность сегодня — это скорее не устоявшаяся неподвижная твердь, а постепенно формирующийся под воздействием центробежных и центростремительных сил, а потому колеблющийся, зыбкий и уязвимый живой организм.

В 1990–1991 гг. было видно, какое страшное разрушительное действие оказывают на страну центробежные силы. Парад суверенитетов, бартерная экономика, таможня на границах областей, неудержимое стремление к натурализации хозяйства. На волне этих процессов распался после августа 1991 г. Советский Союз. Рассыпался на 16 осколков: 15 молодых независимых государств плюс Чечня, которая юридически оставалась на территории России, а фактически стала независимой, выпала из российского конституционного поля.

В 1992 г., с началом рыночных реформ, сперва робко, потом все заметнее стали проявляться центростремительные тенденции. Их вызвало к жизни развитие рыночных отношений, прорыв межрегиональных таможен, укрепление нашей национальной валюты, обеспечение конвертируемости рубля. Призывы к суверенитету постепенно начали стихать, окрепла Федерация. Молодые независимые государства выстроились в очередь, чтобы заключить с Россией соглашения о как можно более тесном экономическом союзе.

Если обратиться к мировому опыту, то станет очевидным, что события второй половины XX в. убедительно доказывают бесперспективность попыток сохранить империю силой. Можно долго воевать, проливать много крови, тратить огромные средства — финал неизбежен. Рано или поздно приходится уходить, искать другие, более разумные и эффективные средства сохранения старых или создания новых межгосударственных связей.

Не сомневаюсь, если нам удастся решить основную задачу экономической реформы — создать предпосылки устойчивого экономического роста в России на базе частной собственности, частных сбережений и инвестиций, то очень скоро, через несколько лет, Россия станет стержневым элементом широкого экономико-политического

объединения в Евразии. Так, сегодня в Западной Европе эффективная рыночная экономика Германии является несомненным центром интеграции.

Разумеется, если Россия будет продолжать балансировать между планом и рынком, пугая и своих, и чужих непредсказуемостью, расшатывая финансовую стабильность и подрывая промышленный потенциал, никакой силой, никакой кровью не сохранить нам даже сегодняшней России, в ее нынешнем усеченном виде.

Чеченская авантюра, попытка грубой силой решить сложнейший и деликатнейший национальный вопрос именно тем и опасна, что наносит страшный удар по единству России, по перспективам интеграционных процессов в Евразии.

Государство, наносящее ракетно-бомбовый удар по собственным густонаселенным городам, посылающее своих мальчишек на бессмысленную смерть, тратящее деньги налогоплательщиков на жестокие и бесполезные военные авантюры, опасно и для своих граждан, и для соседей. К такому государству не тянутся, от него стараются держаться как можно дальше.

Второе. Из статьи следует, что демократы, с одной стороны, наивные люди, верящие в возможность моральной политики, а с другой — недостаточно дальновидны, будь они посмышленнее, откажись они от принципов морали и гуманизма — и поддержка населения им была бы обеспечена. Не учли и просчитались...

В глаза бросается противоречивость этого тезиса. Ведь стремление следовать принципам морали априори исключает поддержку безнравственной и антигуманной авантюры ради приумножения политического капитала.

Признаюсь, никогда не смогу принять ложную мудрость тех, кто утверждал известное: «цель оправдывает средства». Сама история нашей страны является страшным опровержением этого тезиса.

Мне казалось, что гибель миллионов людей под лозунгом «морально то, что служит делу социализма и коммунизма» избавляет от необходимости хотя бы у нас в России продолжать спор на эту тему. Но нет — не успели оглянуться и уже оказывается, что мораль следует подчинить политической целесообразности российского демократического государства.

Под таким углом зрения применение оружия массового поражения в густонаселенном городе видится не военным преступлением,

а разумной тактикой борьбы с бандитскими группировками. А ложь высших должностных лиц, рапортующих о прекращении бомбежек, звучит с высоты интересов государственности скорее как попытка ввести противника в заблуждение. К счастью, у значительной части нашего народа все-таки выработался иммунитет к пропагандистской фальши. Глядя на убитых и изувеченных детей, люди понимают, что это погубленные дети, а не ступеньки лестницы, ведущей в храм державной целесообразности.

Третье. Не могу согласиться и с тем, что общество в целом не принимает позицию демократов.

Помню, как в начале конфликта, когда наша позиция еще только формировалась, один из высокопоставленных функционеров тоже убеждал меня: «Политика президента будет популярна. Народ хочет сильной руки и наведения порядка. Почему же вы не хотите использовать это?»

Принимая решение еще до начала ввода войск и широкомасштабных военных действий попытаться сделать все, чтобы остановить войну, повернуть развитие событий на путь переговоров, мы исходили из четкого понимания того, к какой трагедии, к какой крови и жертвам среди мирного населения приведет применение военной силы в Чечне.

Реакцию общества прогнозировать было труднее. Казался серьезным риск, что начавшаяся война всколыхнет самые дремучие и низменные инстинкты, послужит питательной средой для агрессивного национализма, подъема мощной волны антикавказских настроений. К сожалению, такая опасность не только сохраняется, но и возрастает по мере увеличения числа жертв с обеих сторон. Однако мы были уверены тогда, продолжаем настаивать на этом и сегодня — необходимо делать все возможное, чтобы противостоять этой опасности.

К счастью, расчеты инициаторов силовых решений пока не оправдались. Большая часть российского общества не одобряет явно опасную и жестокую политику, проводимую руководством страны в Чечне.

Но мы не обольщаемся этим. Если массированные бомбардировки российских городов и сел могут иметь хоть какое-то рациональное объяснение, то я вижу его в следующем: побудить доведенных до крайности чеченцев к жестоким и бессмысленным ответным

действиям, которые задним числом оправдают все, что было сделано раньше.

Такое развитие событий неизбежно станет основой для роста бациллы русского фашизма. Эту угрозу мы видим и потому считаем особенно важным отстаивать позиции здравого смысла. Не надо иллюзий. Если демона русского фашизма все-таки удастся разбудить, играя на низменных чувствах уставших и раздраженных людей, он не станет послушным слугой тех, кто своим безрассудством вызвал его к жизни.

От выборов нельзя уйти или спрятаться. Их надо выиграть

I. ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ВЫБОРОВ

Скажу откровенно: аргументы тех, кто считает, что выборы «несвоевременны», что их хорошо бы перенести, отнюдь не вызывают у меня священного гнева. Ясно, что здесь немало утилитарной правды. Момент для выборов — и парламента, и президента — не лучший. Экономически отлив, кажется, заканчивается, скоро должен начаться прилив — если мы сами своими неумелыми действиями его не перебьем. Пусть только начнется экономический подъем, который ощутит не узкий слой долларовых миллионеров, а вся огромная масса «миллионеров» рублевых, тот самый «средний класс», который никак не мог конституироваться в условиях инфляции, — и тогда политическая и социальная стабильность нам будет обеспечена всерьез и надолго. Гавань — не идеальная, но зато реальная — уже видна. Это всегда самый опасный момент, особенно для нашей страны. Черчилль говорил про революцию 1917 г., что русский корабль затонул у самого входа в гавань. Пусть в меньшей степени, но есть подобная опасность и сегодня.

Серьезная опасность исходит не от шпаны, малюющей свастики, делающей себе соответствующие татуировки, и не от «утонченных»

Опубликовано в: Известия. 1995. 7 апреля.

околофашистских полуинтеллигентов, ради скандальной популярности эпатажирующих сытую публику «острыми» журнальчиками и песенками. Такая жалкая тусовка была и будет всегда. У кого-то она вызывает брезгливость, у кого-то — смех, а у кого-то — истерический интерес. Но политического значения вся эта маргинальная компания не имеет. Они судорожно дергаются, чтобы привлечь внимание. Хорошо, если компетентные органы отметят это старание, направят свое внимание на нацистскую помойку. Но, повторяю, политическую погоду эта публика не делает.

Опасно иное. Политические экстремисты прекрасно чувствуют, что время работает против них. Стабильность означает их стабильное исчезновение с политической сцены. Приливы и отливы популярности экстремистских партий точно совпадают с общей ситуацией в обществе. Германия, 1919–1923 гг. Растущая инфляция — политический кризис — увеличивающиеся шансы нацистов. Гитлер попытался оседлать «клячу истории» 8 ноября 1923 г. Провалился. Затем начался экономический подъем, период социальной стабильности (1923–1928 гг.) — нацистская партия развалилась, шансы фюрера упали до нуля. Новый кризис (1929–1933 гг.), многомиллионная безработица, и опять господа экстремисты в цене. На сей раз на гребне кризиса удалось прорваться к власти.

Экономический подъем в нашей стране «грозит» начаться в 1996–1997 гг. По закону «качелей» это означает, что шансы господ Жириновских-Зюгановых и их с ними опускаются практически до нуля. Их последний шанс сегодня, их шанс на выборах 1995–1996 гг.

И все-таки отменять, переносить выборы нельзя.

Во-первых, такая отмена вызовет сильнейшее брожение в обществе. Тут не надо ждать «симметрий»: те самые люди, которые посмеиваются над выборами, не хотят на них идти, будут крайне возмущены отменой выборов, тем, что у них отобрали самую возможность голосовать. У экстремистов появляется козырная карта и сильная, каждому понятная объединяющая идея — «даешь выборы!».

Во-вторых, брожение в обществе означает подрыв легитимности демократической власти. Выборы хотят отменить ради стабильности, но стабильности так и не добьются (если, конечно, не путать политическую стабильность со своей личной, сохранением своего личного кресла в Думе, Совете Федерации, администрации президента еще на пару лет). Наоборот, усилится раскол общества.

В-третьих, чем больше власть теряет легитимную поддержку, тем больше она ищет поддержку в силовых структурах. Власть, которую не избирают законным путем, обязательно будет подпирает себя штыками. Учитывая специфические интересы и менталитет военно-полицейского комплекса, такая «сдвижка» центра власти означала бы как раз перерождение власти, «встречное движение» в сторону политических экстремистов. А они, в свою очередь, ощущая поддержку власти (или наиболее влиятельной ее группировки), резко увеличивают свои аппетиты.

Нет, демократическая власть не может ради любых разумных тактических соображений отказаться от нормальных демократических методов, от выборов. От выборов нельзя отказаться. На них надо идти, их надо выиграть — вот задача демократических сил. Задача трудная, но реальная.

Надо приучить общество к мысли: выборы в норме означают не радикальную смену курса, а его корректировку в пределах существующей системы.

Зюганов заранее торжественно объявляет о своей победе на парламентских выборах. Коммунисты плюс аграрии плюс «Женщины России» при благожелательном нейтралитете либеральных демократов (они же «молодые волки», они же «национал-социалисты») будут контролировать новую Думу, получают в ней твердое большинство, заявляет он. А выборы в Думу — пролог выборов президента. Кто победит 12 декабря, получает мощный толчок к выборам 12 июня. Это и моральное настроение избирателей, и деньги спонсоров, и новый баланс сил в правящей элите.

Я думаю, Зюганов зря торопится заказывать шампанское. Здесь могу самокритично сослаться на наш опыт. Многие из политиков и политиков-демократов слишком бодро предсказывали наш подавляющий успех на выборах 12 декабря 1993 г. Заранее объявленные фавориты редко приходят к финишу первыми.

II. Три политические силы

При всех вариациях вроде растущего в геометрической прогрессии числа партий и блоков общий политический ландшафт более или менее ясен.

Экстремисты, «партия реванша». Я не говорю о политических маргиналах (хотя очень многие, скажем, в ЛДПР по своему менталитету явно маргиналы). Реально «партия реванша» — группы элиты, чувствующие себя обделенными властью и на волне лево-популистских лозунгов стремящиеся во власть. Но их приход означал бы не просто смену табличек на кабинетах. Да, не будет возврата ни в какой «социализм» ввиду полной физической невозможности такого действия сегодня. Будет иное. Цель авантюры: великодержавная риторика и реальное мелкое заискивание перед странами Запада во внешней политике. Та же риторика, но уже сопровождаемая бряцанием оружием внутри СНГ. Наконец, военные авантюры внутри самой России (чеченская война дает нам понять, что это такое). «Государственное регулирование», разумеется, с благой целью «подъема производства» и повышения уровня жизни. И то, и другое поднимут на высоту инфляционной волны. Новый виток обогащения других граждан, в первую очередь, разумеется, чиновников, собственно, осуществляющих регулирование денежных потоков из Москвы через свой карман и в Швейцарию, в тихую заводь секретных именных счетов. Я вовсе не хочу сказать, что наши коммунистические и националистические политические оппоненты по своим личным качествам все наперечет воры или что среди них больше лиц, подверженных коррупции, чем среди нынешних чиновников. Дело просто в том, что система полупричастной-полугосударственной экономики с мощным элементом бюрократического регулирования есть идеальный питательный бульон для бактерий коррупции. От этой системы с большим трудом начинает отходить современное руководство. Победа «левых сил» рывком бросает нас обратно туда в самом неприятном варианте — пропитанном многолетней ненавистью и мстостью, прикрытом мощным слоем популистски-националистической демагогии.

Партия власти, бюрократический «центр». Правящая бюрократия прошла за 1992–1995 гг. определенную эволюцию. Если начали с пугающих заявлений про построение «рынка, но не базара», то сейчас пришли к жесткой финансовой политике и достаточно последовательно ее проводят. При сохранении нынешнего курса есть реальные шансы, что действительно в 1995–1997 гг. начинается экономический подъем.

Вместе с тем позиция «центристской» бюрократии всегда непоследовательна, грубо эгоистична. Основной мотив состоит в том, чтобы сохранить гипертрофированное бюрократическое государство, сверхмощную административную систему, соединив их с рынком и частной собственностью. Это невольно напоминает анекдот про лошадь, впряженную в паровоз. Сложившийся гибрид точно обозначается терминами «номенклатурный капитализм» или «бюрократический рынок», которые, кажется, не оспариваются никем, получили права гражданства. Но внутреннее противоречие, содержащееся в этих понятиях, редко осознается в полной мере.

Избыточное бюрократическое давление крайне опасно для рынка. Малокомпетентная бюрократия становится основным субъектом рыночных отношений и, естественно, стремится сохранить такое положение. Это ярко проявилось в некоторых социологических опросах. Согласно их данным, очень незначительная часть (до 5%) богатой части общества, российские предприниматели, поддерживает в полном объеме радикальные рыночные реформы. Среди разоренной интеллигенции процент сторонников реформ куда выше. Данный парадокс легко объясним: значительную часть предпринимателей, особенно на местах, представляют люди, так или иначе связанные с бывшей и сегодняшней номенклатурой, вписавшиеся в номенклатурный капитализм и не мыслящие для себя иного. Распространена в этой среде и агрессивная националистическая риторика «молодых волков» Жириновского. Наконец, как уже говорилось, бюрократический рынок, получастная-полугосударственная экономика, нерасчлененность коммерческих и административных структур — это питательная среда коррупции, при которой бюрократическая система легко становится мафиозной. Понятно, что интеллигенция связывает свои надежды с изменением ситуации, с преобразованием бюрократического рынка в открытый рынок, номенклатурного капитализма — в современный капитализм. Именно в рамках цивилизованного, открытого общества, не подверженного бюрократическому диктату, интеллигенция видит свое будущее, с этим связывает свои надежды. Объективно превращение номенклатурного, бюрократического рынка в рынок открытый, номенклатурного государства в открытое общество необходимо и всей России. Таков категорический императив самого времени — канун XXI в., если, конечно, мы не готовы смириться с ролью

отсталой по своему социально-экономическому устройству, криминализованной страны, впрочем, не устающей грозно ворчать о своих великих амбициях.

Третья крупная политическая группировка — демократические силы, «партия реформ» как раз и старается реализовать жизненно необходимую стране программу. Перефразируя Ленина, можно сказать про эту программу так: из России номенклатурной будет Россия развитого капитализма.

Приложить политическую волю для обеспечения мирного, эволюционного перехода от бюрократического государства к гражданскому обществу — так я обозначил бы нашу «генеральную линию». Надеюсь, что она объединит весь демократический лагерь, несмотря на разногласия внутри него.

В каком-то смысле это не просто стратегическая, но историческая линия. Такие идеи вдохновляли русскую либеральную интеллигенцию еще в прошлом веке, затем диссидентов. Наиболее крупного прорывного успеха здесь удалось достичь, конечно, в 1990–1991–1992 гг. Однако проблема остро стоит и сегодня.

Здесь есть целый ряд проблем. В экономике — открытый рынок, гарантии частной собственности, в том числе на землю. У нас разработан целый ряд конкретных программ, о которых здесь неуместно говорить подробно, — в области аграрной реформы, защиты частной собственности, стимулирования инвестиций. Особенно выделил бы проблему жилищного строительства. Нам кажется, что она могла бы стать таким же «локомотивом» для нашей экономики, каким в XIX в. было строительство железнодорожное. Важным событием стало принятие Гражданского кодекса, в разработке которого мы принимали прямое участие еще во время работы в правительстве. Однако важно сделать его действительной основой гражданской жизни.

Крупные задачи стоят перед нами в социальной политике, в сфере военной реформы и реформы государственного управления. Идеология везде проходит одна: компактное и эффективное государство, помогающее стать на ноги здоровому, честному среднему классу, не гоняющееся за призраками имперски-бюрократического величия в духе XIX — начала XX в., а готовящее страну к вхождению в постиндустриальную цивилизацию с адекватной системой приоритетов.

Наконец, должен измениться сам дух государства, чтобы проблемы прав и безопасности граждан, их защиты от бюрократического хамства и произвола, качества их жизни, борьбы с шовинизмом стали действительно важнейшими. Традиционно российская бюрократия воспринимала саму постановку таких проблем или как «бесмысленные мечтания», или как опасную крамолу. Нужны жесткая политическая воля и настойчивость, чтобы сломать эту установку.

III. ПРОГРАММА-МИНИМУМ

Однако, как политики-реалисты, мы ставим перед собой и программу-минимум. Перекрыть дорогу экстремистам, добиться сохранения стабильности. Здесь объективно возможен союз с частью партии власти.

Российская политическая система с ее сверхмощной, сверхтяжелой бюрократической сердцевинкой устроена так, что политические партии вынуждены постоянно вести борьбу за влияние на элиту бюрократии — единственную силу, реально принимающую решения. В настоящее время в экономической части правящей элиты, безусловно, очень сильны либеральные влияния. Собственно, они и объясняют в целом разумную экономическую политику последних месяцев. Вместе с тем в части бюрократической элиты всегда сохраняется хотя бы «генетическая предрасположенность» к национал-коммунистической идеологии. Тут сказываются и общее номенклатурное происхождение, и советский менталитет с его традиционными предрассудками, и, самое главное, интересы. Бюрократия всегда заинтересована в усилении государственного контроля. А усиление госконтроля требует соответствующего идеалистического прикрытия — национал-популистского, а это, в свою очередь, влечет очевидные политические следствия...

Вот это «перетягивание каната» в коридорах власти между либерализмом и национал-популизмом шло и идет всегда. Выборы в Думу играют важную роль, выборы президента — решающую.

Наиболее влиятельная часть правящей бюрократической элиты отошла от национал-популистского крыла не из любви к либеральным ценностям. Дело в ином, сработал государственный инстинкт, а если угодно — инстинкт самосохранения. Реальные государственники на практике, в своей повседневной экономической

деятельности убедились, что «государственники» из газет «Правда», «Сов. Россия» или «День» тянут государство прямо в пропасть. Инфляционную пропасть, политическую пропасть. Националистически-государственническая риторика может нравиться, а либерально-демократическая риторика может отталкивать — сердцу, известно, не прикажешь. Но жизнь наглядно показала — следуя приятной риторике, государство ломает себе шею, а чтобы спастись, вынуждено принимать не самые приятные пилюли либерализма.

Правящая бюрократическая элита этот факт в значительной мере осознала. Если осознают избиратели — выборы выиграны.

Итак, задача-минимум демократических политиков — сохранить и закрепить сложившийся сейчас союз бюрократического центра и части либеральной элиты. Не допустить сдвига основной бюрократической массы в сторону национал-популистов — сдвига, который сразу вызывает в памяти зловещую картину рукопожатия фельдмаршала фон Гинденбурга и «богемского ефрейтора» Гитлера.

Либералам, демократам никогда не нужны великие потрясения. Потрясения — питательная среда авантюристов. Но если бы в 1989–1990 гг. демократы ограничились такими словами, они бы слукавили. Надо было сменить изжившую себя систему. Задача была — демонтировать ее мирным путем, с помощью эволюции, а не революции, но очевидно, что полностью избежать здесь потрясений было невозможно в принципе. Теперь — иное. При всех недостатках, при всех тенденциях к застою и разложению новая система в принципе жизнеспособна, она дает стране возможность развиваться. Мы действительно против любых острых потрясений, действительно за плавную эволюцию при сохранении стабильности. Это не просто лозунг, это точная констатация.

Аполитичность, о которой часто говорят, — это тоже политическая позиция: люди не хотят новых резких движений. Истерика надоела всем, митинги людей не собирают, кликушества на тему «гибели страны» приелись. В принципе свой шанс экстремисты упустили в 1992–1993 гг., победа (относительная) 12 декабря 1993 г. реально может стать их последней победой.

Объективных причин для победы экстремистов нет, как нет объективных причин для нового экономического и социального обвала. Вот это главное мы и должны объяснить избирателю. Довести до избирателя элементарную мысль: самое трудное — позади.

Сегодня от нас зависит, будут наши терпение и жертвы оправданы начинающимся подъемом или перечеркнуты новым обвалом. Время разбрасывать камни мы прошли, сейчас для России объективно настала пора собирать камни, снимать урожай с того, что с таким трудом удалось посеять в 1992 г. Не будем вытаптывать то, что сами посеяли!

Средства, накопленные в торговле, в финансовых спекуляциях, в сырьевых отраслях, если инфляция прекращается, начинают перетекать в производство. Чуть-чуть «подруливать» этим процессом — естественный, органический подъем начнется.

В социальной сфере после периода обнищания начнется консолидация, кристаллизация нового среднего класса. Вот это будут настоящие «новые русские», которые нашли себя не в коммерческом бандитизме, а в работе в условиях рынка. И только поднимающееся общество сможет реально помочь беднякам, тем, кто сам встать с колен уже не может.

В национально-государственном строительстве сегодня нужно лишь одно — избегать авантюр, резких движений. Россия будет прочно собираться вокруг магнита рынка, экономического подъема. Никакие силовые методы ничего не дали для сохранения целостности Грузии и Таджикистана, Молдавии, хотя крови было пролито немало. Теперь война пришла к нам — и много ли эти десятки тысяч убитых помогли России? Не на крови строится единство страны, а на законе, уважении равенства и достоинства нации и, главное, на стабильности, экономическом интересе. Добьемся этого — тогда твердо обеспечим единство России.

Вот такие элементарные, идущие от простого здравого смысла идеи (даже не «лозунги») мы будем ставить в центр своей избирательной кампании.

Это, несомненно, патриотическая позиция, позиция нормального, честного патриотизма — забота о своем будущем в своей стране. Конечно, это полностью противоположно тому «патриотизму», который негодяи используют как свое прикрытие.

Я очень надеюсь здесь на конструктивное сотрудничество со всеми разумными политиками, заинтересованными в сохранении гражданского мира в России, а значит — демократии и рынка.

Работа над ошибками

С интересом прочитал опубликованную в вашей газете 29 апреля 1995 г. статью А. Белоусова, Е. Абрамова и А. Клепча «Шесть ошибок г-на Гайдара»¹. Она вносит немало нового в современную экономическую теорию. Квинтэссенция ее — нестандартный тезис, в соответствии с которым «в Польше, которая служит витриной успехов «шокотерапии», денежная политика была значительно мягче, чем в России. Отношение М2 к ВВП (в годовом исчислении) в Польше в период либерализации цен и финансовой стабилизации (конец 1989 — начало 1992 г.) снизилось с 33 до 27–29%. В России с конца 1991 г. до начала 1994 г. (период, включающий два этапа “жесткой политики”) этот показатель упал с 58 до 12%».

Именно это открытие служит методологической основой дальнейших рассуждений авторов об отсутствии жесткой связи между динамикой денежной массы и ростом цен. Прочитав процитированный выше пассаж, сначала отнес его на счет газетной неточности. Однако, посмотрев свежую публикацию одного из авторов заметки в сугубо профессиональном журнале «Вопросы экономики»², убедился, что это не описка. Авторы действительно уверены, что падение доли денег в валовом внутреннем продукте является свидетельством жесткости денежной политики, а ее рост — признаком финансовой мягкости.

Посмотрим, как этот критерий накладывается на опыт других стран в том же 1993 г. Выясняется, что вопреки расхожему мнению денежная политика в Украине была более жесткой, чем в России. Здесь доля М2 в валовом внутреннем продукте составила лишь 6,5%³.

Видимо, монетаристы крепко окопались в Киеве. Но уже в югославском социалистическом правительстве в 1993 г. монетаристы, очевидно, возобладали полностью. К декабрю, в разгар

Опубликовано в: Деловой мир. 1995. 12 мая.

¹ См.: Белоусов А., Абрамов Е., Клепач А. Шесть ошибок г-на Гайдара // Деловой мир. 1995. 29 апр.

² Вопросы экономики. 1995. № 3. С. 62.

³ Ukrainian Economic Trends, European Centre for Macroeconomic Analysis of Ukraine, 6. Money and Credit. P. 38.

гиперинфляции, доля денежной массы в валовом внутреннем продукте составляла здесь менее 1%¹. Зато по этому критерию мягкой, податливой оказывается финансовая политика, проводившаяся в Чешской Республике явно незаслуженно получившим репутацию жесткого монетариста чешским премьером Вацлавом Клаусом. Здесь доля M2 в ВВП в 1993 г. составляла целых 66%².

Ну, а как же отреагировала сама инфляция на столь разную финансовую политику? И здесь неожиданности. Там, где денежная политика, по определению уважаемых авторов, была самой жесткой, — полный развал денежного обращения. Скажем, в Югославии только в декабре 1993 г. цены выросли на 283 833%, а в январе 1994 г. — еще на 310 млн %. В Украине, балансировавшей на грани гиперинфляции, потребительские цены увеличились на 10 155%. В России, где, напомним, по определению авторов, денежная политика была более мягкой, чем в Украине, цены выросли всего на 841%. В Польше инфляция составила 34%. И наконец, в Чехии рост потребительских цен не превысил 20%.

Вот так новость! Оказывается, найден простейший способ борьбы с инфляцией: проводи как можно более мягкую денежную политику, вволю финансируй дефицит бюджета, и инфляция стремительно пойдет вниз. Тут впору не статьи в газету писать, а скорее оформлять документы для представления к Нобелевской премии по экономике.

И все же не советовал бы уважаемым авторам слишком торопиться с заявкой. Иногда полезно посмотреть, а что по вопросу, о котором судишь, сказали до тебя? В данном случае я не буду отсылать авторов к классической работе П. Кейгена по динамике спроса на деньги в условиях высокой инфляции³ или к знаменитой работе А. Юровского, посвященной анализу сходных проблем на отечественном материале⁴.

¹ См.: Ростовски Я. Гиперинфляция и стабилизация в Югославии в 1992–1994 гг. // Вопросы экономики. 1995. № 8. С. 107–123.

² Poland, the Path to a Market Economy. International Monetary Fund. Washington DC, October 1994. P. 29.

³ Cagan P. The Monetary Dynamics of Hyperinflation, in Studies in the Quantity of Money/Ed M. Fridman. Chicago: Chicago University Press, 1956.

⁴ См.: Юровский Л. Денежная политика Советской власти, 1917–1927. М., 1928.

Это излишне. Недоразумение, к сожалению, носит не научный, а учебный характер. Поэтому для того чтобы разобраться в его истоках, вполне достаточно познакомиться со стандартным учебником экономики.

Авторы явно смешали два существенно различных параметра — динамику номинальной и реальной денежной массы. Как известно, реальная денежная масса — это отношение номинальной денежной массы к уровню цен. В рыночной экономике правительство, Центральный банк не имеют возможности прямо и непосредственно определять объем реальной денежной массы. Она всегда есть результат реакции хозяйственных субъектов на проводимую денежную политику. Именно поэтому жесткость проводимой политики бессмысленно мерить динамикой реальной денежной массы или долей денег в валовом внутреннем продукте.

Центральные банки, правительства, предоставляя и принимая эмиссионные кредиты, создавая дополнительные денежные активы, могут прямо и непосредственно определять темпы изменения номинальных денежных параметров. Если мы посмотрим на них, то выяснится, что все парадоксы, приведенные выше, — иллюзия.

Темпы роста денежной массы в 1993 г. были самыми высокими в гиперинфляционной Югославии, а самыми низкими — в стабильной Чехии. В Украине они были выше, чем в России, а в России выше, чем в Польше. Именно эту последовательность отражала динамика потребительских цен. Так что Вацлаву Клаусу явно не светит звание борца за инфляционную поддержку производства, а югославскому правительству образца 1993 г. — регалии жестких монетаристов.

Что же на деле характеризует тот параметр, который стал предметом неудачных построений уважаемых авторов — долю денег в валовом внутреннем продукте? А это и есть реальный спрос на деньги, который, как известно хорошо учащимся студентам, фигурирует в основном уравнении экономической теории инфляции и является величиной, обратной скорости денежного обращения:

$$\text{Уровень цен} = \frac{\text{Номинальная денежная масса}}{\text{Реальный спрос на деньги}}^1$$

¹ См.: Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика/Пер. со 2-го англ. изд. М.: Дело Лтд, 1995. С. 636.

По вопросу об устойчивости этого параметра, факторов, которые на него влияют, в последние четыре десятилетия написано множество работ толстых и тонких, высокопрофессиональных и тривиальных. Пожалуй, нет другого экономического явления, ставшего предметом столь интенсивного изучения и серьезной дискуссии.

При всех разногласиях к настоящему времени многие закономерности здесь надежно выявлены, вошли в учебный материал.

В частности, это относится и к тому факту, что скорость обращения денег, как правило, высока в странах с высокой инфляцией и низка в странах с низкой инфляцией.

Корни этой закономерности понятны. Инфляция порождает специфический налог — потери, которые несут владельцы денег, обесценивающихся с ростом уровня цен. Отсюда при высокой инфляции начинается бегство от денег, стремление минимизировать денежные активы, защитить их от обесценивания. Именно поэтому доля денег в валовом внутреннем продукте экстремально мала в период гиперинфляции (в 1990–1993 гг. реальная стоимость денежной массы в СФРЮ сократилась с 4 млрд до 40 млн долл.) и растет в условиях финансовой стабилизации.

Так что ничего удивительного во вскрытых авторами различиях в скорости обращения денег нет. Она потому и была в 1993 г. в России выше, чем в Польше, что в нашей стране денежная масса за этот год выросла в 5,2 раза, а в Польше лишь на 31,8%¹. Напротив, было бы странно, если бы высокие темпы роста номинальной денежной массы в российской экономике не снижали спрос на деньги.

При экстремально высокой инфляции правительство нередко попадает в опасную ловушку. Оно видит, как на глазах снижается реальная денежная масса, и пытается подстегнуть спрос новыми денежными вливаниями. В результате оно лишь усиливает бегство от национальных денег, стимулирует рост цен, еще больше сжимает долю денег в валовом внутреннем продукте.

При нашей встрече председатель Центрального банка Югославии г-н Аврамович — архитектор югославской стабилизационной программы, остановившей в 1994 г. гиперинфляцию, рассказывал

¹ International Financial Statistics // International Monetary Fund. March 1995. P. 64.

мне, как лишь на фоне безумной гонки цен декабря 1993 г. удалось убедить в губительности такой практики югославское руководство.

Гораздо безопаснее для страны, когда о подобных закономерностях политические лидеры и их советники узнают из учебника, а не постигают их ценой финансовой разрухи, паралича денежного обращения и глубокого общеэкономического кризиса.

Именно поэтому советовал бы уважаемым авторам, прежде чем дальше развивать собственные оригинальные денежные теории, внимательно почитать главу 34 учебника С. Фишера, Р. Дорнбуша и Р. Шмалензи и решить содержащиеся в ней на странице 652 задачи¹.

Надеюсь, что это предохранит их от столь детских ошибок. После этого можно будет продолжать профессиональный разговор.

С уважением, Е. Гайдар.

Россия XXI в.: не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии

Один из распространенных упреков в адрес «Выбора России», других демократических партий состоит в том, что у нас нет внешнеполитической концепции или, точнее, нет концепции национальных интересов России в мире. Упрек справедлив лишь в одном: мы действительно внятно не излагаем эту концепцию.

ОБОРОННОЕ СОЗНАНИЕ

Внешнеполитические, геополитические концепции не бывают самоценными. Они всегда производны от общей политической философии, общей картины видения мира. В сущности, в русской истории доминировала реально всегда одна внешнеполитическая концепция — имперская. Ее очень точно сформулировал бывший министр иностранных дел СССР Молотов: «Хорошо, что русские цари навоевали нам столько земли. И нам теперь легче с капитализмом бороться». Здесь показана и четкая преемственность между царем и теми,

Опубликовано в: Известия. 1995. 18 мая.

¹ См.: Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. С. 652.

кто его убил, — преемственность политического мышления. Максимальное расширение границ империи — с какой целью? «С капитализмом бороться». Но этого классово-идеологического оправдания, разумеется, не было у царей, душевное родство с которыми демонстрирует Молотов. Однако родство, общий менталитет имели место:

Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.

Имперское, экспансионистское мышление, конечно, не составляло какой-то особенности России. На определенных этапах (и очень длительных) оно было характерно для всех «великих государств», для всех империй — от Римской до Британской.

Как раз в 1914 г., когда Ленин писал о триумфе в мировом масштабе империалистической политики, империалистической психологии, эта политика, эта психология пришли к краху. Традиционная имперская психология великих государств привела их к грани гибели в бессмысленной мировой бойне. Эта война, эта пиррова победа сломали имперскую политику демократических государств — США, Англии, Франции. Разгром 1945 г. сломал самую «крутую» в новой истории, великодержавную, имперскую политическую психологию — германскую. Тогда же была подведена и принципиальная черта под крупными войнами — с появлением термоядерного оружия стало очевидно: на «большую войну» отныне наложено табу, если человечество не хочет покончить с собой.

СССР остался — благодаря нашему непреодоленному тоталитарному устройству — после 1945 г. последней империей, последним великим государством, политическая философия лидеров которого осталась вся в XIX и более ранних веках. И как бы ни было обидно, но приходится признать: Запад боялся нас, бедных, агрессивных, закрытых, с полным основанием. Если можно говорить о великих исторических заслугах Горбачева, то они в том, что он сумел сделать интеллектуальный скачок. В условиях проигранной Советским Союзом «холодной войны» он смог отказаться от химер и галлюцинаций имперского мышления.

Аксиома этого мышления не только в том, что «большая война» абсолютно невозможна, но и в том, что она абсолютно не нужна.

Не только нет целей, за которые стоило бы уплатить такую цену (цену жизни собственного народа!), но и вообще нет разумных целей у войны с точки зрения демократического политика и государства.

Война означает:

- а) конвульсивное сжатие политической демократии;
- б) конвульсивное расширение государственного регулирования экономики.

И то, и другое разрушает саму ткань гражданского общества. Если цель — «назло надменному соседу» расширять территории и укреплять личную (или олигархическую) диктатуру внутри страны, то война в принципе вполне осмысленна, надо лишь считать, по силам ли она режиму. Если же цель политики — сохранять демократические свободы и повышать уровень жизни населения, то любая война (в том числе победоносная) есть война против этой политики. Словом, в классическое определение надо внести дополнение. Война есть продолжение, логическое развитие имперской политики иными средствами, и война есть гарантированное разрушение, уничтожение демократической политики неадекватными для нее средствами.

В принципе с этим сегодня согласятся многие. Сделать выводы до конца захотят немногие.

СТРАХ ПЕРЕД ЗАПАДОМ БЕССМЫСЛЕН

Демократический Запад боится России, боится и по традиции, и потому, что у нас действительно неустоявшаяся демократия. Но России нет никаких причин бояться — по крайней мере, в военном отношении — Запада. Если у нас возник бы опять тоталитарный строй, то мы бы действительно представляли для них опасность. Но «они», США и Европа, для нас военной опасности не представляют в принципе, потому что они ради удовольствия напасть на нас не захотят уничтожить свою демократию, уничтожить весь свой образ жизни и менталитет.

Здесь есть определенная психологическая ловушка, идущая от давних традиций. Вот два вопроса. Первый: можем ли мы спокойно смотреть, как НАТО расширяется до наших границ? Можем ли

мы так же равнодушно — или даже поощрительно! — смотреть на усиление американской военной мощи, как это делают Германия, Япония и др.? Ответ огромного большинства наших граждан — более или менее энергичное «Нет!». А наши уважаемые оппоненты просто радостно вскричат: а, сбросили наконец-то маску, г-н Гайдар и К°, агенты влияния! Очень хорошо. Тогда зададим второй вопрос: могут на нас напасть с Запада, напасть США, Европа? Ответ, надеюсь, не менее дружный и энергичный: «Конечно, нет!» Но нет ли между двумя этими «нет» противоречия?

Разумеется, оно есть. Его легко признать интеллектуально, но не эмоционально. Однако признать все равно придется.

У демократических стран есть экономические интересы, есть экономическое соревнование. США проиграли его Японии во многом потому, что Япония избавила себя от бремени непосильных военных расходов. Так поступила гордая самурайская Страна восходящего солнца, населенная народом, никак не менее патриотичным, чем мы. Мы — помимо прочих причин — проиграли и продолжаем проигрывать это экономическое соревнование именно потому, что тащили и тащим непосильное бремя военных расходов. Причем самое интересное и печальное состоит в том, что этот ракетно-ядерный щит является дырявым решетом, когда речь идет о национальных интересах страны. Сгибаясь под безмерной тяжестью этого щита, СССР (а затем и Россия) «благополучно» превратился в сырьевой придаток «потенциального противника». «Империалисты нападут на нас, чтобы превратить в свою сырьевую базу!» — кричат товарищи профессиональные патриоты. Но это нападение — с чековыми книжками наперевес — давным-давно, десятилетия назад, уже произошло, цель вполне успешно достигается в тени грозных ракет.

Выкачивать нефть и газ ради того, чтобы тратить на гонку вооружений, под предлогом... защиты от разрушительного влияния западных монополий? Если есть более абсурдная политика, то представить ее во всяком случае нелегко. Разумная политика ясна: вкладывать деньги (в том числе и полученные от экспорта сырья) не в топку военного паровоза, который ездит по кругу, а в развитие инфраструктуры, которая могла бы обеспечить стране быстрый экономический рост, дала бы возможность успешно конкурировать с западными странами на единственно реальном экономическом, мирном поле. Чтобы признать это и начать

соответственно действовать, надо сделать свое политическое сознание действительно открытым, рациональным, надо вылечиться от паранойи «оборонного сознания». От экспансии демократических стран надо «обороняться» только в одной понятной им сфере — экономической.

Конечно, все это легко признать «в общем». Куда тяжелее практические выводы. Вот некоторые: нет никаких причин рассматривать усиление НАТО как угрозу интересам России. Напротив, Россия имеет все основания наладить тесные, союзнические отношения с НАТО. Нам жизненно необходимы хорошие отношения с Японией. И ради них необходимо восстановить справедливость — сделать в двусторонних отношениях то, что СССР пообещал еще добрых 40 лет назад.

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКА

Той же меркой, какой мы мерили свои отношения с Западом, будем мерить и отношения с Востоком. Только здесь все разворачивается наоборот: в принципе у нас есть основания бояться бедных, демократических стран, по сравнению с которыми мы и богаче, и более открыты, предсказуемы. Есть определенные причины бояться того самого «Юга», на который когда-то — в последний раз — хотел броситься один известный своим либерализмом демократ.

«Бросаться» нам туда невозможно, незачем. Наша главная задача — помогать там упрочению не опасных для нас, открытых, стабильных, демократических режимов. Разумеется, речь не идет о навязывании кому-то модели демократии. Каждая страна сама выбирает свой строй. Но в стабильных и неагрессивных, по возможности успешно решающих свои проблемы на экономическом фронте государствах на Востоке и на Юге мы, конечно, кровно заинтересованы — примерно так же, как США и Европа заинтересованы в аналогичном развитии в нашей стране.

Здесь, кстати, мы можем и «самоопределиться». Наша реальная ситуация четко показывает: мы больше не являемся сверхдержавой, мировым коммунистическим жандармом. Но мы являемся и всегда будем оставаться великой региональной евразийской державой, — державой, от которой зависит стабильность всего Евразийского материка. Давайте теперь кратко пройдемся по нашим границам.

В 60–70-е гг. все в нашей стране были всерьез запуганы возможностью войны с Китаем. Этот страх получил очень сильное художественное воплощение в «Зеркале» Тарковского, о нем писал Солженицын. Страхи оказались преувеличенными, преждевременными, но едва ли беспочвенными. К сожалению, Солженицын ошибся — он считал тогда, что причина нашей конфронтации с Китаем идеологическая, спор вокруг цитат из Ленина и Сталина. Нет, причина куда серьезнее. У нас плотность населения на прилегающих к Китаю территориях раз в сто меньше, чем у китайцев. Население Китая в 8 раз превышает население России.

Все меры, которые принимает китайское руководство для ограничения рождаемости, не дают нужного эффекта. Мы всячески приветствуем экономические успехи Китая, заинтересованы в его демократизации, но должны отдавать себе отчет, что, к сожалению, Китай в ближайшие годы не станет стабильной, процветающей рыночной демократией. Мы своей слабостью, огромными, никак не освоенными территориями Дальнего Востока провоцируем угрозу. Не надо провоцировать. Надо резко усилить всю инфраструктуру, всю экономику Дальнего Востока, Сибири. Дальневосточный регион, по многим прогнозам, станет экономическим сердцем мира в XXI в. И здесь нам нужны союзники. Один из них — Япония. О том, какую цену надо платить за создание такого союза, я уже сказал. Полагаю, что с учетом реального значения хороших отношений с Японией для развития экономики Дальнего Востока это небольшая цена, конечно, если ставить перед собой долговременные государственные цели.

Далее. Необходимо и укрепить военный союз с Западом, и переключить наш потенциал сдерживания на Дальний Восток. Традиционно там всегда были сосредоточены достаточные военные ресурсы. Вот их и необходимо поддерживать на должном уровне как бы тяжело ни было.

Теперь — Юг. Я считаю просто провокационными разговоры о «мусульманской угрозе», об «исламской угрозе» России. Это относится и к странам дальнего зарубежья, и тем более к странам СНГ. Нет религий и наций «плохих», «непримиримых». Тот, кто утверждает обратное, или недоучка, или провокатор. На Ближнем Востоке есть самые разные режимы, в том числе стабильные, экономически успешные. Разумеется, в большинстве из них нет и не будет

в обозримом будущем демократии в западном понимании. Но «экспорта демократии» не бывает, во всяком случае не нам этим заниматься и вмешиваться в их внутривнутриполитические дела. А вот развивать отношения с этими странами надо, хотя здесь, конечно, вполне возможны конфликты интересов с нашими западными партнерами, в том числе с США. Но кто сказал, что наша дипломатия должна сводиться к одной фразе — «Чего изволите?». Стратегическое партнерство с США — и вполне возможная тактическая конкуренция в целом ряде зон влияния, конкуренция в той мере, в какой у нас для нее сегодня есть силы. Больше того. Здесь надо излечиться от еще одной иллюзии. Иллюзия же эта заключается в следующем: мол, пока мы соперники США, они с нами больше считаются, чем если бы мы были их союзниками, готовы идти на большие уступки, в том числе в торговых вопросах. Нет ничего более странного, чем такое мнение, которое иногда высказывают — особенно в кулуарах — наши «стратеги». Так вот. Если бы США поверили в то, что мы действительно надежные их стратегические союзники, единственные из всех их союзников с такой военной мощью, с таким геостратегическим положением, поистине ключевым для современного мира, то в этом случае, конечно, они бы делали все возможное, чтобы оберегать наш союз с ними, чтобы этот союз был для нас выгоден. Американцы умеют враждовать, это показала «холодная война», но они умеют и дружить — это показала Вторая мировая война, да и современная политика. Скажем, при введении санкций против Ливии США долго и бережно утрясали все детали со своими союзниками, например с Францией. А вот затронут ли эти санкции интересы России, их почему-то интересовало куда меньше.

Итак. У нас нет никаких — ни идеологических, ни геополитических — противопоказаний к прочному военно-политическому союзу с крупными демократическими странами. Этот союз выгоден нам в военном, экономическом, геополитическом плане. Он мог бы быть одним из важных залогов прочности всей сложившейся в посткоммунистическом мире системы отношений. Система таких союзов демократических стран явилась бы и хорошей опорой для ООН, и одним из элементов коллективной безопасности против международного терроризма, против нестабильных и тоталитарных режимов. В рамках подобных союзов можно реализовывать и крупные стратегические программы, которые не по силам отдельным странам.

Таковыми видятся мне приоритеты нашей внешней политики на обозримое будущее. Здесь нужно действительно закончить переход к новому мышлению с новой системой приоритетов. Внешняя политика должна стать элементом не имперской, а демократической политики, инструментом поддержания демократического общества в нашей стране.

Экономика России: анализ и краткосрочный прогноз

Краткосрочное прогнозирование экономических процессов в России является задачей достаточно легкой и не требующей высокой квалификации. Когда в апреле 1994 г. правительство под напором коммунистов и аграриев дрогнуло и пошло на резкое увеличение бюджетных доходов (бумажных, разумеется), оно тем самым сделало неизбежным примерно двухкратное увеличение темпов роста денежной массы по сравнению с периодом октября 1993 — марта 1994 г. и задало всплеск инфляции осенью 1994 г. Еще летом того же года под влиянием инерционных факторов процентная ставка шла вниз, снижалась инфляция, был стабильно прогнозируем валютный курс, росла доля сбережений в располагаемых доходах населения и росла доля кредитов, т. е. проявлялись все те характерные позитивные процессы, которые служат базой стабилизации. Однако с июля—августа 1994 г. ситуация стала быстро меняться: резко подскочил спрос на валюту, начали сокращаться валютные резервы. С сентября прошлого года дестабилизировался валютный рынок, пошла вверх инфляция, с октября пришлось резко повышать процентную ставку, кредитная активность вновь была сосредоточена в основном на валютном рынке и рынке краткосрочных финансовых операций. Любые надежды на какое-то кредитование промышленности оказались в полной мере иллюзорными.

Тогда, в октябре 1994 г., Правительство России оказалось перед выбором: либо отказаться от проведения стабилизационной политики вовсе, поддаться растущему нажиму, войти в режим

Опубликовано в: Политична Думка. 1995. №2. Май.

хронически высоких темпов инфляции и тем самым подорвать какие бы то ни было политические перспективы для себя, либо существенно ужесточить проводимую политику, извлечь некоторые уроки из опыта компромиссов и колебаний предшествующих 2,5 лет, предложив программу, которая позволила бы в 1995 г. наконец серьезно продвинуться в денежной стабильности и соответственно к созданию предпосылок экономической стабилизации и роста.

Правительство, к счастью, сделало выбор в пользу второго варианта и предложило программу, не лишенную серьезных изъянов, но дающую надежду на достижение стабильности. Сутью программы было сокращение дефицита бюджета (правда, не очень радикальное — примерно до величины около 7% в годовом исчислении) при прекращении кредитования этого дефицита за счет эмиссионных кредитов Центрального банка и покрытия его из двух источников: кредитов международных финансовых организаций и неэмиссионного кредитования за счет операций на рынке государственных ценных бумаг. Программа эта небесспорна, не лишена риска, но она давала некоторые шансы на успех.

Однако, к сожалению, удар по этой программе был нанесен еще до того, как она начала реализовываться. Это произошло в конце прошлого года, с началом военных действий в Чечне. Причем речь идет не только о прямом финансировании военных операций, хотя и это — само по себе — достаточно ощутимо для экономики. Декабрь (начало военных действий в Чечне) резко подстегнул инфляционные ожидания: когда страна воюет, естественно, повышается спрос на доллары. Совершенно справедливо предполагают, что раньше или позже придется платить по имущественным счетам и, естественно, закладывают в свое поведение оценки предстоящей инфляции.

Мы проводим исследования инфляционных ожиданий предприятий. Опросы показали, что в период ноября—декабря 1994 г. прирост инфляционных ожиданий был рекордным за весь период наблюдения. Инфляционные ожидания оставались очень высокими и в январе текущего года, хотя сама по себе инфляция в декабре 1994 г. и в январе нынешнего еще тесно была связана с последствиями весенне-летней «денежной накачки». Она находилась на уровне 17% в месяц, и в ней явно сказалось влияние инфляционных ожиданий, что оказало серьезное воздействие на ситуацию

на валютном рынке. Ежегодно в декабре месяце в России, как правило, растет предложение валюты в связи с «закрытием» балансов в банках. Между тем в декабре 1994 г. почти не наблюдался рост предложения валюты. А с начала 1995 г. пошла лавина ажиотажного спроса на валютном рынке и, следовательно, резко снизились валютные резервы.

В этой ситуации чисто экономически было бы разумно провести девальвацию, снизить курс рубля по отношению к доллару, по крайней мере, на 15%. Ведь помимо всего прочего в период стабилизации мы входили с завышенным курсом рубля по отношению к доллару. Но, во-первых, валютные резервы были слишком ограничены и существовал риск того, что девальвация повлияет на дальнейший ажиотажный спрос на валюту; во-вторых, существовал риск чисто политический (в январе девальвация неизбежно означала бы отставку нынешнего правительства и похороны всей стабилизационной программы). Поэтому пришлось проводить предельно сдержанную политику постепенного повышения курса доллара по отношению к рублю, маневрируя валютными резервами, а также предельно повысить процентную ставку — как учетную ставку Центрального банка, так и норму доходности по государственным казначейским обязательствам (ГКО). Вместе с тем реакцией на войну было и сокращение спроса на ГКО.

Было нанесено несколько ударов по бюджету и по всей макроэкономической программе. Первое — сокращение возможности стабилизации за счет увеличения доходов ГКО; второе — выросли расходы на обслуживание долгов, связанных с ГКО; третье — появились дополнительные расходы на чеченской войне. И наконец, четвертое — развитие чеченских событий не могло не привести к отсрочке практической реализации соглашений с Международным валютным фондом. Если Правительство России рассчитывало, что деньги от МВФ реально пойдут со второй половины января, то, конечно, для всех было ясно, что Международный валютный фонд по меньшей мере существенно отложит срок заключения соглашений до того времени, пока ситуация немного прояснится. Это означало, что в первом квартале мы должны были бы начать осуществление жесткой стабилизационной программы, пытаюсь прекратить кредитование бюджета из Центрального банка, у нас должно было бы снизиться финансирование в связи с ВПО и — параллельно — возрасти

расходы по финансированию долга в связи с повышением процентных ставок, учитывая, что кредиты МВФ не приходят вовремя.

В этот момент правительство оказалось перед очень неприятным выбором: либо сдаться, соответственно расширив ассигнования, вновь пойти на эмиссионные кредитования со стороны ЦБ и, значит, полностью похоронить идею программы, похоронив одновременно соглашения с МВФ, а также и бюджет на 1995 г., т. е. забыть все свои надежды на стабилизацию, либо попытаться решить эти проблемы за счет очень жесткой политики финансирования, практически компенсировав весь этот комплекс расходов, снизив, разумеется, ассигнования по всем направлениям, включая социальную сферу, и т. д. Но если первое решение, на мой взгляд, было просто катастрофичным, то второе лишь отчасти рискованным. Правительство в целом объединилось в пользу второго решения. Это позволило сохранить надежды на благоприятное развитие событий и в течение января — марта этого года радикально переломить ситуацию.

Я являюсь оптимистом в оценке шансов на успех стабилизационной программы правительства на 1995 г. Во-первых, с января по апрель у нас был примерно нулевой рост денежной базы. Недавно ситуация резко изменилась: в январе денежная база резко сокращалась в связи с ростом спроса на валюту, в феврале — марте (тоже в основном в связи с развитием событий на валютном рынке) — росла. Однако в целом, по нашим пока предварительным данным, рост денежной базы и денежной массы за период с 1 января по 1 апреля 1995 г. был очень близким к нулю. Это значит, что на смену ужесточению денежной политики октября — декабря прошлого года, когда темпы роста денежной массы снизились до 6% в среднем ежемесячном исчислении, пришел период очень жесткой денежной рестрикции с нулевыми темпами роста денежной массы с января по апрель. Отсюда совершенно неизбежный перелом ситуации на нескольких видах рынка, из которых, как всегда, первым отреагировал рынок валют. С февраля начинается рост предложения валюты, с февраля — восстановление валютных резервов, что существенно расширяет свободу маневра для правительства. Темпы инфляции снижаются медленно — медленнее, чем могли бы, учитывая высокие инфляционные ожидания. Они составляют около 17% в январе, падают до 11% в феврале и примерно 9% в марте. Иначе

говоря, инфляция в этом году устойчиво идет на убыль и совершенно очевидно, что будет идти на убыль и в дальнейшем.

До середины марта (этого года) рынок в целом не «осознавал», что стабилизация в России — это реальная перспектива. Осознание это очень заметно по рынку валютных фьючерсов, который полностью был ориентирован на ожидание падения курса рубля, примерно такое же до конца года, как оно происходило в первые месяцы. Уже в конце февраля — марте падение курса рубля во многом было искусственным. Центральный банк как бы проводил ползучую девальвацию, чтобы стабилизационные процессы не начались при завышенном курсе рубля по отношению к доллару. И именно поэтому в феврале падение рубля по отношению к доллару составляло 11%, а в марте — чуть меньше 10%. Средняя заработная плата в долларовом исчислении сознательно была снижена до величины около 80 долл. в месяц. Еще на исходе февраля рынок ожидал курса примерно 7,5 тыс. за доллар США к концу августа и 9 тыс. — к концу года. Только с середины марта рынок отреагировал на грядущее радикальное изменение основных тенденций. Началось лавинообразное снижение фьючерсов на валюту; они падали примерно на 500 пунктов в месяц в течение недели. У правительства сейчас есть выбор вариантов в области валютной политики, политики обменного курса и политики процентной ставки. Запрограммировано резкое падение темпов обесценивания рубля начиная с мая, резкое падение темпов процентной ставки по государственным казначейским обязательствам, чуть отстающее от падения темпов обесценивания рубля. Отсюда возникает некая свобода маневра для правительства и достаточно простой выбор — это выбор между более быстрым снижением темпов инфляции и более стабильной ситуацией с платежным балансом и положением экспортеров.

В целом для Правительства России сейчас в полной мере открыта (особенно учитывая, что со второй половины апреля придут кредиты Международного валютного фонда и соответственно возникают проблемы их размещения на валютном рынке) возможность в конце апреля — начале мая с. г. de facto зафиксировать курс рубля по отношению к доллару. Разумеется, не объявляя об этом. (Наш рынок очень болезненно реагирует на всякие объявления о фиксированных курсах.) Речь идет о том, чтобы реально остановить рост этого курса, маневрируя резервами Центрального банка и покрывая

ими разницу спроса и предложения. В этом сценарии мы, конечно, получили бы более быстрое торможение инфляции, ибо снимаем инфляционную инерцию и быстрее снижаем инфляционные ожидания. В этом случае можно было бы в целом рассчитывать на то, что инфляция с июня–июля 1995 г. вряд ли превысит 3% в месяц в среднемесечном исчислении.

Можно использовать более мягкий режим, при котором рубль будет обесцениваться равномерно на заданный процент в месяц, причем обесценивание его по отношению к доллару будет несколько отставать от темпов инфляции. Скажем, с начала мая мы зададим траекторию, в рамках которой курс рубля по отношению к доллару равномерно падает на 2% в месяц на протяжении последующих месяцев до конца нынешнего года. Это означало бы и более мягкий режим для экспортеров. В долгосрочной перспективе этот вариант гарантирует большую устойчивость развития, особенно если принять во внимание мексиканские события¹ и извлечь из них уроки. Разумеется, это будет сдерживать темпы дефляции. Но все равно продолжающееся падение курса рубля приведет к тому, что темпы инфляции будут чуть выше, чем они могли бы быть при фиксированном курсе или при повышающемся курсе рубля по отношению к доллару.

Можно было бы в наиболее жестком режиме задать и стратегию последовательной ревальвации рубля, примерно 1% в течение месяца. Но в целом очевидно, что в рамках тех альтернатив, которые я назвал (они ведь очень ограниченные), это означает (в любом варианте) низкие темпы изменения курса рубля по отношению к доллару. Это влечет соответственно утрату привлекательности валютных спекуляций и операций на валютном рынке, а также совершенно неизбежно приводит к росту привлекательности ГКО и падению процентной ставки по ГКО, росту котировок ГКО. Учетную ставку Центрального банка так или иначе придется снижать.

¹ В конце 1994 — начале 1995 г. в Мексике обострился финансовый кризис, последовали многочисленные банкротства и как следствие быстрый рост безработицы. Был избран президент страны, прежний был вынужден удалиться в изгнание. Потребовалась финансовая помощь в размере 50 млрд долл. от МВФ, а также США и других стран, чтобы реализовать программу выхода из кризиса, включавшую замораживание зарплат, сокращение государственных расходов и другие меры восстановления макроэкономической стабильности. — *Прим. ред.*

По моему мнению, в середине апреля с.г. она будет снижена, хотя и будет несколько отставать от темпов снижения рыночной процентной ставки. В целом, я считаю, есть надежда на то, что во второе полугодие 1995 г. Россия войдет с прогнозируемой динамикой курса, с устойчиво низкой инфляцией и с существенно сниженной процентной ставкой, тем самым открывая себе дорогу для благоприятных изменений в российской экономике, в том числе для постепенного перераспределения активности на кредитном рынке — для кредитования народного хозяйства.

В России идет длительная дискуссия о том, какова будет инфляция к концу 1995 г. Правительство записало в соответствующем меморандуме — 1% в конце текущего года. Многие говорят, что это невозможно. Я бы вообще отказался от обсуждения этого вопроса. Дело в том, что при инфляции (тем более ниже, чем 3% в месяц) существенную роль начинают играть инерционные факторы. Точно так же, как развитие событий, которое убедительно показало, что при высоких инфляциях (больше 100% в месяц) все разговоры про структурные факторы просто полная ерунда. Она (инфляция) вполне адекватно объясняется феноменами спроса и динамикой денежной массы. Точно так же ясно уже сегодня, что при инфляциях в диапазоне между 50 и 10%, условно говоря, игнорировать их нельзя. К тому же очень трудно прогнозировать динамику валютных резервов. А если трудно прогнозировать динамику валютных резервов, то совершенно неизбежно есть дополнительный элемент неопределенности в оценке динамики цен. Если нам удастся войти в режим, при котором темпы инфляции составят в среднем ежемесячном исчислении около 3% в месяц, этого будет вполне достаточно для радикального изменения в поведении хозяйственных агентов, в отношении рынков, изменения перспективы в российской экономике, в перераспределении приоритетов в системе кредитования и т.д., и т.п. Это в общем тот фон, который, как показывает опыт, позволяет надеяться на начало промышленного подъема, по крайней мере, по многим отраслям народного хозяйства!

В ближайшие три месяца нынешнего года падение производства, скорее всего, будет продолжаться. Более того, этот процесс даже может ускориться на фоне неизбежного повышения реальной процентной ставки в апреле, мае, июне при дезинфляции.

Но это не страшно, поскольку уже сейчас стали обозначаться отрасли растущие. В первую очередь это, конечно, экспортные отрасли — черная металлургия, цветная металлургия, химия, целый ряд отраслей машиностроения и др. Пока еще продолжается падение в легкой, пищевой, лесной промышленности, в некоторых отраслях машиностроения. Но в целом есть надежда на то, что если финансовые условия будут созданы, то со второго полугодия (особенно с конца нынешнего года) промышленное производство может стабилизироваться и даже начать расти, особенно по отдельным отраслям.

Буквально несколько слов о структурных реформах. В России очень затянулся переход от предшествующего ваучерного этапа приватизации к приватизации денежной. В значительной степени здесь сказались чисто кадровые просчеты: было очень неудачным решение о назначении нового председателя Госкомимущества. Назначили человека, который, вместо того чтобы проводить приватизацию, решил проводить ренационализацию. Это, конечно, вызвало некоторый хаос в работе самого Госкомимущества и парализовало его примерно на полгода. Между тем, надо сказать, переход от ваучерной приватизации — это не некий плавный процесс без стыков. Это совершенно радикальное переструктурирование деятельности, это огромное изменение в характере работы, это огромная организационная задача, которую решать почти так же трудно, как осуществлять первый этап ваучерной приватизации. Сейчас, мне кажется, ГКИ наконец вышел из этого периода разброда и шатаний после господина Поливанова¹. Есть надежда, что где-то с апреля — мая процесс денежной приватизации в России пойдет намного динамичнее, чем в предшествующие 3 месяца.

Ключевая проблема в области отношений собственности, которая уже становится явной, — это, пожалуй, даже не сама приватизация, а обеспечение гарантий собственников. Характерная борьба

¹ *Поливанов Владимир Павлович* — государственный деятель, геолог по образованию. 15 ноября 1994 г. назначен на должность заместителя председателя Правительства РФ — председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом, но уже через несколько месяцев был снят с этих должностей, поскольку его деятельность противоречила политике экономических реформ. Работал в администрации президента Ельцина, в дальнейшем — в коммерческих организациях золотодобывающей промышленности. — *Прим. ред.*

сегодня — это борьба между собственником и директором завода, когда директор завода склонен не пускать собственников на порог предприятия и желает вычеркнуть их из реестра акционеров. Эта борьба будет тяжелой. Здесь много зависит от того, в какой степени органы государственной власти смогут защитить права собственников. Без этого, разумеется, нет никаких надежд на наведение порядка в экономике. По нашему опыту я могу сказать, что на тех предприятиях, куда пришел эффективный собственник и установил свой контроль, начинают совершаться радикальные (и как бы для многих неожиданные) перемены. Именно там, например, начинают сразу выплачивать заработную плату, исчезают проблемы с неплатежами (уже просто потому, что перестают работать через фиктивные счета), именно туда, совершенно естественно, начинают приходить инвестиции. Это сегодня настолько очевидно в России, что становится ясным и то, насколько будущее российской экономики зависит от нашей способности эффективно и надежно защитить права собственника.

Хронически тяжелейшая наша проблема — это, разумеется, аграрная реформа. У нас эта сфера была провальной почти с самого начала, во всяком случае с весны 1992 г., когда господин Руцкой был назначен «главным реформатором» в сельском хозяйстве, и в полной мере — с начала 1993 г., когда эта сфера перешла под строгий, жесткий контроль Аграрной партии как в Москве, так и по всем регионам России. Сутью политики, которую они пытались проводить на протяжении последних двух с половиной лет, была концепция «не пустим рынок в деревню». Но если в целом страна постепенно начинает жить на рыночных основаниях, а один сектор пытается изолироваться от рынка, то наиболее страдающим как нетрудно догадаться, окажется именно этот самый сектор. Поэтому нет ничего более разорительного для нашей деревни, чем продолжение подобной политики.

Реальной, главной для российского села является проблема ликвидных оптовых рынков, своевременных платежей за свою продукцию. Преследовалась реальная, так сказать, цель — чтобы рынки закрыть и одновременно ограничить право вывоза, заставить продавать продукцию коммерческим структурам, созданным администрациями. Потом не заплатить вовремя. А тем временем «крутить» деньги в родственных коммерческих структурах. Короче говоря,

здесь возникает неприятная система с положительной обратной связью: аграрный кризис, крик о тяжелом положении деревни, убывание денег из государства, направление денег в коммерческие структуры, неплатежи коммерческих структур, крупные доходы коммерческих структур. Снова: крик в деревне, внедрение кризиса, убывание дополнительных средств из государства, которые идут в те же самые коммерческие структуры.

В определенном смысле, как я думаю, сегодня руководящие аграрии в России — это сила, которая больше всех заинтересована в том, чтобы в деревне был кризис, стоял крик о помощи, потому что в противном случае им нечего будет делить, нечего перераспределять. Возникнут большие проблемы их политической и хозяйственной значимости. В целом понятно, что необходимо делать. Но вместе с тем ясно, что любое продвижение вперед будет очень трудным. Поскольку именно эта политическая сила очень хорошо организована и в Государственной думе, и в местных областных собраниях. Она довольно успешно блокирует любые возможности реального продвижения вперед. Еще в прошлом году в Государственную думу был внесен проект вполне разумного, скажем так, «закона о земле», предполагающего регулируемую частную собственность на землю с правом залога. Но и этот законопроект пока нет никаких шансов провести через нашу Госдуму.

В важнейшей области — области законодательства — есть целый ряд и других вещей, стоящих на повестке дня, которые до сих пор остаются неурегулированными. Правда, есть некоторые надежды, что их удастся урегулировать до конца этого года. Первая серьезная проблема — отсутствие нормального законодательного урегулирования рынка ценных бумаг. Миллионы россиян, как известно, стали жертвами крупномасштабных операций на финансовом рынке «пирамидальных» структур, — тех структур, которые берут деньги для того, чтобы их никогда не отдавать. В значительной части российской рекламы была полностью исключена необходимая правдивая информация для населения.

Важные новации необходимо вносить в Уголовный кодекс. В России Уголовный кодекс до сих пор во многом не отражает рыночные реальности. В нем нет, в частности, ответственности за целый ряд наиболее характерных экономических преступлений. В первую очередь это проблема неплатежей. Проблема неплатежей (частично

она, конечно, связана с проблемой государственного бюджета и завышенных доходов госбюджета) — это проблема низкой финансовой ответственности и воровства, когда деньги по контрактам поступают не на счет предприятий, а на счет родственных коммерческих фирм. В связи с этим ужесточение ответственности за неплатежеспособность, за банкротство — это как раз единственное, что может переломить ситуацию с платежной дисциплиной. А у нас в Уголовном кодексе нет статей, которые есть фактически повсеместно, например статей об ответственности за ложные и фиктивные банкротства. Короче говоря, России нужна целая законодательная программа, суть которой очень простая — это всемерная защита прав собственника, потому что защита его прав не личное дело собственника, а в условиях экономики, зависимой от частных инвестиций, это защита экономических перспектив государства.

И все же, несмотря на все риски, на мой взгляд, шансы экономической стабилизации в России в 1995 г. остаются высокими. Есть надежда на то, что, пройдя длинный, трудный, слишком медленный и полный колебаний путь, российская экономика сможет в 1996–1997 гг. войти в стадию устойчивого экономического роста. Главный вопрос, который в связи с этим встает: не приведет ли развитие политического процесса к тому, что, как раз тогда, когда этот путь почти пройден, Россия еще раз попытается прыгнуть куда-то назад, туда, куда прыгнуть уже невозможно?

Правительство прошло по краю пропасти

За последние годы накоплен широкий и уникальный опыт жизни в самых разных постсоциалистических странах, и тем не менее до сих пор приходится слышать, что этот опыт нам по тем или иным причинам не подходит. На мой взгляд, если мы останемся на уровне научного знания, а не политического занудствования, отбрасывать

Опубликовано в: Деловые люди. 1995. №7. Июль.

Статья подготовлена редакцией журнала «Деловые люди» на основе выступления Е.Т. Гайдара на конференции «Реформы в России: установившиеся интересы и практические альтернативы». — *Прим. ред.*

опыт — и других стран, и собственный — нельзя. Только изучая его очень тщательно, очень детально, можно всерьез понять, что же может и чего не может происходить в постсоциалистических экономиках.

Прежде мне не раз приходилось доказывать, в том числе и на международных конференциях, что известные зависимости между денежной массой, инфляцией, валютным курсом и производством продукции так или иначе работают в постсоциалистических экономиках, в том числе в российской. Были споры, но в общем ответ на этот вопрос оказался позитивным. С тех пор Ричард Лэйард успел написать учебник по макроэкономике, где иллюстративный материал касался России, дискуссия из области научного обсуждения перешла в стадию штудирования литературы. Тем не менее в 1994 г. наше правительство попыталось еще раз проверить правильность этих построений на практике, когда с середины апреля резко ускорило темп роста денежной массы, что привело к новому витку инфляции.

К осени 1994 г., на мой взгляд, произошел очень важный поворот в сознании российской элиты, влияющей на процесс принятия экономических решений. Тот объем знаний, который студент обычно черпает из учебников, российское правительство получило ценой проб и ошибок, за которые оно заплатило довольно дорого. Получив наконец эти знания, деятели правительства стали приспосабливать к ним собственную политику.

К ноябрю 1994 г. правительству Черномырдина стало ясно, что есть всего две реальные альтернативы: либо продолжать политику колебаний, когда нет никаких экономических перспектив роста, и ждать, когда его отправят в отставку, либо попытаться встать на путь решительной антиинфляционной политики, которая, конечно, сложна, но дает все-таки шанс на экономический и политический успех. Правительство встало на второй путь, и это было правильное решение. Однако прошло уже достаточно много времени после либерализации цен. Существенно снизилась эффективность налоговой системы, что всегда происходит через два-три года после либерализации цен. Этот эффект хорошо известен, и данная проблема в общем разрешима, но на четвертом году либерализации гораздо труднее решать бюджетные вопросы, чем на первом-втором...

Таким образом, предложенная правительством программа на 1995 г. не кажется мне ни в коей мере гениальной,

но я нахожу, что она, по меньшей мере, не лишена здравого смысла и реалистичности.

ЕДВА НЕ ПОДОРВАЛИСЬ НА ЧЕЧЕНСКОЙ МИНЕ

К сожалению, эта программа оказалась под сильнейшей угрозой срыва почти сразу после начала ее реализации в декабре 1994 — январе 1995 г. Дело в том, что она, конечно, никак не была рассчитана на тот объем перегрузок, который был связан с начавшейся чеченской кампанией. Я имею в виду даже не только и не столько перегрузки непосредственно финансовые, сколько неблагоприятное влияние, оказанное этой войной на всю экономическую атмосферу, в том числе инфляционные ожидания.

Наш институт провел мониторинг инфляционных ожиданий предпринимателей. Опросы в декабре 1994 г. показали резкий рост инфляционных ожиданий, что, естественно, было связано с начавшейся чеченской кампанией. В январе инфляционные ожидания по-прежнему были на очень высоком уровне. Война уже на первом этапе радикально и неприятно изменила положение на валютном рынке.

Декабрь — традиционное время закрытия баланса и роста предложения валюты. Однако в прошлогоднем декабре предложение валюты было крайне слабым. На фоне продолжающихся военных действий в январе 1995-го резко подскочил спрос на валюту. Валютные резервы оказались истощенными до предельно низкой отметки. Отсюда вынужденное решение Центрального банка повысить процентную ставку и далее вынужденное решение правительства повысить доходность ГКО.

Ограниченная возможность привлечения ресурсов с этих рынков плюс очень высокая процентная ставка создали дополнительные финансовые проблемы. Программа предполагала, что правительство буквально с января получит международный кредит, но вследствие указанных причин переговоры затянулись.

Первые месяцы года — это рост расходов на чеченскую войну, рост процентной ставки, рост доходов по обслуживанию внутреннего долга, снижение возможности мобилизовать ресурсы на внутреннем финансовом рынке и отсутствие источников внешнего финансирования.

Казалось достаточно вероятным, что вся программа правительства будет моментально и полностью подорвана, что правительство будет вынуждено немедленно и в крупных масштабах прибегнуть к денежной эмиссии для финансирования внутренних расходов. Это практически полностью сняло бы шансы на предоставление внешнего кредита и свело бы к нулю надежды на финансовую стабилизацию.

ПЕРЕД ЖЕСТКИМ ВЫБОРОМ

Правительство оказалось перед очень жестким выбором — об одном варианте я уже сказал. Второй состоял в том, чтобы в этих условиях попытаться решать проблему за счет ужесточения политики государственных расходов: снизить расходы по социальному комплексу, да и практически по всем остальным комплексам народного хозяйства. Пойти на это, но ни в коем случае не восстанавливать полномасштабное инфляционное финансирование. Оба варианта были плохи, но первый, на мой взгляд, был катастрофичным, а второй — просто плохим.

Правительство встало на второй путь, и надо сказать, что это позволило ему при довольно высокой социальной цене, но в сжатые сроки переломить ситуацию и сделать ее значительно более обнадеживающей.

Что произошло? Во-первых, финансирование бюджета за счет кредита было предельно осторожным. Во-вторых, финансовые изменения на протяжении первого квартала находились под доминирующим влиянием происходящего на валютном рынке. Если в январе шло резкое сокращение реальной рублевой денежной массы, то в феврале—марте началось постепенное ее пополнение по мере восстановления бывших резервов Центрального банка.

В общей сложности, насколько я понимаю, денежная масса между 1 января и 1 апреля выросла на 3%, что означает всего 1% роста в месяц. Напомню, что это произошло после сравнительно умеренных темпов роста денежной массы в период октября—декабря.

В итоге радикально была переломлена ситуация на финансовом рынке, валютном рынке, во всех соответствующих областях.

Наиболее серьезной, по-видимому, была проблема стабилизации курса. Дело в том, что после «черного вторника» политика нашего правительства на валютном рынке была довольно жестко

ограничена. Политически невозможно было поднять рубль. Экономически разумно было бы пойти на 20%-ю девальвацию рубля, для того чтобы создать более благоприятные соотношения обменных курсов в русле стабилизации. Но это оказалось невозможно по причинам чисто политического характера: девальвация рубля практически означала бы смену правительства.

Поэтому правительство пошло, на мой взгляд, по очень разумному пути ползучей девальвации января—марта—начала апреля.

Весной более высокие по сравнению с темпами инфляции темпы обесценивания рубля были сознательной политикой ЦБ и правительства. Необходимо было снизить реальный курс рубля по отношению к доллару, снизить отношение российских цен к американским, снизить долларовой эквивалент заработной платы, чтобы в период стабилизации не столкнуться с неприятной проблемой завышенного курса рубля. Видимо, эта тактика в общих чертах была верной, хотя, разумеется, с некоторой поправкой на то, что усиливались инфляционные ожидания.

Ловушка для рынка

На мой взгляд, примерно до середины — конца марта рынок не понимал того, что происходило и что неизбежно будет происходить исходя из сложившейся с начала года динамики денежной массы.

Если вы посмотрите на прогнозы структуры валютных индексов, то увидите, что они все строились на гипотезе продолжения спекуляции и предполагали 9 тыс. руб. за доллар к декабрю 1995 г.

Только с конца марта рынок ощутил происходящее и началось лавинообразное падение валютных индексов. Резко возросло предложение валюты.

Правительство и ЦБ по-прежнему старались еще подтянуть курс доллара вверх, но уже было ясно, что это последняя попытка такого рода. С мая, когда возникла необходимость серьезно решать проблему с размещением первого транша кредита *stand-by*, стало очевидно, что возможности подобной тактики крайне ограничены.

В апреле началось падение доходности ГКО, и я думаю, что этот процесс будет продолжаться. Следует ждать роста спроса на эти ценные бумаги по мере стабилизации валютного курса. Появляется

соблазн значительно увеличить предложение ГКО с целью решения чисто практических задач финансирования экономики. Но для правительства, на мой взгляд, предельно важно не допустить здесь резкого роста, ибо это опасно в условиях все еще достаточно высокой процентной ставки.

До конца первого полугодия самой важной задачей, целью всей работы правительства должно было стать снижение доходности долгосрочных и трехмесячных обязательств после обнаружения первых же признаков долгосрочного характера снижения процентной ставки.

Есть довольно высокие шансы на то, что второе полугодие мы пройдем с прогнозируемой динамикой курса, соответственно с существенно снизившейся процентной ставкой и достаточно низкими, прогнозируемыми темпами инфляции. Мне кажется, необходима публичная дискуссия о том, какой будет инфляция во втором полугодии, будет ли она 1% в месяц в декабре и т. д. Но специалисты знают, что это заслуживает серьезного профессионального обсуждения, хотя бы потому, что трудно прогнозировать динамику валютных резервов Центрального банка и динамику денежной массы в середине лета — начале осени.

Почему я отказываюсь от прогнозов

Возникает, на мой взгляд, очень интересная проблема, опыт решения которой только сейчас начинает накапливаться в постсоциалистических странах. Это проблема соотношения различных факторов — денежных, спросовых и структурных — при низких и относительно низких инфляциях, разумеется, низких по стандартам постсоциалистической экономики.

Опыт наших соседей убедительно доказал, что при инфляции более 100% в год денежные факторы являются абсолютно доминирующими. Они в полной мере отражают то, что в данный момент происходит в экономике. Моя гипотеза состоит в том, что при инфляции ниже 50% серьезную роль начинает играть структурный фактор. С того момента, когда колебание месячных темпов роста денежной массы становится сопоставимо с колебанием месячных объемов производства и с колебанием относительных цен на важнейшие товары, мы уже не можем игнорировать структурные компоненты. Именно

поэтому я категорически отказываюсь серьезно прогнозировать динамику денежной массы и роста цен во втором полугодии.

МОЖНО ЛИ БЫЛО ИЗБЕЖАТЬ РАЗВАЛА?

Сейчас, когда мы, похоже, близки к преодолению глубочайшего кризиса, уместно задуматься об изначальных его причинах. Вызван ли он был реформами 1992 г. и последующими действиями реформаторов или чем-то иным? Наши оппоненты, разумеется, обвиняют реформы, но им можно лишь пожелать большего уважения к логике.

Логика социалистической системы хозяйствования предполагала, что власть непосредственно вмонтирована в экономические механизмы взаимодействия. Они все висели на власти — не на идее, а на власти. Думаю, что история это доказала. Крах власти, а именно это произошло в Советском Союзе, крах властных структур, которые висели на всевластии партии, одновременно и автоматически запускал механизм острейшего кризиса всех систем экономического регулирования. После этого рушатся не отдельные субъекты хозяйствования, а полностью вся его структура. И тот, кто анализировал процессы развала в 1989–1991 гг., очень хорошо это знает.

В момент, когда экономика, основанная на власти, валится, возникает масса реальных проблем: отсутствие легальной частной собственности, традиции банкротств, нормального законодательства, эффективного регулирования рынка, отсутствие многих вещей, которые везде в мире формируются на протяжении десятилетий и столетий. И никто их нам не обещал, никто не должен был сделать все это за нас.

Мы очень быстро начали отказываться от того в марксизме, что было наработано вполне разумно. Я имею в виду подходы к историческому процессу как процессу взаимодействия мощных социально-экономических сил. Не стоит такие сложные вещи сводить к неким странным новациям и задумкам, которые приходят в голову тому или иному государственному деятелю.

Как известно, все интересное в науке происходит между двумя точками: первая — что за чушь? и вторая — кто же этого не знает? Сегодня часто высказываются в духе: «Кто же этого не знает?» Кто не знает, что не надо печатать деньги, кто не знает,

что бюджетный дефицит вреден, кто не знает, что инфляция у нас спросовая, и т. п.

Но мы все прекрасно помним 1991 и 1992 гг., когда доминирующей была совсем другая тема: кто не знает, что у нас не инфляция спроса; кто не знает, что бюджетный дефицит не имеет никакого отношения к инфляции; кто не знает, что у нас недостаток денег и надо резко увеличить рост денежной массы, и т. д.

Перемена в умонастроениях, оценках вселяет оптимизм. На самом-то деле для меня это самый важный фактор, позволяющий надеяться, что нынешнюю стабилизационную программу правительства не постигнет участь той, что была в 1992 г.

Крушение марксизма

Первое, что приходит в голову оглядывающемуся на прошлое реально мыслящему человеку, тем более политику, так это то, до чего же быстро в стране, где практически все взрослое население — по крайней мере те, кто окончил вузы, — получило образование, так сказать, под эгидой марксизма, последний стал выходить из сферы серьезных общественно-политических дискуссий, пока вообще от него не отказались как от метода анализа действительности. А тем, кто кормился «всесильным» учением десятилетия, очевидно, только и осталось, что к месту и не к месту размахивать красными флагами.

Всерьез, впрочем, марксистскую методологию, даже при анализе проблем социализма, перестали применять давно, хотя и использовали по требованию и не без успеха там, где речь шла об особенностях «развивающихся» стран или о характере капитализма на современном этапе и т. п. Но ведь не секрет, что имелись, больше того, вызывали продолжительный европейский и мировой резонанс такие сугубо марксистские по духу работы, как, например, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г.В. Плеханова, «Развитие капитализма в России» В.И. Ленина. Все это были солидные, сильно и ярко написанные труды. С ними можно, естественно,

Опубликовано в: Открытая политика. 1995. № 6 (8). Октябрь.

не соглашаться, указывать на отдельные передержки, ставить задним числом на место их маститых авторов как незадачливых в политико-экономическом плане пророков, но тем не менее с ними можно и нужно серьезно полемизировать.

Выкристаллизовавшийся в этих образцах марксистский анализ исправно служил большевикам и в период революции, и в гражданскую войну, и сразу после ее окончания. Взять ту же публицистику Н.И. Бухарина: да, догматична, грешит неточностями и верхоглядством, однако видно, что перед нами рассуждения вполне серьезного экономиста и темы, на которые он рассуждает, постепенно складываются в одну принципиально важную для автора социально-экономическую проблематику.

Попробуем теперь с высоты дня сегодняшнего кинуть взгляд на то, что было некогда руководящим, будоражающим умы и чувства учением.

Итак, марксизм. С одной стороны, несколько архаичная, базирующаяся на существовавших еще до начала работы над «Капиталом» концепциях экономическая теория. С другой — ни больше, ни меньше, как целостное и четкое отображение близких и отдаленных целей человечества, своего рода свод правил поведения в этом мире, по существу как бы образчик некой светской религии: наполняет смыслом жизнь, отвечает без тени сомнения на все кардинальные вопросы.

Вместе с тем марксизм — очень интересная макросоциологическая, историко-философская концепция, суть которой в том, что исторический процесс рассматривается в первую очередь как массовые, глубинные социально-экономические процессы и метаморфозы, а вовсе не как случайное переплетение действий и результатов действий исторических лиц (героев, гениев, злодеев). Марксизм утверждал, что производительные силы, материальное производство — важнейший двигатель, динамизирующий историю, что производственные отношения — основной аспект всех сторон общественной жизни, и от того, в какой степени эти отношения соответствуют потребностям развития производительных сил, в огромной степени зависит само развитие человечества. Наконец — и это особенно следует подчеркнуть, — что производственные отношения могут как создавать благоприятные предпосылки для экономического роста, так и существенно тормозить его.

И в тех случаях, когда производительные силы перестают укладываться в русло сложившихся производственных отношений, возникает база для мощнейших социально-политических противоречий и конфликтов, иногда взрывающихся революциями.

В большинстве отечественных марксистских работ конца XIX и первого десятилетия XX в. содержится действительно интереснейший анализ происходивших в дореволюционной России процессов: исследуются источники расслоения крестьянства, отмечаются тенденции развития, роста капитала и того, что мешает ему на пути. Наряду с серьезностью в трудах этих обязательно присутствует как своеобразный *happy end* ритуальный, заданный ответ — все, дескать, кончится грядущей победой социализма.

В самой этой заданности, хотя и увесисто подкрепленной «прямоугольной» логикой правоверных последователей Маркса, что социализм-де сначала должен восторжествовать в наиболее развитых капиталистических странах, где известное противоречие между трудом и капиталом достигнет апогея, марксизм явно выходит за грань допустимого для научной теории: перестает опираться на язык фактов, делает крен в сторону желаемого, опускается до того, что начинает усваивать пропагандистскую лексику вплоть до голого призыва. Кстати, подобное видим уже у самого Маркса в «Капитале» — стоит только ему перейти от анализа к прогнозу, причем прозрачно идеологически заданному. Получается, что, еще только приступая к исследованию, Маркс уже знает, каков должен быть результат. (Поразительны в этом отношении точки соприкосновения с некоторыми сегодняшними нашими исследователями общества: та же проблема внутренней установки, осознанное или неосознанное следование неким субъективным интересам, идеологическим представлениям и т. д.)

Эти же черты сплошь и рядом находим и у Плеханова, Ленина, Каутского. Для всех характерно сочетание сильного методологического оружия, «стреляющего» по действительно базовым, существенным объектам и превосходящего в связи с этим «вооружение» оппонентов, и странно нереалистичных, тем паче ненаучных посылок, связанных опять же с заданностью самого вывода.

Но уже тогда многим становится ясно, что марксистский прогноз относительно «взрывов» в развитых капиталистических странах все в большей степени расходится с реальностью. Марксовы

слова об относительном и абсолютном обнищании пролетариата уже к концу 80-х гг. прошлого века кажутся все более далекими от реальности. Медленно, неуклонно в самом лоне капитализма вызревает процесс социализации: размывание особо жестких социальных перегородок, снижение экстремально высокого уровня дифференциации доходов, укрепление прав наемных рабочих (вкуче с распространением всеобщего избирательного права), формирование отдельных статей социальных гарантий, включая бесплатное образование и медицинскую помощь, а позже и пенсионное обеспечение. Реальная научная идея революционного крушения развитого капитализма все более становится нереальной и ненаучной.

Любопытно, однако, проследить, как укоренение социализма связано с параллельно протекающим в большинстве стран процессом, который находился и находится в разительном контрасте с несомненно мессианской (что касается социальных прогнозов) подкладкой марксизма.

Речь идет о европейском капитализме. Явление это органичное, выросшее из многовековой жизни социума, относительно стабильной, хотя и сложнодифференцированной, с гарантированной системой частной собственности, рынком, конкуренцией, давшими беспрецедентный толчок развитию производительных сил. Можно сказать, капитализм своим развитием поставил перед выбором те страны, где ничего подобного в смысле исторических предпосылок и последующей эволюции по известному ряду причин не произошло. Вызов набирающего темп европейского прогресса — вот, пожалуй, заноза, засевшая в теле стран, следящих за уходящим вперед флагманом и вынужденных решать все задачи догоняющего. Но кто они, эти «уходящие вперед», и кто «догоняющие»? К лидерам в первую голову относятся Англия, Франция и Германия; к середнячкам — страны Восточной Европы: Польша, Австро-Венгрия; аутсайдеры, конечно, Россия, Япония и др. (Что касается США, то это статья особая, принимая во внимание американский «колонирующий» фактор.)

Во всех странах, которые вынуждены догонять, роль государства в стимулировании развития оказалась существенно большей, нежели в государствах-флагманах. Ведь в гонке можно, того гляди, и потерять национальный суверенитет, перестать быть независимым, а уж «великой державой» тем более. Естественна отсюда

попытка сделать государство своего рода форпостом экономического роста — использовать, скажем, государственный бюджет для финансирования накоплений, а государственно финансируемые проекты для оживления и последующего роста экономики, т. е., предположим, не частные компании, а государство строит, например, железные дороги. Понятно, возникает более высокая налоговая нагрузка. Коль дело движется не за счет частных сбережений, а за счет государственных, то сначала надо выжать их. Откуда? Разумеется, из не слишком богатого общества, что по тем временам означало из крестьянства, ибо экономика была почти вся сельская.

Итак, старт стимулируемой государством догоняющей индустриализации — это всегда дополнительное социальное бремя, а следовательно, потенциальный источник социальных конфликтов, серьезный вектор социальной нестабильности.

Надо ли говорить, что угроза революционных потрясений в данном случае гораздо реальнее, чем при органичном развитии общества, опирающемся на личный интерес каждого и частные сбережения? Перед догоняющей индустриализацией всегда встает стержневой вопрос: что произойдет раньше? Удастся ли создать необходимые предпосылки стабильности и равновесия в экономике и обществе (государство вкладывает деньги в те же железные дороги, вводит высокие запретительные тарифы на импорт, создавая тем самым спрос на продукцию отечественной металлургии, а за бюджетными централизованными капиталовложениями следуют и частные инвестиции)? Или социальный взрыв сведет на нет попытку такого государственного стимулирования экономики?

Как же обстояло дело в тогдашней России? То, что молодой капитализм у нас развивается, и довольно быстро, видят все, но по-разному. Марксисты — те наблюдают, оценивают различные стороны этого развития, замечают архаику, феодальные пережитки, настаивают на необходимости искоренения пут. И здесь столь разные люди, как Г.В. Плеханов, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, оказываются почти единомышленниками, в их работах много сходства. Но перед всеми маячит тот же вопрос: а что, собственно, делать, если кривая социальных противоречий, видных даже невооруженным глазом в этой огромной, по сути азиатской, империи, отправившейся догонять Запад, завтра подойдет к критической отметке? Революция? Но какая? Буржуазно-демократическая,

устраняющая помехи на пути отечественного капитализма? Но, помилуйте, как поднять наших рядовых марксистов и идущих за ними многочисленных работников, наших романтиков-студентов и прочих недовольных жизнью на такую «мещанскую» революцию? Ведь все они только и делают, что говорят, как плох капитализм да как страшно при нем то, что называют демократией. Тогда, может, революция социалистическая? Но это же в корне противоречит всей логике марксизма, его базовой идее! Социализм-то, как высшая, следующая за капитализмом формация, может прийти только там, где созданы для этого соответствующие материальные предпосылки. А стало быть, и возможен он лишь в наиболее развитых западных странах...

В пылу полемики, приведшей в конце концов к отходу от «учения» многих поначалу пламенных адептов, ни один из российских мэтров марксизма на самом деле так и не дал убедительного ответа. Веские, казалось бы, аргументы марксистской ортодоксии Плеханова довольно далеки были как от витавших в воздухе свободолюбивых настроений, так и от реалий самой пропитанной политической жизни. Вообще к 1905 г. полемические баталии окончательно теряют какие-либо научные, да и квазинаучные черты, становясь по преимуществу оголенно политическими.

Существует между тем большая разница: занятие политической в условиях авторитарного государства и такого же рода занятие при демократии. В первом случае налицо определенный риск. И под угрозой каждодневного ареста кормить сторонников умеренными лозунгами по меньшей мере смешно: дееспособной политической организации не создашь. Чтобы по-настоящему мобилизовать людей, сделать из них «бойцов революции», нужна цель великая, которая предначертанием своим оправдала бы любой риск. Тут уж «либо грудь в крестах, либо голова в кустах»: либо мы погибнем, но погибнем как герои за всеобщее и окончательное счастье, либо победим и это «всеобщее» и «окончательное» принесем с собой.

Такое на российской почве возвращенное мессианство как раз и отвечало целям тех политических организаций, чьи программы, а главное, методы носили в тех или иных формах экстремистские черты. И ставили перед собой эти люди не практические задачи развития только-только оперившейся капитализмом России,

но непременно осуществление разных вариантов рая на земле. Относится это равно и к эсерам, и к большевикам. Ты обещаешь всеобщее счастье, но я-то обещаю и гарантирую еще более всеобщее счастье, и твое всеобщее не сравнится с моим, в подметки не годится моему. Присовокупить к сему еще лозунги типа «Погибнем на баррикадах!» А кто не хочет погибнуть, тот, стало быть, предатель и трус.

Возвратимся снова к истокам создания политических революционных организаций в России. И к концу XIX, и в начале XX в. в стране так и не было, по существу, никакой свободной политической деятельности. Все партии родились в подполье. Причем левые возникли раньше легальных и умеренных.

В условиях близкого краха царского режима, в огне захватившей Россию мировой бойни наиболее подготовленными к смуте и имевшими, следовательно, гораздо больше шансов захватить власть, без всякого сомнения, могли быть силы только крайнего толка. Рухнул, как карточный домик, старый порядок, державшийся на многовековой легитимности монархии. Но остался и вышел на поверхность столь же многовековой острейший разлад из-за земли между крестьянами и помещиками. А тут еще объявлена амнистия, полная вольница, сняты, отброшены любые формы ограничений на применение насилия... И победителями в том страшном воцарившемся в России хаосе могли быть только особо неразборчивые в средствах, готовые ради достижения своих целей на любую и в любом масштабе уголовщину силы. Но помимо неестественности моралью, что, неожиданно для многих русских людей (либерально-народнической ориентации особенно), оказалось созвучным вырвавшейся из дотолы сдерживаемых народных глубин стихии разрушения, нужно еще было оказаться способными дать подавляющей части этого народа, т.е. крестьянству, то, что оно так или иначе считало своим, — землю или, по крайней мере, крепко пообещать землю.

Уместно здесь вспомнить и одну из страниц гражданской войны. Последний поход Врангеля — офицерские полки идут под знаменем возглашенной бароном конфискационной земельной реформы. А с каждым успехом белых все равно растет поддержка крестьянами красных — из-за страха, что землю господ отберут. И — если продолжить экскурс — большевистскую продразверстку и связанные с ней тяготы крестьянство терпит именно по той же самой

причине (иначе, дескать, придут белые, помещики с ними, отберут землю).

К 1922 г., ко времени окончания гражданской войны, Россия по социально-экономическому развитию оказывается в положении, во многом схожем с тем, в каком находилась накануне революции. По-прежнему перед ней задача догоняющего по отношению к хоть и ослабленной мировой войной, но все же далеко вперед ушедшей Европе. Однако что-то в стране неминуемо изменилось, и весьма существенно. Крестьянство. Оно в явном выигрыше: получило землю, избавилось от продразверстки. Начинаясь нэп. Буржуазия в городах как будто легализована, хотя и частично, с большими ограничениями. Надежды государства (вновь теперь авторитарного, черпающего легитимность в недавней победе в гражданской, в признании ряда зарубежных правительств, в обеспечении держащегося на крови и штыках порядка) развиваться за счет инвестиций нэпманов довольно призрачны. Спрашивается, откуда брать деньги? Здесь-то и выясняется, что при всей схожести с дореволюционной ситуацией нынешняя гораздо хуже.

Итак, кто же он, источник финансирования? Крестьянство? Да, это крупнейший социально-экономический слой. Но накопление за счет его частных сбережений означает дальнейшее усиление кулака, укрепление прослойки зажиточных. И тем не менее «Обогащайтесь!» не просто брошенный добрым Бухариным социальный лозунг деревне. Это был знак иной стратегии отпрянувшей от догм, стоявшей на перепутье экономики. Эта стратегия — выбранный большевиками в острейший момент своей короткой истории курс на внутренние источники накопления, на добровольные инвестиции из самой массовой отрасли — сельского хозяйства. Если «обогащайтесь», если создадим вам максимально благоприятные условия для того, чтобы вы развивались, становились на нормальные фермерские рельсы, вкладывали деньги, получали дивиденды, вновь вкладывали средства, то тогда... тогда у России (пусть не сразу: крестьянство-то, известно, консервативно) появится шанс осуществить развитие путем естественным, экономическим, посредством частных сбережений, частных инвестиций.

Но опасаются большевики. Только-только с таким трудом удержали захваченную пять лет назад власть; прекрасно знают, осведомлены, кто с большим неприятием и скепсисом относится

к Советам, — конечно, зажиточные сельские богатеи. И в отличие от интеллигенции их не кучка-другая — миллионы! Дать им шанс, открыть дорогу в политику (революция-то, по существу, была крестьянской) — значит, допустить огромный риск того, что они потом эту власть скоренько и отберут. Ведь очень еще непрочен их большевистский режим в этой взнузданной ими стране.

А если не «обогащайтесь», если сохраняется система ограничений и записанный в кулаки лишается по меньшей мере избирательного права, а его дети автоматически становятся политически неблагонадежными, то с какой стати ему надрываться, сберегать и вкладывать деньги в производство? К тому же живы в крестьянстве настроения общинные, традиции уравниловки («быть, как все»). Но если буду я «как все», то как ты заставишь, чтобы я сберегал, вкладывал в «чужую» промышленность свои кровные? Лучше уж тогда посытнее буду кормить семью, да и вкалывать потише. Мол, жить буду скромно, но и вам ничего не дам.

Ну, а кто еще может служить источником финансирования? Банки? Они сами сбережений не создают — то, что есть, аккумулируют, перераспределяют и направляют средства на кредитование инвестиций. Капиталисты? Нэпманы?..

Предпринимателям все время разъясняют, что, несмотря на популярные, заверяюще громкие слова вождя, разрешили новым господам благополучие ненадолго, невсерьез и что скоро, возможно, снова запретят. Может ли в такой ситуации промышленник, финансист быть уверен в стабильности, стать крупным источником денежных сбережений, а тем более инвестиций? Разумеется, нет. Вся его активность уйдет на сиюминутное: спекулятивные операции, игра на бирже, торговля и т. д.

Еще не надо забывать, что производительность труда рабочих поменьше, чем до революции, а зарплата-то побольше — гегемон как-никак! Обижать нельзя. Но и рассчитывать, что с его стороны последует что-то, что, обернувшись дополнительными прибылями, вольется свежим потоком в производство, по меньшей мере несерьезно.

Получается, что единственный на тот момент потенциальный источник финансирования экономики — государство с его бюджетом. Но ресурсы последнего далеко не безграничны, более того, предельно ограничены. Ведь и стабильность «червонца», и относительно низкие темпы инфляции — все это «сидит» на его величестве

бюджете, связано с тем, что бюджет остается в достаточной мере жестким, пополненным в считанные годы за счет резко сокращенной армии, ужавшегося госаппарата, ограничения дотаций, закрытия неэффективных производств и т. д.

Все перипетии экономической политики того памятного неполного десятилетия — это постоянная борьба Наркомфина, Госплана и ВСНХ по поводу масштабов накопления. Чуть больше централизованных бюджетных инвестиций для того, чтобы как-то наконец форсировать индустриализацию, — и сразу ломают картину финансовые диспропорции, подсказывает инфляция, падает стабильность рублевого курса. Замкнутый круг: деньги на развитие можно взять только у государства, а у государства нет неинфляционных, неэмиссионных источников. Выход? Их два. Первый — все-таки «обогащайтесь»: карт-бланш для роста сбережений и последующих частных инвестиций. Сельское хозяйство как основной источник подъема экономики в стране, а следовательно, и соответствующая политическая линия на союз с зажиточным крестьянством, гарантии нэпману, т. е. не временный «тактический» отход от идей Октября и узды военного коммунизма, но постепенный, по-настоящему серьезный поворот на путь сугубо буржуазный со всеми вытекающими проблемами.

Небольшое уточнение. При сохранении рынка и частной собственности есть достаточно весомые внутренние рычаги, ограничивающие вмешательство государства с целью, например, пришпорить экономическое развитие. Рассмотрим их.

Если государство, пытаясь подстегнуть недостаточный, с его точки зрения, экономический рост в стране, решает вложить для этого значительную сумму, оно может мобилизовать средства из двух источников. Скажем, повышение налогов. Но налоговое бремя в условиях рынка, с одной стороны, имеет свои внутренние лимиты, с другой — немедленно дестимулирует экономическую активность частного, сказываясь тем самым на его, частного, сбережениях. Увеличивая таким способом (т. е. нанося урон частному сектору) государственные средства, всегда есть опасность уничтожить под корень то, что, собственно, и подвигает предпринимателя к инвестициям, дает стимул к накоплению. Как показывают исследования, государственные вложения могут осуществляться в качестве неплохой добавки, но они никоим образом не могут быть заменой частных.

И другой источник — так называемое инфляционное инвестирование, иначе говоря, с помощью печатного станка. Но, печатая необеспеченные деньги, государство неминуемо расстраивает с таким трудом налаженную финансовую систему; подрывая стабильность национальной валюты, открывает дорогу как бегству капитала из страны, так и переключению предпринимателя на сугубо спекулятивные, «пустые» для государственного интереса операции.

Все эти доводы и расчеты, условия и преимущества, рано или поздно встававшие перед правительствами многих стран, имеют смысл, естественно, лишь при гарантии рыночной экономики. Советский же Союз решил проблему проще. Отбросил по-большевистски, как консервную банку с дороги, и пресловутый, в зубах навязший рынок, и частную собственность, а заодно и саму возможность нормальной экономической жизни. Страна разом вышла за пределы всякой экономической реальности. Сняты были любые ограничения на масштабы и динамику государственного накопления; норма же последнего поднялась на высоту вообще невиданную, если брать во внимание бытовавшие тогда модели социально-экономического устройства. При этом кому-то даже верилось, что подобный шаг в новизне своей может дать какие-то совершенно необычайные возможности.

Что же произошло? Победила линия на форсированную индустриализацию. Стало возможным (и логически необходимым) обильное эмиссионное финансирование. За ним — неизбежный всплеск инфляции. Ответ на последнюю — экспансия государственно регулируемых цен. Отсюда и закономерный дефицит. А раз он появился — то возникает и необходимость в распределении товаров и других ресурсов. Естественный денежный регулятор не работает; крестьяне отказываются продавать зерно, потому что за ставшие теперь пустыми деньги ничего не купишь (товарный голод благодаря санкционированному сверху, в результате такой политики, дефициту); неизбежно и сокращение посевных площадей. Следующий шаг — коллективизация. Причем (и это ясно из постановлений партийных пленумов тех лет) задумана и проводится она не как форма организации единоличников для ведения совместного эффективного сельского хозяйства, а как способ быстро отобрать у деревни все, что только можно. Не для того создавали колхозы, чтобы они богатели, а для того, чтобы служили источником дешевых рабочих

рук. В некотором смысле подобные колхозные «новшества» напоминали податную общину, привнесенную еще монголами как механизм изъятия дани. Коллективизация — это и есть осуществление в государственном масштабе операции, суть которой — сдача, дань. Не продажа, а именно сдача.

Этим шагом, этой варварскими методами совершенной фактически контрреволюцией (после успешной земельной реформы и борьбы за нее в 1917–1921 гг. была восстановлена в бесчеловечных формах жесточайшая эксплуатация крестьянства) большевики решили сразу несколько задач: созданы предпосылки для бегства сельчан в города; получен источник трудовых ресурсов для индустриализации; сняты введенные в 20-х гг. жесткие социальные квоты на мобилизацию кадров из деревни.

Итак, деревня нищает: государство отбирает все, оставляя жалкий минимум, чтобы не вымерла окончательно. Вводится налог с оборота. Разница между закупочными ценами и ценами реализации — важнейший финансовый источник для мероприятий по пятилетнему плану. Зерновой экспорт в условиях страшного, прокатившегося по целым областям и районам голода (особенно на Украине, где вымирали тысячами) — из той же статьи государственных доходов.

В стране тем временем идет формирование чиновничьего аппарата, отвечающего за распределение и перераспределение ресурсов, за доведение планов, за лимиты, фонды и т. д. А чтобы не воровали, широко поставлена постоянная ротация кадров.

Таким образом, была выработана новая, небывалая еще в экономической практике человечества инновация — безрыночная экономика, которая, несмотря на огромность человеческих жертв, а возможно, и благодаря им оказалась вполне дееспособным инструментом в руках идущей к своей цели, стянувшей всю страну единой цепью партийной верхушки; и благодаря той же нестесненности моралью, что и в октябре 1917-го, и в последующие годы, удалось за несколько лет обеспечить определенный темп развития производительных сил.

Можно, конечно, сколько угодно рассуждать, указывать на издержки, на то, какую цену заплатила страна за авантюризм (или безграмотность?) при расчете первого пятилетнего плана, но это будут рассуждения, так сказать, с позиции объективных законов

социально-экономической жизни общества. А вот с позиции марксизма (в его российском преломлении) и издержки, и цена, заплаченная за них, — все это детали, мелочи. «Лес рубят — щепки летят».

Первые пятилетки были блестящим подтверждением удивительной с точки зрения нормальных представлений логики марксистского анализа. Да, когда производственные отношения становятся тормозом для производительных сил, первые просто отбрасываются и вместо них формируются новые. Эти новые как бы ответ на вызов времени, а вовсе не следствие какой-либо случайности. Переход от старого к новому идет через социально-политические катаклизмы, и ярким подтверждением служит как раз то, что произошло в 1929–1931 гг. в России.

А в результате? В результате мы получили общество, в котором небывало высокой оказалась доля налоговых изъятий государством. Но и эта мера, кажется, почти не угнетает общей деловой активности в стране, ибо воспетый в песнях и кинофильмах трудовой энтузиазм вообще не зависит от стимулов к труду. Стимулы хороши для рынка, частного предпринимательства, а последних нет и в помине. Зато есть серьезные финансовые диспропорции, высокая инфляция и как следствие очереди, продуктовые карточки; но в условиях невозможности вывоза капитала и одновременно отсутствия зависимости любого частного накопления от каких-то в связи с этим деловых перспектив (скажем, выбора между долгосрочными и краткосрочными инвестициями) такая экономика тем не менее не способна парализовать экономический рост.

Разумеется, реальные, недеklarированные темпы его на самом деле очень скромны. Но даже и они исключительно за счет необратимого уже разорения деревни.

И еще один немаловажный итог тех лет: в России создается мощный военно-промышленный комплекс. И в таком качестве потенциального бастиона на пути «коричневой чумы», воцарившейся в быстро восстановленной милитаризированной Германии, советская социалистическая модель становится как бы единственной надеждой, особенно для «левой» и либеральной интеллектуальной элиты Запада, тем более что постепенно в Стране Советов начинают использовать ресурсы и для решения социальных задач.

Приближалась война с Германией. Социализм по-русски по-прежнему сохранял для огромного большинства людей в разных

странах мира свою привлекательность. И это несмотря на все злодеяния, казни, процессы, лагеря. В них и верилось, и не верилось; был страх потерять иллюзию, дававшую хоть какой-то смысл существованию; а те, кто знал наверняка, закрывали глаза, будучи не вправе, а главное, не в силах поколебать эту веру многих в единственную цитадель «мира и прогресса». ореол социальной справедливости, декларируемый с форумов и собраний, из заводских цехов и полевых станков, тысячекратно распропагандированный и накрепко вколоченный в головы людей, как над ликом непогрешимого святого, сиял над Сталиным и созданным им режимом.

Высшей точкой его стала победа в Великой Отечественной войне. Событие это, безусловно, встряхнуло систему, но, придав ей мощь и размах, подкрепив ее как бы легитимность, в то же время стряхнуло с миллионов «винтиков», покорных советских русских и украинцев, грузин и узбеков, белорусов и молдаван ощущение гнета, внутренней неполноценности, подавленного достоинства, отбросило прочь излюбленный на Западе образ «российского медведя, которого держать лучше в клетке». (Вскоре, кстати, «благодарный» за их терпение режим и отыгрался на них по-свойски — и за первый год войны, что попадали в плен, и за последний, что вдохнули воздуха Европы, освобождая ее.)

Но это будет позже. А пока эйфория от последних победных дней в Берлине, Вене, Будапеште, авторитет русского оружия, русского солдата, да и всего «русского» необычайно высок; повинно клонят головы перед победителями бывшие вожди белого движения — да, были не правы, да, вы, а не мы на деле собрали земли, собрали и укрепили могучую, как никогда, империю, и ваш путь «сильной России» был верен, а не тот, что думали мы... Происходит любопытный симбиоз социализма и русского национализма: имперская экспансия в социалистической оболочке. Вместо лозунгов интернационализма — фразеология державности, неприкрытые реверансы царям Петру и Грозному, трескотня по поводу национального величия.

Но тот внутренний, таящийся в самой системе порок, хоть на время и скрытый, никуда, как известно, не делся. Допинг индустриализации, как допинг у спортсменов, может дать и дает порой феноменальные результаты, но неизбежно разрушает здоровье — как человека, так и экономики. Колоссальное напряжение,

каторжный труд, непомерные тяготы и лишения, сопровождавшие поступь первых пятилеток, дисбаланс конкретики и целого, авантюризм наверху, штурмовщина, авралы и некомпетентность исполнителей не только разрушили механизмы регулирования социально-экономической машины, но и губительным образом отозвались на целых поколениях. И если сегодня у нас действуют не умеющие принять верного решения офицеры и боящиеся ответственности генералы, чиновники и руководители, думающие больше о личной выгоде и отменном куске, нежели о своем профессиональном долге, засевающие в явно большем, чем нужно, количестве в госаппарате, министерствах, ведомствах, на местах и т. д., то это отголоски все того «легендарного» времени, душившего в работнике всякую инициативу, всякое проявление самостоятельности, кругозора, а зачастую и обычной совести.

Послевоенные мероприятия правительства так или иначе сосредоточиваются вокруг сельского хозяйства. Нарастающий аграрный кризис становится важнейшей проблемой для страны. К 1950 г., например, зерна производится меньше, чем производилось в 1913-м. К 1959-му городское население России уже превалирует над сельским. С начала 60-х гг. начинается импорт зерна. Уже нет и речи, чтобы продолжать выжимать из деревни все, что можно, как это было в предвоенное десятилетие, — наоборот, требуется срочно увеличивать капиталовложения в село, и доля этих вложений растет из года в год. Больше того, важнейший традиционный источник финансирования государственных расходов — разница между закупочными ценами и ценами, по которым реализуется сельхозпродукция, — этот казавшийся надежнейшим налог теперь сжался до нуля и приходится отпускать немалые дотации на ту же продукцию. А дальше что?

Отметим, что источник нормального развития — это всегда эффективное перераспределение ресурсов, закрытие мертвых без дотаций производств и создание новых, перспективных, отказ от устаревшего ассортимента и освоение продукции, имеющей спрос. И как обязательное условие, конечно, инновации.

Дело же не в том, чтобы, мобилизовав, скажем, ресурсы из села, построить заводы, а в том, насколько действен и гибок сам конкретный механизм отбора инноваций, постоянен ли поток их, как происходит (и происходит ли вообще) процесс

регулирования производства: закрытие плетущихся в хвосте, «зеленый свет» — жизнеспособным.

Короче говоря, речь о том комплексе задач, с которым как раз и справляются в мире посредством использования деликатных рыночных механизмов. Ибо громоздкая, иерархическая централизованная система, способная еще решать задачи максимальной мобилизации ресурсов (для планов той же индустриализации), абсолютно беспомощна, когда перед ней возникает задача, решаемая исключительно на микроуровне. Можно сколько угодно принимать постановлений об ускорении научно-технического прогресса. Можно, вкладывая огромные средства, добиться успеха там-то и там-то — например, создать замечательные космические программы. Однако все это будет (в экономическом смысле) лишь попытками. Рано или поздно все равно отстанем. Должен быть постоянно функционирующий, на каждом заводе, сельхозпредприятии, в каждой отрасли, механизм воспроизводства, освоения инноваций, который не компенсировать никакими волеизъявлениями и директивами.

Колесо истории хотя и медленно, но все же перемалывает все то искусственное, что называется социалистической системой хозяйства. Вдруг выясняется, что, несмотря на заверения и постановления, спад экономического роста у нас необратим, точно кем-то запрограммирован, а значит, с каждым годом все большим и большим будет структурное отставание от начинающих вновь уходить вперед развивающихся на капиталистических рельсах стран Запада и Востока. Как компенсировать отрыв в области технологий и организации, чем затыкать прорехи? Значительными все еще природными запасами России?

Как своего рода параллель вспомним, что именно в таком положении находился Китай в 1976–1978 гг. Там тоже вырисовывалась дилемма: или реформы, или... Доля сельского населения по сравнению с Россией конца 50-х гг. была, правда, намного выше, но с точки зрения ресурсопотока, да и если брать положение отрасли, ситуации там и там выглядели весьма похоже. Китайское руководство, осознав наконец, что дальше прежним курсом идти невозможно, что бытовавшая модель хозяйства себя полностью исчерпала, принимает нелегкое в тех условиях решение — сформировать заново ликвидированный когда-то частнохозяйственный уклад в экономике. Сначала — аграрная реформа, расширение самостоятельности

крестьян, переход на контрактную систему. Следом — введение двойных цен — государственно-регулируемых и свободных, постепенное раскручивание рыночных маховиков, создание открытых зон предпринимательства. Таким образом, распахнув двери рыночному сектору (но не вместо, а рядом с государственным), нашему великому соседу удалось предотвратить острейший индустриальный кризис; была продемонстрирована успешная попытка выйти, так сказать, из социализма, как выходят моряки из шторма, выбрасывая за борт балласт.

У нас же не было даже попытки чего-то подобного. В памятной многим полемике середины 60-х гг., где, поданные еще достаточно робко, как бы стыдливо, под покровом всевозможных эвфемизмов и экивоков, дискутировались некоторые ключевые вопросы, более чуткая, грамотная и смотрящая вперед часть советского руководства потерпела жестокое поражение. Не исключено, что подействовал синдром отдаленного и совсем близкого прошлого — успехи индустриализации и то, как показала она себя в деле организации отпора и разгрома фашизма, и послевоенные достижения в ядерных отраслях обороны, и даже настоящего — связанного с космосом, а также сам факт существования мировой системы социализма, захватывающей континенты и регионы. Все это, вместе взятое, и послужило, видимо, тому, что наиболее консервативные представители высшей властной бюрократии остались непоколебимо убежденными в том, что прежние, испытанные рецепты не подведут, а все эти новомодные, идущие с Запада «штуки» помимо несомненного идеологического вреда еще и далеко небезопасны в принципе.

На доводы реформаторов, что экономически соревнование мы проигрываем, отставание от передовых рыночных государств растет, а зависимость от аграрного импорта и того больше, следует резонный контрдовод. Да, предположим, все это так. Но вступить на путь преобразований — значит подорвать устои, пошатнуть систему, а следовательно, столкнуться с риском утратить политическую власть. Какие же мы политики, если пойдем на такое! А так у нас есть хороший, долгосрочный курс. Стабильность во всем — и в социальных гарантиях, и в политическом положении государства, наконец, что особенно важно для народа, стабильные цены, нет безработицы. У нас мощная армия. Мы хорошо защищены. А потому давайте сохраним все эти производственные отношения в том виде, в каком

они сложились, независимо от того, нравится это производительным силам или не нравится. Маркс? Ну, это, товарищи, ведь когда было, а мы все живем теперь. Так что пусть развиваться будем помаленьку, помедленнее, зато все у нас будет отныне спокойно.

Таким образом, отстранив легонько Маркса и решительно отмежевавшись от метаний и скачков «волютариста» Хрущева, ЦК во главе с Брежневым повел страну к стагнации и застою.

Временами легкой зыбью оживляют поверхность огромного, замкнутого, стоячего пруда, в который превратилась теперь вся страна, заклинания о научно-технической революции; периодически проводятся конференции, пленумы, принимаются решения, например, о создании новых отраслей... Но суть от этого не менялась: дух инерции и предельная структурная ригидность сковывали все живое в обществе, сводя на нет любые инициативы, от кого бы те ни исходили. Отрасли растут независимо от их полезности и перспективы. Темпы роста всюду примерно одинаковые. Вот строятся два крупных автомобильных завода. Казалось бы, ВАЗ — чем не новация! Но... построен на итальянские кредиты, по итальянской технологии, за родную тюменскую нефть (уж очень кстати открыли там месторождение!). Огромные средства вкладываются в Западную Сибирь, но по-прежнему нет мобильного перераспределения ресурсов в отраслях. Малодинамична и структура производства в целом.

Между тем реакцией на нефтяной кризис в странах мирового рынка стали крупнейшие сдвиги в металлургии: вывод мартепов, сокращение энергопотребления, снижение импорта и повышение эффективности энергопользования. В СССР же — полный штиль. Как в капле воды, пресловутая «стабильность» отражена как раз в той самой отрасли, что подверглась в мире таким изменениям. У нас, напротив, как сложилась она к 1965 г., так в том же виде и просуществовала вплоть до 1990-го.

А что же общество, народ? Большинство, как и сам генсек, за стабильность и порядок. После Сталина, после десятилетий страха, в период кратковременной хрущевской «оттепели» и последовавших за ней еще более кратковременных «кукурузных» и иных шараханий все как-то подустали и запросили, как милости, покоя. Очевидно, в эти годы социализм у нас теряет последних истинных приверженцев. Да и массовой поддержки давно уж нет. Все хотят

колбасы, а не идей. Растерял — и, похоже, окончательно — господствующий строй будоражащие воображение черты мессианства; ничто, кажется, больше не вдохновляет. А многое и просто становится смешным. Никто и ничему не верит. Боязнь нового принимает чуть ли не патологический масштаб: страшатся прихода новых лиц на всех уровнях власти, невозможной делается нормальная кадровая политика. Отношение же к «старшему брату» в коммунистическом зарубежье стандартно-прагматичное: деньги, кредиты, оружие, — а для получения требуемого всегда готов набор ритуальных слов, улыбок, жестов, поцелуев. Кризис, закат империи, закат строя, тихая агония марксистско-ленинской теории и всего социалистического эксперимента происходят в тот момент, когда сформированные в период индустриализации и изрядно сработавшиеся к середине 60-х рычаги оказываются не соответствующими новым задачам развития.

Между тем на окраинах коммунистической империи еще недавно прочно стягивающие скрепы заметно ослабли. Все дальше в прошлое отодвигалась война, победоносный исход которой, связанный с именем вождя, целое десятилетие служил своего рода стержнем, некой имперской компонентой, подобно властной матери большого семейства, одним своим присутствием не допускающей и мысли о каком-либо центробежном поползновении. И все очевиднее становилось то, что иллюзия новой государственности и национальной самодостаточности (приправленных исходящей из Кремля и накрепко, казалось, вколоченной в головы идеологией) сменяется реальным чувством национального унижения от зависимости. Конечно, все они, что держались скрепами, были государствами-сателлитами, всем им разными методами навязан был режим, по существу, оккупационный и чуждый, терпеть который приходилось как неизбежность.

Однако любому терпению, как известно, рано или поздно приходит конец. С разных сторон предпринимаются отдельные попытки вырваться. Сначала достаточно робкие — чуть что-то видоизменить, обрести некоторую самостоятельность. Потом дело доходит и до иных масштабов. Жестко, революционно сбрасывается (на короткий, правда, срок) коммунистическое ярмо в Венгрии в 1956 г.; мягко, эволюционно, сохраняя политическую лояльность, но под бдительным присмотром надзирателей со Старой площади

обретаются черты суверенитета в той же Венгрии спустя двенадцать лет; на волне рабочего движения будоражат остальной мир отчаянные усилия демократических кругов Польши в 1979–1980-х гг.

Все эти попытки либо жестко подавляются, либо, как в 1968 г. в Венгрии, остаются как бы за глаза разрешенными вольностями; но, несмотря на явное недоброжелательство Москвы, оттуда предпочитают пока что не пресекать вольнодумцев. А вот вторжение СССР в Афганистан в значительной степени спасло Польшу от прямого военного вмешательства, замышлявшегося Кремлем.

В этой хрупкой, напряженной, едва удерживаемой на грани обстановке противостояния двух мировых систем венгерские реформы 1968 г. успешно продемонстрировали, как можно мягко выйти из социализма, как и с чего начинать формирование гибких рыночных структур, стимулирующих инновации и производственную активность. Но уже в 1972 г. последовал окрик — назад! Никому не дано права покушаться на заповедные табу, торопиться с рынком, идти на серьезные, принципиальные изменения.

Вообще эта табуированность помимо ее огромного, целостного, угнетающего воздействия сказывалась и на развитии таких сугубо прикладных научных дисциплин, как социология, политэкономия, — разумеется, в их марксистском преломлении. Они оказались как бы отрезанными от своего естественного поля. Масштабных марксистских работ, посвященных, скажем, социально-экономической картине страны, характерных (исследованием аналогичного предмета) для дореволюционных русских марксистов, в Советском Союзе просто не существует. Одна из загадок в том, что зрелый — на этапе социализма — марксизм весьма неохотно идет на серьезный анализ своего, созданного им же, общества. Ведь научный анализ — вещь опасная. Это поиск противоречий, внутренних конфликтов, их изучение, как и, впрочем, возникающих по мере исследования возможных альтернатив. А какие же могут быть противоречия в социалистическом обществе? Борьба хорошего с еще лучшим? Комично, например, что страницы учебников истмата, научного коммунизма, политэкономии социализма посвящены противоречиям социально-экономического устройства и, несмотря на это, утверждениям, что никаких серьезных противоречий — тем более социальных конфликтов — в этом обществе нет и быть не может, потому как оно самое лучшее, самое справедливое и пр. и пр. Максимум,

что может позволить себе подобная «наука», — это намек. Но намекать не значит изучать предмет с точки зрения собственно научного знания, равно как ходить в СССР на выборы не означает еще свободного волеизъявления народа.

Так или иначе, но к началу 80-х гг. значительной частью коммунистической элиты уже осознано как факт, что пресловутый курс на стабильность практически означает неизбежный отказ от каких бы то ни было амбиций, в том числе и характерного для марксизма мессианского характера. Если в 70-е гг. на эту собственную слабость еще как-то можно было закрывать глаза, то теперь трещина, все разрастаясь, становится явлением уже абсолютно очевидным. Ситуация в стране полностью тупиковая. Темпы экономического роста стоят на нуле; экономика по всем параметрам катится вниз. Все архаично, неконкурентоспособно. Химия, машиностроение на десятилетие отстали от развитых стран; металлургия — лет этак на 25. Слово «импорт» становится едва ли не священным. Накапливается износ основных фондов. Тяжелым финансовым бременем остаются дотации в сельское хозяйство. Потребительский рынок падает, зависимость от заграничного зерна и мяса растет. Официальная идеология в полном параличе: доминирует цинизм в любых формах. А над всем, как тишина перед грозой или ураганом, — новый виток гонки вооружений.

Опыт второй половины XX в. показал, что стабильные, развитые, богатые демократии не начинают больших войн, в крайнем случае могут быть втянуты в них (США — во вьетнамскую, в конфликт в Персидском заливе; Англия — в известные события на Фолклендских островах).

Однако надо полностью потерять рассудок, чтобы представить вторжение тех же Штатов, скажем, в Китай или нападающую на Россию Англию, а Францию — с мечом идущую на Апеннины...

Только сумасшедший может вообразить себе, что НАТО отдает приказ о начале атаки на Советский Союз, а теперь и на Россию, руководствуясь тем, что современная-де Россия — нищая, истощенная страна. Но то, что обе мировые войны были начаты отнюдь не демократическими режимами, — истина, не требующая доказательств. Можно сколько угодно спорить о роли Гитлера или Сталина — но совершенно очевидно, что уж Вторая-то мировая была развязана тоталитарным режимом.

Стабильные рыночные демократии, конечно, отнюдь не идеальны: в отстаивании своих интересов они могут быть сколько угодно неприятными, вести, например, «дипломатию канонерок» и т. п., но они в принципе не являются источником военной угрозы для соседей, и уж во всяком случае крупных соседей. Категории соперничества, порой даже вражды остаются сугубо экономическими, никак не военными.

А вот для режимов недемократических, нестабильных, тем паче тоталитарных — как раз в силу традиционного механизма принятия важнейших решений — характерно, более того, неизбежно представлять в лице своем источник угрозы именно военной. Как раз Советский Союз с восточным блоком именно так и воспринимался остальной Европой. (Кстати, точно так же советское руководство после известного конфликта в конце 60-х воспринимало Китай, страну экономически бедную и недемократическую.)

Любопытная взаимно оборачивающаяся закономерность: если кто-то боится другого, то действия первого основаны, естественно, на страхе. У другого же, как более сильного, вроде нет оснований для боязни. Однако можно, как инфекцией, заразиться самим страхом того, кто страх испытывает. Тут кроется, на наш взгляд, важнейшая для России геополитическая проблема, корни которой уходят еще в прошлый век.

Тогда, после 1812 г., Россия — большая, сильная и бедная — внушала известный страх всей Европе. То, что мы проиграли Крымскую кампанию, — это результат не только слабости тогдашней российской экономики и посредственной работы дипломатов. Причина и в том, что российский монстр восстановил против себя почти весь тогдашний мир. Не случайно, что в неприятельскую коалицию вошли и Турция, и Англия, и Италия, и Франция, а в конце войны, по сути, к ней присоединилась даже Австро-Венгрия, поначалу сохранявшая нейтралитет. Причем все эти страны отнюдь не питали особых симпатий друг к другу.

Столь же неизбежной была подобная реакция мирового сообщества и на победу в войне Советского Союза в 1945 г., давшей такой толчок к сколачиванию на востоке Европы новой, грозной, агрессивной по сути, тоталитарной по управлению и бедной по уровню жизни населения империи. Выражением вполне понятного тогда страха, испытываемого демократическим Западом, было

создание в пожарном порядке организации НАТО. Европейский страх — источник американского мирового лидерства; и во многом теми же причинами был вызван выламывающийся из вековых традиций американский активизм, который и вовлек США в две войны — корейскую и вьетнамскую.

Единственно разумной с позиции национальных интересов реакцией СССР на внушаемый им самим страх должно было стать, разумеется, предельное спокойствие, понимание того, что все эти действия Запада вовсе не угроза, а лишь следствие опасения перед усиливающейся советской военной мощью. А отсюда и вывод, что соревнование в этой области абсолютно не является необходимым для страны, тогда как, напротив, динамичное экономическое развитие — повод для истинного соревнования и созидания. Подобный вывод, как известно, сделала Япония, проигравшая в том же 1945-м, но не погнавшаяся вдогонку восстанавливать утраченный в войну потенциал, а сознательно и планомерно, путем долгосрочных низких военных расходов и высоких темпов экономического роста достигшая в конце концов неоспоримого триумфа в единственно реальном соревновании — экономическом.

Не то у нас (хотя, имея в виду традиции национального сознания, и у России, и у Японии есть нечто общее). Ведь социалистический режим всю свою историю кормил нас тем, что вот на нас напали, мы выиграли величайшую войну, заплатив за это десятками миллионов жизней, и что теперь каждой натовской ракете нужно противопоставить свою ракету, каждому танку — свой танк, самолету, подводной лодке и т. д., т. е. мы должны быть готовы к войне со всем миром. Да и со стороны марксистской, коммунистической идеологии получается, что всю страну, всех ее граждан, по существу, готовили, внушая неизбежность, к решающей схватке с мировым капитализмом, заворачивая и одновременно панически боясь его. Иными словами, мы втягивались в опаснейшую игру, в которой можно промотать какой угодно объем национальных ресурсов, а втянувшись, очень трудно потом выйти из нее. Скажем, у вас атомные подлодки — а мы вам в ответ системы их обнаружения; вы ставите бесшумные винты — а мы спутники повесим; вы нас спутниковым оружием — мы для вас найдем чего еще похлеще. И так до бесконечности.

Да, нас боятся. На Западе есть лобби, назначение которого — выбивание денег на военные расходы. Мы тоже боимся, и у нас свое

лобби, которое тоже выбивает средства. И снова до бесконечности, до полного абсурда...

Но не все окружающие Россию страны отличаются стабильной демократией. Были и будут существовать различные потенциальные носители угрозы нашей безопасности. И системы предупреждения и нейтрализации таких источников должны быть адекватны задачам обороны. Как Запад заинтересован в том, чтобы Россия, став стабильной и процветающей, перестала представлять известную угрозу, так и наша страна заинтересована в том, чтобы ее сосед — великий Китай — тоже стал стабильной, богатой, процветающей демократией. Но вместо такой прозрачной реальности следовали странные с точки зрения нормальной логики шаги — ставили, например, ракеты «СС-20» с прицелом на Европу. В ответ, естественно, там ставили свои...

Существует несколько фундаментальных положений, которые, по-видимому, и должны определять направление геостратегических интересов России.

Первое. Запад с давно сложившимся стабильным рынком не является для нас угрозой в военном отношении. Источник подобной опасности не богатые, а бедные страны.

И второе. У нас тем больше будет возможностей достойного ответа потенциальным нарушителям нашего спокойствия, чем меньше мы будем тратиться (беря во внимание тот же Запад и США) на атомные подлодки и противоракетные космические системы. Реально-то стрелять ну просто не по кому!

Ошибочными являются притязания на то, что надо во что бы то ни стало сохранять паритет в вооружениях и относительное равенство в военной технологии. До сих пор у нас в ходу известное заблуждение: раз мы в чем-то там слабее, стало быть, и хуже. Если бы, опять же, Япония реагировала таким вот образом на имеющееся в Соединенных Штатах лазерное и иное новейшее оружие, она бы никогда не выбралась из послевоенной ямы. Японцев вовсе не унижает то обстоятельство, что у них нет таких ракет, как у США; и они вовсе не опасаются, что бывший противник в мировой войне может их уничтожить. Не испытывает унижения и Германия. Что же до Англии, то она содержит свой атомный флот не из-за боязни, что вдруг американцам придет в голову нанести по их островам некий превентивный удар, но просто потому, что хочет сохранить

(будучи слабее экономически) статус равноправного партнера (хотя и младшего) великой ядерной державы.

Было бы прекрасно, если бы Россия могла себе позволить, как Япония, тратить всего один процент бюджета на военные расходы в течение следующих пятидесяти лет, создав тем самым плацдарм для быстрого экономического роста. Не может, к сожалению. Одна из причин — наш восточный сосед с населением в миллиард двести миллионов человек, страна политически нестабильная, хотя и с быстро растущей экономикой. С точки зрения геополитической нам важнее не лишний десяток атомных подводных лодок у берегов, скажем, Аргентины, а всемерное развитие инфраструктуры Восточной Сибири и Приморского края. Если, по всем прогнозам, Тихоокеанский регион станет в новом веке крупнейшим торговым конгломератом и вообще базовой точкой мирового экономического роста, то у нас там, на самой границе, окажется мощнейшее государство с весьма непрямыми целями, с экономическим потенциалом значительно больше нашего, с неизмеримо превышающей нашу плотностью населения.

Это тема для отдельной серьезной дискуссии — где у нас потенциальные носители угроз, в чем выражается наш приоритет, куда должны направляться усилия по совершенствованию сухопутных войск и мобильных сил реагирования, а также авиации, флота и т. д. Отсюда наверняка понятно, где и кого нам искать в качестве возможных союзников. Скажем, Япония, как стабильное, богатое, демократическое государство Азии, не представляет источник какой-то угрозы для России. Более того, она наш потенциальный важнейший партнер в деле индустриального развития отечественного Дальнего Востока. Сближение с Японией (дружеские, партнерские, союзнические с ней отношения) с точки зрения геостратегических интересов России в XXI в. является проблемой абсолютно доминирующей. Если бы предположить, что кто-то хочет максимально навредить российским интересам, то ничего лучшего, чем вонзить занозу в отношения с Японией, придумать невозможно.

Надеясь на то, что в Китае будет стабильная демократия, мы занимаем в отношении него такую же позицию, как и Европа в отношении нас. Когда Запад нас остерегается, тогда заигрывание его с нашими восточными соседями не что иное, как создание

элементарного контрбаланса. Отпадет боязнь, и сразу прояснится подлинная картина того, кто и как к нам относится.

Осознавая, что условия, допускающие лишь минимальный уровень военных расходов (даже с учетом того, что угроза безопасности все еще пока реальна), существуют, мы должны ясно представлять себе: в долгосрочной перспективе только рыночная экономика со всеми ее плюсами в сочетании с демократией даст нам ресурсы, достаточные для защиты национальной безопасности в XXI в.

Вернемся к началу 80-х гг. К этому времени патологическое бессилие брежневского двадцатилетия достигло апогея. Сравнительная оценка развития разделенных стран (Восточная и Западная Германия, Россия и Финляндия, Чехословакия и Австрия, Южная и Северная Корея) с предельной убедительностью показала, насколько масштабны экономические пробелы социалистического лагеря. А тут еще смена администрации в США — выход на политическую арену нового, достаточно прагматичного, жесткого, решительного руководства, провозглашение им программы «звездных войн». Резкое увеличение военных расходов, гонка вооружений приобретают почти глобальные черты. Период, когда общество и политическая элита на 1/6 части света могли спокойно игнорировать краеугольную марксистскую формулу о несоответствии производительных сил производственным отношениям, по существу, завершился.

Кстати, о марксизме: как практическое руководство учение, разумеется, давно мертво. С точки же зрения гносеологической марксизм — как социально-экономическая концепция — позволял сделать один-единственный вывод: сложившиеся формы организации производства, более или менее эффективные на предшествующем этапе, но не соответствующие изменившимся условиям, должны подлежать изменению.

Понятно всем, что подобный вывод — смертный приговор социализму со всей его марксистско-мессианской идеологией. То, что получило когда-то название «социализм», оказалось настоящей преградой на пути развития и потому так или иначе должно было освободить наконец занимаемое им место в человеческой истории.

Вопрос лишь в том, как, с какой динамикой и во что уляжется этот давно ожидаемый поворот в производственных отношениях, какой степени накала достигнет возможный и даже неминуемый социальный конфликт в обществе, насколько катастрофичной

(памятуя об Октябре 17-го) обернется та стоящая у порога социальная революция, которая должна принести с собой новые формы организации экономики?

Любой серьезный политик может (и должен) в этот ответственный момент желать только одного: чтобы процесс был как можно мягче, безболезненнее, чтобы новая революция не была, как прежняя, насильственной. Проблема перевода стрелок, указывающих путь развития, на другой курс — главная, пожалуй, проблема эпохи конца социализма (между 1982 г., когда к власти пришел Андропов, и концом 1991-го, когда система катастрофически и, похоже, окончательно в несколько дней развалилась в своей цитадели — в последней, несчастной «отдельно взятой стране»).

И здесь на первый план выходит одна фундаментальная черта социалистической экономики, всего социалистического устройства общества — что, собственно, и сделало возможным совершить в недалеком прошлом пресловутый рывок «по-социалистически». Речь идет о вовлеченности власти в текущие экономические процессы.

В любом почти учебнике по рыночной экономике можно найти те азбучные, идущие еще от Адама Смита рассуждения, что, например, своим потреблением молока и хлеба мы обязаны не воле государства и не буржуазности молочников и хлебопеков, но жесткой логике того, что выражает экономический интерес последних. При социализме же тому, что в магазинах продается хлеб и молоко, тому, что в дом подается электроэнергия, тому, что ходят поезда и функционируют университеты, мы обязаны, единственно и только, пронизывающей всю страну снизу доверху гигантской иерархии начальников, которые издают директивы, «снимают стружку» с подчиненных, способны руководить равно и шахтой, и библиотекой, любят прозвище «хозяин», хотя и не являются таковыми, увольняют провинившихся и упрямых, а верных и послушных продвигают дальше и вверх, ведают и фондами, и лимитами, заседают, доводят до ума, рапортуют о сдаче, «горят на службе» в дни авралов и т. д. и т. д.

Выньте этих начальников из системы — она развалится, как груда сгоревшего хвороста.

Когда пошли последние отпущенные социалистической экономике часы, перед «верхним эшелонем» встал один, по существу, кардинальный вопрос: успеем ли создать или как-то сохранить тот набор регуляторов, который позволит, когда основной стержень

прежних прерогатив будет безжалостно вынут, перевести устоявшиеся микроэкономические связи, так сказать, на новый плацдарм, под знамена рынка и собственности? Или же процесс окажется неуправляемым, стихийным?

Вопрос этот провисел в воздухе фактически все шесть лет — с 1985-го по 1991-й. Ключевым, решающим было принятие Закона о предприятиях, благодаря которому вводилось назначение и снятие директоров с согласия трудовых коллективов. Тем самым оказалась подорванной (в главном, стержневом звене) эффективность той власти, что на протяжении десятков лет неограниченно управляла всей социалистической экономикой. Это был первый удар. Дальнейшие посыпались как из рога изобилия. Ослабление КПСС, назначение демократических выборов, суверенизация республик... Поступающие противоречивые указания позволяли вообще игнорировать все, что спускалось сверху. Стремительно ослабевала эффективность всех институтов социально-экономической жизни общества — не выполнялись планы, не отоваривались фонды, срывались госзаказы, вводились таможенные барьеры между регионами — словом, шел быстро нарастающий уже не кризис, а обвал. То, что подобное угрожало стране, — неопровержимый факт, усугубляемый еще и тем, что долго и умышленно не создавались параллельные, способные подхватить на лету рушащуюся на глазах экономику конструкции, механизмы, инструменты и рычаги частного предпринимательства и рынка.

Очевидная неудача экономической политики властей, утрата ими уверенности в себе, слепота при выборе путей, шараханье из стороны в сторону — все это способствовало формированию мощного общественного движения, в основе своей ориентированного на радикальную смену существующего режима под лозунгами демократического популизма.

Вспомним снова хваленую марксистскую логику. Если правящая элита не способна изменить пришедшие к упадку отношения в производстве так, чтобы дать стимул экономическому развитию, то тем самым она сама выкапывает себе могилу, ибо создает возможность для революции.

Возникает принципиально новая политическая и экономическая реальность. Уже с 1988 г. власть не выбирает и тем более не определяет стратегию экономического развития: она действует во все более узких рамках. Каждая неудача ее, каждый просчет, каждый

новый дефицит играет на руку оппозиционным властям, укрепляет радикально-демократическое движение. Верхами вынужденно принимаются популистские решения, еще глубже подрывающие финансовый, экономический остов государства. Новая социальная программа, снижение налогов, крупные дополнительные расходы... Обществу приходится платить за последствия каждого из этих, по существу, безответственных шагов; в результате жизнь становится с каждым месяцем все хуже, и конца этому как будто не видно.

Посткоммунистические экономические реформы: прошло пять лет

Быстро промелькнули пять лет — очень непростых в истории России и тех 25 стран, которые сейчас принято называть посткоммунистическими. Впрочем, современникам свойственно переоценивать (а иногда и недооценивать) выпадающие на их долю тяготы. Вряд ли пять посткоммунистических лет были объективно самыми тяжелыми для россиян в XX столетии — их нельзя даже отдаленно сравнить ни с военным лихолетьем, ни со сталинским террором. Но спросите нашего современника средних лет — и окажется, что худшей ситуации, чем сегодня, нет и быть в России не может. А ведь пока стране удалось избежать множества драматических последствий, сопровождавших распад крупнейших империй XX в. Избежала страна пока и многих тяжелых, труднопоправимых ошибок, которые, как правило, делают правительства в условиях острых трансформационных кризисов, когда происходит смена отжившей общественной системы новой. Однако это должно быть темой особой работы — ошибки и трагедии в условиях общественного кризиса, что выходит за рамки настоящей статьи (Этой проблеме посвящено немало исследований: *Hirshleifer J. Economic Behaviour in Adversity. Brighton, 1987.*)

В данном же случае я хотел бы подчеркнуть другое: за прошедшие пять лет уже сформирована достаточно прочная база для незаидеологизированного экономического анализа, — для анализа, основанного на цифрах и сопоставлениях нашего собственного опыта и практики других посткоммунистических стран, свободного

от искусственных построений, которые отражают политические амбиции одних и социальные мечтания других.

И прежде всего это касается наиболее острых вопросов, служащих отправной точкой большинства дискуссий российских экономистов, — взаимосвязи таких основных макроэкономических параметров, как экономический рост и инфляция, а также их обусловленности бюджетным процессом и налоговой системой. Именно в этой области накопленный опыт посткоммунистического развития является наиболее очевидным и позволяет сформулировать достаточно четкие закономерности. Эти закономерности не представляют собой принципиально нового слова в экономической науке — они уже давно перестали быть предметом каких-то особых теоретических споров. Но применительно к посткоммунистическому развитию сомнения оставались — многие исследователи (по большей части отечественные, нежели зарубежные) полагали, что «развитой социализм» внес в хозяйственную структуру соответствующих стран нечто такое, что коренным образом меняет традиционные представления экономической науки о взаимосвязи основных макроэкономических параметров.

ДИСКУССИИ ОБ ИНФЛЯЦИИ

В 1991 г. советские экономисты могли позволить себе обсуждать проблемы посткоммунистической инфляции в сугубо абстрактном, теоретическом плане. А какой она будет — затратной или спросовой? Какова будет роль инерционных компонентов? В какой мере скажутся структурные зависимости? Будут ли действовать стандартные взаимосвязи между номинальным ростом денежной массы и сокращением спроса на деньги?

Теперь мы имеем возможность провести сравнительный анализ данных о темпах роста цен, ВВП и денежной массы примерно по 25 странам, где экономическую политику разрабатывали и осуществляли 50 различных правительств, а также, что особенно важно, данных по самой России за 1992–1995 гг. (некоторые данные приведены в табл. 1). Что же здесь можно сказать нового, включаясь в споры об источниках инфляции и факторах, которые на нее влияют?

Итак, существует два основных подхода. Первый рассматривает инфляцию как преимущественно денежный феномен, т. е.

Таблица 1. Динамика ВВП, денежной массы и потребительских цен в странах с переходной экономикой, темпы прироста, %

Показатель	1991	1992	1993	1994
Албания				
ВВП	-28,0	-7,2	9,6	9,4
Индекс потребительских цен	35,5	236,6	30,9	15,8
M2	104,0	153,2	75,2	39,5
Болгария				
ВВП	-11,7	-7,3	-2,4	0,3
Индекс потребительских цен	333,5	82,0	72,8	96,0
M2				
Венгрия				
ВВП	-11,9	-3,0	-0,8	2,0
Индекс потребительских цен	35,0	23,0	22,5	18,8
M2	16,9	31,0	10,4	10,4
Польша				
ВВП	-7,0	2,6	3,8	6,0
Индекс потребительских цен	70,3	43,0	35,3	32,2
M2		38,8	31,3	40,0
Словакия				
ВВП	-14,5	-7,0	4,1	4,8
Индекс потребительских цен	61,2	10,0	23,2	13,4
M2				
Словения				
ВВП	-9,0	-5,4	1,3	5,5
Индекс потребительских цен	117,7	201,3	32,3	19,8
M2		236,9	40,9	43,4
Чехия				
ВВП	-14,2	-6,6	-0,5	2,6
Индекс потребительских цен	56,5	11,1	20,8	10,0
M2	28,8	17,3	20,5	21,5
Беларусь				
ВВП	-2,0	-10,0	-10,6	-20,2
Индекс потребительских цен	94,0	1065,0	1188,0	2220,0
M2	74,0	508,0	928,0	1183,0
Россия				
ВВП	-13,0	-19,0	-12,0	-15,0
Индекс потребительских цен	92,6	1354,0	896,0	302,0
M2	125,9	642,6	416,2	197,9
Украина				
ВВП	-11,9	-17,0	-13,0	-23,8
Индекс потребительских цен	91,0	1445,0	4730,9	900,0
M2	101,0	921,0	2103,0	465,0

Источник: данные МВФ.

как феномен, которым можно управлять при помощи денежной политики. Второй трактует инфляцию как некий структурно заданный процесс, который предопределен технической отсталостью нашей экономики и особенно ее монополизмом. Попробуем их сравнить.

Для начала посмотрим на бывшие страны социалистического содружества. Бросается в глаза, что уровень инфляции исключительно

сильно варьировал по странам: например, этот показатель колебался от 10% в Чехии в 1994 г. до 4730% в Украине в 1993 г.¹ Причем по всей совокупности стран прослеживается четкая зависимость между темпами инфляции и предшествующим ростом денежной массы со стандартным лагом. Кстати, именно продолжительность этого лага и является специфической особенностью, зависящей как от структуры национальной экономики, так и от степени ее адаптированности к рынку. Лаг короче в экономиках меньшего масштаба — например, в Украине он не превышает трех месяцев, а в России приближается к шести. Лаг удлиняется в экономиках с более развитой структурой рыночных (прежде всего финансовых) институтов — например, в России в 1992 г. он составлял примерно три месяца, а в 1995 г. уже шесть. Ранжирование стран по критериям роста денежной массы и динамики цен практически одинаково, что позволяет сделать однозначный вывод: динамика цен определяется темпами роста денежной массы с некоторым лагом.

Наконец, взглянем на эту проблему еще под одним углом зрения. Что же получается? Если инфляция, как полагают отдельные ученые, — это некоторый структурно заданный феномен, предопределенный технической отсталостью экономики страны и монополизмом, то неизбежно напрашивается вывод, что, скажем, Украина в 50 раз технически более отсталая страна, чем Албания: ведь в 1994 г. инфляция в них составляла соответственно 900 и 16%. Данные об инфляции тогда «подсказывают», что экономика Киргизии (инфляция — 280%) технологически гораздо более развита, чем экономика Беларуси (инфляция на порядок выше — 2200%). Вряд ли какой-либо грамотный экономист всерьез согласится с подобными умозаключениями.

Теперь рассмотрим динамику инфляции во временном разрезе — по периодам. Обратимся к опыту Украины. Динамика цен в Украине очень тесно следовала за динамикой денежной массы, причем с коротким лагом. В октябре 1994 г. правительство Украины начало проводить сдерживающую денежную политику. Темпы роста денежной массы резко пошли вниз. Инфляция, которая составляла 70% в октябре 1994 г., была снижена до 4–5% к лету 1995 г. Затем с июля — августа

¹ Автор мог бы добавить и пример гиперинфляции 1993 г. в Югославии, проанализированный им в приведенной выше статье «Работа над ошибками». — *Прим. ред.*

1995 г. в Украине начался новый «приступ» экономического популизма. За один месяц было выдано кредитов на сумму, предназначенную для всего III квартала, и уровень инфляции утроился на протяжении следующих двух месяцев. Разве технологическая структура в Украине за эти месяцы претерпела столь радикальные сдвиги?

Аналогичная ситуация сложилась и в России, где также наблюдается очень четкая зависимость темпов роста цен от перепадов денежной политики. В Институте экономических проблем переходного периода была разработана достаточно простая модель, включающая два фактора — рост денежной массы и инерцию инфляции с соответствующими весами¹. Ретроспективная проверка модели дает коэффициент корреляции роста денежной массы и инфляции, равный 0,9. Думаю, что это является достаточно убедительным свидетельством в пользу вывода о том, что инфляция в России представляет собой денежный феномен и ею можно управлять при помощи денежных параметров.

Правда, здесь я должен оговориться: такой вывод верен лишь для ситуации, когда уровень инфляции составляет выше 50% в год. Если же инфляция ниже этого уровня — включаются и другие факторы. Данный вопрос требует специальных исследований. Известно, например, что в посткоммунистических экономиках существуют факторы, поддерживающие инфляцию на довольно высоком (по сравнению с нормальными 2–3% в год) уровне — 10–40% — на протяжении достаточно продолжительного периода. Здесь уже основным денежным параметром, обуславливающим рост цен, являются не изменение спроса на деньги и не изменение скорости обращения денег, как это было в период высокой инфляции, а прежде всего процесс дедолларизации экономики и соответственно рост денежной базы в связи с увеличением валютных резервов.

В 1995 г. в российской экономике уже появились первые признаки усиления влияния таких факторов, и они станут доминирующими, если проводимый в текущем году макроэкономический курс останется неизменным и не будет в очередной раз принесен в жертву интересам внутривалютной борьбы.

¹ Модель описана в статье: *Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г.* Альтернативы экономической политики и проблемы инфляции // Вопросы экономики. 1995. № 12.

Инфляция и экономический рост

Другим важным вопросом является взаимосвязь инфляции и производственного спада (или роста). Эта проблема оставалась одной из центральных в экономических дискуссиях на протяжении XX столетия, и к настоящему времени утвердилась точка зрения, принятая всеми направлениями современной западной экономической мысли. Поскольку экономисты бывших социалистических стран были практически лишены возможности участвовать в этих дебатах, нам приходится переживать эти перипетии заново. На протяжении последних лет мы были свидетелями и страстных призывов «дать денег и спасти производство», и альтернативных высказываний, вообще отрицающих влияние инфляции на динамику производства. И теперь некоторые политики призывают поддерживать производство даже ценой инфляции 10% в месяц (подобные заявления делают и Г. Явлинский, и Н. Рыжков). Тем не менее почти весь мировой опыт показывает, что при подобном уровне инфляции экономический рост невозможен.

Здесь имеет смысл говорить о данной проблеме в краткосрочном и долгосрочном аспектах. В интервале трех-четырех месяцев (краткосрочный период) снижение темпов роста номинальной денежной массы и в России, и в других постсоциалистических странах действительно обуславливает дополнительное падение производства. Этот абсолютно объективный факт подтверждается всеми наблюдениями.

Но если посмотреть на развитие событий в долгосрочном аспекте, придется сделать прямо противоположный вывод. Выясняется, что устойчивый экономический рост в пореформенный период начинается только в тех странах, где инфляция опускается до уровня ниже 50% в год. Там, где инфляция выше, падение производства продолжается, хотя и разными темпами.

При обобщении данных об инфляции и экономическом росте (спаде) целесообразно разделить страны на три группы. Во-первых, страны с уровнем инфляции свыше 100% в год, для которых характерно устойчивое падение производства. Во-вторых, страны, где этот показатель ниже 50%, — здесь, как правило, наблюдается устойчивый рост. И в-третьих, страны, в которых этот показатель находится в промежуточном интервале — 50–100%; для таких стран

характерны разнонаправленные помесечные изменения: не наблюдается ни устойчивого роста, ни устойчивого падения.

Чем же обусловлена подобная взаимозависимость? Ведь устойчивая высокая инфляция, как правило, является признаком показной заботы правительства об объеме производства. Нигде столько не говорили о защите производителей, как в Украине.

Нигде не были столь сильны позиции директорского корпуса, выбивающего себе льготные кредиты, дотации, настаивающего на проведении взаимозачетов, как в Украине или в Беларуси, и именно в этих странах налицо самая высокая инфляция и самое глубокое падение производства. В общем мы наблюдаем два стандартных процесса, о которых было известно еще из экономической теории, но наиболее ярко проявившихся именно сейчас — в экономической практике постсоциалистических государств. Высокая инфляция — это высокий налог на сбережения в национальной валюте, это совершенно неизбежное «бегство» капитала, приоритет краткосрочных финансовых операций по сравнению с инвестициями в национальную промышленность. Таким образом, высокая инфляция жестко блокирует экономический рост.

(Значимое исключение представляет собой, пожалуй, только опыт Бразилии 60-х гг. Но там действовали совершенно особые политические и экономические предпосылки, которые достаточно хорошо изучены экономистами¹.)

Итак, в краткосрочном периоде только там, где удастся сбить инфляцию до уровня ниже 50% в год, создаются реальные предпосылки роста (см. табл. 1). Но, скажем, в интервале от 10 до 40% уже встают вопросы: насколько жесткой должна быть денежная политика и остается ли приоритетным дальнейшее снижение темпов инфляции? Здесь начинает действовать ряд структурных факторов, из которых наиболее влиятельным является неэластичность цен в сторону их понижения, и в связи с этим рождается тенденция к повышению уровня инфляции при устранении ценовых диспропорций. Но, повторим, такие факторы становятся действенными при инфляции в интервале 10–40% в год, а никак не при инфляции 300%.

¹ Dornbusch R., Simonsen M.H. (eds.) *Inflation. Debt and Indexation*, Cambridge, Mass: The MIT Press; L., 1984.

Поэтому возникает другой вопрос — принципиальный с точки зрения современной экономической политики России, с точки зрения перехода ее в фазу экономического роста: можем ли мы в принципе уже сейчас снизить инфляцию до уровня, совместимого с экономическим ростом, или нам вновь придется пойти по пути «разгона» инфляции, блокирующего экономический рост на перспективу? Именно в этом заключается дилемма сегодняшнего дня, именно в этом ключе идут дискуссии о бюджете на 1996 г. Проблема здесь не в арифметике или методике расчета допустимого уровня инфляции (1 или 3% в месяц), а в стратегической направленности экономической политики.

Некоторые экономисты считают, что в России на протяжении ряда лет будет сохраняться достаточно высокая инфляция. К ним принадлежит Г. Явлинский. Суть его тезиса состоит в том, что российской экономике внутренне присуща некая «фоновая» инфляция порядка 10% в месяц и ниже она в ближайшие годы никак опуститься не может по ряду причин в основном структурного характера. Раз так, раз инфляция «внутренне присуща», то нечего и пытаться ее снижать. Данную позицию наглядно отражает записка бюджетного комитета Государственной думы. Проанализируем тезис Г. Явлинского с точки зрения имеющегося опыта и здравого смысла.

Прежде всего отметим, что практический опыт ни одной из посткоммунистических стран не подтверждает подобный вывод. Везде, где финансовая политика была более или менее последовательной, инфляция снижалась до величин гораздо более низких.

Можно, конечно, возразить, что Польша и Киргизия, Чехия, Словакия и Молдавия для нас не пример, Россия абсолютно уникальна и некие особые факторы не позволят снизить уровень инфляции ниже каких-то заданных величин. Однако в качестве контраргумента достаточно вспомнить хотя бы наш собственный опыт: в 1992 г. удалось снизить рост цен до 10% в месяц, а в 1994 г. данный показатель опустился ниже 5%.

Разумеется, окончательный ответ на вопрос, поможет ли политическая воля опустить инфляцию до 60% годовых, дает только конкретная практика. Тем не менее, анализируя логику подобной позиции, обратимся к реальным фактам. Итак, 1995 г. Политика Правительства России достаточно устойчиво антиинфляционна. И говорить о том, что схожесть инфляционной динамики

с показателями 1994 г. позволяет прогнозировать и провал политики 1995 г., по меньшей мере некорректно. Ведь политическая логика была совершенно иной.

В I квартале 1994 г. продолжалась жесткая политика, характерная для осени 1993 г., которая к весне (с шестимесячным лагом) стала давать свои результаты. Первая половина 1995 г. — это продолжение политики 1994 г. А вот со второго полугодия 1995 г. доминируют принципиально иные по сравнению со вторым полугодием 1994 г. тенденции. Здесь наблюдаются радикальные различия в динамике и инфляции, и валютных резервов. Если бы гипотеза о 10%-м «фоновом» уровне российской инфляции была верной, то осенью 1995 г. Россия неизбежно столкнулась бы с резким ускорением спада производства. Но этого не происходит.

Много и справедливо говорится о снижении доходов населения. Но при этом упускают из виду одну маленькую, но принципиальную деталь: а когда это произошло? Если проанализировать помесечные данные о реальных доходах, о реальной заработной плате и об инфляции доходов, нетрудно увидеть, что рост дифференциации и весь объем падения доходов приходятся на период с ноября 1994 по февраль 1995 г., т. е. на период высокоинфляционного всплеска, последовавшего за денежной накачкой лета 1994 г. Это была инфляционная волна, естественным следствием которой стала дифференциация доходов (табл. 2).

Итак, 1995 г.: российская экономика. Падения производства нет, инфляция постепенно снижается. И в такой ситуации раздаются призывы отказаться от жесткой политики и начать покрывать дефицит госбюджета за счет эмиссионных кредитов Центрального банка. Здесь стоит более внимательно присмотреться к опыту двух предшествующих попыток стабилизации. 1992 г.: процесс блокирования инфляции срывается в результате мощного давления Верховного Совета, принимающего решение о примерно двукратном увеличении бюджетных расходов. 1994 г.: ключевая роль в срыве стабилизации принадлежит опять законодателям — Государственной думе, принявшей весной поправки к бюджету, которые необоснованно увеличивали бюджетные доходы и расходы. И вот теперь, в 1995 г., по мере поступательного движения к стабилизации в парламенте вновь раздаются призывы перейти к эмиссионному финансированию дефицита бюджета. Мы видим,

Таблица 2. Динамика показателей доходов населения

Период	Реальные денежные доходы (июль 1995 г. = 100%)	Коэффициент концентрации доходов* (индекс Джини)	Фондовый коэффициент дифференциации доходов*	Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, млн человек
1994 г.				
Июль	100,0	0,038	13,2	36,6
Август	105,3	0,385	13,5	29,3
Сентябрь	105,5	0,395	14,1	30,4
Октябрь	102,5	0,396	14,3	30,0
Ноябрь	97,6	0,412	14,4	33,9
Декабрь	112,9	0,409	15,1	30,1
1995 г.				
Январь	75,6	0,397	14,2	49,4
Февраль	77,1	0,404	14,4	50,4
Март	84,1	0,389	13,6	43,9
Апрель	84,4	0,385	13,3	43,1
Май	85,3	0,382	13,3	42,2
Июнь	88,7	0,382	13,4	41,5
Июль	86,0	0,380	13,3	39,2
Август	86,9	0,380	13,3	34,9
Сентябрь	88,6	0,382	13,4	32,8

* Индекс Джини и фондовый коэффициент рассчитаны согласно методике Госкомстата РФ ежемесячно по данным о доходах, накапливаемых с начала года.

что всякий раз, когда инфляция снижается и открывается реальная возможность добиться стабилизации, перейти от спада к экономическому росту, в высшем законодательном органе страны появляется мощная сила, главная цель которой — срыв стабилизационного курса.

Логика событий свидетельствует о том, что «фоновый» уровень инфляции создают не какие-то внутренние экономические факторы, а конкретный политический механизм, находящий соответствующее «институциональное» оформление среди законодателей. А это уже совсем иная зависимость.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И НАЛОГИ

Еще одной важнейшей проблемой всех посткоммунистических стран является формирование оптимальной налоговой системы. Ее острота обусловлена сутью тех противоречий, тех кризисных явлений, с которыми приходится сталкиваться всем посткоммунистическим экономикам.

Существует четко прослеживаемая мировая тенденция — постепенный (по мере повышения уровня экономического развития) рост доли налоговых изъятий. Например, при всех условностях оценки ВВП начала XX в. можно ясно видеть, как от налоговых изъятий, равных в среднем 10% ВВП до Первой мировой войны, страны подходили к 20% в середине века. А в настоящее время среди наиболее развитых государств с уровнем ВВП на душу населения 15–28 тыс. долл. доля налоговых изъятий колеблется от 30 до 50% ВВП.

Словом, существуют объективно заданные рамки. Есть и некоторая свобода маневра. Так, уровень налоговых изъятий выше 50% ВВП присущ «социально ориентированным» экономикам типа шведской, переживающим в настоящее время тяжелый финансовый кризис, 30%-й уровень характерен для стран, находящихся в стадии устойчивого роста.

Рассматривая экономики с уровнем развития, соответствующим российскому (ВВП на душу населения равен примерно 5 тыс. долл.), следует отметить, что лишь посткоммунистическим экономикам этой группы присущи более чем 30%-е налоговые изъятия.

Специфика социализма как нерыночного хозяйства, как системы, отрицающей рынок, состояла в том, что иерархическая зарегулированность (плановость) экономики давала возможность «снимать» объективные ограничения, накладываемые рынком на макроэкономику. Социализм «создал» экономику, которая распределяет через бюджет более половины ВВП и при том не разваливается.

Не будем оценивать подобные «возможности» социалистической экономики, важно подчеркнуть другое: когда иерархическая система рушится и начинает действовать рыночная система координации, возникает острейшее макроэкономическое, воспроизводственное противоречие. Вся экономика привыкла работать в условиях перераспределения через бюджет половины ВВП, а сейчас государство не способно получить для этих целей более 30–35%, да и то при огромном напряжении сил. Вся экономическая структура оказалась приспособленной под такой уровень вовлеченности государства в экономику, который несовместим с работой рыночных механизмов.

Опыт показывает, что здесь существует только один стратегический выход — достаточно решительное приведение в соответствие реальных бюджетных расходов и источников налоговых

поступлений, а также максимальное упрощение налоговой системы с целью повышения ее эффективности. Ни в коем случае проблема бюджетного дефицита не может быть решена посредством повышения налоговых ставок, поскольку такие меры лишь загоняют все большую часть экономики в теневой сектор.

Стратегический вопрос сегодняшней российской экономики — упрощение налоговой системы, максимальное ограничение и отмена налоговых льгот при максимальном сокращении круга применяемых налогов. Сложная система стимулирования производства через налоговый механизм может более или менее эффективно работать лишь в условиях финансовой стабильности, хорошо отлаженного государственного аппарата, действенной налоговой администрации. В современной же российской ситуации такие шаги могут лишь привести к парадоксальным результатам, когда, например, доходы от водки в бюджете оказались рекордно низкими за всю историю страны начиная с XIX в. Таковы последствия применения индивидуальных налоговых льгот при попытках «тонкой подстройки» налоговой политики к задачам стимулирования экономики.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее. Конечно, поразительной недалёковидностью было бы сводить все проблемы экономического развития России только к проблемам финансовой стабилизации. Да вряд ли сторонники подобной точки зрения вообще существуют — уже поэтому столь популярный в настоящее время полемический задор многих публикаций становится бессмысленным. Всем ясно, что стратегия реформ в России на ближайшие годы отнюдь не сводится и решению финансовых задач. Но здесь очень важно «с водой не выплеснуть и ребенка»: раз финансовая стабилизация не единственная проблема, то и не важная. А ведь нередко смысл многих высказываний сводится именно к этому. Принять такую позицию означает лишь одно: открыть прямой путь к стагнации экономики, росту социальной дифференциации и социальному конфликту.

Отложенный выбор

РЕШЕНИЕ О ПОДДЕРЖКЕ КАНДИДАТА БУДЕТ ЗАВИСЕТЬ
ОТ ТОГО, ЧТО БУДУТ ДЕЛАТЬ ЕЛЬЦИН И ЯВЛИНСКИЙ
В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ

В середине февраля Борис Николаевич Ельцин совершил, на мой взгляд, свою третью стратегическую ошибку.

Первую, мне кажется, он сделал осенью 1993 г., когда после тяжелых октябрьских событий не воспользовался ситуацией, позволяющей резко ускорить реформы в России, сделать их необратимыми. Тогда не решился сделать шаг вперед, остановился. Потеря темпа — это огромный риск поражения.

Вторую совершил в декабре 1994-го, когда влез с размаху в чеченскую кашу, видимо, искренне убежденный со слов приближенных, что проблему можно решить за два часа одним парашютно-десантным полком.

Сейчас совершил третью, решив, несмотря ни на что, баллотироваться в президенты.

Боюсь, что трех таких ошибок в непростой российской ситуации многовато. Кажется, сохранить хрупкие ростки демократии все же не удастся. Впереди у нас новая полоса смут, экономических авантур, беспорядков, попыток метнуться назад.

Собственно, проблема общая для всех постсоциалистических экономик. Практически везде развалившийся социализм оставлял за собой острейшие проблемы. Везде молодые демократические правительства вынуждены разгрести оставшийся в наследство хлам. Нигде эта работа не шла легко, почти нигде не прибавляла популярности. Именно на базе ностальгии, недовольства переменами посткоммунистические партии и выигрывают обычно вторые после начала реформ выборы.

В СТОРОНУ НАЦИЗМА

Конечно, КПРФ совсем иная партия, чем восточноевропейские коммунистические. Это не случайно. Восточноевропейские партии по своей

Опубликовано в: Новое время. 1996. № 12. Март.

природе всегда были вассальными, они отождествляли собой отсутствие подлинного суверенитета, национальное угнетение. Именно поэтому после краха коммунистического режима в восточноевропейской части империи они начинали эволюционировать в сторону социал-демократии. Иное дело КПСС. Она была материнской, имперской партией. В ее деятельности, в идеологии причудливо переплетались коммунистические и националистические мотивы. Особенно это было видно после Второй мировой войны. Поэтому неудивительно, что после краха коммунистического режима КПрФ легко отбросила обветшавшее покрывало пролетарского интернационализма и стала быстро эволюционировать в сторону национал-социализма.

Нетрудно догадаться, что между посткоммунистической социал-демократией и посткоммунистическим национал-социализмом — дистанция огромного масштаба.

Сегодня, прочитав работы лидеров КПрФ, нетрудно понять, что коммунистического там почти ничего и не осталось. Типичная националистическая имперская риторика, антисемитизм, ксенофобия, воинствующее неприятие Запада, западной традиции в истории России, антидемократизм. Для них уже хрущевская оттепель, принеся свободу миллионам узников сталинских лагерей, — первая стадия заговора империалистов против Советского Союза. Позволю себе привести пространную цитату из последней книги Геннадия Зюганова «За горизонтом»: «На мировоззрение, культуру и идеологию западного мира все более ощутимое воздействие начинает оказывать иудейское расселение, влияние которого постоянно возрастает буквально не по дням, а по часам. Еврейская диаспора, традиционно контролировавшая финансовую жизнь континента, по мере развития «своего рынка» становится своего рода держателем «контрольного пакета» акций всей хозяйственно-экономической системы западной цивилизации. Мотивы особого избранничества, высшего предназначения для руководства миром и собственной исключительности, столь свойственные религиозным верованиям иудеев, начинают оказывать существенное воздействие на западное самосознание. Его мессианские притязания укореняются все глубже и проявляются все резче.

В этих условиях... особое значение приобретает славянская цивилизация в лице Российской империи, ставшей последним противостоянием западному гегемонизму».

Лучше о духовных корнях КПрФ не скажешь. Ссылки на немецкие (нацистские) первоисточники, где, правда, слово «славянская» заменено исходным «германская», явно излишни — и так все ясно.

Именно потому, что убежден — нынешняя КПрФ отнюдь не коммунистическая, а национал-социалистическая партия, думаю, что наиболее серьезные угрозы, связанные с возможностью ее прихода к власти, это не массовые национализации, а масштабные популистские и военные авантюры, практически неизбежно ведущие к разрушению хрупких рыночных инструментов в России.

О своих обещаниях учителям, врачам, пенсионерам лидеры КПрФ забудут быстро. А вот ремилитаризация экономики, увеличение военных расходов, расходов на возрождение КГБ — это отнюдь не пропаганда, это и суть мировоззрения, и предпосылка сохранения базы поддержки.

ЭКСПЕРИМЕНТ БУДЕТ НЕДОЛГИМ, НО БОЛЕЗНЕННЫМ

Геннадий Зюганов не скрывает своей готовности для решения этих задач запустить печатный станок. Исходный пункт его экономической программы, сформулированный в той же книге, звучит так: «Необходимо: во-первых, коренным образом изменить денежно-кредитную политику в сторону ее серьезного смягчения. Вопреки тому, что нам внушают, денежная масса ужата сегодня ниже всякого мыслимого предела».

Следствия понятны, здесь перед нами хорошо знакомый по жизни и изученный в экономической теории цикл экономики популизма: сначала — ускорение роста денежной массы, первая вспышка энтузиазма по поводу решаемых проблем. Следом — быстрое сокращение валютных резервов, отказ от конвертируемости национальной валюты, ускорение роста цен, дальнейший рост социальной дифференциации. Затем — попытки административного контроля ценообразования и товаропотоков, восстановление дефицита на всех видах рынков, вновь очереди, карточки и неработающие деньги... Именно в это время остро потребуются враги народа, призванные отвечать, почему не состоялось обещанное счастье, и враги внешние, борьба с которыми — самое естественное объяснение переживаемых тягот.

Эта схема нигде не работала эффективно, не заработает и у нас. Эксперимент не будет долгим. Для долгого нет ни социальных,

ни идеологических, ни финансовых ресурсов. Россия потеряет несколько лет, а потом все равно придется вытаскивать ее на нормальную дорогу рыночного, демократического развития. Беда в том, что уж больно все это опасно для страны и мира.

Огромный ядерный потенциал может в первый раз в истории попасть в руки неустойчивого, слабого, не уверенного в себе и потому особенно опасного национал-социалистического режима. К сожалению, гарантии, что он им распорядится мало-мальски ответственно, не может дать никто. Эти соображения подводят к жесткому выводу: ответственные люди должны сделать все возможное, чтобы победа КПРФ на предстоящих выборах не состоялась. Это главный приоритет.

Зюганов наверняка пройдет во второй тур президентских выборов. Вопрос в том, кто ему будет противостоят, с чьей кандидатурой должны быть связаны надежды разумных людей, надежды мира не повторить еще одного трагического эксперимента в России.

С КЕМ ИДТИ?

Я по природе решительный человек. Наверно, если это было бы иначе, никогда бы не взял на себя смелость начать экономические реформы в России. Но в последние недели с неопределенностью проблемы, неясностью решения сталкиваюсь не только я, но, смею считать, значительная часть граждан России. От меня мои единомышленники ждут и требуют ясной позиции: что мы должны делать на предстоящих президентских выборах, кого должны поддерживать, за кого голосовать, за кого собирать подписи? И очень хочется как можно быстрее дать на этот вопрос ответ. Но дать однозначный ответ сегодня невозможно.

Многие в России понимают опасность победы КПРФ на выборах. Последние опросы убедительно показывают: при всех серьезных проблемах сегодняшней жизни тех, кто против нового коммунистического эксперимента, больше, чем его сторонников. В этом смысле ситуация существенно иная, чем в Восточной Европе, и объективная база для широкой и умеренно-демократической коалиции, способной остановить КПРФ, есть. Проблема в том, как ею распорядиться. И здесь, как это нередко бывает в ключевые моменты истории, мы упираемся в проблемы личности: в пристрастия и амбиции лидеров.

Далеко не все из тех, кто готов проголосовать против коммунистов, проголосуют за Бориса Николаевича Ельцина. Слишком тяжел груз лежащей на нем ответственности, слишком много сделано ошибок, слишком много людей, не разделяющих коммунистические идеалы, для себя решили: за него больше голосовать не будем никогда.

Сходные проблемы у Григория Явлинского. Его сложные маневры и неожиданные повороты на протяжении последнего года вконец запутали слишком много демократических избирателей. Уж больно расплывчаты позиции по принципиальным, стратегическим вопросам развития России, слишком неопределенны границы возможных союзов, слишком очевидно соображения личного политического успеха доминируют над любыми другими. Там же, где позиции обозначены достаточно четко, например в допустимости, более того, в благотворности крупномасштабного эмиссионного финансирования бюджетных расходов, они тесно смыкаются с позициями коммунистов и просто опасны для экономики. Время теоретических споров о природе и последствиях российской инфляции в прошлом. Сегодня вполне надежные исследования показали: за каждый процент ускорения месячной инфляции страна платит увеличением числа бедных на 700 тыс. человек. Слишком дорога цена популистских экспериментов.

ПАТ ИЛИ МАТ!

Складывается патовая ситуация. Борис Ельцин и Григорий Явлинский имеют мало шансов выиграть у Зюганова, но зато вместе жестко и надежно блокируют возможность выдвижения другой кандидатуры. Виктор Черномырдин мог бы быть приемлемым кандидатом, вокруг которого могла бы сложиться большая коалиция от Аркадия Вольского до Сергея Ковалева, но он никогда не будет баллотироваться, если баллотируется Б. Ельцин. Борис Немцов, на мой взгляд, мог бы быть обещающим кандидатом от широкой демократической коалиции. Я хорошо представляю наших избирателей — избирателей ДВР, — которые не проголосуют за Явлинского, но охотно проголосовали бы за Немцова. Я представляю избирателей «Яблока», которые никогда не проголосовали бы за Гайдара, но проголосовали бы за Немцова. Но здесь нужна была хотя бы предпосылка: нужно согласие Григория Алексеевича Явлинского

на эту коалицию, иначе — просто разделение голосов, а это бессмысленно. К сожалению, в ходе наших переговоров добиться такого согласия так и не удалось.

Значит, два участника президентской гонки: Ельцин и Явлинский, включаясь в борьбу, нейтрализуют любую другую умеренно-демократическую коалицию. Между тем каждый из них имеет серьезные недостатки в глазах избирателей, а значит, баллотировавшись рискует проложить дорогу Зюганову.

В России нет объективных причин, делающих победу КПРФ на выборах неизбежной. Но позиция именно тех, кто сегодня претендует на демократические голоса, сводит возможность противостоять ей к минимуму. Отсюда объективная трудность выбора, перед которым стоит значительная часть российского общества.

Хочется скорее принять решение. Это опасно, потому что до выборов еще несколько месяцев и каждый из кандидатов: и Явлинский, и Ельцин, получив завтра поддержку демократов, послезавтра, метнувшись искать любую поддержку в противоположной части политического спектра, может стать заложником очень опасных групп и сил. Мы за самую широкую умеренно-демократическую коалицию, но категорически против заигрывания с коммунистами и национал-социалистами.

Ельцин и Явлинский

Недавно я встречался с Борисом Николаевичем Ельциным. Мы обсуждали с ним проблемы нынешней политической ситуации. Накануне было его заявление, суть которого в том, что демократам все равно некуда деваться, вынуждены будут его поддержать. Я попытался объяснить ему ошибочность этого мнения. Дело даже не в том, соберет ли Явлинский 1 млн подписей, не в том, что скажут те или иные демократические лидеры. Если он, президент, сам серьезно не изменит свою политику по ряду вопросов — люди просто не придут на избирательные участки и не проголосуют.

Мы будем пытаться сегодня дисциплинировать кандидатов, которых в какой-то ситуации можем рассматривать как достойных поддержки. Надо попытаться заставить их вести себя на протяжении ближайших месяцев так, чтобы мы могли представить себе, что придем 16 июня на выборы и за них проголосуем.

Применительно к Ельцину, конечно, важнейшая проблема и важнейшее наше требование — серьезные кадровые подвижки, освобождение от тех людей, которых никак невозможно считать представителями умеренно-демократического крыла. Когда слушаешь, что говорит господин Барсуков о чеченцах, понимаешь, что не надо ждать пришествия национал-социалистов в Кремль — они уже там сидят. Кадровые изменения, серьезные попытки добиться мира на Кавказе — это необходимые предпосылки того, чтобы демократы могли проголосовать за Ельцина.

Явлинский. Принципиальный вопрос сегодня — это отношение «Яблока» в целом к коммунистам. Мы знаем, что этот блок неоднороден, знаем, что в «Яблоке» есть люди, которые выступают за активное сотрудничество с коммунистами. Собственно, чтобы убедиться в этом, достаточно почитать публикацию Вячеслава Игрунова в газете «Правда»¹.

У нас на политсовете ДВР выступал Григорий Явлинский, уточнял свою позицию, говорил о том, что он такого подхода не приемлет. Было бы очень хорошо, чтобы это было сказано так, чтобы это услышали миллионы избирателей, чтобы это не осталось в закрытой комнате. Точно так же, думаю, избиратели имеют право узнать и его четкое и определенное, не уклончивое, не округлое мнение по поводу защиты частной собственности, устойчивости национальной валюты и отказа от безответственных призывов к запуску печатного станка.

В зависимости от того, что будет делать Ельцин и что будет говорить Явлинский в ближайшие месяцы, нам и придется принимать решение.

Если нам пока нельзя четко определить, кого мы будем поддерживать в июне, то абсолютно очевидно, кто наиболее серьезный, наиболее опасный противник. Остановить его, объяснить обществу смертельную угрозу, связанную с национал-социалистическим экспериментом в России, перевешивающую любые другие соображения, — важнейший политический приоритет сегодня. Нелегкая задача. Ну что ж, и судьба у нашей страны нелегкая. Приходится разделять ее тяжесть.

¹ Игрунов Вячеслав Владимирович — политический деятель, в советское время участник диссидентского движения, политзаключенный. В новой России — один из лидеров партии «Яблоко», из которой вышел в 2001 г., депутат Государственной думы трех созывов; руководитель Института гуманитарных политических исследований. — *Прим. ред.*

Пристрастная рецензия

С тех пор как осенью 1991 г. я был назначен работать в российское правительство, успел послушаться и начитать о себе, своей семье, своей биографии такого, что раньше не мог бы себе и представить. С интересом узнавал, например, о том, что мой дедушка вовсе не мой дедушка, что я никогда не учился на экономическом факультете МГУ, что у меня чайная плантация на Цейлоне и многое, многое другое. Поначалу нервничал, раздражался, потом постепенно привык, принял как данность. Теперь реагирую на подобные пассажи, как я выпил всю кровь христианских младенцев, только в крайнем случае, когда этого невозможно избежать. Недавно выиграл суд у А. Руцкого, который нес какую-то чушь о расхищенных мною изумрудах. Сама история была достаточно абсурдна, но все-таки речь шла о словах бывшего вице-президента и нынешнего главы администрации Курской области. Наверное, если бы на журналистском факультете МГУ или в другом высшем учебном заведении решили читать специальный курс по технологии политической клеветы, я мог бы дать его авторам немало полезных советов.

Репутация А. Минкина не позволяет отнести его к числу тех, на чьи высказывания в кругу приличных людей принято откликаться. И все же, прочитав две его статьи в «Новой газете» — «Гайдар сдает и выигрывает» и «Гайдар хочет повеситься», понял, что не прокомментирую их нельзя. И не потому, что изменил свое мнение о моральном облике журналиста, просто, на мой взгляд, это классика жанра, хороший учебный материал для тех, кто хочет разобраться в искусстве политической провокации.

1. Не надо злоупотреблять экзотикой: все эти изумруды и чайные плантации как-то всерьез не воспринимаются. Нужно проще, приземленнее, ближе к жизни.
2. Смесь полуправды и лжи гораздо эффективнее, чем прозрачная, откровенная ложь. В конце концов, слишком легко разобраться, кто учился на каком факультете, а кто нет. Чуть присыпав ложь тоненьким слоем правды, можно добиться более весомых результатов.

Опубликовано в: Открытая политика. 1996. № 11–12. Декабрь.

3. Очень важны бытовые подробности, детали. Они придают абстрактному злодейству убедительную зримость.
4. Для истинного шедевра все это должно быть скреплено неподдельной ненавистью к главному герою материала.

А теперь посмотрим, как реализует А. Минкин эти принципы в упомянутых выше материалах.

Итак, *цена первая*. Глухая осень. 1992 г. Шатается кресло под исполняющим обязанности премьера России Е.Т. Гайдаром. «Что делать дальше?» — думает он. И вот коварный замысел созрел: надо подарить самому себе институт и стать его директором. Хорошо, убедительно, красочно. Перечитывая соответствующие строки у Минкина, начинаешь ловить себя на мысли: а кем же я работал до назначения в правительство? Потом вспоминаешь: директором института. Того самого, который «подарил» себе осенью 1992 г. Только назывался он тогда Институтом экономической политики Академии наук и Академии народного хозяйства СССР, а впоследствии был переименован в Институт экономических проблем переходного периода Академии наук и АНХ России. Возник этот институт, когда союзное правительство возглавлял еще Н.И. Рыжков. Именно в этом институте сложилась команда молодых экономистов, предложившая осенью 1991 г. программу радикальных рыночных реформ, — та команда, которая составила каркас экономического блока правительства, взявшегося за ее практическую реализацию. Именно сюда я и многие мои коллеги вернулись после работы в правительстве. И размещался этот институт в 1990–1992 гг. не под открытым небом, а в комплексе зданий Академии народного хозяйства на юго-западе. Но что стоят все эти скучные рассуждения по сравнению с красочной картинкой украденного Гайдаром института?

Цена вторая. Читатель уже подготовлен к тому, что ИЭППП Академии наук и АНХ РФ — это какая-то подозрительная, темная организация, и тем естественнее воспринимается следующий тезис: в институте не наукой занимаются, а разворовыванием государственных средств. Здесь изложение становится особенно подробным. До сотых долей рассчитываются находящиеся в распоряжении института площади, ставки арендной платы, доходы от субаренды, а в результате вывод: институт — контора, которая транжирит государственные деньги.

Откровенно говоря, больше всех становится жалко сотрудников института. Они ведь не виноваты, что их директор столь одиозная фигура, как магнитом притягивающая к себе поток лжи и клеветы. Они нормальные ученые, им хочется спокойно работать, а не читать про себя всю эту чушь. Итак, давайте разбираться. Институт — научная организация, осуществляющая теоретические и прикладные исследования, направленные на изучение процессов, происходящих в российской экономике. Чтобы оценивать результаты и условия деятельности, его надо сравнить с другими организациями, выполняющими аналогичные задачи. Разумеется, оценка уровня научных результатов, качества используемых моделей и основанных на ней прогнозов — вопрос сугубо профессиональный, его невозможно обсуждать в газете. Именно поэтому научное сообщество выработало свои крайне несовершенные, но все же используемые за отсутствием лучших показатели научной результативности, такие, например, как индекс цитирования или количество обращений к информации института в системе Интернет. По этим показателям ИЭППП, без сомнения, входит в группу ведущих российских исследовательских организаций экономического профиля, сосредоточенных в Отделении экономики Академии наук РФ, Министерстве экономики РФ. Например, за ноябрь 1996 г. к странице института в Интернете было более 16 тыс. обращений. В то же время занимаемые им площади во много раз меньше тех, на которых работают, например, Институт экономики или Институт мировой экономики и международных отношений (подчеркну: ровным счетом ничего не имею против этих институтов, упоминаю их лишь для сравнения).

Политика низких ставок оплаты площадей, занимаемых научными учреждениями, — сознательная линия. Правительство выработало ее в 1992 г., имея весьма ограниченные возможности поддержать науку деньгами, но считая необходимым сделать хотя бы это для ее поддержки. Именно поэтому институты Академии наук платят нулевую арендную плату, занимаемые ими площади были переданы либо в собственность, либо в полное хозяйственное ведение. В связи с этим отличие ИЭППП не в том, что он платит мало, а в том, что он платит, повторяю — платит за арендуемую площадь.

Еще работая в правительстве, мы прекрасно понимали, что страдающей от безденежья науке придется сдавать часть своих площа-

дей, сознательно шли на это. Законом это предусмотрено. Сейчас подавляющее большинство известных мне научных подразделений используют такую практику. ИЭППП Академии наук и АНХ России оказался в точно таком же положении. Институт всегда делал это открыто, согласовав соответствующее решение в уполномоченных государством органах и уплачивая полагающиеся налоги. В первом полугодии 1996 г. доход от сдачи помещений в субаренду составил 2,3 млрд руб.¹, расходы на содержание помещений (коммунальные платежи, эксплуатационные расходы) — 1,4 млрд руб., выплата налогов в государственный бюджет — 460 млн руб. Чистый доход — 465 млн руб. — направлен на выполнение научно-исследовательских работ согласно научному плану, утвержденному Правительством России. Ежегодные аудиторские проверки подтверждают, что расходование средств осуществлено в строгом соответствии с законодательством РФ.

Таким образом, как только начинаешь разбираться, выясняется: в институте не воруют, все счета открыты, средства идут на определенные правительством нужды, отличия от институтов Академии наук лишь в более жестком режиме использования государственного имущества. Если бы ИЭППП возглавлял Иванов, Петров, Сидоров, это было бы кристально ясно каждому. Но если его возглавляет Е. Гайдар, кому интересна вся эта бухгалтерия?

Сцена третья. Воровской институт — это лишь прелюдия к главной козырной карте, ударной сцене финала. Оказывается, Гайдар не только подарил себе институт, но и приватизировал дачу Л. Руслановой и живет там с женой, ребенком и домработницей. Подробный план роскошной дачи, озаглавленный «Жилище Гайдара (план первого этажа)», — тонкая бытовая деталь, призванная окончательно развеять сомнения маловеров. Прочитав это, невольно вспоминаешь незабываемые строчки из моего любимого рассказа М. Твена «Как я баллотировался в губернаторы»:

«Мистер Марк Твен, собиравшийся вчера вечером произнести громовую речь на митинге независимых, не явился туда вовремя. В телеграмме, полученной от врача мистера Твена, говорилось,

¹ Имеются в виду неденоминированные рубли. После деноминации, состоявшейся 1 января 1998 г., соответствующий показатель составил бы не миллиарды, а миллионы рублей. — Прим. ред.

что его сшиб мчавшийся во весь опор экипаж, что у него в двух местах сломана нога, что он испытывает жесточайшие муки, и тому подобный вздор. Независимые из всех сил старались принять на веру эту жалкую отговорку и делали вид, будто не знают истинной причины отсутствия отъявленного негодяя, которого они избрали своим кандидатом. Но вчера же вечером некий мертвецки пьяный субъект на четвереньках вполз в гостиницу, где проживает мистер Марк Твен. Пусть теперь независимые попробуют доказать, что эта нализовавшаяся скотина не была Марком Твеном. Попался наконец-то! Увертки не помогут! Весь народ громогласно вопрошает: «Кто был этот человек?»

Я не верил своим глазам. Не может быть, чтобы мое имя было связано с таким чудовищным подозрением! Уже целых три года я не брал в рот ни пива, ни вина и вообще никаких спиртных напитков...»

Это как раз тот случай, когда не знаешь, что и сказать. Ну что читателю с того, что я не приватизировал дачу Руслановой и не живу там ни с женой, ни с ребенком, ни с домработницей, о чем очень хорошо знают все мои друзья и знакомые. Как вся эта скучная правда мелочна по сравнению с величественной картиной вскрытого А. Минкиным злодея! Нет, как я отмечал вначале, ложь никогда не должна быть полной, чтобы быть убедительной, она должна быть замешана на полуправде. Последнее, что я знаю о бывшей даче Лидии Руслановой, — это то, что там недавно проводился молодежный шахматный турнир. Я снимал как-то две комнаты на этой полуразрушенной даче. На всякий случай перечисляю другие места, где мне приходилось снимать комнаты в последние годы: дом отдыха «Валдай», дом отдыха «Белые ночи», турбаза «Сагджой». Так что с тем же основанием можно было поместить в статье и планы этих рекреационных учреждений — картина была бы еще убедительнее.

Господин Минкин, без сомнения, квалифицированный специалист и подлинный профессионал своего дела. В своей статье он пишет: «Когда весной 1995 г. я скептически отозвался о политическом будущем Гайдара, последний напечатал в МК возмущенный ответ, где говорилось, что я действую на руку и коммунистам, и партии власти, и КГБ и что я вообще агент пяти разведок». Ну здесь, конечно, явный элемент лукавства. Может быть, А. Минкину и хотелось бы считать себя наследником Рихарда Зорге,

но в сотрудничестве ни с какими разведками, насколько я знаю, его никто никогда не подозревал. Та служба, которая профессионально занимается политической провокацией, дезинформацией и клеветой, прямого отношения к разведке не имеет.

Либеральные реформы: неизбежность и неотложность

Сегодня нет в России более важного политического вопроса, чем бюджетный кризис, следствием которого стали массовые невыплаты заработной платы и пенсий. И потому настоятельно необходимо разобраться в причинах и механизмах этого кризиса, понять, что надлежит сделать для того, чтобы с ним справиться.

Итоги президентских выборов, казалось бы, заложили необходимую политическую основу для того, чтобы переломить ситуацию в экономике. И действительно, выборы привели — несмотря на скепсис — к радикальному перелому отношения к России на мировых финансовых рынках. Все российские ценные бумаги, представляющие какой-то интерес, расходятся сейчас на этих рынках, как горячие пирожки. Легко формируются миллиардные фонды для инвестиций в Россию. Наметилось ускорение притока капиталов, в том числе прямых инвестиций, в нашу страну. Именно это позволило за полгода после президентских выборов снизить процентную ставку по государственным займам от 100% в реальном исчислении до 15%, что создает основу для начала экономического роста.

В январе этого года статистика зафиксировала пусть маленький, но рост объема производства. Сегодня трудно сказать, в какой степени эта тенденция будет устойчивой, но, во всяком случае, предпосылки для стабилизации и роста производства в России созданы.

Но все дело в том, что когда людям не платят денег, то разговор о начале экономического роста они воспринимать всерьез не могут и не будут.

Больше того, если даже, паче чаяния, вопреки крайней вялости политики правительства этот рост окажется мало-мальски устой-

Опубликовано в: Открытая политика. 1997. № 3. Март.

чивым, он никак не будет достаточен для того, чтобы справиться с этой острой проблемой. Таким образом, именно бюджетный кризис, на мой взгляд, в ближайшие месяцы будет определять и политическую, и экономическую ситуацию в России.

На первый взгляд все просто: денег не платят потому, что нет денег в экономике. Нужно напечатать больше денег — и проблемы будут решены.

Увы, это кажущееся логичным построение справедливо, что называется, с точностью до наоборот. В действительности если поступить по данному рецепту, то через короткий промежуток времени пенсии перестанут выплачивать вовсе. Ведь в условиях рынка свободные цены растут быстрее, если печатать деньги. И потому чем больше печатать денег, тем меньше их становится в экономике. Реальная денежная масса сокращается с каждым оборотом печатного станка.

В свое время нынешний президент Сербии Слободан Милошевич понял это лишь после того, как цены в стране стали расти на несколько десятков миллионов процентов в месяц. Только тогда он сумел усвоить эту элементарную зависимость, известную всякому прилежному студенту первого курса экономического факультета, естественно, получающему нормальное, а не советское образование.

Высокая инфляция порождает недоверие к национальным деньгам, приводит к бегству от них. Подорвать доверие к национальным деньгам очень легко, восстановить его необычайно трудно. Сегодня из всех постсоциалистических стран больше всего денег в экономике там, где реформы были наиболее последовательными и решительными, а период инфляции — самым коротким. Скажем, в Чехии денег в экономике сейчас в реальном исчислении в 7 раз больше, чем в России. А везде, где реформы были еще более непоследовательными и мягкими, чем российские, денег в экономике еще в несколько раз меньше.

Есть еще одна очень важная закономерность в постсоциалистических экономиках: практически все они сталкиваются с тяжелым бюджетным кризисом. Выясняется, что в условиях рынка невозможно собрать те ресурсы государственного бюджета, которые легко собирали при плановой экономике. Дело в том, что в условиях высокой инфляции происходят эрозия налоговой базы и снижение реальных поступлений в бюджет. Сегодня самые высокие доходы

бюджета имеют те страны, которые прошли путь наиболее решительных и последовательных реформ, где инфляция была самой короткой и самой умеренной, и эти доходы самые низкие в странах, которые прошли через гиперинфляцию и пострадали от нее больше всего. После пяти-шестилетнего опыта реформ почти в тридцати постсоциалистических странах мы можем с уверенностью сказать: везде, где реформы проводили наиболее быстро и последовательно, инфляцию остановили быстро, там сейчас самые высокие государственные расходы, в том числе самые высокие расходы на социальные нужды. Где реформы проводились самым непоследовательным образом, там государственные расходы самые низкие и самые низкие расходы на социальные нужды; именно там столкнулись с тяжелым бюджетным кризисом. История очень причудливо расставила точки над «i» в спорах раннего периода российских реформ. Выяснилось, что именно решительные и последовательные преобразования открывают путь к социальной экономике, к экономике с высоким уровнем социального обеспечения, а непоследовательные, медленные, как бы «мягкие» преобразования — это путь к самой жесткой десоциализации, к самому резкому снижению реальных социальных выплат, к кризису всей социальной сферы.

Нынешний кризис российского бюджета прямо и непосредственно связан с тем, что реформы в России проводились медленно, непоследовательно, с огромными колебаниями. Именно этому мы обязаны сегодня тем, что реальные возможности государства финансировать свои расходы крайне ограничены. Причем резкое падение доходов бюджета, связанное с непоследовательностью политики правительства, усугубилось у нас отсутствием воли и решимости в приведении обязательств государства в соответствие с его реальными возможностями. Произошло как бы разделение на два бюджета: бюджет обещаний, посулов, принятых на себя обязательств и бюджет реального финансирования. А это значит, что государство само является важнейшим источником беспорядка и хаоса в экономике, ибо оно раздаёт обещания, которые потом не выполняет, тем самым создавая обстановку финансового хаоса, поощряя рост неплатежей и еще более обостряя проблему падения доходов бюджета. Когда государство не выполняет свои обязательства, надеяться, что оно будет больше собирать налогов, абсолютно бессмысленно.

В России на эту ситуацию наложился еще один специфический фактор: с лета 1995 по лето 1996 г. мы переживали время предвыборной борьбы, массовых политических кампаний, широких обещаний всех ветвей власти. Политики, не способные дать своим избирателям денег, очень часто шли по самому легкому пути: не можешь дать денег — дай обещания. Вместо жизненно необходимой серьезной реформы всех отраслей бюджетной сферы происходила бурная экспансия обещаний. Экономика становилась еще более ирреальной, бюджет — оторванным от действительности.

Напомню, что в 1992 г. не было проблемы невыплаты пенсий и заработной платы — за исключением очень короткого периода, когда Верховным Советом был спровоцирован налично-денежный кризис. В 1995 г. эта проблема стала обостряться. Сейчас же, в начале 1997 г., по всем опросам общественного мнения, проблема невыплаты заработной платы и пенсий выдвинулась на первый план как самая острая социально-политическая проблема России.

Как могут развиваться события дальше? Собственно, в нынешней ситуации у исполнительной власти есть всего три возможных варианта поведения.

Первый вариант. Можно делать вид, что ничего не происходит. Бюджет 1997 г. так и построен — исходя из той логики, что ничего не происходит, т. е. мы продолжаем раздавать обещания, заведомо зная, что они невыполнимы; мы продолжаем закладывать в бюджет те доходы, которых, и все это прекрасно знают, нет и не будет, — и в результате объем неплатежей растет и будет расти. Правительство, возможно, думает, что если бюджет 1997 г. будет выполнен примерно так же, как в 1996 г., то ситуация на конец 1997 г. будет такая же, как в 1996-м. Ничего подобного. С 1996 г. она ухудшилась, в 1997-м станет еще хуже. Конечно, можно суетиться и перекладывать тяжесть положения с одной социальной группы на другую. Сейчас говорят: мы в первом полугодии погасим задолженность перед пенсионерами. Это можно сделать, но только единственным способом — резко увеличив задолженность перед учителями, врачами, профессорами и работниками культуры. Другого способа, если мы не готовы идти по пути серьезных экономико-политических реформ, не существует. Причем эрозия доходной базы бюджета в этом случае будет продолжаться. А значит, неизбежно будет сокращаться — а не оста-

нется на прежнем уровне — объем реального финансирования. И никакая суэта, никакие экстренные меры, никакие назначения и переназначения новых министров и вице-премьеров не помогут, потому что мы имеем дело с социально-экономическими закономерностями и бороться с ними административными способами нельзя.

Второй вариант. Это то, за что сегодня выступают почти все оппоненты правительства, кроме нас и наших ближайших союзников. Они предлагают самый простой выход из положения, тот, о котором я уже сказал выше. Давайте напечатаем денег, говорят они, и еще примем какие-нибудь социальные обязательства. Например, в Думе речь обычно идет об одном: если мы не платим, то давайте еще что-нибудь кому-нибудь пообещаем.

Разумеется, это можно сделать. И развитие событий будет в таком случае очень быстрым. Вообще в постсоциалистическом пространстве все происходит очень быстро. В прошлом году мы могли наблюдать за тем, как подобного рода сценарий разворачивался в одной из постсоциалистических стран — в Болгарии. Результаты — нулевая популярность правительства социалистов, пустые прилавки, обесценившийся более чем в 10 раз курс национальной валюты, падение в несколько раз реальной заработной платы, падение производства, полная дискредитация политических сил, которые этот курс проводили. Беда в том, что такой эксперимент не может пройти бесследно: выходить из него придется с еще меньшим количеством денег в экономике, с еще более низкими реальными бюджетными доходами, т. е. когда придется проводить в следующий раз революционные реформы, они будут существенно более жесткими, чем если бы мы начинали их сегодня. Вот плата за подобного рода эксперимент.

И наконец, *третий вариант.* Можно начинать серьезные реформы, которые позволяют привести государственные обязательства в соответствие с тем, что реально можно профинансировать. Конечно, эти реформы не очень легкие, не очень приятные, но не надо попадаться на удочку противников этих реформ и представлять их как какую-то постоянную большую дозу касторки, как что-то такое, что безумно тяжело и проводится непременно за счет народа. Это неправда. Народу просто перестают лгать и начинают говорить правду, начинают делить те деньги, которые есть на самом

деле, и это совершенно неизбежно улучшает эффективность их расходования. А потому во многих отношениях эти реформы объективно улучшают положение народа. Вот несколько примеров.

Сегодня, по расчетам Министерства экономики, Вооруженные силы закупают продовольствие по ценам, которые на 70% выше реально рыночных. Переход на тендерную систему таких закупок — а это самая простая либеральная реформа — позволяет резко улучшить положение с продовольственным снабжением армии, исключить ситуации, когда солдаты голодают. Жилищно-коммунальная реформа, ликвидация монополизма в этой сфере и переход к тендерам подряда — как показывают не абстрактные расчеты, а опыт, накопленный во многих российских городах, — позволяют на 40–50% снизить завышенные, достигшие уже европейского уровня издержки на содержание жилого фонда. И подобного рода направлений очень много. Нам говорят: нельзя проводить военную реформу, она бесконечно дорого стоит. Да, нельзя, если разрабатывать военную реформу так, что реально ее продемонстрировать невозможно. Да, нельзя, если разрабатывать военную реформу исходя из того, что следует сократить сотни тысяч не выслуживших срок бесквартирных капитанов. Но ведь у нас нет переизбытка младших офицеров в армии, об этом говорит само Министерство обороны. У нас есть другая проблема — переизбыток выслуживших свой срок, обеспеченных квартирами генералов и старших офицеров (в том числе работающих в Министерстве обороны), которых сегодня насчитывается, по-моему, чуть ли не больше, чем было во времена Советского Союза; у нас есть колоссальная сеть военных училищ, которые мы не сокращаем и как будто не собираемся сокращать. У нас есть, наконец, огромное количество занятых в армии вольнонаемных, не военнослужащих, работающих в военных совхозах, на военных заводах, заводах железобетонных конструкций и т. д., и т. п. Почему не начинать сокращение с этого? Может быть, тогда выяснится, что младших офицеров и трогать-то не надо?

Представление, что либеральные реформы — это всегда какое-то издевательство над народом, — это стереотип-штамп, навязанный противниками либерализма, теми, кто заинтересован в сохранении нынешнего статус-кво, в том числе потому заинтересован, что нынешний статус-кво, положение, когда бюджет не-

обязателен, — самое благоприятное время для крупномасштабного воровства государственных денег. Нет ничего более удобного для того, чтобы брать взятки и воровать, чем хроническое невыполнение бюджетом своих обязательств. Слухи о том, что нет программы реформ, позволяющей справиться с бюджетным кризисом, — неправда. Сегодня у партии «Демократический выбор России» есть не только представление о направлениях необходимых изменений, но и каркас проработанных мер с расчетами, с представлением о том, как будет строиться бюджет нашей страны в 1998–2000 гг., если мы будем реализовывать эти реформы, о том, как технологически это нужно сделать и какие для этого нужно принять нормативные акты. Программа реформ есть, дело за политической волей, за готовностью эту программу реализовать.

К сожалению, опыт последних месяцев показал, что правительство в нынешнем его составе в принципе не способно реализовывать подобного рода программы. Больше того, оно не способно реализовывать *никакую* программу.

Если посмотреть на набор законопроектов, который правительство вносит в Государственную думу, и проанализировать его, то выяснится, что все они противоречат друг другу. Правительство вносит в Думу пакет законов, предусматривающих ликвидацию налоговых льгот. Очень правильно и очень справедливо. Но параллельно то же правительство в те же самые дни вносит в Думу пакет законов, вводящих новые налоговые льготы, причем льготы совершенно бессмысленные, неоправданные и неконтролируемые.

На вопрос представителей Думы о том, что же из предложенного принимать, уважаемые представители правительства говорят: а вы сами и решайте.

Правительство в своей программе в качестве важнейшего направления, создающего возможности экономического подъема, разгрузки бремени, возлагаемого на предприятия, провозглашает отказ от перекрестного субсидирования различных потребителей, что и в самом деле не дает подняться промышленности. И то же правительство принимает постановление, которым рекомендует ввести новые категории дотируемых потребителей, т. е. потребителей, финансируемых, по существу, за счет остальной промышленности.

Правительство вносит в Государственную думу бюджет, который ни один из членов правительства не решается назвать ре-

листичным. А после того как бюджет принят, правительство уже прямо говорит: дорогие друзья, этот бюджет, видимо, невыполним.

И таких примеров можно привести множество.

Сформированное после президентских выборов правительство имело уникальный шанс начать реализацию серьезных систематических реформ — после того, как политические баталии в основном были закончены. К сожалению, оно этот шанс упустило и больше у него такого шанса не будет.

Сегодня ситуация в России во многом напоминает ту, которая складывалась в Советском Союзе в 1990–1991 гг. Абсолютно беспомощное правительство Рыжкова, потом Павлова; полная неготовность принимать какие бы то ни было решения; растущее понимание того, что крах существующей системы все равно заставит идти на решительные меры; отсрочка этих мер, которая делает их неизбежно более болезненными, но не позволяет от них отказаться.

Тогда, в 1990–1991 гг., мне и моим единомышленникам было неясно, кто будет реализовывать рыночные реформы в России, но было совершенно ясно, что избежать их невозможно. Жизнь заставит.

Сейчас мы снова оказались в таком же положении. Но невозможно себе представить, что нынешнее правительство сможет реализовать те реформы, которые необходимы и которых, я это точно знаю, невозможно избежать. Можно отложить их на некоторое время, сделать еще более тяжелыми, еще более жесткими, но избежать абсолютно невозможно.

И потому мы должны, по-моему, четко и однозначно сказать: тот курс, который проводит сегодня правительство, не имеет никакого отношения к политике либеральных реформ, не является таковым и не заслуживает поддержки. Это первое.

Второе: нынешнее правительство, видимо, не способно реализовать курс необходимых преобразований.

Третье: это правительство нуждается в радикальной структурной и персональной перестройке. Эта перестройка необходима не потому, что на этом настаивает партия «Демократический выбор России», а потому, что этого требует жизнь. Если подобного рода реорганизация не будет проведена, то не только партия «Демократический выбор России», а опять-таки жизнь со всей неизбежностью поставит вопрос об отставке нынешнего правительства в полном составе и о формировании нового правитель-

ства. Другое дело, что, повторю еще раз, плата за отсрочку — это всегда дополнительные издержки, это всегда большая тяжесть и социальная конфликтность преобразований.

Самое обидное в том, что нынешнее положение вещей, на мой взгляд, больше всего устраивает одну политическую силу — ту, которая называется «коммунистическое большинство в Государственной думе», потому что для коммунистического большинства в Государственной думе бездействие правительства, готовность его как бы плыть без руля и без ветрил — это самый лучший подарок, который оно вообще могло получить после президентских выборов, потому что ведь есть железная логика политического процесса: за обещания отвечает правительство. Никто не вспомнит о депутатах Государственной думы, которые принимают безответственные, финансово не обеспеченные законы. Все вспомнят о правительстве, которое эти законы не выполняет.

И то, что делает сегодня коммунистическое большинство, мне абсолютно понятно: оно сознательно ведет дело к тому, чтобы людям не платили заработную плату и пенсии. Не надо иллюзий. Это сознательная политика. Они люди некомпетентные, но не настолько же.

Другое дело, мне трудно понять, как и почему исполнительная власть, которую такое развитие событий ставит в самое тяжелое положение и доверие к которой оно подрывает, легко и почти без борьбы идет на поводу у подобного рода обстоятельств.

Должен честно сказать: я недооценил степень неспособности нынешнего правительства реализовывать реформы после президентских выборов. Мне казалось, что все-таки что-то будет сделано и бюджетный кризис по меньшей мере будет переведен в вялотекущую форму. Я не очень верил, что исполнительная власть проведет последовательные и жесткие реформы, но что она хотя бы не допустит экспансии обязательств и что бюджет 1997 г. не будет просто продолжением бюджета 1996 г. — на это я рассчитывал, потому что это было бы уж очень естественно и понятно.

К сожалению, развитие событий пошло иначе. Это имеет некое политическое следствие. До сих пор мы говорили о либеральных реформах как о необходимых для России, но в некоей среднесрочной исторической перспективе: когда-то они будут, но со временем, когда сложится их социальная база.

Но сегодня, на мой взгляд, развитие событий существенно изменило ситуацию. *Нет, не когда-то будут либеральные реформы, а будут в короткие сроки.* Именно потому, что политика была столь непоследовательной, именно потому, что кризис оказался столь запущенным, именно потому, что ситуация столь тяжела, из нее невозможно выйти без очень серьезных, очень глубоких, очень радикальных либеральных реформ.

Мы и наши ближайшие союзники — это единственная политическая сила, которая имеет сегодня программу таких реформ, выступает за программу таких реформ, готова ее предложить и совместно реализовывать. Это, разумеется, возлагает на нас дополнительную ответственность.

Наша политическая база, политическая база либеральной политики, сегодня очень слаба. А вот необходимость в либеральных реформах огромная. В этом, может быть, самое серьезное противоречие сегодняшней российской жизни.

Ситуация требует систематических решительных действий, она не дает оснований отказываться от них и откладывать эти действия на неопределенную перспективу. То, в какой степени социально мягкими будут реформы, в какой степени их удастся провести с минимальным ущербом для уровня жизни народа, зависит от одного важнейшего фактора: когда наконец органы власти сумеют повернуть на путь таких реформ.

Думаю, это и есть то, что мы должны внятно сказать и обществу, и тем, от кого зависит принятие решений.

Как построить «хороший» капитализм

Сегодня, когда с начала проведения экономических реформ в России прошло уже более десяти лет, можно сделать некоторые выводы.

Были ли реформы успешны, правильно ли они проводились, какова была экономика страны, доставшаяся в наследство от социализма, — об этом размышляет человек, сам принимавший участие в моделировании методов выхода российской экономики из кризиса, дважды входивший в состав

Опубликовано в: Бизнес-класс. 1997. № 14. Март.

правительства, а ныне возглавляющий Институт экономических проблем переходного периода, Егор Гайдар.

От редколлегии журнала

Вопросы, вопросы...

За последние шесть-семь лет круг актуальных для обсуждения и теоретически интересных экономических вопросов существенно изменился. В начале реформ наиболее активно обсуждались три вопроса.

Первый вопрос — применимы ли в принципе рыночные законы к постсоциалистической экономике? Я и мои сторонники исходили из того, что, скорее всего, применимы, а наши оппоненты считали, что неприменимы, поскольку экономика слишком «искоренная» — монопольная, а не рыночная, без частной собственности и т. д. В частности, мы считали, что инфляция в постсоциалистической экономике будет денежная и спросовая, а наши оппоненты — что это будет инфляция издержек. Но доказать ни то, ни другое было нельзя. Сейчас этот вопрос практически решен. Опыт России и других постсоциалистических стран показал, что инфляция и после социализма представляет собой в первую очередь денежный феномен, зависит прежде всего от динамики и структуры денежной массы и хорошо прогнозируется на основе денежных агрегатов. Очевидно, что в постсоциалистической экономике рыночные закономерности «работают».

Второй вопрос заключался в определении последовательности осуществления рыночных реформ: «сначала освободить цены — потом приватизировать», «вначале либерализовать внешнюю торговлю — потом стабилизировать валютный курс» или наоборот. В мировой истории не было опыта преобразования социализма, а значит, и готовых графиков проведения реформ. Да и требовать такого графика, как оказалось, в принципе нельзя, поскольку это, в свою очередь, предполагает гораздо больший контроль правительства над экономикой и более высокий уровень ее управляемости, чем это имеет место после краха социализма. На практике реформы начинаются в условиях общенационального кризиса. Разумное правительство пытается провести их в целом достаточ-

но быстро и затем уже скорректировать, «расставить акценты», а жизнь показывает, что можно было сделать быстро, а что нельзя.

Третий вопрос был связан с порядком приватизации, с поиском схемы приватизации, позволяющей обеспечить эффективное распределение прав собственности. Опыт России и других постсоциалистических стран показал, что этот вопрос также не имеет теоретического решения, т.е. в принципе нет способа проведения эффективной приватизации в постсоциалистический период. При социализме не было легитимной частной собственности как таковой. Нужно было приватизировать огосударвленную экономику, при том что имелись пересекающиеся претензии к социалистической собственности и каждая социальная группа (скажем, трудовой коллектив, региональная администрация, директора предприятий) претендовала на эту собственность. В таких условиях можно было найти лишь способы приватизации более или менее социально устойчивые, позволяющие не впадать в крайности.

Эти вопросы, повторяю, были в центре внимания в начале реформ, но сегодня с научной точки зрения они малоинтересны. А вот что по-прежнему интересно, так это причины резкого падения производства после крушения социализма. Те, кто в свое время писал о возможных реформах, не могли представить себе масштабы действительного падения производства. Достаточно вспомнить статью Г. Офера 1987 г.¹, суммирующую все имевшиеся на тот момент сценарии развития Советского Союза. Совершенно очевидно, что в то время никто не ожидал катастрофического краха социализма и появления гигантских экономических проблем, им порожденных.

«ГОЛЛАНДСКАЯ БОЛЕЗНЬ»

Однако крах наступил, и сопутствующие ему проблемы встали во весь рост. Тогда ситуацию в постсоциалистических странах невольно стали сравнивать с положением в Китае, давно проводившем упорядоченные реформы. Появилась гипотеза о том, что одновременные быстрые реформы выводят социальную систему

¹ Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928–1985 // Journal of Economic Literature. 1987. Vol. xxv. P. 1767–1833.

за границы приспособляемости и экономика реагирует на это не структурной перестройкой, а бурным сокращением экономической активности. Эта гипотеза была более или менее убедительна в 1991–1993 гг., но теперь опровергнута жизнью. Действительно, если она верна, то падение производства должно было быть меньшим в странах, которые после развала социализма начали постепенные реформы. Но это никак не подтверждается опытом Украины, Белоруссии, Казахстана. Данные 25 переходных экономик показали, что эта гипотеза полностью противоречит фактам, демонстрирующим прямо противоположную зависимость. После развала социализма именно те страны, которые пошли наиболее последовательным и решительным путем, первыми восстановили способность к экономическому росту. Дело в том, что глубинные причины падения производства в постсоциалистических странах связаны не с реформами, а с экономическим феноменом, известным под названием «голландская болезнь», т.е. с неустойчивым экономическим ростом, базирующимся на преходящих источниках.

Неустойчивый экономический рост сформировался в недрах социалистической экономики, которая представляет собой масштабную аномалию в истории экономического развития. Для этой аномалии наиболее характерно отключение рыночных механизмов микрорегулирования. Это в некотором смысле резко расширяло свободу макроэкономического маневра для социалистических правительств. Действительно, если в экономике работают рыночные механизмы, то нельзя прямо управлять нормой сбережений или уровнем налоговых изъятий. Рыночная экономика реагирует на попытки такого грубого воздействия блокирующей ответной реакцией, ограничивающей экономический рост. Если же микромеханизмы рыночного регулирования отключены, то такой блокировки не происходит, и можно, например, при низком уровне экономического развития перераспределять большую часть ВВП через бюджет без видимых последствий для экономического роста. Аномально высокие в рыночном смысле поступления в бюджет, например, могут направляться государством на капитальные вложения, обеспечивающие индустриализацию и дальнейший рост. Такое развитие никак не увязано с экономическими интересами. Однако оно может быть успешным, в особенности если опирается на дешевые и избыточные ресурсы и если имеются высокоразвитые страны,

технологические параметры и структура экономик которых может служить ориентиром для индуцируемого государством роста. Социалистическая индустриализация полностью укладывается в такую аномальную модель.

До определенного момента она работает вполне успешно. Создается впечатление, что без рынка можно легко решать сложнейшие задачи экономического развития. Недаром в 50-е гг. на Западе вполне серьезно обсуждалась возможность для Советского Союза стать мировым экономическим лидером. Однако этот впечатляющий рост был далек от совершенства и содержал внутренние ограничения¹.

АНОМАЛИИ СОЦИАЛИЗМА

Первая его характерная черта — отставание сельского хозяйства. Причем это не отставание на фоне более быстрого роста промышленности, а прямая стагнация аграрного производства. Исторически это хорошо прослеживается и в СССР, и в Китае. Индустриализация в этих странах проводилась в значительной степени за счет ресурсов сельского хозяйства. Продовольствие экспортировалось, а вырученные за него средства направлялись в промышленность. Но на каком-то этапе недоинвестированный аграрный сектор уже не только не мог выполнять роль донора, но перестал обеспечивать и минимальные потребности в продовольствии. В СССР это происходит на рубеже 50–60-х гг., в Китае — в середине 70-х. Приходится переходить от экспорта к импорту продовольствия. Но на чем тогда основывать индустриализацию?

Вот здесь и проявляется вторая характерная черта социалистического роста — крайняя слабость конкурентоспособности обрабатывающего сектора. Социалистической экономике свойственна сильная протекционистская защита обрабатывающего сектора. В благоприятных условиях этот сектор может худо-бедно обеспечивать потребности страны, но никак не может стать источником валютных поступлений. Достичь этого не удавалось ни социалистиче-

¹ Задача разумной экономической политики состоит не в сохранении, а в как можно более быстрой трансформации сложившихся социалистических связей и структур. Именно поэтому те страны, которые проводили наиболее радикальные реформы, быстрее восстановили возможности экономического развития.

ским странам, ни странам, осуществлявшим импортозамещающую протекционистскую политику. Низкая экспортоспособность — одна из характерных черт социалистической обрабатывающей промышленности, выросшей вне рыночной конкуренции и в «тепличных» протекционистских условиях. Обрабатывающий сектор не дал социалистическим странам необходимых ресурсов для дальнейшей индустриализации и роста.

Выяснилось, что в конце концов источником валютных поступлений может быть только сырьевой экспорт. Этот экспорт долгие годы и определял темпы социалистического роста. Чем больше была сырьевая обеспеченность страны, тем дальше она смогла продвинуться по пути социалистического роста, и наоборот. Именно сырьевой обеспеченностью социалистической страны определялись сроки ее выхода из социализма, а не «прозорливостью» ее политических лидеров. Китай столкнулся с сырьевыми ограничениями гораздо раньше СССР и поэтому раньше начал реформы.

Фундаментальная же проблема Советского Союза заключалась в том, что он был в сырьевом отношении чрезвычайно богатой страной. Опыт СССР показал, какие огромные проблемы может породить ресурсное богатство страны. Сырьем можно было заплатить за продовольственный импорт, обеспечить капитальные вложения и экономический рост. В связи с этим сейчас трудно без смеха слушать рассуждения о том, что Россия в результате реформ превратилась в ресурсный придаток Запада. На самом деле это произошло задолго до начала реформ. Достаточно посмотреть на структуру нашей внешней торговли на протяжении последних сорока лет.

НЕФТЬ И КАПИТАЛ

В конце 70-х — начале 80-х гг. экономика страны становится чрезвычайно открытой и зависимой от мирового рынка. На структуру производства и потребления определяющим образом влияет конъюнктура мирового рынка топливно-энергетических ресурсов.

В то же время меняются условия добычи топливно-энергетических ресурсов, прежде всего нефтедобычи. Пока в разработке находились новые богатейшие месторождения, себестоимость и капиталоемкость добытой нефти были низкими. Однако уже в начале 70-х специалистам стало ясно, что дальнейшая эксплуатация име-

ющихся месторождений приведет к резкому росту затрат, причем к росту не на проценты, а в несколько раз, что, собственно, и произошло. Нужно было либо искать и вводить в эксплуатацию новые богатые месторождения, либо выделять на поддержание добычи в старых нефтяных районах гигантские капиталовложения. Однако взять эти капиталовложения было негде, так как значительная часть доходов от торговли нефтью направлялась в военно-промышленный комплекс и на обеспечение других текущих нужд страны. Нефтяная рента оказалась потраченной, нефтедобыча — недоинвестированной. В результате уже в середине 80-х гг. экономическое положение Советского Союза стало предельно неустойчивым: истощился последний источник социалистического роста.

С 1988 г., когда начинается постепенно ускоряющееся падение добычи нефти, экономика Советского Союза оказывается в порочном кругу. Добыча нефти падает — углубляется кризис энергоемкой неэффективной структуры народного хозяйства — ограничиваются возможности капитальных вложений в нефтедобычу — добыча нефти падает еще быстрее — кризис становится еще глубже.

Интересно заметить, что с падением нефтедобычи мы как бы возвращались к структурным характеристикам нашей же экономики, соответствующим более низким уровням нефтедобычи в предшествующие годы.

Эта же логика прослеживается в вассальных восточноевропейских странах, которые не имели самостоятельных экономик и не могли жить без ресурсной подпитки из СССР. В 70-е гг. в этих странах экономический рост также базировался на перераспределенной советской нефтяной ренте. В те годы имел место резкий рост импорта топлива и энергии в эти страны, что позволяло им расширять свой экспорт неконкурентоспособной продукции в Советский Союз. С развалом соцлагеря оказалось, что те страны — члены СЭВ, которые за счет дешевого энергетического импорта росли быстрее всего, попали в полосу наиболее глубокого спада. В тех же странах, где такой индуцированный советской нефтяной рентой рост был более умеренным, спад оказался не столь значительным. В результате практически все социалистические страны в низшей точке падения выходят на уровень промышленного производства 1975 г., но, естественно, с изменившейся в рыночных условиях структурой производства.

М. Горбачев и Н. Рыжков унаследовали неустойчивую экономику с огромными структурными диспропорциями. Они этого совершенно не поняли. Все, что они делали: попытки «ускорения», антиалкогольная кампания и т. п., — было крайне непродуктивно в сложившейся ситуации. Но это только определило масштабы кризиса и сроки его развертывания. Сам же кризис был задан предшествующей моделью индустриализации, ее противоречиями и внутренними ограничениями. Так же и в других странах: все попытки проведения экономической политики, направленной на сохранение сложившихся связей и структур, были непродуктивными. Эти связи и структуры невозможно сохранить в условиях рынка, поскольку они базируются на источниках, которых больше нет. Следовательно, задача разумной экономической политики состоит не в сохранении, а в как можно более быстрой трансформации сложившихся социалистических связей и структур. Именно поэтому те страны, которые проводили наиболее радикальные реформы, быстрее восстановили возможности экономического развития.

Сегодня российская экономика и экономики других постсоциалистических стран все еще характеризуются рядом аномалий. Увидеть эти аномалии можно, сравнив себя с себе подобными, т. е. со странами, сопоставимыми по уровню развития. В середине 80-х гг. многие пытались сравнивать свои страны со Швейцарией, Швецией, США и т. д., логично предполагая, что если мы перестали строить, как оказалось, «плохой» социализм, то нужно строить «хороший» капитализм. При этом не принималось в расчет, что по уровню своего развития постсоциалистические страны несравнимы с высокоразвитыми капиталистическими и что социализм оставил в наследство огромные проблемы. А значит, после крушения социализма нельзя позволить себе многое из того, что есть в промышленно развитых странах. Главная постсоциалистическая аномалия состоит в том, что экономика, например наша, российская, не может иметь такой уровень государственного вмешательства, социальных гарантий и т. п., какой она фактически сейчас имеет. Это означает, что у нас изначально высокая государственная нагрузка на экономику и уровень налоговых изъятий, слабо совместимый с уровнем экономического развития. Однако по многим позициям нельзя дать и обратный ход, свернуть сложившуюся пенсионную систему, отобрать бесплатное образование, медицинское обслуживание и многое другое. Отсюда вытекают

главные проблемы всей постсоциалистической экономической политики. То, как те или иные страны справляются с ними, определяет перспективы их роста.

Прежде всего нужно построить эффективную и понятную налоговую систему. Богатые страны, в отличие от нас, могут позволить себе иметь нелепые налоговые системы. Наша же налоговая система должна быть простой, «как бревно», с минимальным количеством исключений, с ограничением любых возможностей уклонения от налогов. При нашем экономическом положении нельзя с помощью налогов решать задачи стимулирования производства, поскольку на данном этапе это выходит за реальные возможности контролировать экономику. Только простая и понятная налоговая система позволит стабилизировать на каком-то приемлемом уровне государственные доходы.

Одновременно нужно отказаться от всего лишнего. Мы, например, до сих пор тратим огромные деньги на субсидии сельскому хозяйству. Эти деньги идут в основном не селу, а в коммерческие структуры, ворующие вокруг сельского хозяйства. В результате получаем историю с Федеральной продовольственной корпорацией, которая теперь будет скорее предметом изучения правоохранительных органов, нежели экономических. Это касается и других отраслей. Поэтому дотационная нагрузка должна быть сокращена. От того, в какой степени страна способна сократить отраслевые дотации, зависит сохранение социальной сферы. Мы оказались неспособны провести последовательную налоговую реформу и остановить падение налоговых поступлений, однако сохранили очень высокий уровень дотационной нагрузки на экономику. Поэтому весь удар падения государственных доходов приняла социальная сфера. В Польше и Чехии за счет сокращения отраслевых дотаций сумели не только сохранить, но и расширить социальную сферу.

В то же время нужно повысить эффективность системы социальной поддержки. Сегодня примерно 80% проходящих через эту систему средств не доходит до тех, кто в них действительно нуждается.

Далее. Снизив дотационную нагрузку, можно в разумной степени увеличить финансирование стержневых для нашей экономики направлений развития (поддерживать не нефте- и газодобычу, а, например, чрезвычайно высокий для нашего уровня развития образовательный, квалификационный, научный потенциал).

В принципе проблемы, стоящие перед российской экономикой, разрешимы. И здесь ключевым вопросом становится способность правительства проводить необходимые реформы — реформу социальных фондов и системы социальной поддержки, реформу межбюджетных отношений и налоговой системы. Без этого бюджетный кризис не преодолеть и вполне можно попасть в порочный круг, получив деградирующий бюджет, социальную нестабильность, неизбежную в этих условиях ограниченность частных капиталовложений, дальнейшее падение уровня производства, постепенное снижение образовательно-квалификационного уровня страны.

Мне очень трудно себе представить, что наше коалиционное правительство сможет эти реформы провести. С другой стороны, мы сейчас подошли к такому рубежу, когда эти реформы просто невозможно не проводить. Поэтому если правительство сможет избежать хотя бы некоторых ошибок из всех возможных, то уже в этом году можно создать базу экономического роста.

О природе бюджетных кризисов этапа финансовой стабилизации

В последние годы с проблемами, порожденными кризисом позднего социализма и трудным постсоциалистическим переходом, столкнулись почти три десятка государств, разных по уровню развития, масштабам и структуре экономики, национальным традициям. За это время в них сменились десятки правительств — от ультралиберальных до последовательно коммунистических, были опробованы разнообразные варианты экономической политики, проявились их результаты. При всем различии национальных траекторий перехода к рыночной экономике внимательное изучение накопленного опыта позволяет выявить некоторые общие тенденции, проявляющиеся через специфику отдельных стран. Серьезное обсуждение

Опубликовано под заголовком «Детские болезни постсоциализма (О природе бюджетных кризисов этапа финансовой стабилизации)» в: Вопросы экономики. 1997. № 4.

Замена названия произведена для устранения дублирования (см. ниже в этом же томе статью «Детские болезни постсоциализма»). — Прим. ред.

экономико-политических проблем любой постсоциалистической страны без учета этих закономерностей сегодня уже невозможно.

I

Специфика политико-экономических систем постсоциалистических обществ формируется и с учетом реализованных на практике траекторий перехода к рынку: здесь ведущую роль играют различия в темпах реформ, избранные варианты структурных преобразований, продолжительность периода высокой инфляции. Если социально-экономический генотип складывающейся рыночной экономики во многом обуславливается ее социалистическим прошлым, то первые годы реформ становятся ее «детством», которое задает контуры развития на долгие годы.

В работе предпринята попытка выявить механизмы развертывания бюджетного кризиса, его связь с реализованной на практике линией преобразований, возможные пути разрешения проблем, возникающих на современном этапе постсоциалистического перехода. Представляется, что ключевым здесь является анализ взаимосвязи темпов дезинфляции с эволюцией бюджетной и денежной системы постсоциалистических стран.

К настоящему времени большинству постсоциалистических стран удалось взять под контроль инфляцию, снизить ее масштабы до уровня, не превышающего 40% годовых, начать наращивать объемы производства.

В первые годы реформ вопрос о том, является ли денежная стабилизация необходимой предпосылкой восстановления экономического роста или, напротив, только рост объема производства позволяет стабилизировать финансы и денежное обращение, широко обсуждался как в экономической литературе, так и в прессе. К настоящему времени этот вопрос прояснился. На основе анализа данных, характеризующих развитие стран Латинской Америки, Азии и Африки, доказано, что высокая (превышающая 40% годовых) инфляция создает серьезные препятствия на пути экономического роста¹. Последние исследования показывают, что данный вывод в полной мере относится и к постсоциалистическим странам. В подавляющем

¹ Эта зависимость на совокупности стран, не включавшей постсоциалистические, была убедительно продемонстрирована М. Бруно и У. Эстерли. *Bruno M., Estery W. Inflation Crises and Long-Run Growth*. Washington: World Bank, 1994.

большинстве случаев рост ВВП начинается лишь после того, как мерами денежной политики удастся свести инфляцию к более низким значениям¹. Как правило, экономический рост возобновляется примерно через два года после запуска серьезной программы финансовой стабилизации. В странах, к 1995 г. начавших экономический рост, средняя продолжительность переходной рецессии составляла 3,6 года (среднее падение объемов производства — 33,6%).

Таким образом, *снижение инфляции до уровня ниже 40% если и не выступает в качестве достаточной предпосылки устойчивого экономического роста, то по меньшей мере является необходимой.*

Национальные политические элиты некоторых постсоциалистических стран оказались способными понять эту закономерность и реализовали энергичную программу дезинфляции. Именно эти страны раньше всех начали наращивать объемы производства. В других сменяющиеся правительства в течение длительного периода пытались решать проблемы выхода из кризиса за счет ускорения темпов роста денежной массы, обосновывая это заботой о поддержании производства и решении социальных проблем. Результаты были стандартными, хорошо описанными в литературе, посвященной экономике популизма²: ускорение инфляции, бегство от национальных денег, резкое падение валютного курса, долларизация экономики, усиление социальной дифференциации и дальнейшее падение производства. В этих странах постсоциалистический кризис оказался более продолжительным, а падение производства, как правило, более глубоким. В некоторых случаях, чтобы убедить национальные органы власти в том, что программе денежной стабилизации все-таки придется реализовывать, потребовалось несколько всплесков инфляции. *Опыт показал: постсоциалистическую денежную стабилизацию можно откладывать, но от нее нельзя отказаться.*

II

Характерная черта социалистической экономики — аномально высокая (с учетом уровня развития той или иной страны) государ-

¹ *Fischer S., Sahay R., Vegh C. Economies in Transition: The Beginning of Growth // AEA Papers and Proceedings*. 1996. Vol. 86. N 2. P. 229–233; *Idem. Stabilization and Growth in Transition Economies: The Early Experience*. IMF Working Paper. 1996; *Adelman I., Vujovic D. Institutional and Policy Aspects of Transition // An Empirical Analysis*. 1996.

² *Dornbusch R., Edwards S. (ed). The Macroeconomics of Populism in Latin America*. Chicago, 1991.

ственная нагрузка на экономику. После краха социализма выясняется, что в условиях рынка обеспечить столь масштабное перераспределение финансовых ресурсов через государственный бюджет крайне сложно или невозможно. Это обстоятельство — общий источник бюджетного кризиса, который поразил с той или иной степенью остроты на этапе стабилизации почти все страны Восточной Европы и постсоветского пространства. Бюджетные (фискальные) кризисы создают серьезные угрозы самому существованию новых социальных институтов, сложившихся за последние годы.

Динамика постсоциалистического бюджетного кризиса хорошо изучена прежде всего на материалах Восточной Европы¹. М. Домбровский выделяет четыре его этапа:

- фискальная дестабилизация, предшествующая началу реформ;
- макроэкономическая стабилизация, связанная с либерализацией экономики;
- вторичный фискальный кризис, следующий за стабилизацией;
- восстановление фискального потенциала, связанное с экономическим оживлением и развертыванием реформ в системе государственных финансов.

События развиваются следующим образом. Политический кризис и непоследовательные реформы в период позднего социализма приводят к ослаблению государственного контроля за экономикой, падению доходов бюджета и образованию крупного бюджетного дефицита. Начало реформ, либерализация экономики, перевод подавленной инфляции в открытую, сокращение инфляционной нагрузки на экономику позволяют радикально поправить положение бюджета. Однако с прогрессом денежной стабилизации, снижением темпов инфляции, выпадением инфляционных доходов, соответ-

¹ См.: Домбровский М. Фискальный кризис в период трансформации. Динамика процесса и некоторые концептуальные проблемы. Варшава, 1996; *Bauc J.* The Nature of the Fiscal Crisis in Transition Countries. Warsaw, 1996; *Barbone L.* Transition and the Fiscal Crisis in Central Europe. Warsaw, 1995; *Barbone L., Polackova H.* Public Finances and Economic Transition. Warsaw, 1996; *Hemming R., Cheasty A., Lahiri A.* The Revenue Decline//Policy Experiences and Issues in the Baltics, Russia, and Other Countries of the Former Soviet Union. Washington, 1995; Налогово-бюджетная политика в странах с экономикой переходного периода/под ред. В. Танзи. Вашингтон, 1993.

ствующим снижением налога на прибыль доходы бюджета вновь сокращаются. Параллельно процесс структурных реформ увеличивает долю социальных расходов в бюджете. С началом экономического роста адаптация налоговой системы к работе в условиях рынка, низкой инфляции, рост доходов бюджета позволяют справиться с бюджетным кризисом. Разумеется, это стилизованная картина¹. И все же она неплохо описывает развитие событий в Восточной Европе.

В постсоветском пространстве развертывание финансового кризиса было модифицировано большей длительностью периода высокой открытой инфляции.

Тенденция сокращения налоговых поступлений в условиях высокой инфляции (эффект Оливера—Танзи) — хорошо изученный экономический феномен². Постсоциалистический опыт позволяет обогатить представление о механизме этого процесса. Длительная высокая инфляция формирует мягкую финансовую среду: нет эффективно работающего механизма, обеспечивающего ответственность за выполнение финансовых обязательств; массовой формой ухода от налогов становятся взаимные неплатежи; пренебрежительное отношение к налоговым обязательствам укореняется как социальная норма.

Между тем, как известно, дурные налоговые традиции легко сформировать и очень трудно изменить — они становятся самостоятельным фактором, оказывающим влияние на долгосрочные перспективы бюджетной политики. К тому времени, когда политическая элита наконец осознает необходимость денежной стабилизации, вызываемое ею ограничение темпов роста денежной массы и соответственно масштаба бюджетного дефицита, выпадение инфляционных доходов и т. д., — все это отнюдь не сопровождается немедленным ростом налоговой дисциплины. В результате в странах, избравших путь «мягкого» вхождения в рынок, прошедших период длительной и высокой инфляции, приходится сокращать государственные расходы до уровней значительно более низких, чем в странах, осуществивших стратегию радикальной дезинфляции (рис. 1–5).

¹ Чехословакия и Венгрия подошли к началу реформ в условиях относительной финансовой стабильности и не пережили интенсивный финансовый кризис в условиях социализма.

² *Tanzi V.* Inflation, Real Tax Revenue, and the Case for Inflationary Finance: Theory with an Application to Argentina//IMF Staff Papers. 1978. Vol. 25 (Sept.). P. 417–451.

В Польше доходы расширенного правительства (под ними понимаются консолидированный бюджет плюс внебюджетные фонды) существенно снизились в 1990 г., но уже в 1991 г. начинают расти, затем стабилизируются на уровне, близком к 50% ВВП. Такие же тенденции были характерны для Словении. В Словакии, Чехии, Венгрии, где дореформенная доля государственных доходов была необычно высока даже по социалистическим стандартам, она постепенно снижалась (примерно на 10% ВВП) и также стабилизировалась на уровне, близком к 50% ВВП. Падение государственных доходов было более глубоким в тех восточноевропейских странах, которые избрали стратегию медленной дезинфляции (табл. 1).

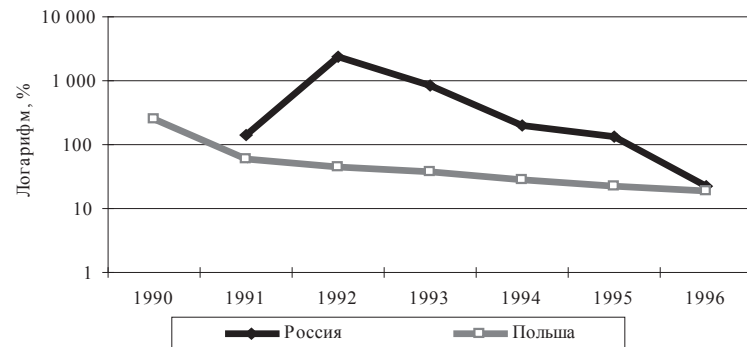

Рис. 1. Инфляция в России и Польше в 1990–1996 гг.

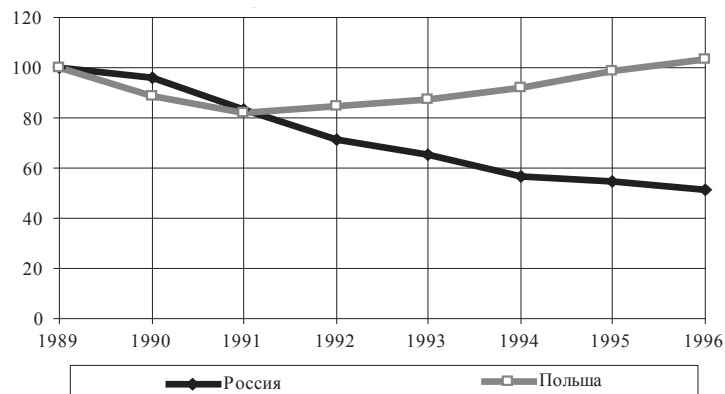

Рис. 2. Динамика реального ВВП России и Польши

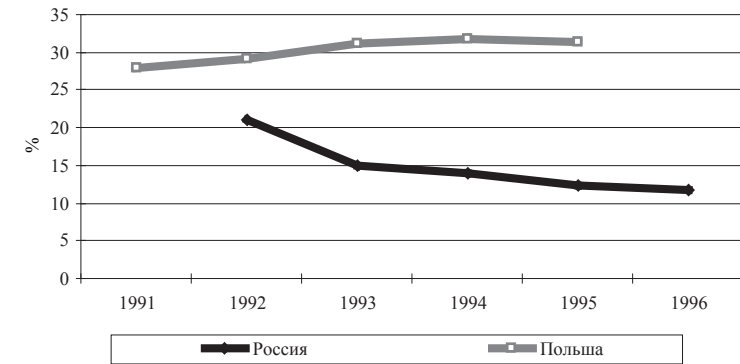

Рис. 3. Коэффициент монетизации экономик России и Польши в 1991–1996 гг.

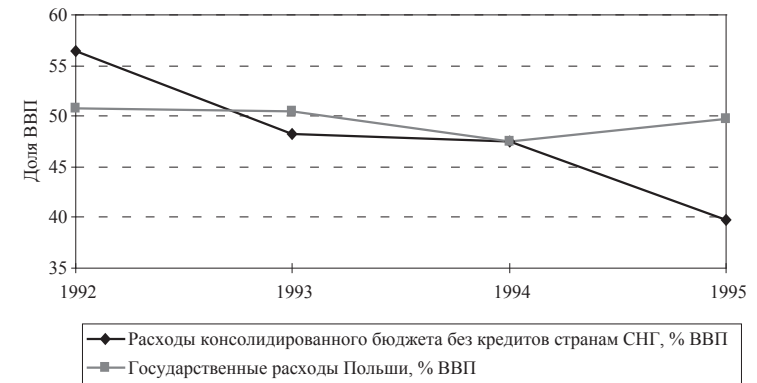

Рис. 4. Государственные расходы России и Польши

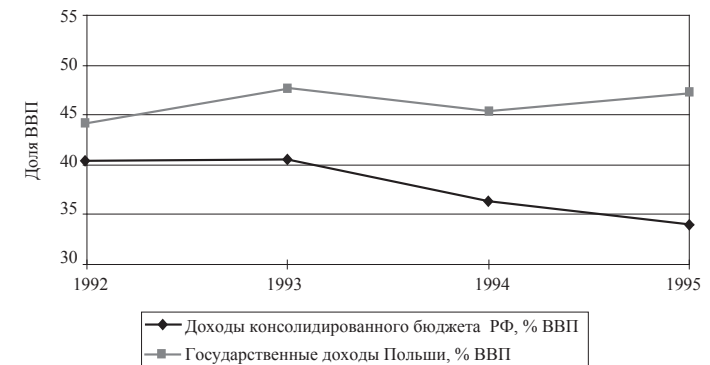

Рис. 5. Государственные доходы России и Польши

Характерный пример взаимосвязей инфляционного кризиса и динамики государственных доходов — бюджетная эволюция в странах Балтии. Они сходны по географическому положению, структуре экономики, экономико-политической ориентации. Эстония и Латвия пережили высокую инфляцию в 1991–1993 гг. и сумели быстро стабилизировать свою денежную систему. Антиинфляционная политика в Литве была менее последовательной и решительной, темпы инфляции были выше, а инфляционный период продолжительным. И здесь страны, быстро остановившие инфляцию, стабилизировали долю государственных доходов и расходов на существенно более высоком уровне (табл. 2).

Таблица 1. Доходы, расходы и дефицит бюджета в постсоциалистических государствах Восточной Европы, % ВВП*

Страна		1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Албания**	доходы	47,8	47,1	30,9	25,6	28,6	28,0	25,5
	расходы	56,8	62,1	61,9	47,6	44,6	41,0	36,0
	дефицит	- 9,0	- 15,0	- 31,0	- 22,0	- 16,0	- 13,0	- 10,5
Болгария***	доходы	—	—	—	32,4	37,2	40,2	36
	расходы	58,4	65,9	45,6	45,4	48,1	46,0	41,7
	дефицит	—	—	—	- 13,0	- 10,9	- 5,8	- 5,7
Чехия	доходы	61,7	60,2	52,2	49,5	49,3	50,9	
	расходы	64,5	60,1	54,2	52,8	48,5	50,0	
	дефицит	- 2,8	0,1	- 2,0	- 3,3	0,8	0,9	0,4
Македония	доходы	—	—	—	38,0	41,0	51,0	45,0
	расходы	—	—	—	48,0	55,0	54,0	46,0
	дефицит	—	—	—	- 10,0	- 14,0	- 3,0	- 1,0
Венгрия	доходы	—	53,9	52,1	56,1	55,4	53,9	49,6
	расходы	—	53,5	54,3	61,6	62,2	62,1	56,1
	дефицит	- 1,4	0,4	- 2,2	- 5,5	- 6,8	- 8,2	- 6,5
Польша	доходы	41,4	36,7	41,5	44,1	47,6	45,5	47,2
	расходы	48,8	39,8	48,0	50,7	50,5	47,5	49,8
	дефицит	- 7,4	3,1	- 6,5	- 6,6	- 2,9	- 2,0	- 2,6
Румыния	доходы	51,1	40,5	39,3	37,6	33,6	31,4	33,5
	расходы	42,7	39,3	38,7	42,2	33,7	32,4	36,3
	дефицит	8,4	1,2	0,6	- 4,6	- 0,1	- 1,0	- 2,8
Словакия	доходы	61,7	60,2	52,2	46,0	44,1	46,6	51,5
	расходы	64,5	60,1	54,2	57,9	51,2	47,7	48,3
	дефицит	- 2,8	0,1	- 2,0	- 11,9	- 7,1	- 1,1	3,2
Словения	доходы	42,4	49,3	38,5	46,5	47,1	47,1	46,2
	расходы	42,1	49,6	41,1	46,2	46,8	47,3	46,2
	дефицит	0,3	- 0,3	- 2,6	0,3	0,3	- 0,2	0,0

* Расширенное правительство (консолидированный бюджет с учетом внебюджетных фондов).

** Расчеты на базе принятых обязательств.

*** Расчеты на базе денежных потоков.

Источники: ЕБРР. Исключены страны, по которым нет соответствующих данных. Данные по Польше за 1995 г. по: Economic Scenarios for Poland. Warsaw, 1997.

Таблица 2. Государственные доходы, расходы и дефицит бюджета в государствах Балтии, % ВВП*

Страна		1992	1993	1994	1995
Эстония	доходы	34,6	39,6	41,2	40,7
	расходы	34,9	40,3	39,9	41,5
	дефицит	- 0,3	- 0,7	1,3	- 0,8
Латвия	доходы	27,4	35,8	34,2	34,9
	расходы	28,2	35,2	38,2	38,2
	дефицит	- 0,8	0,6	- 4,0	- 3,3
Литва	доходы	32,1	30,2	25,1	24,6
	расходы	31,3	33,3	29,3	27,9
	дефицит	0,8	- 3,1	- 4,2	- 3,3

* Расширенное правительство.

Источник: ЕБРР.

Таблица 3. Государственные доходы, расходы и дефицит бюджета в государствах СНГ, добившихся денежной стабилизации к 1996 г., % ВВП*

Страна		1992	1993	1994	1995	1996
Россия**	доходы	40,3	40,6	—	34,5	31,4
	расходы	56,4	48,6	—	40,3	39,1
	дефицит	- 16,1	- 8,0	—	- 5,8	- 7,7
Армения***	доходы	26,6	40,2	27,6	18,3	16,0
	расходы	64,2	68,6	43,7	27,0	24,0
	дефицит	- 37,6	- 48,2	- 16,1	- 8,7	- 8
Азербайджан	доходы	49,2	45,0	31,7	23,0	
	расходы	46,4	58,0	46,5	30,0	
	дефицит	2,8	- 13,0	- 14,8	- 7,0	
Грузия	доходы	2,0	20,0	16,6	8,2	
	расходы	39,0	46,0	24,0	13,0	
	дефицит	- 37,0	- 26,0	- 7,4	- 4,8	
Казахстан***	доходы	24,6	23,5	17,2	16,5	16,0
	расходы	31,9	24,7	24,0	18,8	20,0
	дефицит	- 7,3	- 1,2	- 6,8	- 2,3	- 4,0
Киргизия***	доходы	17,0	23,0	20,8	15,6	18,0
	расходы	33,9	36,6	28,6	28,1	23,5
	дефицит	- 16,9	- 13,6	- 7,8	- 12,5	- 5,5
Молдавия***	доходы	20,2	13,0	23,1	23,9	23,0
	расходы	43,6	19,8	32,1	29,4	27,0
	дефицит	- 23,4	- 6,8	- 9,0	- 5,5	- 4,0

* Расходы расширенного правительства.

** По России 1992 г. — без кредитов ЦБ государствам рублевой зоны, 1996 г. — первое полугодие.

*** По Казахстану, Киргизии, Молдавии и Армении 1996 г. — данные предварительные.

Примечание. Не включены данные по странам, не завершившим денежную стабилизацию, в которых темпы инфляции в 1996 г. превышали 50% годовых.

Источники: ЕБРР. По России — расчеты ИЭППИ.

Как показывают данные табл. 3, к 1996 г. ни одному из государств СНГ, прошедших длительный период высокой инфляции, не удалось обеспечить денежную стабилизацию при уровне государственных доходов, превышающем 35% ВВП, в большинстве случаев показатели были существенно ниже. Доля государственных расходов в ВВП за эти годы сокращается, как правило, не менее чем на 15%. Меньшими были масштабы сокращения государственных расходов лишь в Киргизии, осуществившей самую быструю в СНГ дезинфляцию.

Проведенные в ИЭППП расчеты¹ позволили выявить статистически значимую зависимость между долей доходов бюджета расширенного правительства в 1995 г. и десятичным логарифмом накопленной инфляции предшествующего пятилетия. Оценка уравнения имеет следующий вид (в скобках приведены значения *t*-статистик):

$$\text{ДОБ} = 62,84 - 6,77 \lg_{\text{инф}},$$

$$(12,61) \quad (-6,41);$$

$$R^2 = 0,707;$$

$$\text{нормированный } R^2 = 0,690,$$

где ДОБ — доля доходов бюджета расширенного правительства в ВВП в 1995 г., $\lg_{\text{инф}}$ — десятичный логарифм накопленной инфляции предшествующего пятилетия.

Разумеется, подобные расчеты всегда носят приблизительный, прикидочный характер, но общую тенденцию они выявляют вполне убедительно: чем больше была в стране накопленная инфляция, тем меньше доля доходов бюджета в ВВП, и наоборот.

III

Крах социалистической экономики открывает так называемый период чрезвычайной политики² — положение, при котором

¹ Расчеты С. Синельникова, С. Архипова, С. Дробышевского. Исходные данные взяты из материалов ЕБРР по 25 странам. Полученные результаты являются статистически значимыми на уровне 95%. Значение статистики Durbin-Watson — 2,42. В расчеты не включены данные по постсоветским странам, не завершившим в 1996 г. денежную стабилизацию. Моделирование зависимости отношения доходов государственного бюджета к ВВП от темпов перехода к рыночной экономике также статистически подтвердило значимость данной гипотезы. Однако взаимосвязь в данном случае не такая тесная. Кроме того, более высокие оценки получены для 1991–1995 гг., а не для всего периода с 1989 г.

² *Balcerowicz L., Gelb A. Macropolicies in Transition to a Market Economy. A Three-Year Perspective/Proceedings of the World Bank Annual Conference on Development Economic. 1994.*

традиционные лобби (особенно отраслевые) дезориентированы, не успели приспособиться к радикально изменившимся условиям и границы возможного экономико-политического маневра резко расширяются. В это время оказывается возможным проведение политики максимально жесткого сокращения дотационной нагрузки на бюджет. В государствах, где проводились радикальные реформы и стабилизация была осуществлена при относительно высоком уровне государственных расходов, это оставляло свободу маневра не только для стабилизации, но в ряде случаев и для роста доли социальных расходов в ВВП (табл. 4 и рис. 6).

Там же, где процесс преобразования оказался растянутым, открывшееся после социализма «окно возможностей» было использовано существенно слабее. К моменту, когда политическая элита наконец осознает необходимость торможения инфляции и приступает к ней, лобби поддержки отраслевых интересов уже успевает перестроиться, приспособиться к новым условиям. Отсюда существенно большие трудности бюджетной рестрикции, попытки сокращения дотаций встречают мощное сопротивление. В результате на этапе завершения стабилизации государственные доходы здесь оказываются существенно ниже, чем у радикальных реформаторов, а дотационная нагрузка — выше. В этой ситуации тяжесть сокращения государственных расходов в определяющей степени ложится на социальные программы, возможности финансирования которых здесь в конечном счете оказываются существенно ниже, чем в странах, осуществивших радикальные реформы.

Таким образом, характерными особенностями отложенной стабилизации оказываются более жесткая заданность бюджетной политики, предельно ограниченные возможности внутреннего финансирования дефицита бюджета, вынужденная радикальная рестрикция

Таблица 4. Доля расходов на пенсии в ВВП отдельных постсоциалистических стран, % ВВП

Страна	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Россия	5,9	6,0	6,6	4,9	6,4	5,9	5,3
Польша	8,2	8,1	12,2	14,7	14,9	15,8	15,5
Венгрия	9,1	9,0	10,6	11,2	11,0	11,5	
Эстония				5,3	6,6	6,5	7,0
Латвия	6,3	5,8	7,8	6,2	9,6	9,8	10,3
Литва	4,9	5,5	6,1	5,8	5,1	6,9	7,4

Источники: *Golinowska S. Institutional Reforms in the Social Policy — in Economic Scenarion for Poland. Warsaw, 1997.* Данные по России — расчеты ИЭППП.

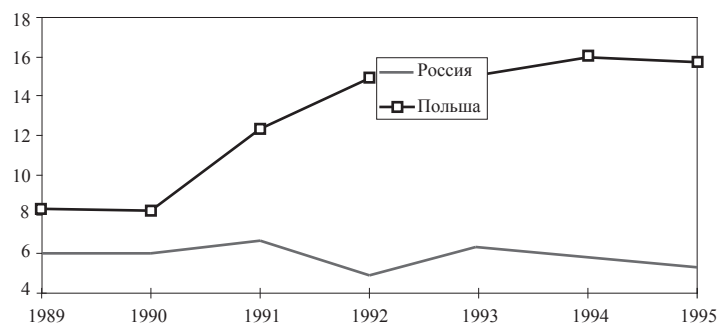

Рис. 6. Расходы на пенсии, % ВВП

государственных расходов, происходящая в первую очередь за счет их социальной компоненты. Напротив, радикальная политика дезинфляции обеспечивает существенно большую свободу финансового маневра, позволяет стабилизировать на высоком уровне бюджетные расходы и увеличить финансирование социальных программ. Это показывает, сколь важен сегодня анализ феномена отложенной дезинфляции и ее последствий. Без такого анализа вряд ли возможно определить стратегию дальнейших рыночных реформ.

IV

На постсоветском пространстве условия для старта экономических реформ существенно отличались от восточноевропейских, период социалистического развития здесь (кроме государств Балтии и Молдовы) был более продолжительным, традиции частной, рыночной экономики практически выпали из социальной памяти. Отсутствовало согласие политической элиты по принципиальным направлениям экономической политики. Значительно медленнее шел процесс консолидации новых государственных институтов.

На все это накладывался фактор единой рублевой зоны. Фактическая утрата Госбанком СССР контроля над денежным обращением лишь со временем могла быть компенсирована введением полноценных национальных валют. Страны Балтии, начавшие работу по подготовке денежных реформ с конца 80-х гг., оказались в состоянии ввести национальные валюты в оборот лишь со второго полугодия 1992 г. Для большинства постсоветских государств существование рублевой зоны лишь стимулировало соревнование в темпах эмиссии.

В результате период высокой инфляции повсеместно оказался растянутым. Даже в проводивших энергичную стабилизацию Латвии и Эстонии инфляция превышала 50% в течение трех лет, а в 1992 г. рост цен был экстремально высоким: Эстония — 1076%, Латвия — 951%.

В государствах СНГ к моменту, когда демонтаж рублевой зоны открыл техническую возможность осуществления дезинфляции, политическая воля к ее проведению либо не существовала вовсе (Украина), либо была подорвана (Россия). Все они (кроме Молдавии) провели по меньшей мере по одному эксперименту с популистской политикой, пытаясь решить проблемы развития за счет ускорения роста денежной массы и эмиссионного финансирования бюджета.

У инфляционных экспериментов на постсоветском пространстве общая черта: к тому времени, когда отсутствие альтернатив поворота к стабилизационной политике осознается политическими элитами, доверие к национальной денежной системе уже серьезно подорвано, спрос на деньги низкий, уровень налоговой дисциплины расшатан. В результате денежная стабилизация проходит при коэффициентах монетизации и доле государственных расходов в ВВП существенно более низких, чем те, которые характерны для государств вышеградской группы.

В этой ситуации даже скромные по мировым стандартам масштабы внутреннего финансирования дефицита бюджета оказываются опасными. Высокая процентная ставка по государственным займам одновременно обуславливает рост расходов, связанных с обслуживанием долга, доли внутреннего долга в ВВП и концентрирует на себя ограниченные национальные денежные ресурсы, стимулируя экспансию неплатежей в реальном секторе. Соответственно попытка активного использования этих инструментов после короткого периода облегчения приводит лишь к необходимости еще более жестко ограничивать государственные расходы. Обозначились три варианта экономико-политических ответов на этот вызов:

1. Стабилизация доходов и расходов государства на уровне 35–40% ВВП, существенно более низком по сравнению со странами вышеградской группы, но превышающем характерные для постсоветских государств значения, упрощение налоговой системы, реформы, позволяющие приспособить объем государственных обязательств

к заданным доходам. К настоящему моменту из постсоветских государств, завершивших денежную стабилизацию, это сумели сделать лишь там, где политика дезинфляции была наиболее последовательной (Латвия, Эстония)¹.

2. Стабилизация государственных расходов и доходов на низком (по стандартам постсоветского пространства) уровне, де-факто или де-юре радикальный демонтаж социальных обязательств социалистического периода (прекращение функционирования пенсионной системы, приватизация расходов на образование и здравоохранение). Такое развитие событий характерно для государств, прошедших через период гиперинфляции, социально-политического хаоса, вновь открывающих дорогу «чрезвычайной политике». Пример такого развития событий — Грузия².
3. Сочетание резкого сокращения текущего финансирования государственных расходов с сохранением высокого уровня декларируемых государственных обязательств, отрыв бюджетных обязательств от реального финансирования. Именно такое развитие событий имеет место в России и в большинстве других государств СНГ³. В этой ситуации государство хронически не выполняет возложенные на себя обязательства, становится важнейшим фактором консервации укоренившихся в период высокой инфляции традиций финансовой безответственности. Отсюда дальнейшая эрозия доходной базы бюджета, вынужденное сокращение реально финансируемых государственных расходов.

Подобное развитие событий — результат своеобразного равновесия общественных сил, формирующегося на этапе денежной стабилизации. Память о предшествующем инфляционном опыте, результатах популистских экспериментов еще слишком свежа, чтобы органы власти вновь пошли по пути массивного эмиссионного финан-

¹ *Saavalainen T.* Stabilization in the Baltic Countries: Early Experience//Road Maps of the Transition. Washington, 1995.

² *Wellisz S.* Georgia. A Brief Survey of Macroeconomic Problems and Policies. Warsaw, 1996; *Синицына И.* Проблемы реформирования социальной защиты и социальной инфраструктуры в Грузии. Варшава, 1996.

³ Анализ развертывания бюджетного кризиса в России см.: *Синельников С.* Бюджетный кризис в России: 1985–1995. М., 1995; *Российская экономика в первом полугодии 1996 г.: Тенденции и перспективы.* М., 1996.

- сирования дефицита бюджета. Вместе с тем сам факт денежной стабилизации, остановки инфляции придает бюджетному кризису вялотекущий характер, не позволяет снять политические ограничения на проведение структурных реформ, повышающих эффективность использования государственных средств, приводящих государственные обязательства в соответствие с реальными финансовыми ресурсами. Больше того, в этой ситуации политики, неспособные дать своим избирателям реальные деньги, нередко усиливают «соревнование обещаний», т. е. ведут к экспансии государственных обязательств, увеличивая разрыв между тем, что государство обещало сделать, и тем, что ему по силам. Рассмотрим альтернативные варианты экономической политики, реализуемые в подобных ситуациях.
- 3а. Сохранение статус-кво. Финансирование ограничено наличными финансовыми ресурсами, бюджет остается важнейшим источником финансовой нестабильности в экономике. Текущее распределение финансовых ресурсов в этой ситуации определяется давлением различных социальных и профессиональных групп на федеральные, региональные и местные органы власти. Сохранение за бюджетом роли генератора финансовой нестабильности делает крайне маловероятной реализацию действенных мер по повышению доли государственных доходов в ВВП.
 - 3б. Возврат к масштабному эмиссионному кредитованию дефицита бюджета, попытка на этой основе обеспечить выполнение государственных обязательств. Именно к такому развитию событий подталкивает длительное сохранение статус-кво¹. Развитие событий в рамках такого сценария легко прогнозировать (сокращение спроса на национальную валюту, рост долларизации экономики, истощение валютных резервов ЦБ, форсированное падение курса национальной валюты, резкое ускорение инфляции с возможным выходом на гиперинфляционный уровень, резкое сокращение денег в ВВП, дальнейшее падение доли доходов государства в ВВП)². В результате когда возврат

¹ Табу на экономический популизм ослабевает вместе с памятью о жизни в условиях экстремально высокой инфляции, а проблемы хронического бюджетного кризиса продолжают обостряться.

² Развитие экономического кризиса 1996–1997 гг. в Болгарии, добившейся к 1995 г. денежной стабилизации, хорошо иллюстрирует практические последствия реализации подобного курса.

к стабилизационной политике станет неизбежным, торможение роста цен будет обеспечено при доходах, расходах и доле денег в ВВП существенно более низких, чем сегодня (весна 1997 г.). Кризис существенно расширит свободу политического маневра, вынудит резко сократить государственные обязательства. Один-два таких эксперимента и страна вовсе останется без важнейших элементов социальной политики, в частности без пенсионной системы.

зв. Осуществление реформ, обеспечивающих повышение эффективности бюджетных расходов, ограничение объема государственных обязательств реальными доходами. В сложившихся условиях только этот вариант позволяет справиться с бюджетным кризисом, дополнить денежную стабильность финансовой. Раньше или позже он будет реализован. При этом уровень государственных расходов и обязательств, достижимый на основе таких реформ, связан обратной зависимостью с периодом до начала их реализации. Отсрочка реформ прокладывает дорогу дальнейшему падению доходов бюджета, популистским экспериментам и в среднесрочной перспективе ведет лишь к тому, что вынужденное ограничение роли государства в экономике будет более глубоким.

V

Завершение денежной и бюджетной стабилизации, начало экономического роста подводят черту под периодом «чрезвычайной политики». Сформировавшаяся структура бюджета, денежной системы обретает устойчивость. Любые радикальные изменения в этих условиях политически труднореализуемы.

В постсоциалистических странах при сравнительно высоком уровне образования, существенном отставании уровня душевого ВВП от стран-лидеров мировой экономики важнейшим фактором, определяющим перспективы роста постсоциалистических экономик, является доля инвестиций в ВВП. Как известно, этот параметр жестко коррелирует с нормой национальных сбережений¹. Выявлена и обратная связь нормы сбережений с социальной нагрузкой на экономику, в частности с щедростью финансируемой государст-

¹ *Feldstein M., Horioka C. Domestic Savings and International Capital Flows//Economic Journal. June 1980. Vol. 90. P. 314–324.*

вом пенсионной системы¹. В странах вышеградской группы социальная нагрузка на экономику, доля государственных расходов необычно высока для стран соответствующего уровня развития (табл. 1 и 5).

Таблица 5. Доходы, расходы и дефицит бюджета в странах — членах ЕЭС в период, когда их душевой ВВП был близким к современному уровню стран вышеградской группы, % ВВП*

Страна		1965	1970	1975
Ирландия	доходы	28,0	32,1	33,2
	расходы	33,1	36,2	45,4
	дефицит	- 5,1	- 4,1	- 12,2
Испания	доходы		22,1	24,4
	расходы		21,4	24,4
	дефицит		0,7	0,0
Португалия	доходы	21,7	26,0	27,8
	расходы	21,5	23,2	31,9
	дефицит	0,2	2,8	- 4,1

* Интервал ВВП на душу населения составляет от 4173 долл./чел. (Португалия в 1965 г.) до 9151 долл./чел. (Испания в 1975 г.). Доллары 1990 г. с учетом паритета покупательной способности. В сопоставимых ценах уровень душевого ВВП составил в 1992 г. в Чехословакии 6845 долл./чел., в Венгрии — 5638, в Польше — 4726 долл./чел.

Источник: Annual Economic Report for 1995//European Economy. 1995. N 59.

Отсюда серьезный риск того, что, исчерпав потенциал послекризисного восстановления, адаптации к рыночным условиям, государства этой группы будут демонстрировать хронически низкие темпы экономического роста². Эффективность национальной налоговой системы, позволяющей финансировать аномально высокий уровень государственных расходов, объективно провоцирует их экспансию: все деньги, которыми располагает государство, оно обязательно тратит — это неизбежно. История шведского социализма — история государственной перегрузки экономики, приводящей к хроническому кризису роста, отставанию от стран-конкурентов. И это история уникально эффективной и жесткой налоговой системы в национально и культурно гомогенной стране с высоким уровнем лояльности налогоплательщиков. Применительно к уровню развития стран вышег-

¹ *Feldstein M. Fiscal Policies, Capital Formation, and Capitalism//NBER Working Paper. 1994. N 4885.*

² Дж. Сакс и Э. Уорнер продемонстрировали серьезность долгосрочных проблем развития, с которыми столкнулись государства вышеградской группы. *Sachs J., Warner A. Achieving Rapid Growth in the Transition Economies of Central Europe. Warsaw, 1996.*

радской группы их сегодняшняя государственная нагрузка не менее аномально высока, чем шведская для высокоразвитых государств. Путь радикальных постсоциалистических реформ и быстрой дезинфляции на практике оказался путем в мир «шведского социализма» (с его же характерными проблемами!). Надо заметить, что в условиях социально-экономической стабильности снизить уровень социальной нагрузки на экономику крайне сложно¹. В какой степени национальные политические элиты вышеградских стран окажутся способными справиться с этим вызовом стабильности, провести реформы, открывающие дорогу ускорению роста, своевременно, не дожидаясь новых кризисных явлений, покажет будущее.

В постсоветских государствах (за исключением стран Балтии) незавершенность процессов денежной и бюджетной стабилизации не позволяет однозначно прогнозировать уровень государственной и, в частности, социальной нагрузки на экономику. Много будет зависеть от способностей национальных политических элит провести либеральные реформы, наличия для них социальной базы. Но с какими перипетиями социально-экономического развития им ни пришлось бы столкнуться в ближайшие годы, одно можно сказать определенно: *поскольку затянувшийся период дезинфляции и популистские эксперименты так резко сократили долю доходов бюджета в ВВП и особенно социальную составляющую расходов бюджета, «шведский путь» на ближайшие годы для этих стран надежно закрыт.*

ПОДВЕДЕМ КОРОТКО НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СКАЗАННОГО ВЫШЕ

1. Необходимой предпосылкой выхода из постсоциалистического кризиса является денежная стабилизация, снижение темпов инфляции до уровней, совместимых с экономическим ростом. От национальных элит зависит выбор времени дезинфляции, но избежать ее они не могут.

¹ В Польше при широком осознании серьезности долгосрочных проблем социальной перегрузки экономики наиболее радикальные варианты пенсионных реформ, предложенные организацией, известной своими последовательно либеральными взглядами (CASE) в начале 1997 г., предполагали снижение доли пенсий в ВВП с 15,5% в 1996 г. до 15,1% в 2005 г. *Dombrowski M. The Financial System in Poland and Trends of its Development // Economic Scenarios for Poland. Warsaw. 1997. Januare 18.*

2. Отсрочка денежной стабилизации прокладывает дорогу длительному периоду экстремально высокой инфляции. В течение этого периода падает доля денег в экономике и доля доходов бюджета в ВВП.
3. Когда политические элиты осознают, что откладывать стабилизацию больше нельзя, сокращать государственные расходы приходится более резко, до существенно более низкого уровня, чем в странах, проводивших быструю дезинфляцию. Острый бюджетный кризис, совпадающий по времени с осуществлением программы денежной стабилизации, — неизбежная расплата за предшествующую «мягкую» денежную политику.
4. Происшедшие за годы высокой инфляции изменения денежной и бюджетной системы (падение доли денег в ВВП, сокращение доходной базы бюджета) носят устойчивый характер и лишь в ограниченной мере обратимы в среднесрочной перспективе. Они будут определять область допустимых значений в формировании экономической политики на ближайшие годы после достижения денежной стабилизации.
5. В странах, осуществивших быструю дезинфляцию, адаптация к постсоциалистической реальности оказывается более мягкой, но совокупные государственные расходы стабилизируются на необычно высоком для рыночных экономик уровне. В странах, где период инфляции оказался растянутым, вынужденное резкое сокращение социальных расходов является непосредственным следствием избранного пути реформ. Адаптация общества к постсоциалистическим условиям здесь носит более жесткий, социально-конфликтный характер, сокращение государственной нагрузки на экономику более радикально.
6. Отсрочка в урегулировании бюджетного кризиса на основе реалистичного пересмотра бюджетных обязательств приводит к последствиям, сходным с теми, которые характерны для медленной дезинфляции. Государственные расходы и обязательства приходится приспособлять к еще более низкому уровню доходов.

В странах, затянувших дезинфляцию и в той или иной мере испытывавших на себе рецепты «антишоковой», «эволюционистской», «щадящей» (по убеждению их авторов) политики, сложилась ситуация,

которая не предусматривалась авторами этих рецептов, но вполне прогнозировалась их оппонентами. Именно это мы хотели подчеркнуть, формулируя следующий вывод:

Если определить уровень «социальности» рыночной экономики показателями доли государственных расходов в ВВП и государственных расходов на социальные нужды в ВВП, а радикальность постсоциалистических реформ — темпами дезинфляции, то выясняется, что уровень «социальности» формирующейся экономики прямо и однозначно связан с тактикой реформ: чем радикальнее были реформы, чем быстрее был преодолен постсоциалистический инфляционный кризис, тем больше оказывается итоговая государственная нагрузка на экономику. Анализ накопленного опыта показывает: независимо от собственных устремлений и идеологических пристрастий именно радикальные реформаторы постсоциалистического мира объективно вели свои страны по пути к социальной рыночной экономике. Напротив, те, кто выступал за «мягкое», медленное вхождение в рынок, инфляционное финансирование, также независимо от личных устремлений объективно подталкивали свои страны к необходимости предельно жесткой десоциализации.

Белорусский вектор российской политики

В последние два месяца проблема российско-белорусских отношений волей нашей властвующей элиты стала центральной темой обсуждения в московском и минском политических сообществах.

Я специально сказал «московском и минском», а не в российском и белорусском, потому что для регионов России есть проблемы куда более насущные и актуальные, чем проблема союза с гномом Лукашенко.

Иногда возникает ощущение, что эту проблему опытные политические режиссеры специально выставили на авансцену, чтобы

Опубликовано в: Открытая политика. 1997. № 4. Апрель.

В основу статьи положено выступление на Общественных слушаниях по проблемам российско-белорусской интеграции, организованных Союзом журналистов России, партией «Демократический выбор России», Комитетом защиты прав журналистов и журналом «Открытая политика» 28 апреля 1997 г. — Прим. ред.

хоть на краткий миг приглушить остроту других, куда более жгучих проблем — будь то острейший бюджетный кризис, нерешенность социальных вопросов, увязшая военная реформа, пенсионный кризис и проч. Однако некоторые познания из реальной политической жизни заставляют меня усомниться в существовании таких режиссеров; скорее, вопрос так выпятился, потому что его лоббисты предприняли чрезвычайные усилия, а другие люди были заняты другими, не терпящими отлагательства вопросами.

Столь острая полемика по поводу предполагаемого российско-белорусского союза сама по себе просто не имела бы места, если бы за этим периферийным для российских элит вопросом не стоял другой, куда более актуальный — новая перегруппировка сил и консолидация интересов в преддверии следующих парламентских и президентских выборов. Поддержать любую инициативу, за которую, по опросам, выступает большинство населения, для политических прагматиков всегда исключительно рентабельно. Трезвый расчет в игре на электоральном поле — вот что скрывается за лозунгами славянского всеединства, неожиданной любовью к белорусскому реформатору и севастьяновской панораме, анафемами, которым предаются несогласные, люди скептические и не готовые аплодировать бездарному спектаклю под названием «Над позицией этих людей витает чуждое нам влияние».

Можно было бы просто пожать плечами (опубликованный проект российско-белорусского союза сам по себе, на мой взгляд, ни хорош ни плох, он бессодержателен, из чего следует — это всего лишь очередная декларация, призванная политически затушевать (нулевой вариант) накопившиеся несогласия, напряжения, противодействия, иногда обман, корысть и соперничество, нарушение договоренностей. Это политическая процедура списания долгов. Год назад, накануне выборов, это было нужно Ельцину, теперь — Лукашенко, по существу узурпировавшему власть в Белоруссии и оказавшемуся почти в полной международной изоляции).

Ожесточенность полемики позволяет предположить, что за поверхностной риторикой скрываются какие-то действительные интересы.

Попробуем проанализировать аргументы сторонников объединения стран, а по существу ликвидации суверенной России. Национал-коммунистическая Государственная дума 4 апреля 1997 г.

приняла заявление «О необходимости поэтапного государственного воссоединения Российской Федерации и Республики Беларусь», в котором прямо говорится:

«Государственная дума выражает решимость положить начало реальному государственному воссоединению Российской Федерации и Республики Беларусь и провозглашает цели и принципы создания российско-белорусской федерации (союза) как единого суверенного демократического правового государства с республиканской формой правления». Следовательно, речь идет ни много ни мало, о ликвидации России как суверенного государства, а значит, острота полемики изначально задана...

Попробуем тем не менее рассмотреть ситуацию по существу.

Итак, нужны ли России стабильные, глубокие политические и культурные отношения с Беларусью? Без всякого сомнения — нужны. И укрепление этих отношений — один из важнейших приоритетов нашей внешней политики. Наши народы прочно связаны общей исторической судьбой и экономикой.

Белоруссия была, без сомнения, одной из самых развитых и обеспеченных союзных республик. В последние двадцать лет своего существования СССР особенно динамично развивал там машиностроение, нефтепереработку, приборостроение. За истекшие пять лет после распада СССР республика очень пострадала от отсутствия реформ, бессмысленной экономической политики. Сегодня Беларусь заметно беднее России: там намного ниже и пенсии, и заработная плата, и ВВП на душу населения. В Белоруссии практически отсутствует частный сектор в промышленности, не сформирован рынок ценных бумаг, увязла приватизация, рыночные механизмы не созданы. Естественно, что власть сползает на методы авторитаризма и диктатуры, тотального произвола под видом борьбы с коррупцией.

Кто спорит, у Беларуси все еще большой потенциал — еще не растраченный с советских времен промышленный и в первую очередь образовательный, интеллектуальный. Белорусы — образованный, культурный и трудолюбивый народ, при мало-мальски разумной экономической политике отставание от России, на мой взгляд, могло бы быть преодолено за несколько лет.

Правда, когда нам рассказывают о неиспользованном потенциале белорусских заводов, я думаю о стоящих российских пред-

приятиях, российском ВПК, российском же приборо- и машиностроении. Здесь надо очень трезво понимать: размещаем заказы за рубежом — не размещаем их в России, поднимаем не свою, а соседскую экономику.

Нам рассказывают о военно-стратегических преимуществах Союза, о радиолокационных станциях, системах противовоздушной и противоракетной обороны, о важности белорусских транспортных магистралей, в первую очередь трубопроводов, для России.

Тут не с чем спорить. Однако действительно ли формирование наднациональных, надгосударственных органов власти, создание нового квазигосударства являются необходимой предпосылкой для того, чтобы без перебоев работали шоссейные и железные дороги, трубопроводы, чтобы крепилось тесное военное сотрудничество? По моему глубокому убеждению — ни в коей мере не необходимо, а, напротив, не нужно.

Напомню один исторический прецедент отношений между странами, численность населения которых соотносится примерно так же, как у России и Беларуси. Я имею в виду Соединенные Штаты Америки и Канаду. Вряд ли кто-то будет отрицать, что эти страны близки в культурном и языковом отношении, что между ними существуют тесные экономические и оборонные связи. Однако до сих пор никому из здравомыслящих представителей американской политической элиты не приходила в голову мысль всерьез обсуждать перспективу вхождения Канады в состав Соединенных Штатов или что между ними будет сформирована некая конфедерация с наднациональным правительством, решения которого будут обязательны для «юридических и физических лиц» обеих стран.

Каковы сегодня главные проблемы в экономических отношениях между Россией и Беларусью? Это проблема неурегулированности реальной работы Таможенного союза. Между нашими странами существует на бумаге Таможенный союз, а на деле — таможенная дыра при разном внешнеэкономическом регулировании, разных акцизах и сборах, от которых Россия ежегодно терпит убытки на миллиарды долларов. Эти доллары оседают в конкретных сейфах, на счетах и в карманах — вот вам реальные силы, действующие в пользу сохранения нынешнего неопределенного статус-кво. Для нас проблема проницаемости белорусской границы — это важная экономическая проблема, это традиционная проблема непла-

тежей за российский газ и отсутствие понятных процедур урегулирования экономических разногласий. Чем больше неплатежей, тем больше разговоров о славянском братстве. Но такие отношения не укрепляют братство...

Читаем проект устава

Давайте посмотрим на предлагаемый нам устав Союза с точки зрения возможности решения каждой из этих проблем. Принципиальные возражения вызывает ст. 2:

Устанавливается гражданство Союза. Каждый гражданин Российской Федерации и каждый гражданин Республики Беларусь являются одновременно гражданами Союза.

Устав старательно обходит всякое упоминание о создании союзного государства, но понятие гражданства в международном праве прочно привязано к понятию государства как субъекта международного права. Нельзя быть гражданином ООН, ЮНЕСКО или редакции журнала «Открытая политика», хотя паспорт, удостоверяющий личность, международная организация с согласия стран-участниц может иногда давать. Но гражданином можно стать только государства. Фактически ст. 2 провозглашает создание союзного государства, а значит, потерю суверенитета (или его части) государствами-участниками, как бы это ни толковать. А сколько понадобится чиновников нового Союза — чтобы паспорта выдавать, ведать паспортным режимом... А сколько проблем возникнет у граждан негосударства с этими паспортами?

В связи с этим мы намерены немедленно в случае подписания этого устава обратиться в Конституционный и Верховный суд России.

Между тем эту проблему можно было бы решить принципиально по-другому — принять взаимное двойное гражданство: каждый гражданин одного государства является гражданином другого. Это, правда, вызовет массу проблем, включая проблему участия в российской политической жизни Лукашенко, и недоумений, но зато «логика интеграции» была бы соблюдена.

Замечательна следующая фраза: «Наличие у гражданина РФ и гражданина Республики Беларусь гражданства Союза не умаляет

его прав и свобод (ну спасибо!) и не освобождает от ответственностей, вытекающих из гражданства соответствующего государства».

Надо сказать, что по уставу «наряду с правами и обязанностями, вытекающими из гражданства соответствующего государства, граждане Союза наделяются правами и исполняют обязанности, связанные с гражданством Союза».

Об этих дополнительных обязанностях, неожиданно легших на нас, устав нам ничего не говорит. Как в знаменитом клипе «Видеоинтернешнл»: «После узнаете!»

В нескольких местах устава есть упоминание о собственности Союза, хотя специальной статьи, формулирующей, как возникает эта собственность, устав не имеет. Хотелось бы понять, что это такое — собственность Союза. Собственность — понятие очень конкретное, регламентируется в России Гражданским кодексом, аналога которому в Беларуси нет. Хотелось бы понять, как образуется эта собственность? каков будет уставной взнос участников в формировании этой собственности? или опять национальное богатство России будет приравнено к национальному богатству Беларуси и внесено в уставной фонд?

Самая обнадеживающая глава устава — 12-я, гласящая, что государство-участник вправе выйти из Союза. Правда, вопросы ликвидации этого предприятия, его собственности, имущественных и неимущественных прав, обязательств, наконец, долгов (друг другу и третьим сторонам) оставлены за скобками устава.

За рамками устава остается очень много вопросов. Непонятны цели объединения, нельзя же всерьез считать таковыми «укрепление братства и дружбы» или взятое из незабвенного кодекса строителей коммунизма «создание благоприятных условий для всестороннего, гармоничного развития личности». Вероятно, орудием такового будет повсеместное использование «демократизаторов».

Имеет ли гражданин Союза право на свободное и беспрепятственное выражение своих взглядов и своего мнения на территории Союза? Имеет ли право полноценно участвовать в политической жизни страны-участницы, в которой он находится, защищать права человека на всей территории Союза, гражданином которого он неожиданно стал? В уставе нет ни слова о свободе печати как незыблемом институте демократического общества, нет ничего о взаимном стремлении к созданию полноценного

гражданского общества и вхождению в цивилизованное мировое сообщество.

Про это ни слова, забыли, зато про пенсионное обеспечение должностных лиц органов Союза и их аппарата старательно прописали.

Вызывает большие вопросы принцип формирования парламентского собрания. *«Парламентское собрание состоит из делегаций, делегируемых соответственно Федеральным Собранием РФ и Национальным Собранием Республики Беларусь, каждая парламентская делегация включает равное число представителей»*. Здесь налицо все та же дискриминация российских избирателей. По самому смыслу парламент — это представительное собрание, представляющее интересы граждан. Получается, что голос белорусского избирателя в 10 раз сильнее голоса российского избирателя. Сторонники альянса любят ссылаться на опыт Европейского сообщества, но там выборы в Европейский парламент происходят на справедливой, пропорциональной основе.

Ясно, что ни одна из заявленных задач уставом не решается. Больше того — эти проблемы сейчас на виду, они заставляют все время о себе думать и говорить. Уйти от обсуждения такого рода неприятных мелочей всего проще — подписывая каждый раз новый документ об интеграции. Возьмите хотя бы документы СНГ — в них много разумного и полезного, но то, что касается формирования рыночных инфраструктур, большей частью так и не заработало, а упомянутые проблемы остались. Сейчас нам предлагают сделать еще один шаг «вперед»: подписать соглашение о Союзе, для того чтобы законсервировать подобного рода беспорядок.

Кстати, в Межгосударственном экономическом комитете (МЭК) голоса распределяются с учетом экономического потенциала государств, а именно: Россия — 50 голосов, Украина — 14, Беларусь, Казахстан и Узбекистан — по 5, остальные — по 3 голоса. (Соглашение от 21 октября 1994 г., ратифицированное Федеральным Собранием РФ и Федеральным законом в июле 1996 г.) Для России это Соглашение свеженькое — вступило в силу 19 июля 1996 г. Переход на принцип «одна страна — один голос» — это слишком радикальное укрепление «братства»¹.

¹ В настоящее время в структуре СНГ действует Экономический совет — коллегиальный орган, состоящий из заместителей глав правительств государств — участников СНГ, организующий свою работу в соответствии с Положением об этом Совете от 25 января 2000 г. — *Прим. ред.*

Рыночная экономика для эффективной интеграции и экономического взаимодействия не требует обязательного формирования каких бы то ни было государственных объединений, это нужно было социалистической экономике, она не могла взаимодействовать иначе, без единого начальника. Рынку же такой начальник совершенно не нужен, рынку нужны понятные, прозрачные и стабильные правила игры. Их между Россией и Беларусью при нынешней политике белорусского руководства нет и не предвидится, и устав ровным счетом ничего не дает для решения этой проблемы. Значит, объективно сегодня именно это — консервируемая неупорядоченность отношений — самое серьезное препятствие на пути формирования эффективного механизма рыночной взаимосвязи между Россией и Беларусью.

Сторонники форсированного Союза в Беларуси и России очень часто приводят такой аргумент: ну, вы же понимаете, что Беларусь для нас очень важна для развития транспортных путей в Европу. Нам надо строить вторую нитку газопровода, альтернативную по отношению к украинской, для нас очень важен транспортный коридор «Москва — Минск — Варшава — Берлин». Представьте себе, что мы сейчас не подпишем устав, белорусское руководство, как говорится в статье г-на Серова¹, «по-человечески обидится», и после этого у нас возникнут проблемы с транспортными коммуникациями в Западную Европу.

Ну что ж, давайте проанализируем эти аргументы. Насколько мне помнится, все документы, подписанные сегодня, начиная от Соглашения по СНГ и кончая Соглашением по содружеству, предполагают нормальные транзитные операции без всякой возможности введения каких бы то ни было эмбарго, препятствий на пути товаропотоков или транспорта. Мы ведем дальше эту транспортную ветку через Польшу, которая не собирается вступать в СНГ, но почему-то никто особенно не озабочен проблемой наших транспортных потоков через эту страну. Почему? Да потому, что Польша — это цивилизованное демократическое государство, вполне прогнозируе-

¹ Серов Валерий Михайлович в советское время был руководителем строительных организаций, председателем Госстроя СССР, впоследствии министром РФ по делам сотрудничества со странами СНГ, в 1995–1998 гг. — заместителем председателя Правительства РФ. — *Прим. ред.*

мое и потому постоянно играющее по правилам, не создавая помех партнеру.

На следующий день

Однако вполне вероятно, президент Ельцин подпишет соглашение о Союзе, чтобы не огорчать г-на Лукашенко. И что же ему помешает это соглашение нарушить? Снова избыток, к примеру, дубинками российских журналистов в Минске. И на этот раз российские органы власти сочтут для себя невозможным совсем ничего не сказать по этому поводу. А г-н Лукашенко обидится. Непредсказуемость его реакций общеизвестна, и никакой Союз от них страховки дать не сможет.

На самом деле нам надо понять, что в Беларуси сегодня установлен отнюдь не демократический, а сугубо авторитарный режим. Особенности таких режимов секрета не представляют: они мало-предсказуемы, никогда не играют по правилам, нестабильны, поэтому и опасны.

Исторический опыт показывает, что союзы с такими режимами бесперспективны и опасны.

У нас есть свои проблемы, скажем, с балтийскими демократиями, но мы очень хорошо знаем, насколько они рациональны, чего от них ждать, в какой степени они заинтересованы в транзите через свою территорию. Здесь аргументы понятны, и ясно, что будет происходить. От авторитарного режима можно ждать всего что угодно. Именно авторитарный режим при всех внешне привлекательных формах заигрывания с Россией, при всех реверансах, которые делаются в сторону российско-белорусского сближения, это и есть сегодня важнейшая проблема для безопасности России — экономической, транспортной, какой хотите. России нужны соседи, которые необязательно бросаются нам на шею и утомительно обнимают, а соседи, от которых мы знаем, чего ждать, Россия больше всего заинтересована сегодня в демократической и предсказуемой Беларуси, потому что она тот сосед, с которым просто логика жизни заставит нас иметь очень тесные экономические, политические и культурные связи.

Авторитарные режимы к тому же имеют неприятную особенность быть нестабильными. Они могут жить долго, но никог-

да не живут вечно. Для них проблема внутренней легитимности неразрешима. И вот сейчас, допустим, мы формируем некий тесный союз России и Беларуси с ее авторитарным режимом, который, совершенно естественно, будет встречать все большее и большее сопротивление изнутри, и после того как этот режим раньше или позже развалится, представители демократической Беларуси будут иметь право задать вопрос: дорогие друзья, с кем же вы дело-то до сих пор имели? С парламентом, который назначен был г-ном Лукашенко? И вы об этом ничего не знали?

И как все это скажется на длинной истории, перспективах взаимоотношений российского и белорусского народов?

О стратегических интересах

Наконец, затронем вопросы стратегии. Должны ли мы с точки зрения наших национальных интересов стремиться к образованию каких бы то ни было форм тесного политического союза, который выходил бы за рамки взаимоотношений двух государств и переходил в сферу формирования в том или ином виде единого государства? По моему глубокому убеждению, нет. Дело в том, что, когда государства уже существуют, когда сформировались их политическая и культурная элиты, самое лучшее, что может быть для тесной взаимосвязанности государств, — это их понятные, прозрачные политические и экономические взаимоотношения. Потому что они не предполагают создания новых и дополнительных напряжений, не являются источником конфликтов, на самом деле позволяют решать любые проблемы. Из всех перечисленных выше нет таких, которые нельзя было бы демократической России урегулировать с демократической Беларусью.

Риск для России

Есть еще один серьезный риск, связанный с формированием любого надгосударственного объединения. Россия по своей природе очень сложно устроенная, сегодня еще не вполне симметричная Федерация с множеством источников внутреннего напряжения. Как только мы сделаем ее еще более несимметричной, создав еще один элемент усложнения, возникнет огромный риск того, что вся кон-

струкция начнет рассыпаться. Советский Союз — такая же несимметричная система — мог существовать только до тех пор, пока была коммунистическая партия, а все остальное являлось ширмой, не имеющей значения. Как только стержень тоталитарной власти рассыпался, несимметричная Федерация с иерархией от союзной республики до автономного округа начала расползаться на глазах. И мы с огромным трудом начали ее обратно как-то отстраивать, на «живую нитку» сшивать, и сейчас она еще в таком «полусшитом» состоянии и пребывает. Так вот, если мы на эту конструкцию, еще очень непрочную, навесим новые элементы усложнения, конструкция «поплывет». После этого мы получим не новое эффективно работающее государство, как думают некоторые, а тот правовой хаос, который мы пережили в 1991–1992 гг. Вот с этим, на мой взгляд, и связана серьезная угроза российским национальным интересам в процессе формирования усложненной Федерации.

Именно поэтому еще раз подчеркиваю: на мой взгляд, любое братание, формирование государственных союзов с режимом Лукашенко — это явный ущерб российским национальным интересам, а не только национальным интересам Беларуси.

А если все-таки вместе?

Ну и, наконец, нас могут спросить: хорошо, а если белорусский народ тем не менее хочет жить с Россией, хочет жить в России? Я думаю, что, если белорусский народ захочет жить в составе России, она не сможет отказать ему в этом. Но для этого нужны как минимум два обстоятельства: это должно быть не желание г-на Лукашенко, а ясно выраженная воля белорусского народа — выраженная не в рамках некоего манипулируемого референдума, проводимого без свободы печати, без свободы обсуждения, а при нормально функционирующих демократических институтах и одобренная законно избранным парламентом. Только тогда можно обсуждать всерьез эту тему.

Ясно также, что такое объединение могло бы быть осуществлено только в единственно приемлемой для России форме: по сценарию успешного германского объединения. ГДР, суверенная страна, провела на своей территории референдум и, руководствуясь волей народа, лишилась своей государственности, вступила в ФРГ земля-

ми, приняла Конституцию Федеративной Республики. Только такой сценарий не разрушает нашу Федерацию и укладывается в рамки нашей Конституции.

Еще раз подчеркну: для России и такое решение не является оптимальным, так как, даже если оно было бы принято демократическим путем, внутреннее напряжение и вероятность раскола в белорусском обществе, безусловно, возросли бы. И все же только при соблюдении этих условий обсуждение подобного вопроса возможно вообще и соответствует не только нормам международного права, но и российским национальным интересам.

Правда, я думаю, что подобное объединение с Беларусью, может быть и приемлемое для большинства белорусского народа, было бы совершенно неприемлемо для белорусской властной, деловой и интеллектуальной элиты, белорусской культуры, молодежи, за пять лет вполне познавшей преимущества самобытности. В России они бы остро ощутили унижительность бытования во «второй лиге». В стране с глубокими партизанскими традициями это могло бы кончиться «рельсовой войной».

Тут надо думать и думать, резких движений не нужно.

Подведем итог

Итак, форсированное создание надгосударственных органов союза «Россия — Беларусь» сегодня приведет к консервации того беспорядка, который существует в нашей экономике, даст возможность не соблюдать ранее подписанные соглашения, скомпрометирует российские органы власти перед мировой общественностью, потому что лицо режима Лукашенко довольно хорошо известно, и не прибавит никаких гарантий нашим национальным интересам, при том что наверняка нанесет серьезный ущерб долгосрочным социально-экономическим и историко-культурным связям между Беларусью и Россией.

За эти полтора месяца обсуждения проекта устава мы выслушали много басен о ренессансе белорусской экономики по лукашковским рецептам.

Московский мэр, например, самокритично заявляет:

«Так может быть, такие преобразования, которые мы провели, не нужно было начинать? Таковую приватизацию, может, и не нужно

было делать? Возможно, Беларусь, которая поумнее ведет хозяйство и лучше сохранилась, теперь проведет рыночные реформы с учетом наших ошибок? Ведь не случайно говорится, что Россию Господь избрал для того, чтобы показывать всем остальным, как не надо делать» («Общая газета»).

В моем понимании это если и патриотизм, то какой-то странный, ёрнический, патриотизм навыворот.

Я, напротив, убежден, что Россия не обречена быть примером дури и маразма для остального мира. И многое сделанное у нас в последние годы — это шаги в правильном направлении, но шаги непоследовательные, робкие, суетливые. Оттого-то мы там, где мы есть, и находимся.

МФВ и Россия

Крах социализма в Советском Союзе, в Восточной Европе, сопровождающий его глубокий экономический кризис, поставивший перед Международным валютным фондом нестандартные и беспрецедентные по сложности задачи, неизбежно сделали эту организацию объектом самой жесткой критики как в самих постсоциалистических странах, так и в мире в целом. Если отбросить экзотику (МФВ как орудие империалистического заговора против матери-России) и оставаться в профессиональных рамках, эта критика шла в первую очередь по двум основным направлениям.

1. МФВ упустил время, когда можно и нужно было энергично поддержать реформы в России, и тем самым обрек ее на долгосрочный кризис и стагнацию.
2. Инфляция после социализма в силу специфики структуры экономики (высокий уровень монополизации, отсутствие процедуры банкротства и т. д.) носит неденежный характер, поэтому стандартные стабилизационные программы, ориентированные на сдержи-

вание темпов роста денежной массы, к этим условиям неприменимы. Излишняя жесткость, догматизм программ МФВ обрекает их на неудачу.

К настоящему времени связь между темпами роста денежной массы и темпами инфляции постсоциалистических экономик стала слишком очевидным, статистически установленным фактом. Рассуждения о неденежном характере постсоциалистической инфляции явно вышли из моды, но сетования на догматизм программ фонда продолжают. Рассмотрим, насколько справедливы эти претензии применительно к самой крупной постсоциалистической экономике — России. Необходимо учесть, что период 1991–1996 гг. не был единым, резко менялись и экономико-политическая ситуация в России, и позиция МФВ. В связи с этим выделим четыре подпериода: ноябрь 1991 г. — июнь 1992 г.; июль 1992 г. — сентябрь 1993 г.; октябрь 1993 г. — декабрь 1994 г.; январь 1995 г. и далее.

1. Крах попытки августовского переворота 1991 г., фактический распад Советского Союза, развал всей основанной на жесткой власти социалистической системы экономического регулирования поставили постсоветские государства, и в первую очередь Россию, на грань экономического хаоса между неработающим приказом и неработающими деньгами. Уже на следующей неделе после провала переворота государственные закупки зерна сократились в 4 раза. Страх перед наказанием ушел, а слабые деньги были никому не нужны. На глазах разваливался несущий каркас социалистической системы управления — директивное распределение материальных ресурсов. На поверхности все это проявлялось в остром кризисе продовольственного снабжения городов.

Необходимо было немедленно и любой ценой сформировать альтернативную социалистической рыночную систему микроэкономического регулирования, заставить деньги работать. Между тем шансы на успех в решении этой задачи были в высшей степени проблематичны. Накопленный крупный денежный навес, подорванное доверие к национальным деньгам, бюджетный дефицит, составлявший в IV квартале 1991 г. около 30% ВВП, отсутствие координации деятельности 16 банков (15 республиканских и союзного), независимо друг от друга эмитировавших общую денежную единицу, близкие к нулю валютные резервы, невозможность обслуживать союзный внешний долг, отсутствие рыночных институтов

Опубликовано на английском языке: The American Economic Review. Vol. 87. No2. Papers and Proceeding of the Hundred and Fourth Annual Meeting of the American Economic Association. May 1997. P. 13–16.

и традиций — все это грозило риском гиперинфляционной катастрофы, при которой слабые деньги так и не появились бы в реальном обращении, а кризис микроэкономического регулирования проложил бы дорогу полномасштабному голоду в начиненной ядерным оружием стране.

Сформированное в ноябре 1991 г. российское правительство в полной мере осознавало серьезность этой угрозы и исходило из того, что лишь сочетание максимально возможной скорости рыночных реформ и резкого ужесточения денежной политики позволит предотвратить такое развитие событий. Вместе с тем неизбежное сохранение по меньшей мере до начала лета 1992 г. единой рублевой зоны, для демонтажа которой нужна была серьезная техническая работа, делало такую политику предельно уязвимой. Шансы на ее успех в значительной степени зависели от энергичной поддержки предпринимаемых стабилизационных усилий ведущими рыночными демократиями. Масштабы вставшей перед нами проблемы были сопоставимы с теми, которые в свое время были порождены крахом гитлеровской Германии. Ситуация требовала оперативных политических решений и политического лидерства. По комплексу причин (начинающаяся президентская кампания в США и противостояние республиканской администрации и демократического большинства в Конгрессе, переобремененность Германии проблемами инкорпорирования ГДР и т. д.) ведущие государства Запада оказались неспособными обеспечить такое лидерство. При общем согласии в необходимости помощи российским реформам конкретные механизмы, позволяющие ее реализовать, не были выработаны. Отсюда самое простое, хотя и заведомо неадекватное решение — переложить бремя ответственности на МФ.

Между тем сами масштабы проблем, порожденные развалом мировой сверхдержавы, политические по своей природе, далеко выходили за рамки компетенции и возможностей фонда. К тому же Россия и МФ в это время жили в разном временном режиме: в России счет времени шел на дни и недели, в фонде, даже при максимальном ускорении бюрократических процедур, одно вступление России в эту организацию заняло почти полгода. К тому времени, когда бюрократические препятствия на пути сотрудничества России и фонда были сняты, России уже удалось справиться с острым кри-

зисом микроэкономического регулирования, запустить рыночный механизм, решить проблему снабжения городов, но политическая цена за предельно конфликтную политику первых месяцев реформ (введение 28%-го НДС, более чем трехкратное сокращение закупок вооружения, резкое сокращение дотаций сельскому хозяйству и т. д.) была высокой, внутренняя база поддержки стабилизационных усилий была утрачена.

На этот же период приходится и самая серьезная техническая ошибка фонда за время его работы в России — речь идет о попытках сохранить единую рублевую зону на постсоветском пространстве. Для российского правительства в это время было ясно, что никакие соглашения о координации денежных политик постсоветских стран не будут эффективными, стимулы к соревнованию по темпам эмиссии слишком сильны. Отсюда стремление как можно быстрее разделить рублевую зону, ввести полноценные национальные деньги. МФ в понятном стремлении сохранить единство постсоветского экономического пространства явно недооценил трудности координации денежных политик и никак не мог принять окончательного решения: что же мы совместными усилиями должны пытаться стабилизировать — общий союзный рубль или вводимые республиками в оборот национальные валюты? Без ясности в этом вопросе разработка и реализация серьезной стабилизационной программы были в принципе невозможны. И здесь решение в пользу поддержки стабилизации национальных валют было принято лишь летом 1992 г., когда политическое окно возможностей плотно закрылось.

2. Период с июля 1992 по октябрь 1993 г. в России проходил под знаком нарастающего кризиса двоевластия. Противоречивая Конституция, доставшаяся в наследство от социалистической эпохи, не позволяла получить ясные ответы на ключевые вопросы о распределении полномочий между президентом, правительством, съездом народных депутатов, органами власти регионов. Рассогласованные действия ветвей власти прокладывали дорогу правовому и экономическому хаосу. Проводить в такой ситуации серьезную стабилизационную политику было невозможно. При противоречивых, нескоординированных действиях правительства и Центрального банка страна с трудом удержалась на грани гиперинфляции (месячные темпы инфляции в диапазоне 20–30%). В этот период МФ постепенно наращивает профессиональный потенциал понимания реальной си-

туации в российской экономике, но проявляет разумную сдержанность в предоставлении кредитов.

3. Драматические события октября 1993 г., разрешение в пользу президента кризиса двоевластия, принятие в декабре 1993 г. новой Конституции радикально изменили политическую ситуацию в России. Возникли реальные возможности осуществить серьезную стабилизационную программу, позволяющую радикально снизить темпы инфляции, создать предпосылки восстановления экономического роста. Принятые правительством осенью 1993 г. меры (отмена льготных кредитов, хлебных дотаций, импортных дотаций, начало повышения ставок платы за жилье, снижение темпов роста денежной массы) создавали хороший задел для стабилизационной программы 1994 г. В это время в российском руководстве идет интенсивная полемика по вопросу о выборе курса: необходимо ли воспользоваться открывшимися возможностями для резкого снижения темпов инфляции или целесообразно действовать медленнее, осторожнее, избегать принятия необходимых для успеха стабилизации, но политически конфликтных решений?

В это время сам фонд находится под огнем критики за излишнюю жесткость и догматизм стабилизационных программ, проводимых в постсоциалистических странах. Сформированная программа STF¹, без сомнения полезная как инструмент поддержки реформ в постсоциалистических странах, в неявном виде предполагала и смягчение критериев при определении экономической политики, заслуживающей поддержки. При формировании позиции фонда явно видна борьба двух противоречивых тенденций: искреннее желание помочь тяжелым реформам в России и сомнение в жизнеспособности предпринимаемых стабилизационных усилий. В результате фонд оказывается лишь пассивным участником полемики по ключевому вопросу о выборе экономико-политического курса 1994 г. Именно в тот момент, когда отказ правительства от радикальной программы дезинфляции становится очевидным (апрель 1994 г.), МФВ предоставляет очередной транш STF.

¹ Льготные кредиты «системной трансформации» (STF — systemic transformation facilities). Программа STF была принята МФВ в апреле 1993 г. для стран с переходной экономикой, испытывающих трудности, связанные с нарушением торговых связей и платежей. Завершена в конце 1995 г. — *Прим. ред.*

Опыт российской экономической политики 1994 г. — еще одно наглядное свидетельство того, что смягчение требований к денежной программе опаснее всего для самой страны-заемщика. Весной-летом 1994 г. под влиянием осенне-зимней финансовой сдержанности 1993 — начала 1994 г. темпы роста потребительских цен устойчиво идут вниз (август 1993 г. — 26% в месяц, декабрь 1993 г. — 13% в месяц, август 1994 г. — 4,5% в месяц). Между тем с апреля 1994 г. месячные темпы роста денежной массы примерно удваиваются. Результат подобной политики легко прогнозируем: с лета — устойчивый рост спроса на конвертируемую валюту, перераспределение активов банков в пользу СКВ, истощение валютных резервов Центрального банка, его уход с валютного рынка, резкое падение курса рубля, ускорение инфляции. К концу 1994 г. инфляция вновь около 20% в месяц, валютные резервы резко сократились, инфляционная волна усугубила социальные проблемы: доля бедных существенно выросла, все результаты стабилизационных усилий конца 1993 г. утрачены. Мягкость в подходе к денежной программе де-факто привела лишь к тому, что МФВ профинансировал бегство капитала из России.

4. В конце 1994 г. экономико-политическая ситуация в России вновь изменилась. Руководство правительства, новое руководство Центрального банка дорогой ценой, но на своем опыте, а не из книжек и чужих советов осознало, как дорого приходится платить за мягкость денежной политики. Новая Конституция предоставила президенту и правительству широкие возможности для реализации избранного экономико-политического курса. МФВ извлек уроки из опыта 1994 г. и начал активно сотрудничать с правительством в разработке серьезной, жесткой стабилизационной программы, стержень которой — полный отказ от прямого кредитования бюджета за счет эмиссионных кредитов ЦБ, резкое снижение темпов роста чистых внутренних активов. Программа носила ортодоксальный характер, не предполагала использования «номинального якоря» ни в виде фиксированного валютного курса, ни в виде регулирования прироста заработной платы.

Реализация программы начиналась в предельно неблагоприятных условиях: неудача экономической политики 1994 г. подорвала веру экономических агентов в серьезность стабилизационных усилий правительства. Начатая в декабре 1994 г. чеченская война

не прибавляла оптимизма в оценке шансов на успех программы дезинфляции. В январе 1995 г. правительство, прокламировавшее своей целью снижение инфляции к концу года до 1% в месяц, вынуждено занимать деньги под 200–250% годовых. Несмотря на этот крайне неблагоприятный фон, результаты экономической политики 1995 г. — несомненная и серьезная победа. К концу года инфляция падает до уровня 2% в месяц, валовые валютные резервы возрастают более чем в 5 раз, финансовая стабилизация позволяет добиться улучшения ряда важных социальных статистических показателей, включая снижение доли бедных.

Наиболее серьезная проблема, возникшая в ходе реализации программы, — валютная политика. Программа не предполагала какого бы то ни было регулирования валютного курса. В январе—марте 1995 г. экономические агенты по-прежнему уверены, что рубль будет резко обесцениваться по отношению к доллару. Неизбежное в условиях резкого ужесточения денежной политики радикальное изменение ситуации на валютном рынке в апреле—мае застигает их врасплох. Начинается бегство от доллара, затем — спекулятивная игра на понижение его курса. В долларизованной экономике этот процесс приобретает мощный характер, ставит перед ЦБ и правительством непростые проблемы. В мае—июне падение номинального курса доллара превышает 10%, падение реального курса — 25%. При ориентации основных субъектов валютного рынка на краткосрочные показатели сравнительной доходности размещения активов бегство от доллара явно может привести к overshooting (перелету), выходу его на заведомо неустойчиво низкий уровень и переходу к новой спекулятивной игре, на этот раз против рубля. Вместо стабилизации валютного курса есть риск получить крупномасштабные спекулятивные колебания на валютном рынке. Правительство и ЦБ совместно с МВФ анализируют складывающуюся ситуацию и принимают, несомненно, правильное решение ввести радикально новый элемент в программу — валютный коридор, позволяющий быстро стабилизировать положение на валютном рынке, внести стабильность и предсказуемость в динамику курса рубля.

1996 год прошел под мощным влиянием экономико-политического цикла, связанного с президентскими выборами, наложившего определяющий отпечаток на динамику процентной ставки, до-

лю налоговых изъятий ВВП, спрос на валюту. Тем не менее при всех серьезных издержках этого года главный его результат — сохранение и упрочение денежной стабильности. Темпы инфляции снизились со 130% в 1995 г. до 22% в 1996 г. Радикальное снижение процентной ставки по государственным ценным бумагам в конце года свидетельствует о том, что самые тяжелые экономические издержки года президентских выборов остались за спиной.

Итак, несколько уроков из опыта работы России с МВФ.

1. Бессмысленно ставить перед МВФ политические по природе задачи и требовать их решения — фонд не годится для подобной роли.
2. Жесткость критериев к денежной программе как стержневому элементу финансовой стабилизации необходима прежде всего стране-заемщику. Какими бы серьезными политическими соображениями ни пытались оправдывать смягчение подобных требований, его результат один — финансирование бегства капитала за счет роста внешнего долга.
3. Даже в предельно неблагоприятной ситуации скоординированная и последовательная работа правительства, ЦБ и МВФ позволяет на основе ортодоксальных денежных методов радикально снизить темпы инфляции.
4. Необходимая предпосылка такого успеха — совместный творческий анализ возникающих в процессе стабилизации экономико-политических проблем и при необходимости внесение адекватных изменений в тактику стабилизации.

И все-таки «Яблоко» хочет взять много и поделить

В № 24 «Общей газеты» было опубликовано интервью, которое я дал по просьбе редакции. В нем есть слова: «Если вы прочитаете программу “Яблока”, то легко обнаружите, что это нормальная левая социал-демократическая партия, которая придерживается прин-

Опубликовано в: Общая газета. 1997. № 25. Июнь.

ципа «Возьмем много денег и поделим»». Редакция сопроводила их комментарием: «К сожалению, положение, цитируемое Е. Гайдаром, в программе и документах «Яблока» обнаружить не удалось». Жаль, что при розысках не обратились ко мне. Я бы охотно помог. Теперь приходится специально возвращаться к этому вопросу.

Приведем несколько цитат из президентской программы Г. Явлинского: «Пособия на детей увеличим в 5 раз, пенсии — в 2 раза, среднюю зарплату учителям, врачам, военным и другим бюджетникам — в 2 раза... Милиция будет реорганизована и оснащена так, что справится с преступностью. Зарплата ее работникам будет увеличена в 2 раза... Крестьяне получают технику в пользование с рассрочкой на 3–5 лет без выплаты процентов... Особое уважение будет к военным: повысим в 3 раза зарплату военнослужащим (чуть выше было в 2 раза, но, впрочем, к чему мелочиться. — *Е.Г.*)... Через 4 года всякий, кто честно и квалифицированно работает, будет иметь возможность купить или арендовать жилье, иметь собственный автомобиль, отдыхать по своему вкусу, обеспечить своих детей и поддержать своих родителей». (*Явлинский Г. Я выбираю свободу. М., 1996. С. 11–12.*) Читаем дальше. «По нашим оценкам, на все это в течение первого года понадобится дополнительно 300–400 триллионов рублей¹ и еще столько же во второй год (только для текущих платежей из федерального бюджета, помимо инвестиций)». (Там же. С. 43.) Напомню, в 1997 г. все прогнозные доходы бюджета, включая целевые бюджетные фонды, составят примерно 330 трлн руб., расходы — 420 трлн руб. Таким образом, расходы предлагается увеличить в первый год вдвое, во второй втрое. Прочитав все это, поневоле вспоминаешь слова героя песни В. Высоцкого: «Тебе шитья пойдет аршин. Где деньги, Зин?» Ответ на этот вопрос, надо признать, довольно откровенный, содержится в экономической программе, принятой II съездом общественного объединения «Яблоко». Там в разделе «Макроэкономическая политика» читаем: «...Мы считаем, что переход к так называемым неинфляционным методам финансирования дефицита бюджета был преждевременным и необходимостью является частичный возврат к инфляцион-

¹ Имеются в виду неденоминированные рубли. После деноминации, состоявшейся 1 января 1998 г., соответствующий показатель составил бы не триллионы, а миллиарды рублей. — *Прим. ред.*

ному финансированию бюджета кредитами Центрального банка». (Реформы для большинства. М., 1995. С. 233.) В этом же документе достаточно трезво оцениваются последствия подобного решения — выход на уровень инфляции, который разработчики программы «Яблока» называют реальным инфляционным фоном российской экономики. «Исходя из этого уровень инфляции в 8–10 процентов в месяц при определении «фоновом» может рассматриваться как заниженный, то есть предельно жесткий. Реальный инфляционный фон в российской экономике, по нашим оценкам, в полтора-два раза выше — 15–20 процентов в месяц». (Там же. С. 220.) Напомню, что 15–20% инфляции в месяц соответствует 5–8-кратному повышению цен в год. В этих условиях обеспечить 2–3-кратное повышение зарплаты, разумеется, труда не составляет. Беда в том, что за последние годы наши сограждане имели возможность в полной мере оценить цену подобной заботы о росте доходов.

Экономическая программа писалась, когда ее разработчики еще ждали провала антиинфляционной политики Центрального банка и правительства. Весной 1995-го Г. Явлинский писал: «... Рискну дать свой прогноз относительно результатов борьбы с инфляцией в 1995 году. Учитывая опыт предыдущих лет, можно ждать очередного «отката» в конце лета — начале осени... Как следствие темпы инфляции вновь станут двузначными — полагаю, в пределах 10–15 процентов (по-видимому, в месяц. — *Прим. ред.*) к концу года. Ситуация (в части инфляции) опять вернется на исходные рубежи». (*Явлинский Г. Экономика России: наследство и возможности. М., 1995. С. 117–118.*) «Итак, осенью 1995 года для всех станет очевиден провал экономической политики правительства. Инфляцию снизить практически не удалось...» (Реформы для большинства. С. 125.)

К концу 1995 г. стало ясно иное. Экономические закономерности действуют и в России. За отказом от эмиссионного финансирования бюджета, снижением темпов роста денежной массы приходит торможение инфляции, общество начинает приравниваться к жизни в условиях относительной стабильности цен, когда годовые темпы их роста измеряются процентами, а не разами. Вера в спасительность потока ничем не обеспеченных денег постепенно угасает, а рецепты лечения экономических болезней при помощи 330 триллионов срочно напечатанных рублей становятся уделом политических аутсайдеров. В этой ситуации неудивительно, что в президентской програм-

ме, опубликованной весной 1996 г., мы уже не находим предложений об эмиссионном финансировании дефицита бюджета. Больше того, Г. Явлинский пишет: «...В своей президентской программе я беру на себя обязательство не позднее чем через два года прекратить инфляционный рост цен». (Явлинский Г. Я выбираю свободу. С. 43.) Но откуда же тогда 400 трлн?

После отказа от веры в волшебную силу печатного станка предлагаемые решения становятся еще более экстравагантными. Самый большой дополнительный доход должно дать налогообложение теневой экономики — 150 трлн руб. (Там же. См. таблицу на с. 25.) Ход сильный. До сих пор было принято считать, что теневая экономика потому и теневая, что в ней уклоняются от уплаты налогов. Феномен этот существует повсеместно. Экономисты и политики всего мира обсуждают вопрос: как противодействовать ее экспансии? как на основе налоговых реформ, улучшения работы налоговой администрации шаг за шагом вести борьбу с массовой практикой уклонения от уплаты налогов? А оказывается, все просто. Обложил ее налогом и знай себе повышай зарплату. Так и представляешь себе колонну наркодельцов и взяточников, выстроившихся в налоговую инспекцию.

Не менее интересен и другой источник. «...Прекращение финансовых спекуляций и вывоза средств за границу — 30 триллионов рублей». (Там же. С. 25.) Представим себе, что по мановению волшебной палочки финансовые спекуляции остановились, а бегство капитала за рубеж полностью пресечено. По-видимому, предполагается, что спекулянты не только прекратят свои операции, но и шумной толпой побегут делать в бюджет благотворительные взносы. Можно продолжать дальше, но, кажется, в этом нет нужды.

Несколько слов в завершение. Доходы и расходы бюджета в рыночной экономике не предмет свободного выбора власти, а один из важнейших параметров, определяемых уровнем развития экономики, предшествующей инфляционной и налоговой истории, социальными традициями. На этот параметр можно и нужно пытаться влиять, но его нельзя изменить по произволу. Для сегодняшней России программа, предполагающая 10%-й годовой рост реальных доходов и расходов бюджета, — опасный эксперимент, 25%-й — экономическая авантюра. Подобная гипотеза была заложена в утвержденный бюджет 1997 г., сегодня за нее страна расплачивается массовыми невыплатами зарплаты и пенсий. Идея же за год удвоить реальные расходы фе-

дерального бюджета, заложенная в экономическую программу «Яблока», — это даже не авантюра, а просто экономический курьез. Конечно, приняв такую гипотезу, предположив, что откуда-то из воздуха возьмутся деньги, очень легко написать популярную программу, рассказать, как щедро ты умеешь их делить, как заботлив будешь к интересам самых разных социальных групп. Надо только помнить, что к реальной экономике это прямого отношения не имеет.

Разумеется, левые социал-демократические организации редко признают в своих документах, что стержень их экономических программ — дележка несуществующих денег. Слова, как правило, используют другие. Суть дела, впрочем, от этого не меняется.

С уважением, Егор Гайдар.

Спрос на деньги. Об экономической мифологии постсоциалистического периода

Директор Института экономических проблем переходного периода Е.Т. Гайдар откликается на беседу Николая Шмелева с Лорой Великановой «Делим зарплату на тысячу. Что в остатке?»

Литературная газета. 3 сентября. 1997.

В новых условиях можно ждать появления мифов, характерных уже для этапа денежной стабилизации.

Правительство может в определенных условиях мягко влиять на предпочтение населения, но неспособно им манипулировать.

Потребуется еще несколько лет осторожной денежной политики, чтобы вывести долю денег в ВВП хотя бы на уровень Польши, не говоря уж о Чехии.

На протяжении последних лет российское общество столкнулось с экономическими переменами беспрецедентных масштабов. Думаю, даже интеллигентному читателю конца 80-х гг. было бы нелегко понять большую часть содержания сегодняшних экономических

Опубликовано в: Литературная газета. 1997. 18 сентября.

разделов «Коммерсанта» или «Финансовых известий», разобраться в используемых там терминах.

Неудивительно, что общество, пытаясь понять и объяснить происходящее, нередко отвечало на вызов перемен формированием устойчивых мифов, регулярно повторяемых утверждений, не отражающих сущностные связи но, казалось бы, базирующихся на укоренившемся опыте и здравом смысле, аналогичных утверждению: «Земля плоская, а Солнце вращается вокруг нее. Разве это не очевидно?» Нередко ключевую роль в формировании подобных мифов играли экономические авторитеты советского периода, органично сочетающие младенческую наивность в понимании закономерностей рыночной экономики и укоренившийся апломб. Высказанные ими суждения затем многократно повторялись журналистами, политиками, в течение длительного времени воспринимались общественным мнением как непререкаемые истины и лишь позднее, под влиянием не укладывающегося в рамки мифа развития событий, забывались, уходили в небытие.

Пример такого мифа периода 1990–1991 гг. — утверждение: «либерализация цен не может устранить дефицит — если товаров нет, то и после либерализации не появятся». Это немудреное построение хорошо накладывалось на жизненный опыт, накопленный в условиях экономики дефицита. Если очереди и дефицит на памяти поколений были всегда, то как же они могут исчезнуть? Хорошо помню, как попытки объяснить, что преодоление дефицита — самая простая задача, что все серьезные проблемы проявятся, когда она будет решена, разбивались о прочную стену здравого смысла.

Еще один пример подобного мифа, пик распространения которого пришелся на период высокой инфляции, — утверждение, что «невозможно затормозить рост цен, не подняв производство». Реальные взаимосвязи в условиях рынка прямо противоположны, торможение экстремально высокой инфляции в подавляющем большинстве случаев предшествует стабилизации выпуска продукции, но для мифологии все это не имеет значения. На протяжении нескольких лет эти слова повторялись как заклинание и лишь в 1996–1997 гг. на фоне явного снижения темпов роста цен, которому отнюдь не предшествовал промышленный подъем, постепенно начинают выходить из моды.

1997 год — время, когда общество, привыкшее жить в условиях высокой инфляции, сталкивается с новой реальностью — упавшими процентными ставками, устойчивым валютным курсом. В новых условиях можно ждать появления мифов, характерных уже для этапа денежной стабилизации. В первом полугодии 1997 г. было видно, как новая мифология постепенно вызревает, становится почти неотъемлемым атрибутом дискуссий на экономические темы. Интервью Н. Шмелева в «Литературной газете» («Делим зарплату на тысячу. Что в остатке?») придает новому мифу уютную завершенность. Приведем две цитаты.

«Есть фундаментальный и труднооспоримый факт: в нормальной экономике — от Люксембурга до Японии — денежная масса (то есть наличные плюс депозиты) по отношению к внутреннему валовому продукту всегда колеблется на уровне от 60 до 80%. У нас с вами сегодня этот показатель составляет 8–10% по отношению к валовому внутреннему продукту. У нас физически не хватает денег. Бормотание можно услышать разное — и Коха, и Гайдара, и банковских людей, но факт нехватки денежной массы уже молчаливо признан».

«Психологическое упрямство наших реформаторов — ни за что не признавать публично, что они совершили просчет, создав искусственный дефицит денег, — сломлено: они прекрасно знают, что просчитались. Доказательство? Самое простое: цены в этом году выросли на 8%, а количество денег — на 24%. Это говорит о том, что деньги подпечатывают».

Можно быть уверенным в том, что эти или подобные рассуждения в течение ближайших месяцев будут много раз повторены в газетах, с экранов телевизоров, с думских трибун. Общество привыкнет к ним как к очевидной данности. Позже все это забудется, выйдет из моды. Впрочем, к тому времени у творцов мифов будет новый фронт работы.

Итак, новый миф включает две основные компоненты.

1. Денег в экономике не хватает. Реформаторы искусственно создали денежный дефицит.
2. Они это поняли и тайно подпечатывают деньги.

Давайте разберемся. Доля денег в валовом внутреннем продукте — важнейший параметр рыночной экономики. В экономической тео-

рии он имеет и другое название: «спрос на деньги». Этот показатель давно в центре внимания экономической науки, изучению факторов, на него влияющих, посвящены тысячи эмпирических исследований, книг, статей. Фундаментальный факт, который необходимо понимать, начиная разговор о спросе на деньги, — это то, что в условиях рыночной экономики ни правительство, ни Центральный банк не могут управлять им по произволу. Его динамика зависит от поведения миллионов экономических агентов: от домашних хозяйств до крупнейших банков. Эти экономические агенты, опираясь на накопленный опыт, принимают решения о том, насколько надежны сбережения в национальной валюте, формируют свой индивидуальный спрос на деньги, в конечном итоге определяющий долю денег в ВВП.

Правительство может в определенных пределах мягко влиять на предпочтение населения, но неспособно им манипулировать. Разумеется, Центральный банк может запустить на полную мощность печатный станок, но стандартной реакцией на такую практику становится бегство от национальных денег, перевод сбережений в конвертируемую валюту, рост цен, опережающий увеличение денежной массы. Хорошо изученные характерные черты крупнейших денежных катастроф — гиперинфляций — это и запущенный на полную мощность печатный станок, и резкое сжатие реальной денежной массы. Проложившие дорогу гиперинфляции политики нередко недоумевают: как же так? Мы без остановки печатали деньги, а денег в экономике становится все меньше и меньше, их количество никак не поспевает за идущими вверх ценами.

Вряд ли даже Н. Шмелеву придет в голову упрекать большевистское правительство России в том, что оно из верности монетаризму в 1917–1921 гг. «пережало» денежную массу. И тем не менее факт остается фактом. Реальная денежная масса с ноября 1917 г. по июль 1921 г. сократилась более чем в 60 раз (с 1919 млн золотых рублей до 29,1 млн). Лишь к началу 1924 г., после становления нэпа, резкого сокращения дефицита бюджета, введения в оборот золотого червонца, частичного восстановления спроса на деньги, денежная масса приблизилась к 10% от уровня ноября 1917 г.¹

¹ Реальная денежная масса измерена исходя из индексов цен статистики труда. Расчеты профессора Л. Юровского. См.: *Юровский Л.* Денежная политика Советской власти (1917–1927). М., 1996. С. 86, 257.

Совсем недавно в Югославии в ходе гиперинфляции 1992–1994 гг. объем реальной денежной массы (в долларовом эквиваленте) сократился примерно в 100 раз (с 4 млрд до 40 млн долл.). К январю 1994 г. месячные темпы роста цен там превысили 3 млн раз¹. Председатель Центрального банка Югославии Г. Аврамович, остановивший в 1994 г. гиперинфляцию, рассказывал мне, как нелегко ему было объяснить политическому руководству страны, что для того, чтобы деньги вновь появились в экономике, надо не наращивать и дальше обороты печатного станка в бесплодной попытке догнать стремительно рвущиеся вверх цены, а, напротив, притормозить его.

Постсоциалистические страны шли к формированию рыночной экономики разными путями. Некоторые из них действовали быстро, решительно, здесь инфляция была остановлена в короткие сроки. В других переход оказался растянутым, период высокой инфляции подрывал доверие к национальным деньгам. Неудивительно, что именно в странах, прошедших быструю дезинфляцию, там, где можно говорить о так называемой шоковой терапии, падение спроса на деньги было минимальным, а доля денег в ВВП сейчас близка к стандартам развитых рыночных экономик. Там же, где двигались медленно и нерешительно, долго терпели экстремально высокую инфляцию, падение спроса на национальные деньги было гораздо более сильным. В кругу государств, сформировавшихся на базе советского блока, в 1995 г. доля денег в ВВП² была максимальной в Чехии (79,4%), где накопленная инфляция с момента краха социализма была наименьшей, а минимальной в Грузии (3,8%), в это время с трудом выбиравшейся из гиперинфляции.

Нет ничего удивительного в том, что доля денег в ВВП России (в 1995 г., к началу денежной стабилизации — 12,3%) намного меньше, чем в Польше (в 1995 г. — 31,4%), но заметно выше, чем в Украине (в том же году — 9,5%). Низкая доля денег в ВВП обусловлена не тем, что кто-то сознательно «пережал» денежную массу, а мяг-

¹ См.: *Ростовский Я.* Гиперинфляция и стабилизация в Югославии в 1992–1994 гг. Варшава, 1995. С. 5.

² См.: Коэффициент монетизации, отношение широких денег к ВВП // *Вопросы экономики.* 1996. № 12. С. 142–143.

кой, податливой денежной политикой, инфляционными экспериментами, подрывом доверия к национальным деньгам. Лидерам некоторых стран, чтобы в этом убедиться, пришлось пройти через несколько всплесков инфляции, причем каждая из них отмечалась дальнейшим падением спроса на национальную валюту. Призывы напечатать больше денег, чтобы решить проблему денежного дефицита, свидетельствуют лишь о безграничной неосведомленности их авторов в области денежной теории и полном непонимании последствий попыток воплотить их рекомендации в жизнь¹.

Фундаментальная проблема для страны, ставшей на путь денежной стабилизации и выходящей из инфляционного кризиса, — тот факт, что доверие к национальным деньгам легко подорвать и сложно восстановить. Мировая экономическая теория знает немало примеров, когда под влиянием финансовых авантюр спрос на национальные деньги падал в десятки раз, а вот его повышение — это медленный и тяжелый процесс. Любые попытки его форсировать приводят к обратным результатам. К сожалению, нашей стране придется долго платить за воплощенные на практике советы «напечатать денег, пока не поздно».

Отказ с 1995 г. от предоставления прямых эмиссионных кредитов Центрального банка правительству, снижение темпов прироста денежной массы (1994 г. — 187%, 1995 г. — 120,7, 1996 г. — 30,5%)², стабилизация курса рубля, дополненные в 1996 г. перевыборами Б. Ельцина и политической стабилизацией, создали базу для роста спроса на деньги. С конца 1996 г. темпы роста цен начинают устойчиво отставать от темпов роста денежной массы, скорость денежного обращения замедляется, обозначая тенденцию к ремонетаризации национальной экономики.

Денежная база — основа денежной системы, которую непосредственно контролирует Центральный банк, формируя денежное предложение, — состоит из двух частей: чистых международных резервов и чистых внутренних активов. Предельно упрощая дело, можно

¹ В экономической литературе специально обсуждался вопрос о том, почему, несмотря на многократно повторявшийся крах подобных экспериментов, регулярно находятся экономисты, готовые подобные советы давать, и политические лидеры, готовые им следовать. Убедительного ответа к настоящему времени не получено. *The Macroeconomics of Populism in Latin American*. Chicago, 1991.

² *International Financial Statistics*. Washington, 1997. August. P. 70.

сказать, что чистые международные резервы — это та часть национальной денежной базы, которая обеспечена золотом и конвертируемой валютой, а чистые внутренние активы — это и есть напечатанные, менее надежные деньги. Когда ЦБ предоставляет кредит правительству на финансирование дефицита бюджета — он наращивает чистые внутренние активы. Когда тот же ЦБ скупает валюту, чтобы не допустить удорожания роста курса рубля по отношению к доллару — он накапливает чистые международные резервы. Скажем, весной — летом 1994 г. именно политика форсированного наращивания чистых внутренних активов, проводившаяся под аккомпанемент разговоров о борьбе с экономическим романтизмом и немонетарных методах борьбы с инфляцией, проложила дорогу резкому падению спроса на рубли, «черному вторнику» и всплеску инфляции. Поэтому неудивительно, что именно динамика чистых внутренних активов, ограничение их роста находится в центре внимания при прогнозировании инфляции, разработке стабилизационных программ.

Планы правительства и ЦБ на 1997 г. содержали достаточно осторожные проекторки наращивания как чистых внутренних активов (25%), так и чистых международных резервов (30%). Запланированное опережение темпов роста денежного предложения по сравнению с ростом цен отражало прогнозируемый процесс повышения спроса на национальные деньги. Реальное развитие событий заставило внести серьезные коррективы в эти планы. Важнейшим фактором оказалось резкое увеличение предложения конвертируемой валюты и спроса на рубли. Денежная стабилизация в России радикально изменила отношение на мировых финансовых рынках к перспективам российской экономики. Стал быстро расти поток капитала в Россию, спрос на российские ценные бумаги. Чтобы не допустить резкого роста курса рубля по отношению к доллару, ЦБ в первом полугодии скупал валюту, наращивал чистые международные резервы в масштабах, намного превосходящих запланированные. Для того чтобы при этом удерживать под контролем общие темпы роста денежной массы, пришлось полностью отказаться от увеличения чистых внутренних активов. Вместо того чтобы тайно подпечатывать деньги, ЦБ был вынужден фактически изымать ранее предоставленные правительству кредиты.

Подведем некоторые итоги.

Первое. Низкая доля денег в экономике — серьезная проблема для нашей страны, но обусловлена она не «пережимом» денежной массы, а предшествующими инфляционными экспериментами, сохраняющимися недоверием к национальным деньгам. Решить эту проблему, просто подпечатав деньги, невозможно.

Второе. Характерное для 1997 г. отставание темпов роста цен от темпов роста денежной массы — естественный результат денежной стабилизации, начинающейся ремонетаризации российской экономики. То, что темпы роста цен отстают от темпов роста денежной массы, свидетельствует о росте спроса на рубли. К сожалению, потребуется еще несколько лет осторожной денежной политики, чтобы вывести долю денег в ВВП хотя бы на уровень Польши, не говоря уже о Чехии. Попытки форсировать этот процесс способны лишь вновь подорвать доверие к национальным деньгам.

Третье. Рост денежной массы в первом полугодии 1997 г. определялся увеличением валютных резервов ЦБ, а не кредитованием правительства. Но и этот рост небезопасен. Опыт показывает, что рост спроса на деньги, превышающий 20% в год, — крайне редкое, неустойчивое явление. Мы почти выбрали этот лимит к началу июля. Это заставляет ЦБ быть особенно осторожным в наращивании денежного предложения во втором полугодии 1997 г.

Сказанное выше я и мои коллеги готовы подтвердить таблицами, расчетами, работающими моделями. К сожалению, у науки, в том числе экономической, есть фундаментальный и очевидный недостаток: она, как правило, сложна для понимания, требуется немало знаний или желания разбираться в малознакомом материале, чтобы понять реальные взаимосвязи. Разве может сложная, скучная научная картина денежного мира соревноваться с наивной, но убедительно простой картинкой, где правительство тайком, «аки тать в ночи», подпечатывает деньги? Поэтому у меня нет иллюзий. Сказанное выше неспособно остановить формирование нового экономического мифа. И все-таки, мне кажется, бесполезно знать, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца.

Маска, я тебя знаю

В № 25 «Общей газеты» была напечатана заметка, в которой я попытался обосновать, почему экономическая программа «Яблока» — это программа левой социал-демократической партии.

Григорий Алексеевич Явлинский в № 27 той же газеты опубликовал пространную отповедь. Большая часть статьи выполнена в стиле народной полемики — «сам дурак», повествует о несовершенствах и прегрешениях ДВР вообще и моих лично в частности. Все это небезынтересно, но прямого отношения к обсуждаемому вопросу о программной ориентации «Яблока» не имеет.

Сосредоточим внимание на экономической прозе. Я цитировал документы «Яблока», свидетельствующие о намерении резко увеличить государственные расходы. Григорий Алексеевич возражает: «По расчетам прошлого года (1996-го. — Е.Г.), к которым обратился Гайдар, на это необходимо примерно 350 триллионов рублей. На этом основании он обвиняет меня в намерении в первый год вдвое увеличить расходы федерального бюджета, а во второй — даже в трое. Это неверно»¹.

Интересно. Собственно, я никого ни в чем не обвиняю, я лишь цитирую произведения самого Григория Алексеевича. В своей президентской программе он пишет: «По нашим оценкам, на все это в течение первого года понадобится дополнительно 300–400 триллионов рублей и еще столько же во второй год (только для текущих платежей из федерального бюджета, помимо инвестиций)»². Посмотрим, как же Г. Явлинский возражает сам себе. Цитирую далее по статье в «Общей газете»: «В заголовке таблицы моей президентской программы на с. 25, которая является стержневой в разъяснении финансового обеспечения наших предложений, <...> черным по белому написано, что дополнительные 350 триллионов рублей — “это примерный баланс дополнительных доходов и расходов консолидированного бюджета” <...> Таким образом, речь идет об увеличении расходов консолидированного бюджета на 40–50 процентов»³.

Опубликовано в: Открытая политика. 1997. № 9 (23).

¹ Явлинский Г. «Яблоко» знает, где взять деньги // Общая газета. 1997. 10–16 июля.

² Явлинский Г. Я выбираю свободу. М., 1996. С. 43.

³ Явлинский Г. «Яблоко» знает, где взять деньги.

Абсолютно верно, Григорий Алексеевич убедительно показал, что одна часть его программы, где говорится об увеличении на 50% расходов консолидированного бюджета, полностью противоречит другой, где говорится об удвоении расходов федерального, что во семнадцати страниц текста (с 25-й по 43-ю) ему достаточно, чтобы перепрыгнуть пропасть в сотни триллионов рублей. Непонятно только, чем здесь так гордиться. Однако продолжим цитату: «Все это должно быть совершенно очевидно человеку с интеллектуальным уровнем г-на Гайдара, так что в данном случае мой оппонент, наверное, в спешке запутался, так же как и со средними и абсолютными величинами по заработной плате».

Когда сотни триллионов рублей пляшут финансовый канкан, федеральный бюджет путают с консолидированным, тут и интеллектуальный потенциал не поможет. Попробуем еще раз сосредоточиться и обдумать завершающий пассаж Г. Явлинского о средних и абсолютных величинах заработной платы. В предшествующей статье я обратил внимание на то, что на 11-й странице президентской программы Г. Явлинского он предлагает поднять среднюю зарплату военнослужащих в два раза, а на 12-й странице ее же собирается увеличить втрое. По всей видимости, удвоение теперь предлагается считать повышением средних значений заработной платы и утроение — абсолютным повышением. Боюсь, учителя математики будут не в восторге от такого нововведения в их предмет.

Должен признать, что спор с оппонентом, при котором упор делается на противоречивости собственной позиции, — своеобразное развитие полемического искусства. Главное его достоинство в том, что внутренние противоречия документов «Яблока» открывают практически неограниченный простор использования такого метода.

Проиллюстрируем это на примере. В той же таблице на странице 25, на которую ссылается Г. Явлинский, называя ее стержневой, в разъяснениях финансового обеспечения предложений «Яблока» предлагается повысить средние пенсии вдвое. На эти цели Г. Явлинский щедро выделяет 30 трлн руб. Напомню цифры: в 1995 г. расходы на финансирование выплат государственных пенсий составили 85 трлн руб. В утвержденном бюджете Пенсионного фонда на 1996 г. на эти цели выделялось 160,7 трлн руб. Интересно, как, прибавив 30 трлн, можно удвоить любую из указанных величин. Боюсь, что не каждый академик справится с такой задачей.

Еще одна цитата из статьи Г. Явлинского: «Объясняю, откуда можно взять неинфляционные деньги: 150 трлн рублей — налоги от теневой экономики. По официальным данным, теневая экономика составляет 30–40 процентов от ВВП. Это означает 800–1000 трлн рублей. Если установить налоги на уровне 15%, то мы получим уже почти половину требуемой суммы». Попробуем проанализировать это предложение серьезно. Есть два варианта его реализации. Первый: налоги в экономике (легальной и теневой) понижаются до 15% от ВВП. Как убежденный либерал, я не имел бы ничего против такой перспективы. К сожалению, сегодня такой путь нереализуем. Даже нынешние еще не раздутые дорогостоящими программами «Яблока» государственные расходы составляют примерно 30% ВВП. За счет 15% налогов их никак не профинансировать. Остается второй путь: ввести льготную ставку налогообложения для теневой экономики. Тогда легальный сектор будет платить высокие налоги, а теневой на законных основаниях — низкие. Попробуем продумать эту схему чуть дальше и ответить на несколько простых вопросов. Получат ли крупнейшие налогоплательщики, такие как Газпром, «ЛУКОЙЛ», РАО «ЕС России», право зарегистрироваться как предприятия теневого бизнеса и платить льготные налоги? Как предотвратить перераспределение финансовых потоков в пользу предприятий, пользующихся льготами, и соответствующее падение поступлений от легального сектора? Как будет происходить процедура регистрации предприятия в качестве субъекта теневой экономики с предоставлением соответствующих льгот? Будет ли при этом требоваться рекомендательное письмо от вора в законе и в какой форме?

Очень хотелось бы получить от представителей «Яблока» убедительные ответы на эти и многие другие вопросы, прежде чем приступить к дележке 150 трлн руб. доходов от теневой экономики.

На мой взгляд, суть дела ясна. Программа движения, предполагающая инфляционное финансирование дефицита бюджета, резкое наращивание государственных расходов, их доли в ВВП, имеет все характерные черты левой социал-демократической программы. Интереснее другое. Почему сам Григорий Явлинский это столь страстно отрицает? Зачем, пытаясь опровергнуть этот факт, путаться в цифрах, демонстрировать противоречивость собственной позиции, как заклинание повторять имена всемир-

но известных экономистов, рапортовать о похвальном знакомстве с их работами?¹ Ни в слове «левый», ни в слове «социал-демократ» ничего обидного нет. Если политическая сила, которую ты возглавляешь, принадлежит к этой части политического спектра, чего здесь стыдиться?

Право окончательного ответа на этот вопрос принадлежит самому Явлинскому и объединению «Яблоко». Рискну тем не менее сформулировать гипотезу. Значительная часть сторонников «Яблока» — образованные люди. Они искренне недовольны тем капитализмом, который сегодня формируется в России, и хотели бы быстро избавиться от язв и пороков, найти легкий и ясный путь к лучшей жизни. В некотором смысле они идейные наследники русской левой социалистической интеллигенции начала века, так же жестко критиковавшей пороки молодого российского капитализма, надеявшейся радикально перестроить общество. Соблазн простых решений в стиле «Взять все, да и поделить» некоторым из них не чужд. Но, разумеется, хотелось бы облечь его в приличную форму, хотя бы на уровне переписки Энгельса с Каутским. Мы знаем, какую цену заплатила наша страна за их благородные порывы и социалистические иллюзии. Кажется, историческая память в России все-таки работает. Не потому ли левая социал-демократия вызывает такую аллергию, а наши оппоненты из «Яблока» кричат «Чур меня», услышав простые слова: «Маска, я тебя знаю».

P.S. Г. Явлинский пишет, что неоднократно предлагал мне теледебаты.

Жаль, что узнал я об этом из газеты, а не от него. Тем не менее к Вашим услугам, сударь.

¹ Всегда готов дать Григорию Алексеевичу дополнительные рекомендации по изучению новых интересных работ неинституционалистов. Приведенный им список, разумеется, далеко не полный.

Приглашение... в тупик, или Еще раз о «социальной рыночной экономике»

Хочу напомнить читателю, может быть, забытый им эпизод из далеких-далеких времен начала рыночных реформ в России: полемику, выплеснувшуюся на страницы многих газет и журналов из Кремлевского зала съездов народных депутатов. Антиреформаторы всех мастей — от красных до розовых, от явных до скрытых — нашли, как им казалось, беспроегрешный повод критиковать правительство реформаторов и при этом доказывать, что сами они вовсе не против реформ. Просто правительство, мол, строит «не тот рынок». С трибуны съезда доктор экономических наук Руслан Хасбулатов втолковывал депутатам, что капиталистическая рыночная экономика может быть американского типа — жестокая, индивидуалистическая, оставляющая обездоленных без общественной заботы, и европейского типа — социально ориентированная, нашедшая свое высшее выражение в «шведской социалистической модели экономики», и громко заявлял: правительство ведет нас к американскому капитализму, а народу нужен шведский социализм. Вывод понятен: правительство реформаторов должно уйти в отставку, дать дорогу истинным сторонникам реформ, пекущимся о благе народа.

Три догмы, три догмы...

Многие академические ученые поддержали этот тезис. Со старанием, достойным лучшего применения, они устремились в теоретические изыскания в области социально ориентированного капитализма, вместо того чтобы изучать реально происходившие в новой России процессы и предлагать решение острейших проблем, одна за другой накатывавшихся на страну: угрозы голода, банкротства советского государства, растранившего все свои валютные ресурсы, инфляции, спада производства, немислимых трудностей становления забытых за долгие годы финансовых и правовых институтов нормальной рыночной экономики...

Опубликовано в: Открытая политика. 1997. 22 октября.

Ну что тут скажешь? Действительно, различие есть — не будем вдаваться в достоинства и недостатки обоих названных типов капитализма (как и иных, например японского). На эту тему имеется обширная литература. Но тогда с трибуны того же Съезда народных депутатов я говорил примерно следующее: давайте сначала отойдем от распределительной командной системы социалистической экономики, зложим основы рыночного хозяйства, а потом уже посмотрим, какую конкретную «модель капитализма» выбрать для России. Пока рано об этом дискутировать!

Может быть, следовало порассуждать более обстоятельно, но тогда я иного ответа не знал, да и размышлять над ним в горячке тех дней было просто некогда. Знаю, многие со мной не соглашались — в том числе некоторые весьма серьезные экономисты, причислявшие себя к сторонникам так называемого градуалистского, эволюционного подхода к проблеме постсоциалистической трансформации. Их убеждение в том, что начатая первым правительством новой России радикальная рыночная реформа равносильна «разорению народа» и уже по этой причине не может привести к социально ориентированному рыночному хозяйству, было одной из целого комплекса взаимосвязанных догм. Кроме этой назову еще две:

— денежная стабилизация препятствует экономическому росту (иными словами, рост возможен и при высокой инфляции, бояться ее не надо);

— методы стабилизации неправильны, потому что сама инфляция необязательно носит денежный характер, это «выдумка монетаристов» (горы статей и монографий посвящались анализу инфляции издержек. В них доказывалась не только ошибочность, но даже злонамеренность попыток бороться с инфляцией путем ограничения денежной массы).

Логика здесь такова: правительство напрасно ставит во главу угла борьбу с инфляцией и тем более напрасно пытается вести эту борьбу вредоносными «монетаристскими методами шоковой терапии», вовлекая страну в джунгли «американской модели капитализма».

Теперь, по прошествии пяти лет реформ (а для стран Восточной Европы — и семи-восьми лет), пришло время вернуться к прежнему спору и в этом ракурсе посмотреть на то, что происходит в странах, осуществляющих трудный постсоциалистический пере-

ход. Сейчас есть материал для размышлений на старую, но еще явно не устаревшую тему. Хочу предупредить, что выводы из этих размышлений в чем-то покажутся неожиданными.

НА ТЕРНИСТОМ ПУТИ РЕФОРМ

Почти три десятка государств — разных по уровню развития, масштабам и структуре экономики, национальным традициям и чаяниям — столкнулись в последние годы с проблемами, порожденными кризисом позднего социализма, а также самим постсоциалистическим переходом. За это время в них сменились десятки правительств — от ультралиберальных до последовательно коммунистических, были опробованы разнообразные варианты экономической политики. Каковы же результаты? *При всем различии пройденных разными странами путей экономической трансформации внимательное изучение накопленного опыта выявляет некоторые общие тенденции, пробивающиеся через национальную специфику. Серьезное обсуждение экономико-политических проблем любой постсоциалистической страны без учета этих закономерностей сегодня уже невозможно.*

Моя последняя работа была посвящена анализу природы постсоциалистического кризиса, его связи со структурными аномалиями социалистического развития, тех долгосрочных проблем, которые социализм оставляет в наследство возникающим на его руинах демократиям¹. Однако наряду с этими общими факторами на складывающийся характер новых постсоциалистических обществ оказывают воздействие и такие реалии, как различия в темпах и глубине реформ в разных странах, избранные варианты структурных преобразований, продолжительность периода высокой инфляции. Если социалистическое прошлое во многом задает социально-экономический генотип, то первые годы реформ — детство рыночной экономики. И то, как проходит это детство, во многом определяет перспективы развития на долгие годы. Тут все, как у человека.

¹ См.: Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997. Гл. 6. Возможно, однако, автор имел в виду подготовленный им в то время доклад на научную конференцию в г. Загребе. В данной статье из него использованы некоторые тезисы и таблицы. Сам доклад опубликован ниже, в статье «Темпы дезинфляции и развертывание посткоммунистического бюджетного кризиса». — Прим. ред.

Как же прошло детство новой системы? Для экономиста нет лучшего способа понять происходящее, чем углубиться в цифры, статистику. А она говорит о том, что в настоящее время мы являемся свидетелями завершения первого этапа постсоциалистической трансформации (если взять ее в целом, отвлекаясь от частных отклонений) или, если хотите, начала принципиально нового этапа.

Дело в том, что к настоящему времени большинству постсоциалистических стран удалось взять под контроль инфляцию, снизить ее масштабы до уровня, не превышающего 40% годовых (экономическая наука по ряду соображений считает этот уровень критическим), и начать наращивать объемы производства. Об этом лучше всего говорят две сводные таблицы 1 и 2.

Эти таблицы при их внимательном рассмотрении дают достаточно полный ответ нашим критикам, убедительно развенчивают их догмы.

Возьмем вопрос о том, является ли денежная стабилизация необходимой предпосылкой восстановления экономического роста или, напротив, только рост объема производства позволяет стабилизировать финансы и денежное обращение? Или еще проще: можно ли жить с высокой инфляцией? Вообще-то экономическая литература всегда давала на этот вопрос отрицательный ответ, несмотря на то что истории и были известны отдельные исключения из правила. Таблицы показывают, что и в постсоциалистических странах (тоже при немногочисленных исключениях) действует общая закономерность: высокая (превышающая 40% годовых) инфляция создает серьезные препятствия на пути восстановления экономического роста. *В подавляющем большинстве случаев рост ВВП начинается лишь после того, как мерами денежной политики удается свести инфляцию к более низким значениям.* Торможение инфляции, разумеется, недостаточная предпосылка устойчивого экономического роста, но по меньшей мере необходимая.

До последнего времени в качестве контрпримеров, призванных продемонстрировать возможность устойчивого экономического роста и при высокой инфляции, наши оппоненты приводили опыт Болгарии и Румынии. Развитие событий в Болгарии в 1996 г., когда вспышка инфляции сопровождалась новым спадом производства, катастрофическим снижением и без того низкого уровня жизни населения, тотальным дефицитом и проявлением других до боли

Таблица 1. Инфляция в странах Восточной Европы, Балтии и СНГ, изменение в %

Страна	Розничные/потребительские цены (на конец года)					
	1991	1992	1993	1994	1995 Оценка	1996 Прогноз
Азербайджан	126	1 395	1 294	1 788	86	15
Албания	104	237	31	16	6	20
Армения	25	1 341	10 996	1 885	32	19
Беларусь	93	1 558	1 994	1 957	244	61
Болгария	339	79	64	122	33	165
Венгрия	32	22	21	21	28	22
Грузия	131	1 176	7 488	7 144	65	23
Казахстан	150	2 567	2 169	1 160	60	26
Кыргызстан	170	1 771	1 366	87	32	27
Латвия	262	958	35	26	23	19
Литва	345	1 161	189	45	36	26
Македония	115	1 935	230	55	9	2
Молдова	151	2 198	837	116	24	18
Польша	60	44	38	29	22	19
Россия	144	2 318	841	203	131	25
Румыния	223	199	296	62	28	60
Словакия	58	9	25	12	7	6
Словения	247	93	23	18	9	10
Таджикистан	204	1 364	7 344	5	1 500	200
Туркменистан	155	644	9 750	1 330	1 000	250
Узбекистан	169	910	885	1 281	117	35
Украина	161	2 000	10 155	401	182	55
Хорватия	249	937	1 150	— 3	4	5
Чехия	52	13	18	10	8	9
Эстония	304	954	36	42	29	24

Примечание. Данные за 1990–1995 гг. представляют собой последние официальные оценки и соответствуют публикациям национальных правительственных и ряда международных органов, научных институтов, данные за 1996 г. — предварительные.

знакомых черт социализма, позволяет поставить точку на этом аргументе антиреформаторов. Да и в Румынии наметившееся в 1996 г. сочетание ускорения инфляции и снижения темпов экономического роста также явилось тревожным симптомом.

Есть достаточно мощные политические силы в России, которые толкают и нашу страну на повторение «болгарского варианта» — отказ от антиинфляционной политики. Приведенные в таблицах цифры предупреждают о пагубности такого пути.

Можно ли жить с инфляцией?

Говоря о том, что «и с инфляцией можно жить», наши оппоненты вовсе не утверждали, что в принципе с инфляцией бороть-

Таблица 2. Рост ВВП в реальном исчислении в Восточной Европе, Балтии и государствах СНГ, изменение в %

Страна	1995 1996							Оценка	Прогноз
	1990	1991	1992	1993	1994	Оцен-ка	Прог-ноз	уровня реально-го ВВП в 1995 г. (1989=100)	уровня реально-го ВВП в 1996 г. (1989=100)
Азербайджан	-11,7	-0,7	-22,6	-23,1	-21,2	-8,3	-3,5	38	36
Албания	-10,0	-27,7	-9,7	11,0	9,4	8,6	5,0	77	81
Армения	-7,4	-10,8	-52,4	-14,8	5,4	6,9	6,5	38	40
Беларусь	-3,0	-1,2	-9,6	-10,6	-12,2	-10,2	-5,0	61	58
Болгария	-9,1	-11,7	-7,3	-2,4	1,8	2,6	-4,0	76	73
Венгрия	-3,5	-11,9	-3,1	-0,6	2,9	1,5	1,5	86	87
Грузия	-12,4	-13,8	-40,3	-39,0	-35,0	2,4	8,0	18	20
Казахстан	-0,4	-13,0	-13,0	-12,0	-25,0	-8,9	0,5	45	46
Кыргызстан	3,2	-5,0	-19,0	-16,0	-26,5	1,3	2,0	50	51
Латвия	2,9	-8,3	-35,0	-16,0	0,6	-1,6	1,0	51	52
Литва	-5,0	-13,4	-37,7	-24,2	1,0	3,1	1,5	40	41
Македония	-9,9	-12,1	-21,1	-8,4	-4,0	-1,5	3,0	54	56
Молдова	-2,4	-17,5	-29,0	-1,0	-31,0	-3,0	4,0	38	39
Польша	-11,6	-7,0	2,6	3,8	5,2	7,0	5,0	99	103
Россия	-4,0	-13,0	-14,5	-8,7	-12,6	-4,0	-3,0	55	53
Румыния	-5,6	-12,9	-8,8	1,3	3,9	6,9	4,5	84	88
Словакия	-2,5	-14,6	-6,5	-4,1	4,8	7,4	5,5	84	89
Словения	-4,7	-8,1	-5,4	1,3	5,3	3,5	3,0	91	94
Таджикистан	-1,6	-7,1	-29,0	-11,1	-21,5	-12,5	-7,0	40	37
Туркменистан	2,0	-4,7	-5,3	-10,0	-20,0	-10,0	0,0	60	60
Узбекистан	1,6	-0,5	-11,1	-2,3	-4,2	-1,2	-1,0	83	82
Украина	-3,4	-9,0	-10,0	-14,0	-23,0	-11,8	-7,0	46	43
Хорватия	-8,6	-20,0	-10,0	-3,7	0,8	2,0	5,0	65	68
Чехия	-0,4	-14,2	-6,4	-0,9	2,6	4,8	5,1	85	90
Эстония	-8,1	-11,0	-14,2	-8,5	-2,7	3,2	3,0	64	66

Примечание. Данные за 1990–1995 гг. представляют собой последние официальные оценки и соответствуют публикациям национальных правительственных и ряда международных органов, научных институтов, данные за 1996 г. — предварительные.

ся не следует. Только надо делать это, мол, щадящим образом, постепенно (отсюда и термин «градуализм», что означает принцип постепенности).

Всем известно, что среди постсоциалистических стран выделились две противоположные группы. В первой из них национальные политические элиты оказались способными реализовать энергичную программу дезинфляции. В результате именно эти страны — Польша, Словения, Эстония и др. — раньше всех преодолели кризис и начали наращивать объемы производства (сравните соответствующие строки в табл. 1 и 2). В иных же странах сменявшие друг друга правительства в течение длительного периода пытались решать

проблемы выхода из кризиса за счет ускорения темпов роста денежной массы, что, конечно, обосновывалось заботой о поддержке производства и о решении социальных проблем. Приведенный пример Болгарии лишь самый актуальный, свежий. Аналогичный путь — хотя со своими особенностями — прошли Украина, Армения, Казахстан, Туркменистан, Югославия и многие другие государства. Повсюду результаты были стандартными, хорошо описанными в литературе, посвященной экономике популизма: ускорение инфляции, бегство от национальных денег, резкое падение валютного курса, долларизация экономики, усиление социальной дифференциации и дальнейший спад производства. В этих странах постсоциалистический кризис оказался более продолжительным, а падение производства, как правило, более глубоким. К этой группе примыкает и Россия, в которой две противоположные тенденции, олицетворенные в двух ветвях власти, законодательной и исполнительной, до сих пор с переменным успехом борются между собой, причем последние годы при явном преимуществе законодательной ветви власти, сумевшей существенно затормозить ход реформ.

В некоторых случаях, для того чтобы национальные органы власти убедились в том, что программу денежной стабилизации все-таки, хочешь-не хочешь, придется реализовывать, потребовалось несколько всплесков инфляции. Так произошло в Югославии, где последний всплеск дошел до миллионных процентов.

НА ЭМИССИОННОЙ «ИГЛЕ»

Откладывание же, как оказалось, ведет к весьма неприятным последствиям, в том числе имеющим непосредственное отношение к теме этой статьи. Страны, вставшие на путь медленных, «щадящих» реформ, в течение первых лет постсоциалистического развития активно используют эмиссионные кредиты ЦБ (то, что в обиходе называют включением печатного станка). Они высокими темпами наращивают номинальную денежную базу и денежную массу для финансирования государственных расходов. Ведь чем больше у правительства «бумажек», тем легче ему находить деньги на финансирование государственных расходов независимо от того, сколько ему действительно удастся собрать денег — прежде всего в виде налогов. Это называется относительной автономией

государственных расходов от государственных доходов. Она дает возможность проведения крупномасштабного финансирования дотаций, программ поддержки производства, социальных расходов — словом, возможность реализации мягкой бюджетной политики. (Но так, повторяюсь, происходит лишь в первые годы постсоциалистического развития, пока действие инфляционного наркотика не «выдохнется».)

Напротив, успешная денежная стабилизация заставляет резко ограничить масштабы эмиссионного финансирования, сужает возможность маневра в бюджетной политике. Это заставляет правительства обратить повышенное внимание на два других потенциальных источника финансирования бюджетного дефицита: привлечение средств с внутреннего финансового рынка и внешнее финансирование (т. е. займы у других стран и международных финансовых организаций). Масштабы возможных заимствований на внутреннем финансовом рынке непосредственно зависят от развития отечественной денежной системы (доля денег M2 в ВВП, коэффициент монетизации экономики¹). Потенциал внешних заимствований определяется масштабами накопленной задолженности, кредитной историей, репутацией страны на международных финансовых рынках. Для крупной страны, находящейся в постсоциалистическом кризисе, верхние пределы возможного внешнего финансирования невелики. Например, займы России у МВФ, о которых столько говорят, на самом деле составляют незначительную долю ВВП страны.

Отсюда вывод: протяженность и интенсивность постсоциалистического инфляционного кризиса — существенный параметр, оказывающий влияние и на возможности финансового маневра в процессе стабилизации, и на долгосрочные характеристики национальной денежной системы в постстабилизационном периоде. Страны, которые провели быструю и радикальную дезинфляцию (или не прошли период экстремально высокой инфляции, как Венгрия и Чехия), теперь получили значительную свободу маневра в области бюджетной политики, могут позволить себе большие объе-

¹ Коэффициент монетизации экономики — отношение «широких денег» к ВВП. «Широкие деньги» включают наряду с M2 также валютные депозиты национальных банков, номинированные в конвертируемой валюте.

мы внутреннего финансирования дефицита бюджета, сохраняют высокий уровень монетизации экономики. Страны же, в которых дезинфляция осуществлялась медленно и непоследовательно, где из-за этого период высокой инфляции растянулся, вынуждены позднее, на этапе стабилизации, более жестко контролировать внутреннее финансирование дефицита бюджета. Они почти неизбежно сталкиваются с острым бюджетным кризисом, задолженностями, неплатежами и т. п. Вот и получается, что теперь для них свобода финансового маневра меньше, чем для стран, обеспечивших форсированную денежную стабилизацию.

Польша могла себе позволить сочетание довольно высокого дефицита бюджета в размере 7% в 1991 г. и 6,9% в 1992 г. с последовательным снижением темпов инфляции. В России же даже скромные по международным стандартам масштабы заимствований на внутреннем финансовом рынке (3,2% ВВП в 1995 г.) дали толчок быстрому росту расходов на обслуживание государственного долга и это серьезно осложнило финансовую ситуацию.

Таким образом, выявилась закономерность: чем мягче финансовая политика и более масштабны соответственно бюджетные дефициты в периоды высокой инфляции, тем более жесткой должна быть финансовая политика позднее, на этапе стабилизации. Увы, за все приходится рано или поздно расплачиваться, причем «с процентами»...

ПРОБА НА «ШВЕДСКИЙ ВАРИАНТ»

Здесь самое время вернуться к главной теме статьи — «шведскому варианту». Различия «шведского», «американского» и других вариантов капитализма политологи, социологи, журналисты описывают самыми разными красками. Для экономиста же они при прочих разных частностях концентрируются в одной цифре: доле государственных расходов или доходов в ВВП. Чем она больше, тем более широки возможности государства в социальной сфере. В той же Швеции на протяжении многих лет эта доля превышала 60% — что намного больше, чем могут позволить себе другие страны столь же высокого уровня экономического развития. Действительно, здесь существует вызывающая всеобщее восхищение система пенсионного обеспечения, здравоохранения и социальной защиты

человека в целом. Обращение к примеру Швеции было, разумеется, не случайно. Но всякая медаль имеет оборотную сторону. История шведского социализма — это история уникально эффективной и жесткой налоговой системы в национально и культурно гомогенной стране с высоким уровнем лояльности налогоплательщиков. Но это и история государственной перегрузки экономики, приводящей к хроническому кризису роста, отставанию от стран-конкурентов. Сами шведы это уже поняли.

Как же складывается доля государственных расходов в ВВП в странах постсоциалистического пространства?

Начало реформ, либерализация экономики, перевод подавленной инфляции в открытую, сокращение инфляционной нагрузки на экономику — все это позволяет на первых порах радикально поправить положение бюджета. Однако с прогрессом денежной стабилизации, снижением темпов инфляции, выпадением инфляционных доходов, соответствующим снижением налога на прибыль доходы бюджета вновь сокращаются. Параллельно процесс структурных реформ увеличивает долю социальных расходов в бюджете. Это противоречие порой выливается в бюджетный кризис. Лишь с началом экономического роста адаптация налоговой системы к работе в условиях рынка и низкой инфляции, рост доходов бюджета позволяют справиться с бюджетным кризисом. Разумеется, это стилизованная картина. И все же она неплохо описывает развитие событий в Восточной Европе.

В постсоветском же пространстве развертывание финансового кризиса было модифицировано длительностью периода высокой открытой инфляции. Здесь со всей силой проявилась тенденция падения налоговых поступлений в условиях высокой инфляции (эффект Танзи) — хорошо изученный экономический феномен. Постсоциалистический опыт позволяет обогатить представление о механизме этого процесса. Длительная высокая инфляция формирует так называемую мягкую финансовую среду. Нет эффективного механизма, обеспечивающего ответственность за выполнение финансовых обязательств. Массовой формой ухода от налогов становятся взаимные неплатежи. Пренебрежительное отношение к налоговым обязательствам укореняется как социальная норма.

Между тем, как известно, дурные налоговые традиции легко сформировать и очень трудно изменить — они становятся самосто-

ятельным фактором, оказывающим влияние на долгосрочные перспективы бюджетной политики. Когда политическая власть наконец осознает необходимость денежной стабилизации, ограничения темпов роста денежной массы и соответственно масштаба бюджетного дефицита, увы, оказывается поздно: все это отнюдь не сопровождается немедленным ростом налоговой дисциплины. *В результате в странах, избравших путь «мягкого» вхождения в рынок, прошедших период длительной и высокой инфляции, приходится сокращать государственные расходы до уровней существенно более низких, чем в странах, осуществивших стратегию радикальной дезинфляции.*

В Польше доходы бюджета (включая внебюджетные фонды) резко снизились в 1990 г., но уже в 1991 г. они начали расти, затем стабилизировались на уровне, близком к 50% ВВП. Такие же тенденции были характерны для Словении. В Словакии, Чехии, Венгрии, где дореформенная доля государственных доходов была необычно высока даже по социалистическим стандартам, она постепенно снижалась (примерно на 10 процентных пунктов ВВП) и также стабилизировалась на уровне, близком к 50% ВВП. К настоящему моменту из постсоветских государств, завершивших денежную стабилизацию, сумели приспособить объем государственных обязательств к заданным доходам лишь там, где политика дезинфляции была наиболее последовательной (Латвия, Эстония).

В восточноевропейских странах, избравших стратегию медленной дезинфляции, падение государственных доходов было более глубоким. В Румынии они сократились более чем на 15%. Данные о динамике расходов бюджета в Болгарии позволяют предположить, что и здесь падение доходов было не менее значительным.

Что же касается государств СНГ, прошедших длительный период высокой инфляции, то к 1996 г. ни одному из них не удалось обеспечить денежную стабилизацию при уровне государственных доходов, превышающем 35% ВВП.

Стабилизация государственных расходов и доходов на низком уровне характерна для большинства стран постсоветского пространства. Доля государственных расходов в ВВП за эти годы сократилась здесь, как правило, не менее чем на 15%. Исключением явилась лишь Киргизия, осуществившая самую быструю в СНГ дезинфляцию, здесь масштабы сокращения государственных расходов были ниже.

Природа бюджетного кризиса

Крах социалистической экономики открывает короткий период «чрезвычайной политики» — положение, при котором границы возможного экономико-политического маневра государства резко расширяются, традиционные лобби дезориентированы, не успели приспособиться к радикально изменившимся условиям. В это время оказывается возможным проведение политики максимально жесткого сокращения дотационной нагрузки на бюджет. В сочетании со стабилизацией на относительно высоком уровне государственных расходов это оставляло свободу маневра не только для стабилизации, но в ряде случаев и для роста доли социальных расходов в ВВП.

Там же, где процесс преобразования оказался растянутым, открывшееся после социализма «окно возможностей» было использовано существенно слабее. К моменту, когда власть начинала понимать необходимость торможения инфляции, лобби поддержки отраслевых интересов уже успевало перестроиться, приспособиться к новым условиям. Отсюда существенно большие трудности сокращения бюджетных расходов. Если государственные доходы к моменту стабилизации здесь существенно ниже, чем в странах, где проходили радикальные реформы, то дотационная нагрузка выше. В этой ситуации тяжесть сокращения государственных расходов в определяющей степени ложится на социальные программы — у них нет мощных лобби, особенно отраслевых. В результате здесь возможности финансирования социальных расходов оказываются существенно ниже, чем в странах радикальных реформ (табл. 3).

Пока мы сравнивали стабилизирующиеся или уже стабильные экономики с государствами, продолжающими инфляционную политику, отличительными чертами последних были высокие размеры бюджетного дефицита, его покрытие из эмиссионных источников, быстрый рост цен и денежной массы, но при этом широкая свобода маневра в финансировании государственных расходов. Переход к анализу функционирования в условиях денежной стабилизации и постстабилизационного развития радикально меняет картину. Выясняется, что характерными особенностями отложенной стабилизации оказываются более жесткая заданность бюджетной

политики, предельно ограниченные возможности внутреннего финансирования дефицита бюджета, вынужденная радикальная рестрикция государственных расходов, происходящая в первую очередь за счет их социальной компоненты. *Напротив, радикальная политика дезинфляции обеспечивает существенно большую свободу финансового маневра, позволяет стабилизировать на высоком уровне бюджетные расходы и увеличить финансирование социальных программ.*

Выбор России

Все сказанное имеет непосредственное отношение к судьбам России. Сам факт медленной дезинфляции придал здесь бюджетному кризису вялотекущий характер. В этой ситуации политики, неспособные дать своим избирателям реальные деньги, нередко усиливают соревнование в экспансии государственных обязательств, увеличивая разрыв между тем, что государство обещало сделать, и тем, что ему по силам. Рассмотрим альтернативные варианты экономической политики, реализуемые в подобных ситуациях:

1. Сохранение статус-кво. Именно такая линия в России заложена в утвержденном бюджете на 1997 г. Бюджет продолжает линию 1996 г., включает заведомо нереальные гипотезы динамики государственных доходов. Финансирование ограничено наличными финансовыми ресурсами, бюджет остается важнейшим источником финансовой нестабильности в экономике. Изменение пропорций распределения бюджетных ресурсов способно временно перераспределить бремя недофинансирования (снизить задолженность по пенсиям, денежному довольствию военнослужащих), но лишь

Таблица 3. Доля расходов на пенсии в ВВП отдельных постсоциалистических стран, %

Страна	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Россия	5,9	6,0	6,6	4,9	6,4	5,9	5,3
Польша	8,2	8,1	12,2	14,7	14,9	15,8	15,5
Венгрия	9,1	9,0	10,6	11,2	11,0	11,5	
Эстония				5,3	6,6	6,5	7,0
Латвия	6,3	5,8	7,8	6,2	9,6	9,8	10,3
Литва	4,9	5,5	6,1	5,8	5,1	6,9	7,4

Источники: Golinowska S. Institutional Reforms in the Social Policy — Economic Scenarion for Poland. Warsaw, 1997. Данные по России — расчеты ИЭППП.

путем усугубления проблем в других бюджетных сферах (образование, здравоохранение, наука). Текущее распределение финансовых ресурсов в этой ситуации определяется давлением различных социальных и профессиональных групп на федеральные, региональные и местные органы власти. Сохранение за бюджетом роли генератора финансовой нестабильности делает крайне маловероятной реализацию действенных мер по повышению доли государственных доходов в ВВП.

2. Возврат к масштабному эмиссионному кредитованию дефицита бюджета, попытка на этой основе обеспечить выполнение государственных обязательств. Именно к такому развитию событий подталкивает длительное сохранение статус-кво. Постепенно память о жизни в условиях экстремально высокой инфляции ослабевает, и негласное табу на экономический популизм ослабевает вместе с ней. А проблемы хронического бюджетного кризиса продолжают обостряться.

Развитие событий в рамках такого сценария легко прогнозировать (сокращение спроса на национальную валюту, рост долларизации экономики, истощение валютных резервов ЦБ, форсированное падение курса национальной валюты, резкое ускорение инфляции с возможным выходом на гиперинфляционный уровень, резкое сокращение денег в ВВП, дальнейшее падение доли доходов государства в ВВП). В результате, когда возврат к стабилизационной политике окажется неизбежным, торможение роста цен будет обеспечено при доходах, расходах и доле денег в ВВП существенно более низких, чем сегодня (весна 1997 г.). Кризис существенно расширит свободу политического маневра, вынудит резко сократить государственные обязательства. *Один-два таких эксперимента и страна вовсе останется без важнейших элементов социальной политики, в частности без пенсионной системы.*

3. Осуществление реформ, обеспечивающих повышение эффективности бюджетных расходов, ограничение объема государственных обязательств реальными доходами — иными словами, жизнь по средствам. В сложившихся условиях только этот вариант позволит справиться с бюджетным кризисом. Раньше или позже он будет реализован. При этом уровень государственных расходов и обязательств, достижимый на основе таких реформ, связан обратной зависимостью с периодом до начала их реализации, т. е. отсрочка

реформ прокладывает дорогу дальнейшему падению доходов бюджета, популистским экспериментам и в среднесрочной перспективе ведет лишь к тому, что вынужденное ограничение роли государства в экономике будет более глубоким.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Подведем итог. Какие перспективы раскрываются сегодня для тех стран, которые провели радикальные реформы, и тех, которые в той или иной мере от них отказались?

В первых завершение денежной и бюджетной стабилизации, начало экономического роста подводит черту под периодом «чрезвычайной политики». Сформировавшаяся структура бюджета, денежной системы обретает устойчивость. Любые радикальные изменения в этих условиях политически труднореализуемы.

В условиях социально-экономической стабильности снизить уровень социальной нагрузки на экономику крайне сложно. Например, в Польше уже широко осознана серьезность долгосрочных проблем социальной перегрузки экономики. Но и там наиболее радикальные варианты пенсионных реформ, предложенные в начале 1997 г. организацией, известной своими последовательно либеральными взглядами (CASE), предполагали снижение доли пенсий в ВВП с 15,5% в 1996 г. до 15,1% в 2005 г. Отсюда серьезный риск того, что, исчерпав потенциал послекризисного восстановления, адаптации к рыночным условиям, государства этой группы будут демонстрировать хронически низкие темпы экономического роста. Эффективность национальной налоговой системы, позволяющая финансировать аномально высокий уровень государственных расходов, объективно провоцирует их расширение. Применительно к уровню развития стран вышеградской группы, (Польша, Венгрия, Чехия) их сегодняшняя государственная нагрузка не менее аномально высока, чем шведская для высокоразвитых государств. *Путь радикальных постсоциалистических реформ и быстрой дезинфляции на практике оказался путем в мир «шведского социализма» с его достоинствами, но и его же характерными проблемами, в том числе с проблемой замедленного экономического роста.*

В какой степени национальные политические элиты вышеградских стран окажутся способными справиться с этим вызовом ста-

бильности и своевременно, не дожидаясь новых кризисных явлений, проведут реформы, открывающие дорогу ускорению роста, покажет будущее.

В постсоветских государствах (за исключением стран Балтии) незавершенность процессов денежной и бюджетной стабилизации не позволяет однозначно прогнозировать уровень государственной и, в частности, социальной нагрузки на экономику. Многие будут зависеть от способности национальных политических элит провести либеральные реформы, наличия для них социальной базы. *Но с какими бы перипетиями социально-экономического развития не пришлось столкнуться в ближайшие годы, одно можно сказать определенно: «шведский путь» с его специфическими аномалиями и проблемами роста на ближайшие годы для них надежно закрыт.*

Если мы — как говорилось — определим уровень «социальности» рыночной экономики показателями доли государственных доходов и государственных расходов на социальные нужды в ВВП, а радикальность постсоциалистических реформ темпами дезинфляции, то выясняется, что уровень «социальности» формирующейся рыночной экономики прямо и однозначно связан с тактикой реформ: чем радикальнее были реформы, чем быстрее был преодолен постсоциалистический инфляционный кризис, тем больше оказывается итоговая государственная нагрузка на экономику. Повторю однажды сказанное: анализ накопленного опыта показывает: *независимо от собственных устремлений и идеологических пристрастий именно радикальные реформаторы постсоциалистического мира объективно вели свои страны по пути к социальной рыночной экономике. Напротив, те, кто выступал за «мягкое», медленное вхождение в рынок, инфляционное финансирование и т. п., также независимо от личных устремлений объективно подталкивали свои страны к необходимости предельно жесткой десоциализации¹.*

Таков итог давнего спора. Его подвела общественная практика — действительно лучший критерий истины...

¹ См. с. 338 данного тома. — Прим. ред.

Почему в Москве жить хорошо

Передо мной свежие данные о структуре налогов, собранных в 1997 г. в Москве. Оказывается, из всех налогов, собранных на территории Российской Федерации, около четверти собирается в столице: 127,6 млрд новых рублей. При этом москвичи составляют лишь около 6% населения страны. Московское правительство считает, что эти данные свидетельствуют об эффективности его работы. Но официальный тезис нуждается в проверке.

Как известно, Москва — крупный центр машиностроения. И московское правительство активно занимается проблемами машиностроительных предприятий, в том числе предоставляет кредиты, выделяет бюджетные ссуды и т. д. Машиностроение и металлообработка в 1997 г. дали примерно 0,6% общих поступлений в московский бюджет — 700 млн новых рублей. Вместе с тем в Москве нет крупных нефтяных полей и нефтяных месторождений, она не является крупным центром нефте- и газодобычи. Тем не менее такая отрасль, как трубопроводный транспорт, дала в Москве налоговых поступлений примерно в 50 раз больше, чем машиностроительные предприятия.

Можно продолжать этот интереснейший анализ, но и без того ситуация предельно понятна. В условиях молодого российского финансового федерализма Москва с ее традиционной концентрацией сетевых предприятий, работающих по всей стране, оказалась в феноменальном положении. «Ростелеком» обеспечивает телефонную связь по всей стране, но платит налоги в Москве. РАО «ЕЭС России» производит электроэнергию и освещает всю страну, но платит налоги в Москве. «Газпром» добывает газ в Западной Сибири, продает его по всей стране и в Европу, но платит налоги в Москве. «Транснефть» транспортирует нефть из Западной Сибири, но платит налоги в Москве. Таким образом, Москва оказалась расположена рядом с фонтаном, из которого бьет золотой поток. Отвлечемся от того, что в Москве есть внебюджетные фонды, которые во многом связаны с использованием имущества (такого дорогого именно потому, что она является федеральным центром), а посчитаем только то, что является надводной частью айсберга, т. е. только от-

крытые доходы московского бюджета. Даже тогда эти доходы в 3 с лишним раза превышают нормативные расходы местных бюджетов с учетом всех федеральных стандартов. Иначе говоря, если в Москве все налоги снизить в 3 раза, то и тогда Москва была бы обеспечена на том уровне, который федеральное правительство считает идеальным для других регионов.

Особенно интересно, что при этой уникальной налоговой ситуации федеральное правительство еще и приплачивает московскому правительству из нищих тульских, рязанских, брянских и т. д. бюджетов за то, что оно стоит рядом с золотым фонтаном, за выполнение столичных функций. Результатом столь странного поведения российских органов власти стала огромная диспропорция между нищим федеральным бюджетом, который пытается растянуть свои ресурсы между нуждающимися территориями, вынужден субсидировать Туву, где нет вообще никакой доходной базы, латает дырки в обеспечении социальных обязательств, и московским бюджетом, в котором есть деньги на все. При этом если в открытом бюджете столицы в 3 раза больше средств, чем надо, ясно, сколько можно, мягко говоря, неэффективно использовать...

Московское правительство при всей возможной несимпатии к либерализму по жизни вынуждено быть либеральным, потому что либеральные реформы — это реформы, направленные на ограничение государственных обязательств. И когда у тебя нет реальных ресурсов профинансировать большие обязательства, ты вынужден — нравится тебе или не нравится — делать следующие два-три шажка в направлении либеральных реформ. Их ведь в общем редко делают из удовольствия, как правило, потому, что нет другого выхода. В Москве, где есть огромные дополнительные финансовые источники, сама жизнь провоцирует к тому, чтобы никаких реформ не проводить. Ну зачем проводить реформы, направленные, скажем, на упорядочение использования финансовых средств, если и так явно хватает на жизнь?

Но опасность ситуации в том, что она внутренне нестабильна. Мы, москвичи, должны понимать, что это квазиблагоденствие Москвы и московского бюджета зиждется на недоразумении. В какой-то момент все кончится. Как будет тогда Москва, не использовавшая эти деньги для повышения эффективности городского хозяйства, внедрения ресурсоэкономных технологий, как она бу-

дет приспособливаться к этой ситуации? Ведь на самом деле с Москвой сегодня происходит то, что происходило с Советским Союзом в эпоху дешевых, легких нефтяных денег. Тогда была подушка уникальной нефтяной и газовой ренты Западной Сибири, позволявшая долго никаких реформ не проводить. Что произошло, когда подушка начала сдуваться, все помнят. Сегодня Москва в том же самом положении: у нее есть эта же подушка легких нефтяных и газовых денег, которая может начать сдуваться в любой момент.

Другая опасность в том, что избыточное богатство городской казны, на мой взгляд, очень плохо сказывается на формирующихся механизмах городской власти. Всем известна закономерность, что демократия налогоплательщиков хуже всего реально развивается в странах с существенными рентными компонентами в доходах, скажем в нефтяных Эмиратах. Когда так много денег, то у нас, налогоплательщиков, нет стимула контролировать, на что же их используют. А в результате у городских властей формируется отношение к этим деньгам, как к собственным. Вот, скажем, обсуждался в Государственной думе Налоговый кодекс, представленный правительством. Достаточно серьезное продвижение в либеральную сторону, существенное снижение налогового бремени по ряду направлений. Реакция московских властей: этот кодекс принимать нельзя, Москва потеряет 10 трлн доходов. Извините, Москва ничего не потеряет. Москва — это мы с вами, московские налогоплательщики. Переводя на русский язык, это значит, что мы как налогоплательщики сохраним свои 10 трлн доходов, но московское правительство не получит эти 10 трлн доходов и не использует их по своему усмотрению.

Если занимать такую позицию, тогда никакого снижения налогового бремени в Москве никогда добиться будет невозможно. Сегодня налоговое бремя — важнейшая проблема в России, порождающая теневую экономику, колоссальные препятствия на пути формирования легального малого и среднего предпринимательства и т. д. Мы должны помнить, что колоссальная часть этих налогов — это налоги в местный, региональный бюджет. Это московские налоги. На самом деле налоги, которые мы платим, делятся на две части. Первая — те, которые мы платим в общий федеральный бюджет. И вторая — налоги, которые мы платим в московский бюджет. И если уж говорить всерьез о снижении налогового бреме-

ни, то есть абсолютно реальные возможности серьезного его снижения в Москве.

В условиях такой очень сильной, очень финансово обеспеченной власти, при отсутствии прозрачных процедур совершенно неизбежно идет мощнейший процесс бюрократизации экономической жизни. Результатом этого является массовое распространение коррупции¹. Все, кто имел и имеет дело с московскими муниципальными структурами, это прекрасно знают. К сожалению, процесс здесь идет, как мне кажется, не в сторону сокращения. Сегодня российский предприниматель, по опросам, тратит на общение с городскими чиновниками (а общение, к сожалению, часто не укладывается в законные рамки) в 2,5 раза больше времени, чем польский предприниматель в Варшаве. Это очень опасно и очень плохо для формирующейся в Москве экономической среды.

В целом достаточно понятно, что надо делать. Нужен прозрачный московский бюджет, нужна казначейская система его исполнения. Нужны программы, направленные на обеспечение экономии бюджетных средств (именно эти инвестиции надо было бы поддерживать). Необходимо введение открытых и тендерных механизмов закупок для нужд московского бюджета. Необходимы меры, позволяющие разорвать очень странные взаимосвязи между государственными органами власти и квазигосударственными коммерческими предприятиями, которые во всем мире считаются источником распространения коррупции, и мне кажется, что московский опыт не свидетельствует о том, что весь мир ошибается. Короче говоря, действительно в Москве возможно и необходимо осуществление принципиальных либеральных экономических реформ.

¹ Известно, что за эти утверждения Ю. Лужков подал на автора статьи в суд. И — редкий случай! — на первом этапе он в суде проиграл. Лишь при повторном разбирательстве суд удовлетворил его иск. Однако сейчас, после известных всем коррупционных дел «Банка Москвы», компании «Интеко» и многих других, стало ясно, кто все-таки был прав в этом споре. — *Прим. ред.*

Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику

ДОСТИЖЕНИЕ ВЕРХНИХ ПРЕДЕЛОВ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ПЕРИОД СНИЖЕНИЯ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Наличие верхних границ налоговых изъятий до конца XIX в. ни у кого не вызывало сомнений. О том, что они были характерны для аграрных обществ, прекрасно знали и политики, и ученые, изучавшие экономические проблемы в течение многих и многих веков. Известны были и механизмы практической реализации подобных ограничений. Историки, начиная от ханьского Китая и Римской империи, неоднократно указывали на то, что при завышении нормы налогообложения начинается бегство с земли, растут бродяжничество, бандитизм, сокращается налоговая база, иногда противоречия обостряются вплоть до серьезных беспорядков и крестьянских восстаний. Это было настолько очевидным, что не являлось предметом обсуждений и дискуссии и на протяжении длительного периода воспринималось как данность.

Однако в период между 1913 г. и концом 1970-х гг. тезис о существовании верхних границ налогообложения «вышел из моды» и его использование стало в некотором роде опасным для профессиональной репутации экономиста. Именно тогда все сложившиеся представления о верхних границах налогообложения, которые обычно сводились к цифре около 15% национального дохода, были радикально пересмотрены, а реальные уровни налоговой нагрузки на экономику возросли с характерных для начала века 10% ВВП до величин, близких к 40% ВВП.

Во время этого бурного перехода, связанного с индустриальной революцией, резким ростом ВВП, существенными сдвигами в направленности социального развития, повышением способности государств контролировать финансовые потоки, любые попытки определения верхних пределов налогообложения стали неблагодарным занятием. Естественно, когда на протяжении 60 лет

Опубликовано в: Вопросы экономики. 1998. № 4. Апрель.

доля налоговых изъятий в ВВП растет в 4 раза и более, то суждение о том, что 25% (30% и так далее) изъятий — это верхний предел возможностей государства, очень быстро опровергается, что ставит автора в достаточно неудобное в профессиональной среде положение. Конечно, и в период подобного стремительного развития можно было предположить, что эта тенденция неограничена, что, как некогда для аграрных обществ существовали верхние пределы налоговых изъятий и механизмы их практической реализации, точно так же они должны существовать для высокоиндустриальных обществ, но при этом характеризоваться иным уровнем и механизмом реализации. Ведь, скажем, в развитых странах средняя продолжительность жизни увеличивается от 30 до 70–80 лет, но не до бесконечности.

К началу 80-х гг. экономики наиболее развитых стран, быстро наращивающих социальные программы, начали постепенно «упираться» в новые верхние границы налогообложения. Такой вывод можно было сделать исходя из следующих наблюдений: во-первых, в ведущих странах в мирное время в крупных масштабах возник устойчивый бюджетный дефицит, свидетельствующий о кризисе государственных финансов; во-вторых, в уровнях серьезного финансового кризиса резко замедлились темпы прироста доли налоговых отчислений в ВВП; в-третьих, наиболее острый характер финансовый кризис носил в странах с наивысшей долей налоговых изъятий (в первую очередь в Швеции); в-четвертых, имели место и такие симптомы, как рост теневой экономики, ухудшение налоговой дисциплины и т. д.

Высокоразвитые индустриальные страны (по крайней мере, лидирующие по росту государственных расходов) подошли к верхнему пределу, за которым наращивание налогового бремени оказывается либо невозможным с социально-политической точки зрения в силу растущего сопротивления налогоплательщиков, либо абсолютно непродуктивным ввиду расширения теневой экономики. Высота этого верхнего «плато», разумеется, не универсальная для всех стран, в значительной степени она обусловлена особенностями социально-экономической истории и социально-экономической структуры.

Учеными-экономистами была сформулирована гипотеза о том, что верхний уровень налоговых изъятий, по всей видимости, должен быть выше в малых, гомогенных, унитарных государствах

как следствие большей готовности налогоплательщиков принять налоговое бремя и ниже в больших по размеру, дифференцированных в социально-культурном отношении федеративных государствах¹. На сегодняшний день факты подтверждают справедливость такой гипотезы. Действительно, только в двух федерациях имеет место относительно высокое налоговое бремя (на фоне развитых стран в целом) — в Германии и Австрии. В подавляющем большинстве федеративных государств налоговое бремя намного ниже, чем в унитарных.

Естественно, существование верхнего предела налогообложения вовсе не означает, что каждая страна обязательно выходит на этот верхний предел. Нет никаких социально-экономических аргументов в пользу того, что функционирование на уровне верхнего предела налогообложения — оптимальный режим для экономики любой страны. Более того, сопоставление уровней налоговой нагрузки и социальных индикаторов опровергает данное предположение.

Только два показателя тесно связаны с уровнем налоговой нагрузки: уровень безработицы (в странах с более высокой налоговой нагрузкой он выше) и уровень социальной дифференциации (несколько ниже). Для показателей здоровья населения, средней продолжительности жизни, образовательного уровня и т. д., после того как душевой ВВП начинает превышать 15 тыс. долл. в год (в ценах середины 90-х гг.), данная зависимость уже не характерна. Таким образом, реальный спектр вариантов экономической политики лежит в интервале между существующим уровнем налоговых изъятий и верхним пределом налоговых изъятий, который можно обеспечить в стране с соответствующими социально-культурной структурой и уровнем ВВП на душу населения.

Насущная проблема многих развитых стран заключается в том, что современный пакет социальных программ, определяющих социальную нагрузку государства, был сформирован в 50–70-е гг., т. е. в период, когда темпы экономического роста (компенсировавшие предшествующий период низкой экономической активности в 1913–1950 гг.) были аномально высокими и бурно росла доля государственных изъятий в экономике. Тогда казалось, что государство может позволить себе все, что угодно. Выход на новый режим фун-

¹ Messere K. Tax Policy in OECD Countries. Choices and Conflicts. P., 1993. P. 47.

кционирования, когда выяснилось, что темпы экономического роста значительно снизились и налоги «уперлись» в верхние пределы, стал причиной финансового кризиса государства всеобщего благосостояния, который составляет сегодня и, видимо, будет составлять в ближайшее десятилетие главную «головную боль» подавляющего большинства развитых стран.

Слова «популистская экономическая политика» обычно имеют негативный оттенок. Не ставя целью давать какую-либо оценку возможной экономической политике, опишем основные черты трех ее типов. Так, популистская политика направлена на увеличение государственных обязательств при игнорировании финансовых и денежных ограничений, т. е. на наращивание государственной нагрузки с ее финансированием за счет инфляционных доходов. Социалистическая политика предполагает рост государственных обязательств, базирующийся на соответствующем росте реальной налоговой нагрузки. Либеральная политика характеризуется снижением уровня государственных обязательств в экономике.

Период с 1913 г. до приблизительно 1980 г. был в большинстве развитых стран периодом торжества социалистической политики, которая опиралась на индустриальный переход и на реальные возможности резкого наращивания налоговой базы. К началу 80-х гг. в результате длительной реализации социалистической политики был заложен весомый инерционный потенциал роста социальных обязательств (даже без принятия новых социальных программ), связанный с завершением демографического перехода и старением населения, т. е. при выходе наиболее гомогенных в социально-культурном отношении стран на уровень налоговых изъятий около 50% ВВП (по современным представлениям он близок к верхнему пределу) им по-прежнему требуется увеличение доходной части бюджета на 5–7% ВВП.

Независимо от идеологических приоритетов, от риторики, с которой то или иное правительство приходит сегодня к власти в Западной Европе, проблема разрыва между накопленными государственными обязательствами, к тому же растущими из-за старения населения, и верхними пределами налогового бремени, по всей видимости, будет фундаментальной для большинства стран в ближайшие десятилетия. Этот факт делает неизбежным переход к по меньшей мере мягкой либеральной политике, огра-

ничающей социальные обязательства уровнем налоговых доходов государства.

Приходящие к власти правительства могут колебаться между социалистической и либеральной риторикой, однако жизнь заставляет в среднесрочной и долгосрочной перспективе двигаться именно в сторону либерализации. Налицо радиальное изменение идеологического тренда — от доминирования социалистической и социал-демократической идеологии в 20–70-х гг. к неолиберализму начала 80-х гг., который, видимо, еще долго не сойдет с политической арены. Подчеркнем, такой тренд не носит конъюнктурного характера, он непосредственно связан с логикой индустриального перехода и выходом на новые верхние границы налогообложения.

ВЕРХНИЕ ПРЕДЕЛЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

В индустриальных социалистических странах государственная нагрузка на экономику, т. е. объем государственных обязательств, была чрезвычайно высокой. Ее трудно корректно рассчитать в связи с тем, что государство перераспределяло не только бюджетные ресурсы. Но тем не менее ясно, что она была аномально высокой для стран соответствующего уровня развития. При переходе к рынку такой уровень государственной нагрузки практически повсеместно приводит к фискальному кризису.

Природа и механизм фискальных кризисов в государствах Восточной и Центральной Европы изучены достаточно хорошо. Классическим примером служит Польша, где в период позднего социализма был утрачен контроль за финансовыми потоками, затем наступила ранняя фискальная адаптация, связанная с либерализацией, затем вторичный кризис, обусловленный эрозией налоговой базы, и лишь затем — вторичная финансовая стабилизация¹.

В целом страны вышеградской группы оказались способными обеспечить консенсус по поводу проведения первого этапа экономических реформ, достаточно быстро остановить эмиссионное фи-

¹ См.: Домбровски М. Фискальный кризис в период трансформации. Динамика процесса и некоторые концептуальные проблемы. Варшава, 1996.

нансирование дефицита бюджета, снизить темп инфляции и в результате добиться стабилизации доходов бюджета на сравнительно высоком уровне, близком к тому, который существует в наиболее богатых и развитых индустриальных государствах.

Уровни государственной нагрузки на экономику в этих странах находятся в интервале 45–50% ВВП, как и в западноевропейских странах с высокой государственной нагрузкой на экономику. Выходя на этот уровень, страны вышеградской группы, точно так же как и западноевропейские страны, вынуждены считаться с «бомбой замедленного действия» в виде роста социальных обязательств, обусловленного старением населения. Подобная тенденция предполагает повышение государственных расходов на здравоохранение и пенсионное обеспечение на протяжении следующих 15–20 лет примерно на 5–10% ВВП, даже если не будут приниматься никакие новые социальные программы. При существующем уровне налоговой нагрузки в 50% ВВП крайне трудно представить, как такие расходы можно будет профинансировать. В результате страны вышеградской группы в течение ближайших десятилетий тоже обречены на проведение мягкой либеральной политики, на снижение объемов государственных обязательств. Выбора здесь нет.

Разумеется, механизм ограничения налоговой нагрузки на экономику не работает автоматически. Так, к власти может прийти безответственное правительство, которое будет финансировать и старые, и новые социальные программы за счет бюджетного дефицита, быстрого наращивания долга, денежной эмиссии. Но оно с неизбежностью столкнется с проблемами эрозии налоговой базы, увеличением расходов на обслуживание государственного долга и т. д. Но, несмотря на подобного рода колебания, общий тренд развития характеризуется именно такой направленностью — он задается ситуацией, в которой государства вышеградской группы оказались после выхода из социализма.

События в большинстве государств СНГ, а также в ряде стран Восточной Европы, которые были менее последовательны в проведении реформ (Болгария и Румыния), развивались иным путем, чем в государствах вышеградской группы. Здесь не удалось сформировать консенсус по поводу политики на первом этапе реформ, разрыв между уровнем государственных обязательств и падающи-

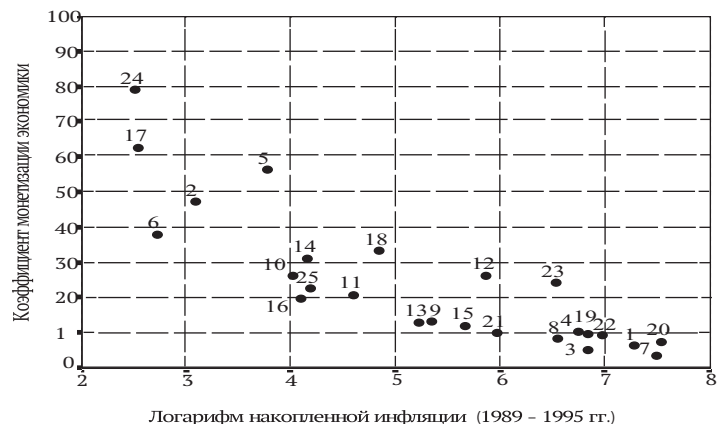
ми налоговыми доходами заставил прибегнуть к масштабному инфляционному финансированию социальных программ с предсказуемыми последствиями.

Во-первых, в государствах, которые прошли период высокой инфляции, существенно снижается коэффициент монетизации экономики. Расчеты, проведенные в ИЭППП, позволили выявить наличие статистически достоверной зависимости между коэффициентами монетизации постсоциалистических экономик в 1995 г. и десятичным логарифмом накопленной инфляции за предшествующее пятилетие¹ (рис. 1).

Таким образом, длительность и интенсивность постсоциалистического инфляционного кризиса являются важнейшим фактором, определяющим и возможности финансового маневра в процессе стабилизации, и долгосрочные характеристики национальной денежной системы в постстабилизационном периоде. Страны, которые провели быструю и радикальную дезинфляцию или не проходили через период экстремально высокой инфляции, обладают значительной свободой маневра в области бюджетной политики, могут позволить себе большие объемы внутреннего финансирования дефицита бюджета, сохраняя при этом высокий уровень монетизации экономики. Страны, в которых дезинфляция осуществлялась медленно и непоследовательно, а период высокой инфляции растянулся, сталкиваются с проблемой устойчиво низкого уровня монетизации экономики в постстабилизационном периоде. Они вынуждены более жестко контролировать внутреннее финансирование дефицита бюджета на этапе стабилизации.

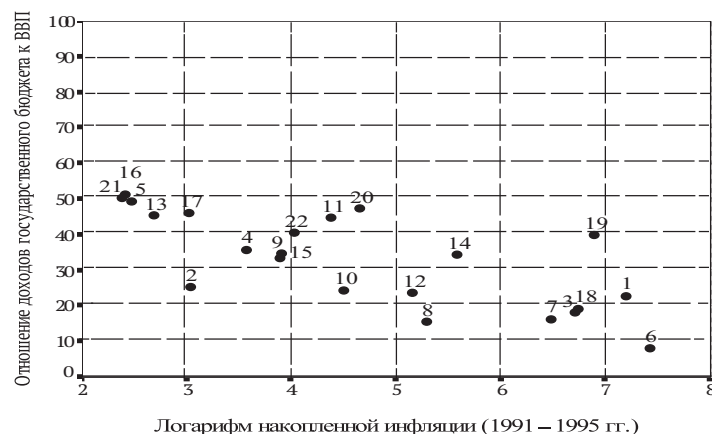
Из рис. 1 видно, что наиболее низкий коэффициент монетизации, естественно, в Грузии, Азербайджане и Армении, прошедших через гиперинфляцию. Наиболее высокий коэффициент монетизации в Словакии и Чехии, где накопленная инфляция меньше всего. Данная зависимость вытекает из известных положений экономической теории и должна всегда учитываться при формулировании и проведении стабилизационной политики. Кроме того, существует хотя и не столь жесткая, но статистически выявляемая зависимость между логарифмом накопленной инфляции и уровнем государст-

¹ См.: Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997. С. 489. — Прим. ред.

Примечание. Азербайджан — 1, Албания — 2, Армения — 3, Беларусь — 4, Болгария — 5, Венгрия — 6, Грузия — 7, Казахстан — 8, Кыргызстан — 9, Латвия — 10, Литва — 11, Македония — 12, Молдова — 13, Польша — 14, Россия — 15, Румыния — 16, Словакия — 17, Словения — 18, Таджикистан — 19, Туркменистан — 20, Узбекистан — 21, Украина — 22, Хорватия — 23, Чехия — 24, Эстония — 25.

Рис. 1. Диаграмма рассеивания к уравнению, связывающему коэффициент монетизации экономики в 1995 г. и логарифм накопленной инфляции за 1989–1995 гг.

Примечание. Азербайджан — 1, Албания — 2, Армения — 3, Болгария — 4, Венгрия — 5, Грузия — 6, Казахстан — 7, Кыргызстан — 8, Латвия — 9, Литва — 10, Македония — 11, Молдова — 12, Польша — 13, Россия — 14, Румыния — 15, Словакия — 16, Словения — 17, Таджикистан — 18, Украина — 19, Хорватия — 20, Чехия — 21, Эстония — 22.

Рис. 2. Диаграмма рассеивания к уравнению, связывающему отношение доходов государственного бюджета к ВВП в 1995 г. с логарифмом накопленной инфляции 1991–1995 гг.

венных доходов к ВВП, с которым государство выходит из периода высокой инфляции¹ (рис. 2).

Приведенная диаграмма показывает, что уровень государственных доходов по отношению к ВВП меньше всего в странах, прошедших через гиперинфляцию, например в Грузии. А лидерами здесь являются те же самые Чехия, Словакия, Венгрия — страны с наименьшей накопленной инфляцией. Естественно, инфляция не единственный фактор, влияющий на долю налоговых изъятий, но тем не менее очевидная связь налицо: чем выше накопленная инфляция, тем с более низким уровнем налоговых изъятий страна выходит из периода стабилизации.

Дополнительной иллюстрацией к сказанному может служить сравнительный анализ хода событий в России и Польше. России, избравшей путь «мягкого» вхождения в рынок, прошедшей период длительной и высокой инфляции, приходится сокращать государственные расходы до существенно более низкого уровня, чем Польше, осуществившей стратегию радикальной дезинфляции².

В Польше инфляция снижается достаточно быстро. В России она сначала пошла вверх, но затем темпы ее уменьшились и к 1996 г. она достигла примерно того же уровня, что и в Польше. Однако на одинаковый уровень инфляции страны выходят с разными коэффициентами монетизации экономики и уровнями государственных доходов. Коэффициент монетизации в Польше стабилизируется на уровне выше 30%, а в России он быстро падает примерно до 10%. (Медленное наращивание коэффициента монетизации началось в России только в 1997 г.) Что касается государственных доходов, то в Польше они установились на уровне «вышеградского равновесия» (чуть ниже 50%), а в России имеет место эрозия доходной базы бюджета и в результате государственные доходы снизились до уровня, близкого к 30% ВВП.

Подобное развитие событий характерно не только для России и Польши, но и для многих других постсоциалистических стран. Опыт показывает, что выявленную В. Танзи на примере Аргенти-

¹ См.: Гайдар Е.Т. Детские болезни постсоциализма (к вопросу о природе бюджетных кризисов этапа финансовой стабилизации) // Вопросы экономики. 1997. № 4. С. 12–13. См. также с. 319 и след. данного тома. — Прим. ред.

² См.: там же. С. 9–11. — Прим. ред.

ны взаимосвязь между темпом инфляции и государственными доходами¹ применительно к постсоциалистическим странам следует трактовать в гораздо более широком смысле. Речь идет не только о падении государственных доходов, связанном с запаздыванием налоговых поступлений и их обесценением в условиях инфляции. Высокая инфляция создает обстановку финансовой безответственности, консервируя мягкие бюджетные ограничения.

Низкий коэффициент монетизации экономики обуславливает широкое распространение различного рода денежных заменителей: бартера, низкокачественных суррогатов денег, долларового наличного оборота и т. д., служащих прекрасными средствами для ухода от уплаты налогов. Укоренение практики их использования провоцирует формирование дурной налоговой культуры. Между тем ее очень легко «привить», но с ней потом очень трудно бороться.

Россия, как и многие другие государства СНГ, завершила денежную стабилизацию в 1996–1997 гг. при низких показателях монетизации экономики, которые нельзя быстро увеличить даже при относительно невысокой доле государственных доходов в ВВП. Правда, невысока она лишь относительно стран вышеградской группы (если говорить о постсоциалистическом пространстве) и небольших европейских стран со значительной государственной нагрузкой на экономику. На самом деле государственные доходы России в ВВП согласно консолидированному бюджету с учетом социальных фондов даже в настоящее время примерно равны соответствующему показателю в США. Для большой и достаточно культурно разнородной страны с не очень высоким уровнем ВВП они весьма велики.

Рост теневой экономики, утвердившееся в общественном сознании признание современных налогов чрезмерными и избыточными, так же как и массовое одобрение фактов уклонения от уплаты налогов, — все это показывает, что 30%-я доля государственных доходов в ВВП (с учетом нашей, в том числе постсоциалистической, истории), по всей видимости, достаточно близка к верхнему пределу для России на ближайшую перспективу. Можно спорить

¹ *Tanzi V. Inflation, Real Tax Revenue and the Case for Inflationary Finance: Theory with an Application to Argentina//IMF Staff Papers. 1978. Vol. 25 (September). P. 417–451.*

об увеличении налоговых доходов с 30 до 32% ВВП, но, реалистично оценивая сложившееся положение, трудно представить себе, что российское государство в ближайшие годы будет способно изъять 40 или 45% ВВП.

Однако уровень принятых в настоящее время социальных обязательств несовместим с уровнем государственных доходов 30–32%. Следует заметить, что определение объема финансовых ресурсов, необходимых для выполнения социальных обязательств, принятых в различных нормативных актах, — задача достаточно сложная. Есть законы, о которых все знают, что они не выполнялись и не будут выполняться, а соответствующие расходы не включаются в бюджет. Есть законы, по поводу которых предполагается, что, может быть, они будут выполняться, а может быть, нет. Есть законы, которые действительно выполняются.

По нашим оценкам, уровень государственных обязательств, предусмотренный нынешним законодательством, требует финансирования в объеме 40–45% ВВП. Отсюда следует политически неприятный вывод. Если мы сохраним завышенный уровень обязательств, который явно не покрывается текущим потоком налоговых поступлений, то будет наблюдаться дальнейшее сокращение налоговых доходов. Государство само выступает в роли главного неплательщика, главного нарушителя финансовой и налоговой дисциплины. Хронически не выполняя свои обязательства, оно подает прекрасный пример недобросовестным налогоплательщикам, рассуждающим примерно так: «Почему я должен платить налоги, если государство свои обязательства не выполняет? Разве это справедливо?»

Таким образом, в бюджет закладываются расходы, явно превышающие объем возможного финансирования на базе налоговых поступлений и ответственных заимствований. Опыт России и других стран в 1992–1995 гг. показывает, что, если после стабилизации бюджетные обязательства не приводятся в соответствие с реальными доходами, неизбежна дальнейшая эрозия налоговой базы. Разрыв между уровнем обязательств и реальным финансированием не стабилизируется, а продолжает расти, и никакие административные усилия не позволяют радикально переломить эту тенденцию. Опыт борьбы за повышение собираемости налогов в 1997 г. (которая в определенные периоды велась достаточно энергично)

показывает, что главным препятствием на этом пути является огромная бюджетная задолженность и ее нельзя игнорировать.

Из этой точки есть только три возможные траектории выхода. Движение по первой предполагает, что мы делаем вид, будто ничего не происходит. По вполне понятным причинам сокращение обязательств — политически тяжелая и нерентабельная задача, поэтому можно продолжать строить бюджет на основе нереальных налоговых доходов и наблюдать, что из этого получается. Такая линия была последовательно проведена в бюджете 1997 г. Результаты ясны: продолжается эрозия налоговой базы, сокращается налоговый поток, растут невыполненные бюджетные обязательства (пенсионеры по несколько месяцев не получают пенсии, офицеры — денежного довольствия и т. д.). Социальное напряжение растет. И в какой-то момент становится ясно, что дальше проводить эту политику невозможно, она должна быть изменена.

Другая траектория — переход к популистской политике, возврат к эмиссионному финансированию дефицита государственного бюджета. Возможно, эксперименты подобного рода в России будут проделаны снова. Механизм развертывания инфляционного кризиса хорошо изучен и не нуждается в детальном обсуждении. Единственное, что важно уяснить: при стабилизации после инфляционного эксперимента мы уже не вернемся в ту же точку, с которой он начинался, а переместимся в другую точку, которая будет характеризоваться более низкими коэффициентом монетизации и долей реальных налоговых доходов в ВВП. Мы столкнемся с той же проблемой избыточности бюджетных обязательств, однако при существенно меньшем уровне реальных доходов и расходов бюджета.

И тогда все равно придется пойти по третьей траектории — ограничить государственные обязательства объемом реального финансирования. Надеяться на стабилизацию налоговых поступлений можно лишь тогда, когда пройдена точка, в которой ответственные обязательства государства примерно соответствуют реальным возможностям их финансирования.

И мы в эту точку неизбежно попадаем, но раньше или позже, с нынешним или более низким уровнем налоговых изъятий после популистских экспериментов. Это означает, что либеральной экономической политике, направленной на ограничение обязательств

государства уровнем реальных доходов, нет альтернативы. Она жестко задана для России той экономической ситуацией, в которой страна сегодня оказалась.

Но здесь возникает острое противоречие между экономически необходимым и политически возможным. Хорошо известна связь между экспансией социальных обязательств и ростом участия низкодходных групп в голосовании. В стабильных демократиях, которые шли от ограниченной цензовой демократии к демократии, основанной на всеобщем избирательном праве, фактором, в какой-то степени сдерживающим форсированное наращивание социальных обязательств, было традиционно более ограниченное участие в выборах низкостатусных и низкодходных групп, чем высокостатусных и высококодходных. Этот фактор расширяет свободу политического маневра в аспекте снижения государственной нагрузки на экономику.

В России, как и в большинстве других постсоциалистических стран, ситуация диаметрально противоположная. Еще жива традиция, когда участие в выборах было признаком политической лояльности к социалистической системе. Поэтому в России низкостатусные и низкодходные группы более активно участвуют в голосовании, чем средне- и высокостатусные. В результате политика, которая жестко задана экономически, является крайне трудноосуществимой с политической точки зрения.

И в этом кроется причина «рваного» ритма российских либеральных реформ. Они ускоряются в условиях очевидного и острого кризиса, как, скажем, в начале 1997 г., при многомесячных задержках с выполнением социальных обязательств, и тормозятся при малейших признаках стабилизации в силу действия политических факторов. Именно пути разрешения противоречия между жестко заданной либерально-экономической политикой и политическими ограничениями возможностей ее реализации будут определять ход развития событий и России в ближайшие 10–15 лет.

Выбор был не в том, что будет больно или не будет. Было ясно, что будет

Первый вопрос, который постоянно возникает в ходе дискуссий о реформах в России в постсоветскую эпоху: «Была ли у Советского Союза возможность пойти по китайскому пути развития?»

Китайским путем можно назвать путь упорядоченных, постепенных реформ, которые позволяют формировать основы рыночного хозяйства не вместо ранее существовавшего социалистического сектора, а рядом с ним, поэтапно наращивая в экономике долю частного сектора, рыночных регуляторов, тем самым перераспределяя центр тяжести с социалистической планово-распределительной системы на частную, рыночную. Опыт показывает, что такие реформы позволяли динамично развиваться, обходиться без серьезных спадов в объемах производства в тех случаях, когда они начались на ранней стадии индустриализации, в аграрных обществах с долей занятых в сельском хозяйстве более 70%.

Когда в странах есть еще примитивное, обладающее крупными избыточными ресурсами рабочей силы сельское хозяйство, небольшой городской государственно-промышленный сектор, можно формировать новый частный сектор, не реконструируя радикально работу государственного.

Деколлективизация в сельском хозяйстве — доминирующей отрасли экономики — позволяет включить здесь рыночные стимулы, сохраняя его как базу финансирования индустриализации, обеспечения формирующегося частного сектора трудовыми ресурсами. Частный и получастный индустриальный сектор формируется рядом с государственным, используя конкурентные преимущества, связанные с предельной дешевизной рабочей силы, его роль в структуре занятости постепенно растет (табл. 1).

Динамичный рост производства в частном и получастном секторе позволяет мобилизовать финансовые ресурсы для поддержки менее эффективного государственного сектора. Лишь в самое последнее время вопрос о серьезной реформе собственно государственного сектора промышленности начал выдвигаться на авансцену дискуссии о стратегии экономической политики.

Из архива Е.Т. Гайдара. Подготовлено к печати в 1998 г.

И Китай, и Вьетнам, и Лаос к моменту начала своих реформ по уровню развития — по валовому внутреннему продукту на душу населения (с учетом паритета покупательной способности), по уровню занятости в сельском хозяйстве — находились примерно на уровне Советского Союза 1929 г. (табл. 2).

Поэтому вопрос о китайском пути для СССР — это вопрос о существовании альтернативы сталинской модели индустриализации.

Специфика выхода из социализма на ранней стадии еще и в том, что к этому времени социализм не успевает сформировать систему социальных гарантий. Обсуждая проблему китайского пути, надо учитывать, что Китай — страна, не имеющая общей пенсионной системы, а право на пенсию здесь имеет ограниченный круг категорий населения. Отсутствие широко распространенных социальных гарантий, которые возникают на поздних стадиях социалистической индустриализации (в СССР вплоть до начала 50-х гг.

Таблица 1. Численность занятых по секторам промышленности в Китае в 1991–1996 гг., млн человек

Рабочая сила на конец года	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Городские государственные предприятия	75,0	76,4	76,4	76,5	77,0	76,7
Городские коллективные предприятия	36,2	36,2	33,9	32,9	31,5	30,0
Городские совместные предприятия	2,2	2,8	5,4	7,6	8,8	9,5
Городские частные предприятия	7,6	8,4	11,2	15,6	20,6	23,4
Сельская рабочая сила	478,3	483,1	487,8	487,9	488,5	490,4
В том числе местные промышленные предприятия	96,1	106,3	123,5	120,2	128,8	135,1

Источник: People's Republic of China — Recent Economic Developments. Washington: IMF, 1997.

Таблица 2. Уровень экономического развития в Китае и СССР

Страна	ВВП на душу населения*	Доля занятых в сельском хозяйстве, %	Доля сельского населения, %
СССР (1929 г.)	1386	81**	82**
Китай (1978 г.)	1352	76***	81***

* По паритету покупательной способности, доллары 1990 г. (Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. P.: OECD, 1995).

** Перепись 1926–1927 гг.

*** 1980 г. Отчет о мировом развитии. Мировой банк, 1997.

Источник: People's Republic of China — Recent Economic Developments.

подавляющая часть населения также не имела права на пенсию), — это дополнительный фактор, который открывает иные возможности выхода из социализма. Сочетание динамичного экономического роста, обеспечиваемого за счет перераспределения рабочей силы из деревни в быстро растущий индустриальный частный сектор, и низких социальных расходов позволяет последовательно снижать государственную нагрузку на экономику, поддерживать на низком уровне налогообложение, создавая благоприятные условия для частных инвестиций (табл. 3).

Можно ли было пойти по этому пути в Советском Союзе?

История не знает сослагательного наклонения. Во всяком случае это вопрос, который имел прямое отношение к России 1929 г., некоторое отношение к России 1945 г., сразу после войны, какое-то отношение к России конца 50-х гг., когда доля сельского хозяйства в занятости была близка к 50% и еще сохранялся индустриализационный потенциал перераспределения трудовых ресурсов, но обсуждать эту тему в высокоиндустриальной экономике со сложившимися масштабными диспропорциями, с отсутствующими крупными резервами избыточной занятости в сельском хозяйстве, со сложившимися дорогостоящими социальными программами беспредметно.

На этом этапе такого пути просто не существует. Все попытки, предпринятые в рамках этой парадигмы, только дестабилизируют уже сформированный индустриальный социум, одновременно не создавая базы для возможности такого маневра. Венгрия, которая встала на подобный путь достаточно рано — в 1957 г. и потом шла по нему особенно активно с 1968 г., будучи достаточно развитой страной, не обошлась без серьезного падения объемов производства в начале 90-х гг. Дискуссия о том, была ли у СССР возможность выйти на китайский путь, — интересный вопрос из экономической истории 30–50-х гг. К тому, что происходило в стране в конце 80-х, он прямого отношения не имеет.

Таблица 3. Доходы и расходы бюджета в Китае в 1980–1996 гг., доля ВВП

	1980	1986	1990	1996
Доходы	30,6	24,0	19,2	11,4
Расходы	34,1	25,8	21,1	12,9
В том числе инвестиционные расходы	11,6	7,4	4,6	2,1

Источник: People's Republic of China — Recent Economic Developments.

Другой вопрос: можно ли было проводить реформы не по китайскому, а по венгерскому пути, т. е. уже столкнувшись с серьезными проблемами, связанными с социальной перегрузкой экономики, деформированной индустриальной структурой, не пытаясь уйти от серьезного падения производства, связанного с необходимой реструктуризацией промышленности, с тем, что ее значительная часть в рыночных условиях просто не может существовать? Можно ли было тем не менее провести постсоциалистический переход более упорядоченно, без социальных перегрузок?

Вероятно, это было возможно. Но для этого реформы надо было начинать в 60-х гг. Тогда к концу 80-х гг. в России была бы уже достаточно развитая частно-правовая база и система рыночных цен, не сложились бы такие масштабные финансовые диспропорции. Последовательное развитие начатых в середине 60-х гг. рыночных реформ могло бы открыть эту дорогу. К сожалению, реформы были прерваны руководством КПСС, опасавшимся того, что за экономическими преобразованиями может последовать политическая дестабилизация, утрата власти.

К середине 80-х гг., когда политическое развитие вновь открыло возможности таких упорядоченных преобразований, шансы на их успех были уже существенно ниже. Разумеется, сыграли роль и субъективные причины. У Рыжкова было фатальное непонимание того, как функционирует рыночная экономика. Набор хаотических действий, крайне опасных именно своей несистемностью, — начиная с неудачной попытки форсировать экономический рост и кончая законом о предприятии — быстро дестабилизировал ситуацию. Но ведущую роль сыграли объективные причины. В 1985 г. положение страны только на первый взгляд казалось устойчиво-застойным. Оно уже было внутренне нестабильным. Весь рост 70-х, начала 80-х гг. базировался не просто на нефтяных доходах, а на нефтяной ренте, получаемой от эксплуатации уникально эффективных месторождений с низкой себестоимостью и капиталоемкостью добычи. Именно эти месторождения и благоприятная конъюнктура на рынке нефти позволили не проводить каких бы то ни было реформ, компенсировать нарастающую неэффективность хозяйства, вести масштабное военное строительство, пытаться поддерживать уровень жизни населения за счет масштабного продовольственного импорта.

Роль нефтяных доходов в Советском Союзе была существенно выше, чем их доля в ВВП. Традиционно фундаментальная проблема для социалистической экономики — неконкурентоспособность экспорта обрабатывающих отраслей. В Советском Союзе в структуре экспорта на конвертируемую валюту доля машиностроения составляла примерно 3%. Нефтяные доходы были тем мостиком, который позволял связывать советскую экономику с мировой, на время компенсировать масштабными импортными закупками нарастающее технологическое отставание от рыночных экономик, последствия глубокого кризиса сельского хозяйства. Как только эта нефтяная рента в 80-х гг. начинает сокращаться, идет взрывной рост капиталоемкости и себестоимости нефтедобычи, вся индустриальная структура производства и потребления, сформированная с середины 60-х гг., оказывается нежизнеспособной.

На структурные проблемы наложилось переплетение экономических и социально-политических процессов. В социально-политическом развитии есть своя логика. От того факта, что большинство бедных стран не являются демократиями, а подавляющее большинство богатых стран таковыми являются, не отмахнешься. Как правило, переход к демократии начинается при определенных уровне индустриальной зрелости, доле населения, живущего в городах, уровне грамотности, уровне доходов и т. д. Общество как бы дозревает до того момента, когда авторитарные формы правления оказываются для него тесными. Именно с этого момента для авторитарных режимов и наступают тяжелые времена.

Прошедший с 1978 г. огромный путь Китай и до сих пор страна, не дошедшая до уровня, на котором начинается массовый кризис авторитарных режимов. А Советский Союз в конце 80-х гг., точно так же как Чехия, Польша, Венгрия и ГДР, — страна, уже перешедшая рубеж, за которым для общества авторитарный режим перестает быть чем-то естественным.

Именно поэтому такие робкие шаги Горбачева по либерализации режима были подхвачены мощнейшей волной, которую он оказался не в состоянии контролировать. В связи с этим если бы коммунистическое руководство СССР действительно хотело проводить упорядоченные рыночные реформы, где политические, в том числе демократизационные, компоненты не играют серьезной роли,

то и по этой причине их надо было проводить на гораздо более ранней стадии развития.

Все вместе — глубокий структурный кризис, ошибки Горбачева и Рыжкова, их наложение на кризис авторитарного режима — придало развитию событий в СССР взрывной, революционный характер.

Революция — это по своей природе процесс глубоких структурных преобразований, протекающих в условиях слабости государственной власти. В связи с этим все, что происходило у нас в первой половине 90-х гг., надо оценивать по законам протекающих революций. Они всегда тяжелы для общества, поле свободного маневра власти в революционных условиях очень ограничено. В них проявляются сходные проблемы, скажем, глубокий финансовый кризис, начинающийся в предреволюционную эпоху и простирающийся на большую часть революционного периода, который удается преодолеть только после консолидации власти.

Вычленим страны, в которых выход из социализма происходит на высоком уровне индустриального развития, т. е. при доле занятости в сельском хозяйстве меньше чем 50%. Это почти 30 стран, в них сменилось более ста правительств, проводилась разная политика. В связи с этим оценку результатов разных, в том числе более радикальных и более умеренных стратегий выхода из социализма, имеет смысл проводить на базе накопленного опыта.

Результаты такого анализа показывают, что не было такой социалистической страны, которая, начиная преобразования на относительно высокой стадии индустриального развития, не столкнулась бы с серьезным падением объема производства (минимум на 18%) (табл. 4).

Конечно, есть проблема постсоциалистических измерений. Социалистическая статистика завышала объемы производства из-за того, что они были базой для оценки деятельности, а постсоциалистическая — занижает, потому что они являются базой для налогообложения. Тем не менее снижение производства было слишком глубоким и универсальным, чтобы можно было списать его со счетов как чисто статистическую иллюзию.

Самым коротким падение было в тех странах, которые прошли через так называемую шоковую терапию, т. е. в странах, которые достаточно решительно взялись за продвижение по основным

направлениям постсоциалистических реформ — либерализация, финансовая стабилизация, введение конвертируемой валюты, открытие своей экономики. Опыт показал, что это дает достаточный импульс для формирования частного сектора.

В целом в странах, проводивших «шоковую терапию», к которым можно отнести государства, сумевшие в течение одного года сбить высокую инфляцию до уровня, как правило, не превышающего 5% в месяц (Польша, Чехия, Словакия, Словения, Эстония, Латвия), экономический рост начинается раньше, чем в других (табл. 4 и 5).

Экономический рост начинается значительно позже или оказывается неустойчивым в странах, которые избрали путь более медленной политики постсоциалистического перехода.

Можно привести два характерных примера подобного рода. Первый — это Румыния, в которой градуализм был официально принятой политикой. Румынская программа экономических реформ с самого начала выработывалась, опираясь на критику польского опыта. Путь, по которому пошли в Польше, румынскому руководству начала 90-х гг. казался опасным, жестким, социально неприемлемым. Поэтому градуализм: постепенная либерализация цен,

Таблица 4. Рост реального ВВП в странах Восточной Европы, Балтии и СНГ¹, в %

Страна	1990		1991		1992		1993		1994		1995		1996	1997	Уровень реального ВВП (оценочно) (1989=100)	Ожидаемый уровень ВВП (1989=100)
	оц.	ночно	оц.	ночно	оц.	ночно	оц.	ночно	оц.	ночно	оц.	ночно	(оценочно)	даваемый		
Албания	-10,0	-27,7	-7,2	9,6	9,4	8,9	8,2	-15,0	85	73						
Болгария	-9,1	-11,7	-7,3	-2,4	1,8	2,1	-10,9	-7,0	67	63						
Хорватия	-6,9	-19,8	-11,1	-0,9	0,6	1,7	4,2	5,0	70	74						
Чешская Республика	-1,2	-11,5	-3,3	0,6	2,7	5,9	4,1	1,0	89	90						
Эстония	-8,1	-7,9	-14,2	-8,5	-1,8	4,3	4,0	7,0	71	76						
Бывшая Югославская Республика																
Македония	-9,9	-12,1	-21,1	-8,4	-4,0	-1,4	1,1	2,0	55	56						
Венгрия	-3,5	-11,9	-3,1	-0,6	2,9	1,5	1,0	3,0	86	89						
Латвия	2,9	-10,4	-34,9	-14,9	0,6	-0,8	2,8	3,4	52	54						
Литва	-5,0	-13,4	-37,7	-24,2	1,0	3,0	3,6	4,5	42	44						

¹ Данные за 1990–1995 гг. — наиболее поздние официальные оценки в публикациях национальных служб, МВФ, МБ, ОЭСР, ПланЭкон и Института международных финансов; данные за 1996 г. — предварительные, в основном официальные правительственные оценочные данные; данные за 1997 г. — прогнозируемые показатели ЕБРР.

Польша	-11,6	-7,0	2,6	3,8	5,2	7,0	6,0	5,5	104	110
Румыния	-5,6	-12,9	-8,7	1,5	3,9	7,1	4,1	-1,5	88	87
Словакия	-2,5	-14,6	-6,5	3,7	4,9	6,8	6,9	4,5	90	94
Словения	-4,7	-8,9	-5,5	2,8	5,3	4,1	3,1	4,0	95	99
Страны Вост. Европы и Балтии*										
Армения	-7,4	-17,1	-52,6	-14,8	5,4	6,9	5,8	5,8	37	39
Азербайджан	-11,7	-0,7	-22,6	-23,1	-18,1	-11,0	1,3	5,2	39	41
Беларусь	-3,0	-1,2	-9,6	-7,6	-12,6	-10,4	2,6	3,0	64	66
Грузия	-12,4	-13,8	-44,8	-25,4	-11,4	2,4	10,5	10,5	31	34
Казахстан	-0,4	-13,0	-2,9	-10,4	-17,8	-8,9	1,1	2,0	57	58
Киргизстан	3,0	-5,0	-19,0	-16,0	-20,0	1,3	5,6	6,0	57	60
Молдова	-2,4	-17,5	-29,0	-1,0	-31,2	-3,0	-8,0	-2,0	35	34
Россия	-4,0	-5,0	-14,5	-8,7	-12,6	-4,0	-5,0	1,0	57	57
Таджикистан	-1,6	-7,1	-29,0	-11,1	-21,5	-12,5	-7,0	-3,0	37	36
Туркменистан	2,0	-4,7	-5,3	-10,0	-19,0	-8,2	-3,0	-15,0	60	51
Украина	-3,4	-11,6	-13,7	-14,2	-23,0	-11,8	-10,0	-3,0	39	37
Узбекистан	1,6	-0,5	-11,1	-2,3	-4,2	-0,9	1,6	1,0	85	86
СНГ**	-3,7	-5,8	-14,3	-9,3	-13,5	-4,9	-4,6	0,8	56	56
Страны Восточной Европы, Балтии и СНГ	-4,9	-7,7	-10,3	-5,4	-6,6	-0,8	-1,1	1,7	70	72

* Оценочные данные по реальному ВВП представляют собой взвешенные усредненные показатели для Албании, Болгарии, Хорватии, Чешской Республики, Эстонии, бывшей Югославской Республики Македония, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Словении. Рассчитано на основе оценочных данных ЕБРР по ВВП в номинальном долларовом эквиваленте на 1996 г.

** Настоящие данные приведены для всех стран бывшего СССР, за исключением Эстонии, Латвии и Литвы. Оценочные данные по реальному ВВП представляют собой средневзвешенные величины. Рассчитано на основе оценочных данных ЕБРР по ВВП в номинальном долларовом эквиваленте на 1996 г. Источники: Transition Report, 1997; EBRD, 1997.

медленная дезинфляция, неконвертируемость валюты, отсутствие единого валютного курса, очень медленные структурные преобразования — был сутью реализованной модели трансформации. Результатом стали растущий дефицит текущего платежного баланса, форсированное накопление внешнего долга, хронический дефицит конвертируемой валюты, неустойчивость экономического роста, сменившегося в 1997 г. падением производства. В 1997 г. Румыния была вынуждена встать на путь ускорения преобразований — либерализовать цены, ввести конвертируемость национальной валюты. Румынское руководство вынуждено начинать делать через семь лет то, что поляки делали еще в 1990 г.

Второй пример — Украина, страна, где в самом начале неприятие «шоковой терапии» в российском или польском вариантах тоже

было символом веры. Премьер-министр Украины В. Фокин говорил, что незачем контролировать бюджетный дефицит, когда в руках

Таблица 5. Инфляция в странах Восточной Европы, Балтии и СНГ (изменение в уровне розничных/потребительских цен в % на конец года)¹

Страна	1991	1992	1993	1994	1995	1996 (оценочно)	1997 (ожидаемый уровень)
Албания	104	237	31	16	6	17	41
Болгария	339	79	64	122	33	311	592
Хорватия	250	938	1 149	— 3	4	3	4
Чешская Республика	52	13	18	10	8	9	9
Эстония	304	954	36	42	29	15	12
Бывшая Югославская Республика Македония	230	1 925	230	55	9	0	8
Венгрия	32	22	21	21	28	20	17
Латвия	262	959	35	26	23	13	8
Литва	345	1 161	189	45	36	13	10
Польша	60	44	38	29	22	19	15
Румыния	223	199	296	62	28	57	116
Словакия	58	9	25	12	7	5	7
Словения	247	93	23	18	9	9	9
Страны Вост. Европы и Балтии*	193	510	166	35	19	38	65
Армения	25	1 341	1 089	1 885	32	6	19
Азербайджан	126	1 395	1 294	1 788	85	7	7
Беларусь	93	1 558	1 994	1 900	243	40	99
Грузия	131	1 177	7 488	6 493	57	14	9
Казахстан	137	2 984	2 169	1 160	60	29	12
Кыргызстан	170	1 259	1 363	96	32	35	24
Молдова	151	2 198	837	116	24	15	11
Россия	144	2 501	837	217	132	22	14
Таджикистан	204	1 364	7 344	452	2 132	41	105
Туркменистан	155	644	9 750	1 328	1 262	446	44
Украина	161	2 730	10 155	401	182	40	15
Узбекистан	169	910	885	1 281	117	64	40
СНГ**	139	1 672	4 584	1 387	363	63	33

¹ Данные за 1990–1995 гг. — недавние официальные оценки, существующие в соответствующих публикациях национальных служб, МВФ, МБ, ОЭСР, ПланЭкон и Института международных финансов; данные за 1996 г. — предварительные, в основном официальные правительственные оценочные данные; данные за 1997 г. — прогнозируемые показатели ЕБРР. Статистика по Албании за 1997 г. основывается на информации, полученной из тех частей страны, в которых было возможно собрать данные.

* Невзвешенные усредненные показатели для Албании, Болгарии, Хорватии, Чешской Республики, Эстонии, бывшей Югославской Республики Македония, Венгрии, Литвы, Латвии, Польши, Румынии, Словакии, Словении.

** Невзвешенные усредненные показатели для всех стран бывшего СССР, за исключением Эстонии, Латвии и Литвы.

Источники: Transition Report. 1997; EBRD, 1997.

печатный станок. Либерализация цен здесь проходила медленно и непоследовательно, надолго сохранялось прямое государственное регулирование производства и реализации продукции, финансовая политика была очень мягкой, а накопленная инфляция в результате чрезвычайно высокой. И сегодня Украина — при том, что она была вынуждена в 1994 г., дойдя до грани гиперинфляции, существенно менять курс и проводить финансовую стабилизацию, постепенно сбивая инфляцию, — все равно одна из немногих постсоциалистических стран, где продолжается падение валового внутреннего продукта.

Таким образом, выбор был не в том, будет ли падение производства — оно было неизбежным, — а в том, окажется ли правительство, понимая это, способным проводить быстрые, решительные, систематические преобразования и за сравнительно короткий промежуток времени (на третий-четвертый год) сформировать базу экономического роста, обеспечить возможность этого роста либо нет, и тогда это падение растягивается, а его масштабы увеличиваются.

В последнее время вошли в моду работы, в рамках которых формируются условные показатели рыночной ориентированности экономической политики. Такие приемы есть в работах специалистов Мирового банка, Европейского банка реконструкции и развития. Эти работы кажутся достаточно уязвимыми. В подобных оценках неизбежно присутствует элемент вкусовщины. Поэтому и получаемые зависимости весьма уязвимы для критики. Гораздо надежнее анализ, построенный на базе объективных показателей: динамики денежной массы, инфляции, объема производства, доли денег в валовом внутреннем продукте, процентных ставок и т. д. Их по меньшей мере можно проверить.

Какие выводы позволяет сделать анализ разных стратегий формирования рыночной экономики?

В условиях высокой инфляции происходит эрозия доверия к национальной валюте. Это общеизвестный, хорошо изученный феномен. Страны, выходящие из гиперинфляции или из высокой инфляции, обычно выходят из них с низкой долей денег в валовом внутреннем продукте. И это понятно. Если только что произошел крах национальной валюты, то к моменту выхода из гиперинфляции большая доля сбережений населения будет храниться в дол-

ларах, в другой конвертируемой валюте, в неденежных формах при минимальной доле в национальных деньгах.

Процесс этот носит несимметричный характер: подорвать доверие к национальным деньгам легко, а восстановить его трудно. Никакие декларации в этом деле не помогают. Нужен вновь накапливаемый длительный опыт жизни в условиях низкой инфляции, стабильности национальной валюты, для того чтобы постепенно, шаг за шагом начать восстанавливать долю денег в ВВП, которая была до инфляционного периода. Любые попытки ускорить этот процесс ведут к строго противоположному результату — к новому подрыву доверия к национальным деньгам. Это как когда вы идете по узкой гористой тропинке: свалиться — просто, вскарабкаться обратно — очень трудно.

Сегодня, в начале 1998 г., месячные темпы инфляции в России, Польше и Чехии близки. Но при этом доля денег в валовом внутреннем продукте различается радикально. В Чехии, которая вообще не прошла период высокой инфляции, доля денег в ВВП, характерная для развитых рыночных экономик, — около 80%. В Польше, которая прошла период высокой инфляции в 1989 — начале 1990 г., она достаточно низка по стандартам рыночных экономик (32–35% в ВВП) и очень трудно и медленно повышается. А в России, которая прошла период долгой высокой инфляции, она аномально низкая (15%). В странах, которые имели еще более долгую и высокую инфляцию, чем в России, — в Грузии, Армении и т. д. — эта доля в 2–3 раза ниже.

Как показывают исследования ИЭППП, есть обратная зависимость между долей денег в ВВП на момент стабилизации — на момент, когда инфляция становится низкой, — и логарифмом накопленной инфляции за годы высокой инфляции. Политика быстрой дезинфляции, или так называемой шоковой терапии, позволяет выйти из периода высокой инфляции со сравнительно высокой долей денег в ВВП. Если правительству этого сделать не удастся, страна выходит из периода денежной нестабильности с очень низкой долей денег в ВВП. В последнем случае это значит, что потом взбираться по этой лестнице ремонетаризации экономики придется очень и очень долго. Если сегодня доля денег в ВВП 15%, то оптимистичное ожидание — при очень точной политике центрального банка, при том, что складывается благоприятная конъюнктура, — это выйти на 20%-й годо-

выбор был не в том, что будет больно или не будет. Было ясно, что будет

вой рост монетизации. Тогда, для того чтобы выйти на польский уровень, России потребуется пять лет, на чешский — десятилетие.

Низкая доля денег в ВВП влечет широкое распространение неденежных форм расчетов, бартера, различного вида суррогатов, долларового оборота, все это создает благоприятный фон для уклонения от уплаты налогов. В связи с этим можно посмотреть другую зависимость — между выбором стратегии быстрой или медленной дезинфляции и долей доходов бюджета в ВВП на момент стабилизации. Выясняется, что страны, проводящие политику «шоковой терапии», которые не подорвали радикально доверие к собственным деньгам, достаточно быстро поднимают свои доходы в бюджете на удовлетворительный уровень.

Сегодня и в Чехии, и в Словакии, и в Словении, и в Венгрии, и в Польше доля государственных доходов в ВВП — в диапазоне между 45 и 50%, примерно на уровне, характерном для развитых стран Европейского союза, существенно выше, чем во многих других рыночных экономиках с аналогичным уровнем ВВП.

В странах постепенного, или градуалистского, пути трансформации период высокой инфляции и финансовой нестабильности продолжается дольше. Доля денег в ВВП низкая, высока доля неденежных расчетов. В подавляющем большинстве этих стран происходит резкое падение не только доли денег в ВВП, но и доли доходов бюджета в ВВП. Анализ статистики показывает, что есть видимая обратная корреляционная зависимость между долей доходов бюджета в ВВП на момент стабилизации и логарифмом накопленной инфляции за период преобразований¹.

Если мы измерим жесткость социальной адаптации как соотношение социальных расходов в период T (крах социализма) и период $T+1$ (постсоциалистическая стабилизация), то в момент, когда начинается рост производства, в странах, проводящих «шоковую терапию», социальная адаптация оказывается менее жесткой — социальные расходы не сокращаются и даже растут по многим направлениям. А в странах мягких, градуалистских реформ в силу большего падения объема производства и доли расходов бюджета в ВВП сокращение социальных расходов оказывается существен-

¹ Подробнее см.: Гайдар Е. Т. Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997; Собр. соч. в 15 т. Т. 2. М.: Изд. дом «Дело», 2012. — Прим. ред.

но более высоким, чем в странах, проводящих «шоковую терапию». Таким образом, путь градуалистских реформ оказывается гораздо более болезненным, вынужденно подвигает правительства выбравших его стран в направлении теперь уже более жестких либеральных реформ, чем при «шоковой терапии».

Это фон, на котором можно оценивать российскую политику после краха социализма.

При всех внешних разногласиях в Польше, Эстонии или Чехии единство в том, что эти страны хотят как можно скорее войти в Европу, интегрироваться в европейские структуры, быстро остановить инфляцию, открыть свою экономику, добиться конвертируемости своих валют, не было предметом обсуждения. Там могли быть разные приемы риторики, предвыборные программы. Но как только выборы проходили, все соглашались — вот база для проведения экономической политики и никто за ее рамки выходить не собирается.

В России такого согласия не было. Здесь вопросы — куда мы хотим идти, хотим ли мы быстро останавливать инфляцию, иметь конвертируемую валюту — были предметом не только обсуждений, но и острейшей борьбы, в которую включались различные институты власти. В связи с этим российская политика была политикой меняющейся, неустойчивой, непоследовательной.

Л. Бальцеревич в свое время ввел понятие постсоциалистического периода чрезвычайной политики. Это время, когда очень многое из того, что ни до, ни после невозможно, становится возможным. И ключевой вопрос в том, как использовать это время.

После социализма всем приходится решать задачи либерализации, финансовой стабилизации и структурных реформ. В период чрезвычайной политики в Польше, как во многих других постсоциалистических странах, оказалось возможным радикально продвинуться к либерализации и финансовой стабилизации. Развертывание структурных реформ происходит гораздо медленнее, их приходится проводить уже за пределами периода «чрезвычайной политики», когда свобода маневра существенно сужена.

К моменту краха социализма в СССР не просто рухнула система — рухнула страна. У постсоветских государств к этому времени не было таких необходимых инструментов макроэкономического управления, как центральный банк, контроль за денежной массой, эффективно работающие таможенные службы и т. д. Это значило,

что в период чрезвычайной политики надо было решать еще одну важнейшую базовую задачу — формировать минимально необходимый набор институтов государственности.

Российские власти в начале периода постсоциалистического перехода оказались способны, так же как и польские, решить две фундаментальные задачи в рамках окна политических возможностей: формирование набора институтов государственности — центрального банка, таможни и т. д. и либерализация — включая открытие экономики, обеспечение конвертируемости валюты. Задачи финансовой стабилизации на первом рывке — рывке чрезвычайной политики — оказались неразрешимыми. Отсюда цикл попыток дезинфляции и повторной дестабилизации. Возможности проведения устойчиво осмысленной экономической политики в России появились с осени 1993 г., когда был преодолен кризис двоевластия, была принята новая Конституция, четко распределяющая сферы компетенции органов власти, когда Россия в полной мере разобралась с наследием рублевой зоны, получила контроль за собственным денежным обращением.

К этому времени страна вновь оказалась в точке выбора. Две базовые задачи — либерализация и создание институтов государственности — были решены. Надо было решить две другие проблемы — структурные реформы и стабилизация.

К сожалению, реальная экономическая политика оказалась крайне непоследовательной. В конце 1993 г. российская экономика наработала довольно серьезный стабилизационный потенциал, который позволил резко сбить инфляцию в 1994 г. Но с весны началась новая накачка экономики деньгами под аккомпанемент градуалистской риторики со ссылками на изъяны «шоковой терапии». И в результате, вместо того чтобы подойти к стабилизации, страна подошла к «черному вторнику», последующему резкому скачку инфляции и падению доходов населения.

В целом в России процесс перехода оказался растянутым с несколькими циклами снижения и повышения инфляции. К моменту денежной стабилизации страна подошла с большим накопленным объемом падения производства, с низкими доходами бюджета в ВВП и низким коэффициентом монетизации.

Медленный переход привел Россию в точку стабилизации объема производства в условиях интенсивного бюджетного кризиса —

большого объема накопленных обязательств, существенно упавших доходов бюджета, невозможности их быстрого восстановления; страна была поставлена перед необходимостью адаптации бюджетных обязательств к реальным доходам бюджета.

Разрыв между бюджетными обязательствами и реальным финансированием автоматически стимулирует рост неплатежей. 1995 год, когда в России был принят жесткий, реальный бюджет, — единственный год за последнее время, когда произошло резкое снижение неплатежей в реальном исчислении. Нереалистичные бюджеты 1996–1997 гг. проложили дорогу новому циклу роста неплатежей. Механизм взаимосвязи здесь очевиден: массовое невыполнение бюджетами разного уровня и бюджетными организациями своих обязательств по оплате за электроэнергию, тепло, водоснабжение, оборонный заказ становится генератором волны неплатежей, распространяющейся по всей экономике.

Таким образом, неготовность принимать политические решения, позволяющие ограничить бюджетную нагрузку и выйти из бюджетного кризиса, ведет к росту неплатежей, стимулирует уход экономики в тень и дальнейшее падение налогооблагаемой базы. Неспособность преодолеть разрыв между обязательствами и реальным финансированием и дальше подрывает доходную базу бюджета. Парламент принимает бюджет, в котором доходы завышены, он не исполняется, реальные доходы сокращаются, а парламентские лидеры удивляются: как же так, почему они все сокращаются и сокращаются?

Даже в условиях начинающегося промышленного роста продолжается эрозия налоговой базы, растет разрыв между обещаниями и реальным финансированием, появляются тяжелейшие социальные проблемы — задержки выплаты зарплат бюджетникам, пенсий, и т. д. Можно и дальше делать вид, что ничего не происходит, и проводить эту линию. Но она будет вести к нарастающим проблемам, и раньше или позже от нее придется отказываться.

Дальше есть лишь два варианта действий. Первый — вернуться к эмиссионному финансированию бюджета, покрыть разрыв между расходами и доходами за счет денежной эмиссии. Это позволит на короткое время снять остроту проблемы невыполнимых бюджетных обязательств. Известно и то, к чему это приведет в дальнейшем: к долларизации экономики, к новому подрыву доверия

к национальной валюте, падению доли денег в ВВП, к новому падению бюджетных поступлений. Вскоре страна окажется в точке, где доля денег в ВВП и доля доходов бюджета в ВВП радикально ниже, чем сегодня. Тогда придется приспособлять свои обязательства не к нынешним поступлениям, а к другим — существенно более низким и соответственно идти еще более жестким путем.

Второе, что можно сделать, — это пойти по пути ограничения государственных обязательств, их рационализации, т. е. отказаться от всего невыполнимого и малоэффективного, сконцентрироваться на социальной поддержке действительно нуждающихся, по пути налоговой реформы, расширяющей налоговую базу при снижении налоговых ставок, бюджетного реализма и т. д. На самом деле выяснится, что этот путь единственный. Можно долго колебаться и метаться, и чем больше мы будем это делать, тем более жесткие меры потом придется принимать.

В связи с этим несколько слов о перипетиях российской экономической политики последнего времени.

После победы Б. Ельцина на выборах 1996 г. первое сформированное правительство оказалось достаточно беспомощным. Оно не имело четкого видения ситуации, не было готово проводить решительные либеральные реформы, а в результате смирилось с принятием абсолютно нереалистичного бюджета 1997 г. и с недоумением смотрело, как растет задолженность по выплате зарплат и пенсий, как растет социальное напряжение, как растет число участвующих в забастовках, как падают реальные объемы денежных поступлений. В результате к февралю—марту 1997 г. социально-политическая обстановка стала взрывной, кризисной.

Новое правительство, сформированное в 1997 г., взяло за базу президентское Послание 1997 г., суть которого — продолжение либеральных реформ по выходу из бюджетного кризиса, налоговая реформа, реформа социальной поддержки населения, ускорение жилищно-коммунальной реформы, военная реформа и т. д. и т. д. — все необходимое для того, чтобы бюджет стал реальным, чтобы он соответствовал возможностям государства, чтобы прекратилась дальнейшая эрозия доходной базы бюджета, чтобы делили только реальные финансовые ресурсы и соответственно появилась бы возможность постепенного укрепления платежной дисциплины, медленного наращивания монетизации ВВП и т. д.

Эта программа начала реализовываться, давать результаты. Правительству удалось стабилизировать налоговые поступления в бюджет, сдвинуть с места продвижение по ряду важнейших реформ, повысить уровень прозрачности собственного бюджета, перейти на казначейскую систему исполнения в значительной его части. Улучшение ситуации с зарплатами, с пенсиями — результат выбора этой политики. Беда здесь в том, что любые пробуксовки, остановки на этом пути немедленно вызывают ухудшение финансового положения, за них приходится дорого платить.

В России низкая доля денег в ВВП. Это накладывает серьезные ограничения на возможность внутреннего финансирования дефицита бюджета. Между тем денежную стабилизацию в России начали не с ликвидации бюджетного дефицита целиком — правительство в 1995 г. пыталось пойти более мягким путем. В результате хотя пока внутренний и внешний долг по отношению к ВВП в России достаточно скромный, существенно ниже маастрихтских критериев¹, но угроза его быстрого нарастания при неспособности правительства взять расходы под контроль, добиться снижения процентной ставки — это самая серьезная угроза, которая сейчас, как мина замедленного действия, заложена под экономическую политику в России.

Проводя либеральные реформы достаточно жестко, последовательно, эту мину можно обойти. Это предполагает быстрое и решительное ограничение заимствований, восстановление на этой базе доверия внутренних и внешних инвесторов к способности правительства в долгосрочной перспективе обслуживать долг, снижение процентной ставки, реальных расходов на обслуживание долга, реальных темпов прироста этого долга, потом его стабилизация и сокращение. Это то, что правительство пытается сейчас сделать. Но любые колебания в проведении этого курса немедленно вызывают недоверие инвесторов, ведут к росту процентной ставки, а та, в свою очередь, к росту затрат на обслуживание долга.

Если бы мы хотели сегодня иметь более широкий маневр в области социально-экономической политики, возможность проводить

ее более мягко, для этого надо было в 1993–1995 гг. жестко и последовательно идти по тому пути, который получил от журналистов название «шоковая терапия». За попытки проведения «мягких», «щадящих» реформ после социализма, к сожалению, приходится дорого расплачиваться.

Детские болезни постсоциализма

Дяденьку мы слушались,
Хорошо накушались.
Если бы не слушались,
Мы бы не накушались.

Л. Лагин

Польским реформаторам из правительства Мазовецкого—Бальцеровича было трудно именно потому, что они были первыми. Опыта выхода из развитого индустриального социализма, формирования на его базе полноценной рыночной экономики не было ни у кого. Масштаб порожденных переходными процессами экономических и социальных проблем, проверка адекватности теоретического аппарата, выработанного для устойчивых рыночных экономик, в условиях постсоциалистического наследия — с этим на практике предстояло столкнуться впервые. И все же я всегда завидовал нашим коллегам из польского правительства реформ. Тащить из социалистического болота Польшу или Россию, согласитесь, большая разница.

В Польше социализм никогда не был единой, всепроникающей системой. Сохранялись элементы гражданского общества, частное сельское хозяйство, влиятельная католическая церковь. Сам социализм не вырос из внутренних противоречий общества, кровавой революции и гражданской войны, как в России, а был принесен на советских штыках, оккупационным режимом и никогда не имел

Опубликовано в: Иностранная литература. 1998. № 10.

Статья представляет собой комментарий или послесловие к главам из книги Яцека Куроня и Яцека Жаковского «Семилетка, или Кто украл Польшу», опубликованным в № 10 журнала «Иностранная литература» за 1998 г.

¹ По Маастрихтскому договору о Европейском союзе (заключен в 1992 г.) одним из таких критериев является следующий: государственный долг не должен превышать 60% ВВП. — *Прим. ред.*

подлинной легитимности в обществе. Да и протяженность социалистического периода была почти вдвое короче. Реформы 70–80-х гг., непоследовательные и неудачные, все же создали зачатки рыночных механизмов. Унаследованная от довоенной Польши правовая структура создавала базу защиты частной собственности, ее надо было лишь полноценно задействовать.

Польша — мононациональная страна. Она не знала проблем, подобных доставшимся нам в наследство от СССР, — ни пятнадцати банков, печатающих общую валюту, ни специфических противоречий несимметричной Федерации, ни сложных перипетий переговоров с Татарстаном и Якутией, не говоря уже о чеченской войне.

Политические предпосылки к началу рыночных преобразований также складывались максимально благоприятно. Последнее коммунистическое правительство М. Раковского сделало польским реформаторам поистине царский подарок, разморозив летом 1989 г. цены и приняв политическую ответственность за этот непопулярный шаг. Последнее коммунистическое правительство СССР во главе с В. Павловым нам таких подарков не заготовило. Лидирующая роль Польши в реформах привлекла внимание всего мира, обеспечила ей беспрецедентную поддержку. Списание половины накопленных коммунистическим режимом долгов и предоставление с самого начала реформ кредита на формирование фонда стабилизации злоторезко повысили доверие к прокламированной правительством Мазовецкого—Бальцеровича программе, способствовали снижению инфляционных ожиданий.

Порядочнейший умница Лешек Бальцерович имел 800 дней работы в правительстве и твердую поддержку в парламенте, чтобы пройти самый тяжелый период реформ. У нас времени было меньше, а о полноценной поддержке в парламенте нельзя было и мечтать.

Польские коллеги сумели удачно распорядиться своими преимуществами. Два года энергичных и последовательных реформ позволили сформировать основы устойчивой рыночной экономики и создать предпосылки восстановления экономического роста. Неизбежный при выходе из высокоиндустриального социализма период падения производства оказался здесь самым коротким в Восточной Европе. С самого начала реформ в польской экономике идут позитивные структурные сдвиги, а с 1992 г. вновь начинает расти

валовой внутренней продукт. Сегодня Польша по уровню ВВП и реальным доходам на душу населения оставила далеко позади социалистические рекорды и продолжает демонстрировать устойчиво высокие темпы роста (1997 г.: рост ВВП — 7%, рост промышленного производства — 8%). Показатели дифференциации доходов населения и доли социальных расходов в валовом внутреннем продукте сближают Польшу с развитыми европейскими рыночными экономикой. Продолжительность жизни растет, детская смертность устойчиво снижается.

За исторически кратчайшие сроки полякам удалось добиться многого из того, о чем мы, начиная реформы, могли только мечтать. И все же нынешнее состояние польского общественного сознания отражает характерная цитата из книги Яцека Куроня и Яцека Жаковского: «В ушах, не переставая, звучат слова, что “при коммуне было лучше”, что “поляки никогда еще так не страдали”, что “происходит биологическое истребление народа”, что “в Польше устроили новый холокост”, что мы “морим голодом пенсионеров, врачей, деревенских детей”». Все это поразительно похоже на современную Россию.

Когда все это применительно к России я слышал у нас, когда читал о том, что «дальше так продолжаться не может», что «демократов надо перевешать», что «они ограбили народ», «разорили», когда очаровательная телеведущая, получающая зарплату в несколько тысяч долларов в месяц, со слезой в голосе говорила «о нашем ужасном времени», я думал, что виной тому реальные неудачи в экономической политике, вечные колебания правительства Черномырдина, многолетняя пробуксовка реформ, оборачивающаяся длительным периодом падения производства, невыплатами заработной плат и пенсий, неуместное роскошество власти на фоне непростых социальных проблем. Но когда я читаю подобное про Польшу, где экономика быстро развивается, зарплаты и пенсии платят вовремя, причем приличные и растущие, а власть ведет себя по нашим меркам вполне скромно, вынужден признать: экономического объяснения для такого состояния общественного сознания явно недостаточно.

Одна из генетических черт современной западной цивилизации — рациональное отношение к государству. Английский налогоплательщик XVII в. знал, что государство ничего не делает

даром. Он был убежден в том, что король должен жить за свой счет, а если требуются чрезвычайные расходы, то на это есть парламент — собрание представителей налогоплательщиков, который и решит, стоит ли такие расходы предусматривать, и если да, то из каких налогов их надо оплатить. Знал он и то, что баловать короля деньгами не следует, а то еще затеется с никому не нужными завоевательными походами. Его отношение к государству — это отношение взрослого человека к очень уважаемому, хорошо оплачиваемому наемнику-телохранителю; в нем почти нет патерналистских элементов.

Американским колонистам XVIII в. еще до революции и Войны за независимость казалось совершенно естественным поставить представителей королевской администрации под жесточайший, иногда просто унижительный для короны финансовый контроль, с тем чтобы собранные с них налоги не расходовались без согласия избранных налогоплательщиками органов. Представление о государстве как о строгом, но справедливом отце, который может по своему усмотрению карать и миловать, отнимать и давать, здесь плохо накладывается на историческую традицию. По своей природе западная цивилизация — общество самостоятельных, ответственных за себя и свои семьи граждан-налогоплательщиков.

Напротив, социализм — как общество, выросшее из последовательного отрицания западных институтов и ценностей, — несет в себе семейное, патерналистское отношение к государству. Представление о государстве как об институте, созданном налогоплательщиками для решения общих проблем, глубоко чуждо социалистическому общественному сознанию. Социалистическое государство — это одновременно и суровый отец, и добрая мать, хорошо знающие, что делать многочисленным детям и как им себя вести, награждающие послушных и готовые строго наказать шалунов. Вспомним стилистику отношений власти и общества в характерных идеологических штампах социалистической эпохи: «Материнская забота родной коммунистической партии о тружениках села», «Нас вырастил Сталин», «Партия Ленина — сила народная — нас к торжеству коммунизма ведет» — все они проникнуты отношением добрых родителей к хорошим, но еще неразумным детям. Общество прекрасно знает: давать или не давать игрушки или сладости, карать или миловать — это право родителей.

Вообще слово «давать» применительно к отношению власти и общества — стержневое для социализма. Обратите внимание, как недовольные рынком поляки обосновывают преимущества социализма: «При коммуне было хорошо. Моей сестре дали квартиру, а мне — путевки на курорт в Болгарию». При социализме люди не зарабатывают и не покупают, это власть дает. Дает сапоги в соседнем магазине, праздничные заказы с колбасой, талоны на покупку спального гарнитура, путевку в дом отдыха. Менее возвышенное, чем в официальной пропаганде, но зато искреннее отношение общества к коммунистической власти хорошо передает частушка советского периода: «Обижается народ, мало партия дает. Наша партия не б..., чтобы каждому давать!» Идея о том, что власть сама по себе ничего не создает и не имеет, что это инструмент перераспределения ресурсов, что, прежде чем кому-нибудь что-то дать, она сама должна отобрать, кажется совершенно оторванной от жизни.

Все это, разумеется, не случайно. Социализм — это общество, в котором власть сознательно культивирует социальный инфантилизм в своих подданных, приучая их к детскому восприятию мира. Модель отношений мудрых и добрых родителей (власть) и неразумных, но послушных и благодарных детей (народ) неплохо работает в условиях устойчивого социализма. Но в ней таятся и встроенные факторы риска. Чуть повзрослев, дети могут решить, что им недодают игрушек и карманных денег, начать дерзить взрослым, а то и просто своевольничать, тем более если у них, как у поляков, есть разбросанные по всему миру родственники, и поэтому они точно знают: там, в капиталистической загранице, в чужих домах, и игрушки лучше, и сладостей дают больше.

Разумеется, в польском освободительном движении 70–80-х было много достойнейших, зрелых людей, готовых отдать свою жизнь за свободу и свержение ненавистного репрессивного режима. Но многое было в этом движении и от ребенка, взбунтовавшегося против родителей. «Давайте повышение зарплаты, социальных выплат, не трогайте розничные цены, а откуда вы возьмете деньги на все это — ваше дело, вы же власть». Власть на опыте убеждается, что обсуждать с вышедшим из послушания дитятей нереализуемость его требований бессмысленно. Это не его заботы, он точно знает: у родителей есть, просто надо заставить их раскошелиться.

На этапе заката социализма отношения власти и общества остаются патерналистскими, но их характер меняется. Теперь власть — это не строгий, но справедливый отец, а отчим, жадный, но слабый и трусливый. На него надо прикрикнуть хорошенько, припугнуть, прижать к стенке, и он все даст — куда денется. Отсюда и в СССР, и в Польше конца 80-х — экономика популизма, слабеющая власть, выдающая под напором общества все новые и новые нереализуемые обещания и принимающая необоснованные расходные программы, развал государственных финансов, исчезающие с прилавков товары. Чем больше популистских решений, тем хуже дела в экономике. Чем хуже дела в экономике, тем мощнее напор на власть. Запоздалые попытки привлечь ребенка к обсуждению дел в семейном бюджете, объяснить, что там давно гуляет ветер, бессмысленны и беспредметны. К тому же для детского эгоцентрического мышления характерно нарушение законов сохранения. Ребенок часто действительно не способен понять — как это «нет», когда очень хочется.

Общественное сознание периода заката социализма по-прежнему детское, насквозь мифологическое, но теперь в нем доминируют иные мифы. «Социализм плох, неэффективен, а капиталистические страны богатые. Там люди хорошо живут, а безработные получают больше нашего профессора. Нам больше не нужен социализм, у нас будет рыночная экономика, а значит — всего будет вдоволь, как за границей». Понимание того, что крах социализма отнюдь не означает немедленного появления эффективной рыночной экономики, что за социалистический эксперимент придется долго и дорого платить, что сам по себе постсоциалистический рынок отнюдь не веселый детский праздник с подарками, а система, в рамках которой резко возрастает ответственность каждого за себя, свою семью, ее благосостояние, что придется приспособливаться к новым социальным реалиям, — далеко за гранью массового обсуждения. В моде розовые сказки о том, как за 500 дней, даром построить эффективную рыночную экономику и зажить богато и счастливо.

Яцек Куронь обращает внимание на известный феномен революционного сознания: «Чаяния участников революции никогда не сбываются сразу после ее свершения... Ведь ни одна их мечта не сбылась, если не считать свержения прежнего режима. Власть они передали в другие руки (должен же кто-то управлять государством), но у них по-прежнему нет хрустальных замков, они живут едва ли не в лачу-

гах, по-прежнему каждый день вскакивают чуть свет, чтобы успеть к шести на работу, и по-прежнему каждый месяц не хватает денег дотянуть до зарплаты. А терпение иссякает. Проходят более или менее долгие медовые месяцы революции, появляется чувство разочарования, неудовлетворенности. Со временем разочарование усиливается, неудовлетворенность усугубляется и возникает послереволюционная агрессивность». Но он сам же и отвергает связь состояния польского общественного сознания с послереволюционной агрессией, аргументируя это пассивным участием большей части польского общества в революции: «Потому и нелегко понять, откуда эта всеобщая неудовлетворенность. А уж ненависть, агрессия, крик, вне всяких сомнений, непропорциональны степени участия кричащих в свержении предыдущего режима».

Здесь я не могу с ним согласиться. На мой взгляд, послереволюционное разочарование вообще не имеет никакого отношения к вовлеченности в свержение предшествующего режима. Не думаю, чтобы Сергей Ковалев или Валерия Новодворская ждали, что на месте рухнувшего социализма разом появятся райские кущи. А вот миллионы социалистических бездельников, обсуждая на работе в конце 80-х между чаем и походом в магазин происходящее в стране, были твердо убеждены, что рынок — это когда они по-прежнему будут на работе пить чай и болтать, но только платить им будут, как в Америке. Именно они, а отнюдь не идейные борцы против социалистического режима сегодня громче всех кричат об обманутых надеждах и преданной революции.

Если перечитать сегодня публицистику конца 80-х и вычленив в ней самые розовые, приторно сладкие материалы, обещавшие легкую и счастливую дорогу из социализма к рынку, вы без труда узнаете в их авторах строгих критиков пройденного в последние годы пути. Это и понятно: труднее всего простить другим собственные заблуждения и иллюзии.

И в Польше, и в России к моменту краха коммунистического режима экономическая ситуация была вполне катастрофична: полностью разрушенные финансы, парализованное снабжение, быстро растущие цены на фоне всеобщего дефицита. Старая, социалистическая система уже отказала, рыночная еще не заработала. И там, и там необходимо было срочно принимать решительные меры по формированию механизмов рыночного хозяйства, финансовой

и денежной стабилизации, «открытию» экономики. И каждому мало-мальски сведущему в экономике человеку было ясно, что результаты этих необходимых действий, даже при наиболее благоприятном развитии событий, будут бесконечно далеки от розовой картинки всеобщего рыночного счастья. Разумеется, не случайно Кучинский, которому Лех Валенса поручил найти польского Эрхарда, раз за разом получал от возможных кандидатов отрицательные ответы. Судьба Лешека Бальцеровича, оказавшегося одним из самых эффективных реформаторов, заложившего основы сегодняшнего бурного роста польской экономики и вынужденного до сих пор регулярно выслушивать по своему адресу: «Вор!», «Убийца», «Грабитель», позволяет хорошо понять почему.

Линия водораздела после социализма проходит между теми, кто нашел себе место в новом рыночном мире, и теми, кто не нашел. Подавляющее большинство из тех, кто преуспел, твердо уверены, что этим они обязаны себе, своему уму, разворотливости, умению работать и использовать обстоятельства. Те же, кто не сумел приспособиться, твердо убеждены, что это, разумеется, не потому, что они безрукие, бестолковые и ленивые, просто антинародный курс правительства не оставил им никаких шансов. Поэтому как те, так и другие отнюдь не спешат начинать сбор средств на заслуженный памятник Бальцеровичу.

Фундаментальная проблема постсоциалистической политики — безмерно завышенные детские ожидания поздней социалистической эпохи. Разрыв между ними и реально достижимыми на протяжении пяти—семи лет результатами остается огромным даже при впечатляющих успехах экономического развития. Папа привел вас на соревнования по легкой атлетике, и вы твердо уверены, что спортсмены добrosят копьe до Луны. Даже если после этого здесь установят мировой рекорд, вы почувствуете себя разочарованным и обманутым. Примерно то же после социализма происходит с экономическими ожиданиями. Говорят, что экономический рост есть, а счастья нет. Денег до полочки не хватает, в Америке родственники живут куда лучше, а тут еще мерзавец сосед купил себе новую машину. Ну разве можно это вынести? Социалистический ребенок, с кулаками наступая на власть, надеялся, что его возьмут в богатый дом, где вкусно кормят новые ласковые папа с мамой. А его выгнали за дверь, сказали, что он теперь взрослый, должен

сам зарабатывать и распоряжаться своей судьбой. Что же удивляться, услышав от него: «Поляки никогда так не страдали», «При коммуне было лучше», «Прекратите геноцид нашего народа».

Сами по себе крики не так страшны. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Гораздо опаснее другое — когда этот крик начинает оказывать серьезное влияние на реально проводимую экономическую политику. Путь от развалившегося социализма к устойчивому экономическому росту — трудное плавание, где надо идти круто к ветру. Чуть ослабишь руки на штурвале — снесет далеко назад, потом будешь годами наверстывать упущенное. На таком маршруте страшнее всего паника у капитана и дрожащие руки у рулевого. Но попробуйте сохранить спокойствие и твердость, когда вокруг шквал истерики обманутых детских ожиданий.

Яцек Куронь обращает к себе и своим коллегам по правительству упреки в том, что они мало объясняли логику собственных экономических действий. Я тоже неоднократно говорил и писал, что слабость разъяснительной работы была, возможно, самой серьезной ошибкой первого правительства реформ в России. Думаю, однако, что Куронь излишне самокритичен. Он сам талантливый пропагандист с огромным стажем, умеющий работать с общественным мнением. И он, и Адам Михник пытались немало сделать для объяснения сути происходящего. Мне кажется, проблема здесь не в недостатке усилий объясняющих, а в нежелании слушать объяснения. Постсоциалистическому ребенку плохо, он чувствует себя обиженным, капризничает, а вы к нему со своими занудными объяснениями и поучениями.

Люди с инфантильным сознанием составляют большую часть избирателей в молодых постсоциалистических государствах. Их политическое поведение иногда до боли напоминает семейные игры в демократию, где дети регулярно голосуют за новую порцию мороженого. Большинство участников политического процесса твердо уверены, что государство может и обязано давать, а если не дает, то исключительно по злобе и жадности. Обороты типа «Почему государство не заботится о...», «Государство обязано найти средства на...», «Государство пытается решить эти проблемы за счет народа» доминируют в политических дискуссиях. Используя эти обороты политикам и журналистам совершенно неинтересно, что государство если и может о чем-то позаботиться, то исключительно за счет народа, у него просто нет никакого другого счета.

Плаксивый тон большинства средств массовой информации, считающийся почти столь же обязательным, как бодрые рапорты периода развитого социализма, и дежурные формулировки типа «сейчас, в это ужасное время» или «в условиях углубляющегося кризиса» отнюдь не результат сознательной манипуляции общественным сознанием. Постсоциалистический ребенок хочет, чтобы его пожалели, поплакали с ним вместе над разбитыми иллюзиями и трудностями адаптации к взрослой жизни, — пресса лишь выполняет социальный заказ. Общественное сознание предъявляет спрос на политические силы, готовые быть ретранслятором обид и разочарований, способные покарать обидчиков («Обманщики», «Воры», «Геноцид»), пообещать конфетку («Мы не дадим переносить эти проблемы на плечи народа») и, главное, пожалеть, вместе погоревать над «несчастной, украденной Польшей». Тому, кто умеет это делать громче и артистичнее других, обеспечены голосование инфантильного электората, а значит, и победа на выборах.

Однако попытки на практике осуществить радикальный поворот в экономической политике и начать массовую раздачу подарков быстро приводят к стандартным и тяжелым последствиям. Поэтому в большинстве случаев новое правительство, приходящее на волне яростной критики проводимого курса и обещаний щедрых раздач, первым делом присягает на верность курсу реформ и отказывается от своих обещаний. В Польше это происходило неоднократно, и самый яркий пример тому, конечно, Лех Валенса, выигравший президентские выборы на волне критики «грабительской» политики Бальцеровича и первым делом пригласивший его продолжить работу в качестве вице-премьера и министра финансов. Череда выборов, в ходе которых политики приходят к власти под антиреформаторскими лозунгами, а затем немедленно отрекаются от них, конечно, может породить в обществе глубокое разочарование и политический цинизм. Но не хотело ли само общество быть обманутым? «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад». Неоднократно в ходе российских избирательных кампаний 1993 и 1995 гг. я слышал обращенные ко мне упреки симпатизировавших «Выбору России» избирателей: «Ну что же вы нам почти ничего хорошего не обещаете, ну хоть сотрите немножко, а то ведь вас не выберут!»

Ответ на вопрос о том, до какой степени постсоциалистическое общество хочет обманываться, на мой взгляд, дали президентские выборы 1996 г. в России. Очень здорово клеймить власть, рассуждать об общих страданиях, о том, что «при социализме было лучше». Но когда речь всерьез пошла уже не о том, чтобы высказать свое недовольство властью, а о новом коммунистическом эксперименте, то — несмотря на неизмеримо более трудный путь к рынку, в высшей степени скромные успехи в экономике и вполне серьезные основания для претензий к проводимой политике — российское общество проявило завидную адекватность и твердо ответило «нет».

Именно то, что в Польше экономические реформы были успешными, позволяет ясно увидеть принципиальные проблемы эволюции постсоциалистического общественного сознания, очищенные от наслоений, порожденных российскими хозяйственными проблемами, многолетней бестолковщиной и неразберихой, частыми сменами курса в экономической политике. Прочитав главы из книги «Семилетка, или Кто украл Польшу», я куда яснее понял, что даже если бы у нашего правительства было больше времени и поддержки, если бы удалось достигнуть того, к чему мы стремились, и позади сегодня были бы уже три с лишним года динамичного экономического роста, а проблемы задержек с выплатами зарплат и пенсий давно отошли бы в историю, то все равно в адрес реформаторов мы слышали бы поток оскорблений.

Конечно, есть стандартный рецепт от детского постсоциалистического синдрома: реализовать на практике все то, чего ребенок так хочет, предоставить возможность потакающим ему политикам начать массовую раздачу сладостей и игрушек. Итоги такого эксперимента можно видеть на примере политики болгарских социалистов в 1996 г. Терапевтические результаты будут быстрыми и сильными. Последствия детям категорически не понравятся, они срочно начнут звать на помощь дядюшку из МВФ, есть шанс, что даже повзрослеют. Но уж больно жестоко такое лечение.

Если же не применять столь радикальных средств, есть только одно лекарство — время. Уходят в прошлое социалистические реалии с их культивировавшимся инфантилизмом, и — хочешь не хочешь — нужно учиться взрослой жизни, ответственности. Приходит молодое, вовсе не обремененное социалистическим наследием поколение, среди представителей которого куда боль-

ше тех, кто понимает, что надо не ждать подачек от государства, а зарабатывать и отстаивать свое место в жизни. Сегодня самый большой процент социально взрослых, самостоятельных людей именно среди молодежи. Общество еще по инерции считает, что государство что-то обязано «дать», но все больше начинает понимать, что «не даст». А отсюда всего один шаг к взрослому пониманию, что само по себе оно дать ничего не может и не обязано и что вообще оно не злой или добрый папа, а просто наемный работник, которого мы сами пригласили, чтобы он помог нам решить определенные проблемы.

Беда в том, что путь к рациональным взаимоотношениям общества и государства, который старые демократии проходили столетиями, нам надо пройти за годы. А пока можно включить телевизор и послушать: «Антинародный курс», «Грабительская приватизация», «Государство пытается переложить эти проблемы на плечи народа». Что ж, ребенку еще надо повзрослеть, пока его утешают, рассказывают сказки.

Проталкивание реформ

(ЦИКЛ СТАТЕЙ)

Почему в России в отличие, скажем, от Польши экономические реформы постоянно пробуксовывают? В чем состояли ошибки правительства Черномырдина? Была ли альтернатива у команды Кириенко? Почему так опасно «второе пришествие» коммунистов в России и что сейчас могут сделать демократы? На эти и другие вопросы отвечает директор Института экономических проблем переходного периода Егор Тимурович Гайдар.

От редколлегии

Проблемы «особенной стати» России

Стратегическое отличие большинства государств, входивших ранее в состав советской империи, от других постсоциалистических госу-

Опубликовано в: Русская мысль (Париж). 1998. № 4241. 15–21 октября; № 4242. 22–28 октября; № 4243. 29 октября. — 4 ноября; № 4244. 5–11 ноября.

дарств, оказавшихся способными провести энергичные рыночные реформы, в том, что там удалось создать достаточно широкое согласие в элитах в отношении стратегии развития и основополагающих целей этих стран, наложить табу на особенно опасные экономико-политические эксперименты.

Возьмем Польшу как пример страны, в которой реформы оказались успешными. В Польше все последние годы шла ожесточенная политическая борьба, проходили выборы, менялись правительства. Тем не менее на протяжении всего этого времени польская элита была твердо убеждена, что Польша должна стать европейской страной, войти в состав Европейского союза.

Чтобы это было возможно, у нее должны быть устойчивая конвертируемая национальная валюта, стабильные финансы, открытая экономика, надежные гарантии частной собственности. При всех колебаниях в экономической политике варианты развития событий, которые были бы прямо направлены на подрыв этих ключевых элементов польской трансформации, никогда не стояли всерьез на политической повестке дня. Кто бы что ни говорил в ходе избирательной кампании, придя в парламент или правительство, никто не мог, да и не хотел подрывать стабильность национальной валюты, гарантии частной собственности и т. д. Да, это привносило в польскую политику своеобразные элементы, когда партии шли на выборы под одними лозунгами, а потом правительства, которые они формировали, проводили иную политику. Но тем не менее за сравнительно короткое время в Польше удалось сформировать базовые элементы работающей рыночной экономики и обеспечить экономический рост.

Для всех постсоциалистических стран, в том числе Польши, Чехии, Венгрии, Эстонии, Латвии, в социально-политическом отношении переход от социализма к капитализму был тяжелым. Всегда и везде, как бы хорошо ни шел переход, есть те, кто теряет, и те, кто выигрывает. И те, кто теряет, думают, что они теряют из-за реформ, а те, кто выигрывает, уверены, что выигрывают, потому что они умные, работающие и везучие. Везде возникает мощная антиреформаторская волна.

В связи с этим нормальный политический цикл постсоциалистического периода в странах, где политическая элита была ориентирована на реформы, развивается так: первые выборы приводят

к власти антикоммунистов и демократов. Они начинают реформы, идет тяжелый переход, порождающий новые проблемы: взвившиеся цены, расслоение общества, неравенство, безработицу, растущее недовольство... На следующих парламентских выборах это недовольство выливается в приход к власти «как бы реакции». Но эта реакция в подавляющем большинстве — мягкая реакция, псевдо-реакция, она, эксплуатируя лозунги и стереотипы недовольства, на самом деле стратегически ориентирована на достижение тех же самых результатов, что и демократы-антикоммунисты.

А. Квасьневский точно так же хочет, чтобы Польша вошла в Европейский союз, хочет считаться по-европейски демократическим лидером, он категорически не хочет, чтобы в Польше были финансовая катастрофа, развал, нестабильность. В этих странах иногда реформы замедляются, меняется словесная упаковка, но подрыва реформ не происходит: быстрее или медленнее, но развитие событий идет в том же направлении, что и при реформаторах первой волны.

Видя отсутствие обещанных результатов, население разочаровывается в политике посткоммунистов, которые обманули электронные ожидания, не построили всеобщего счастья, где снова все будут равными. В результате третьи выборы выигрывают, как правило, антикоммунистические силы, те же реформаторы первой волны, как это было в Польше. Так накатываются и откатываются политические волны. Но эти волны слабы, несокрушительны, они не останавливают тяжелого движения мощного потока трансформации от состояния развалившегося социализма к состоянию работающего эффективного рынка.

Почему же в России произошел откат назад?

Да, реформы идут тяжело, и вы не найдете ни одной страны, где бы население было довольно приватизацией, где можно было бы сказать, что приватизация проведена экономически эффективно и социально справедливо. В ходе приватизации почти повсеместно существенную роль играют инсайдерские группы, как правило связанные с хозяйственным руководством прежнего режима. При этом продолжает формироваться рыночная экономика с устойчивой валютой, с понятными правилами игры, с разумными процентными ставками, с гарантиями прав собственности, с экономическим ростом. Как и в какой степе-

ни удастся решать проблемы второго этапа реформ, сделать государственную машину более экономичной, социальную поддержку более адресной, а налоговую систему в максимальной степени эффективной — это отдельная история, но первый этап в странах, где есть консенсус, как правило, проходит успешно.

Специфика России, как, кстати говоря, и целого ряда постсоциалистических стран (Болгария и Румыния — классический пример аналогичной ситуации в Восточной Европе), состоит в том, что здесь политическая элита не была столь единой. Здесь сохранялись принципиальные разногласия — не по риторике предвыборных кампаний, а по существу: куда идти¹. Значительная часть общества и политических элит в России хотела видеть свою страну государством европейского типа со всем набором признаков, характерных для такого государства, — с конвертируемой валютой, с частной собственностью, с правами человека. Хотели жить в стране, граждане которой не являются крепостными своего государства, в стране дружественной по отношению к наиболее развитым демократическим государствам мира, с мирной внешней политикой, не бряцающей оружием, не страдающей по имперской славе и т. д.

Но в то же время большая часть российской политической и экономической элиты, как и значительная часть общества, по-другому видела стратегические ориентиры и была убеждена в том, что Россия должна быть евразийской страной, должна противостоять Западу, и у нее должен быть свой путь. Да, полагают они, конечно, социализм в старом виде развалился и в полном объеме его реставрировать нельзя, но можно создать некий гибрид из социализма и капитализма, который будет отражать нашу особую евразийскую сущность.

Почему второе пришествие коммунистов опасно для России?

Иначе говоря, разглагольствуя о некой «российской идее», эта часть общества предлагала для страны особый, третий путь. Как в свое время

¹ Есть тяжелый, но возможный путь в мир развитых, обеспеченных западных демократий. И еще один путь — в третий мир, мир бедных, нестабильных, коррумпированных, авторитарных режимов.

точно сказал Вацлав Клаус, «третий путь существует — это путь в третий мир». Из второго мира, социалистического, который развалился, действительно было открыто два пути. Вот, собственно, и весь стратегический выбор. Суть в том, что в Польше элиты были консолидированы и было твердое желание идти в первый мир, а в России были и есть принципиальные разногласия по поводу того, в какой мир мы хотим.

Специфика России состояла в том, что у нас иная, имперская традиция. Для восточноевропейских стран или для стран Прибалтики анестезией к социальной травме реформ была обретенная ими независимость. Для России тяготы реформ усугублялись утратой империи и ностальгией по ней. Коммунистическая партия у нас была не вассальной, а имперской. Поэтому когда она начала эволюционировать после развала социализма, то двигалась не в сторону социал-демократии, как в большинстве восточноевропейских стран, а в сторону национал-социализма, в сторону использования имперских традиций.

Именно поэтому я и мои единомышленники считали крайне опасным развитие событий, при котором на первой возвратной волне коммунисты могут прийти к власти. Связанная с ними угроза была куда больше, чем опасность возврата посткоммунистов восточноевропейских стран. Собственно, эти обстоятельства, связанные со спецификой страны, с ее традициями, привели к своеобразному ответу на вызов краха социализма и тяжелых реформ в российской политике. Ответом оказались сильная президентская власть — конституционно сильная, слабый парламент — конституционно слабый. Эти рамки и определяют главенствующую, основополагающую роль президента, формирующего правительство, отвечающего за то, что происходит, — президента, который вынужден принимать тяжелые решения, если они необходимы, даже если краткосрочно они будут непопулярны, потому что за результаты реформ ему придется отвечать завтра и послезавтра.

В этой ситуации президент становится главным проводником трансформации, проводником реформ, а в парламенте достаточно серьезную роль играют партии, не приверженные рыночной, демократической модернизации России. У сторонников рыночной трансформации (сторонников в самом широком смысле слова), собственно, никогда не было большинства в российском парламенте, Верховном Совете, Государственной думе. Можно было принимать

те или иные рыночные законы до того, как какие-то реальные реформы начались. Был период, когда Дума была более или менее «приличной» — в 1993–1995 гг., когда мы смогли провести важные рыночные законы, когда «Выбор России» был самой большой фракцией в Думе, но все равно это была не та Дума, где существовало реформаторское большинство. Именно эта ситуация, когда за все 7 лет тяжелого перехода у нас не было реформаторского большинства в парламенте, имеет фундаментальное значение для всего хода трансформации в России, как и для возникновения политического и экономического кризиса 1998 г.

ПРЕЗИДЕНТ КАК ГАРАНТ И ПРОВОДНИК РЕФОРМ

В этой ситуации возможность проведения реформаторской политики оказывается в серьезной степени зависимой от позиции президента. Если ответ на вызов, связанный с разделенностью общества, состоит в том, что вы получаете сильного президента, тогда не удивляйтесь, что изменение позиций президента существенно влияет на весь ход трансформации. Между тем конституционно сильный президент находится не в вакууме: в любой создавшейся ситуации он оказывается точкой приложения всего набора давлений — общественных, лоббистских и т. д.¹

Сейчас очень много говорят о Пиночете, это модно. Говорят о том, какие замечательные либеральные реформы он провел. Конечно, диктатор-либерал мог бы избавить Россию от таких конвульсий. Но никто не может гарантировать, что диктатор будет либералом. Почему-то даже те, кто готов полностью расстаться с демократическими свободами, из сотен возможных вариантов коррумпированных диктатур, начиная от Батисты и кончая Иди Амином, которые приводили к крови и развалу, выбирают только одну, оказавшуюся экономически эффективной диктатуру. Почему-то считается, что Россия из всех неудавшихся авторитарных экспериментов обречена в экономическом смысле получить самый удачный. Странная гипотеза, вряд ли имеющая какие-нибудь корни в истории России.

¹ Отсутствие парламентской поддержки приводило к тому, что реформы в России были крайне непоследовательны, шли с серьезными отступлениями, оказались растянутыми.

Собственно, предложить программу либеральных реформ, в рамках которой можно получить эффективную экономическую систему, несложно. Одна проблема — подобного рода реформы всегда противоречат интересам мощных лоббистских групп. В условиях демократии эти группы объединяются и отстаивают свои интересы — через конгрессменов, сенаторов, общественные комитеты и т. д. Если вы исключаете демократический процесс защиты частных интересов, те же лоббистские интересы прорастают у вас через диктатуру, но уже по-другому: скажем, военно-воздушные силы становятся объектом лоббирования одной группы интересов, а военно-морские — другой. В Чили был уникальный случай, когда диктатура оказалась способной противостоять лоббистам.

Сильный президент оказывается в точке, где на него со всех сторон оказывают давление. Есть часть общества, которая хочет от него, чтобы он проводил реформы, поддерживая реформаторов, а есть часть общества, которая говорит: ну зачем так радикально, ни в коем случае, надо осторожно, медленно... И эта часть общества указывает ему на то, что она лучше первой, да еще имеет серьезную поддержку в Думе... Отсюда рваный ритм преобразований в России, когда реформы начинаются в условиях экстремального кризиса, потом, как только этот экстремальный кризис проходит, они останавливаются. Но реформы — это ведь как езда на велосипеде: долго не простоишь, надо двигаться, чтобы удержаться. Именно в условиях обострения кризиса, порожденного пробуксовкой реформ, возникает новый импульс к тому, чтобы их продвинуть. Однако в ситуации, когда вы имеете оппозиционное большинство в парламенте, проводить структурные реформы непросто. Можно решить важные тактические проблемы, например на время остановить инфляцию, а вот заложить долгосрочные основы финансовой стабильности, нормальной бюджетной и налоговой системы, добиться, чтобы государство не обещало больше того, что оно может дать, — для этого нужны законы, нужна парламентская поддержка.

РЕФОРМЫ В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПОДДЕРЖКИ

Отсюда ряд существенных следствий. Первое: когда нет единства в том, нужна ли стабильная валюта, то период высокой инфляции

оказывается растянутым. Следствие длинного периода высокой инфляции — падение доверия к национальной валюте. Нынешняя долларизация экономики — естественный результат периода длинной инфляции. Низкое доверие к рублю, низкие сбережения в национальной валюте, низкая доля денег в ВВП — это неизбежный результат колеблющейся, нерешительной политики, отсутствия того, что называют «шоковой терапией».

Второй социально-экономический результат — это постоянно сохраняющийся и нарастающий бюджетный кризис. Суть бюджетного кризиса предельно проста: в рамках данной социально-экономической среды есть верхний предел налогообложения и есть набор обязательств государства. В России фундаментальная проблема заключалась в том, что государственные органы никак не могли договориться о том, что обещать можно только то, что можешь оплатить. Иными словами, органы власти могут разбираться как угодно с тем, что и как они хотят потратить, но одно они должны понимать: если ты обещаешь больше, чем можешь дать, — ты обманываешь людей. Если ты обманываешь людей — это значит, что ты сам подрываешь основу собственного государства. Когда армия не платит за электроэнергию, коммунальное хозяйство не платит за потребляемый газ, сельское хозяйство, которому предоставлены гарантированные кредиты, не платит за купленную нефть, государство само дает мощнейший аргумент промышленно-финансовым структурам, почему они могут не платить налоги.

Пока государство не соотнесло свои расходные обязательства со своими доходами, проблемы нарастают, усугубляются, идет эрозия налоговой базы. Создаются предпосылки для развития взаимозачетов, бартера, неплатежей. Из этого положения только три выхода. Первый из них: делать вид, что ничего не происходит. Тогда накапливаются неплатежи по зарплате, по пенсиям, сокращаются бюджетные доходы. Правительство, закрыв глаза, ждет, когда же это все взорвется. Второй: правительство в какой-то момент решает начать печатать деньги, чтобы ликвидировать неплатежи, и получает высокоинфляционную экономику, падение спроса на деньги, дальнейшую эрозию реальных налоговых поступлений государства и затем торможение инфляции на более низком уровне бюджетных доходов. И третий — это проведение либеральных реформ, которые нужны для того, чтобы подвести надежное основание под стабиль-

ность рубля, когда государство обещает только то, что может оплатить, когда это подкреплено эффективной системой бюджетного контроля, налоговой системой, системой социальной защиты. Только на этой основе можно обеспечить не хрупкую и краткосрочную, а надежную и устойчивую стабильность рубля.

Как реформы забуксовали

Мы можем попытаться наложить описанную нами (см.: Русская мысль. № 4241) наглядную, но все же умозрительную схему на конкретный ход событий, на реалии колебаний в российской социально-экономической политике в последнее время.

Я не буду говорить о периоде реформ с 1991 по 1996 г. — это отдельная история, об этом много сказано и написано. Сконцентрируюсь на том, что происходило после выборов Ельцина на второй срок.

К моменту выборов 1996 г. в России сложились основные элементы рыночной экономики: существовал значительный частный сектор, было обеспечено принятие законов, защищающих частную собственность, приняты Гражданский кодекс, законы о ценных бумагах, об акционерных обществах, была создана открытая экономика с конвертируемой валютой, в основном остановлена инфляция.

Однако финансовая стабильность была хрупкой. Сохранились крупные бюджетные дефициты, финансируемые в основном за счет коротких заимствований на внутреннем рынке. В бюджетном дефиците проявлялось отсутствие согласия элит в том, что финансовая стабильность является важнейшим приоритетом, что ее нельзя ставить под угрозу.

Победа Ельцина в 1996 г. открывала дорогу к стабилизации демократии

Выборы 1996 г. были стратегической развилкой. Приход коммунистов к власти автоматически запускал механизм острейшего финансового кризиса, развертывание которого мы потом, в иных условиях, видели в 1998 г. Накануне президентских выборов я говорил, что в той финансовой ситуации, в которой мы находимся, экономика и рынки отреагируют на избрание Зюганова моментально и отреагируют развалом.

После этого немедленно исчезнет возможность рефинансировать долг, неизбежно начнется массовое бегство капиталов, в кратчайшие сроки будут исчерпаны валютные резервы, начнется неуклонное падение курса, резко пойдут вверх цены, а значит, будут попытки заморозить эти цены, в ответ на это — восстановление дефицита, нарушение потоков во внешней торговле, что приведет к кризису снабжения крупных городов, и т.д. и т.п. Короче говоря, сформированная рыночная структура очень хрупка и не в состоянии выдержать прямое попадание коммуниста в президентское кресло. Выигрыш Ельцина открывал дорогу стабилизации демократического режима, новой волне реформ, росту доверия мировых финансовых рынков к России. Еще предстояло в ходе тяжелой борьбы определить, какой рынок будет построен, будут ли проведены фундаментальные реформы, подведена основа под финансовую стабильность, обеспечено равенство правил игры, решена фундаментальная проблема отчуждения собственности от власти и в связи с этим достигнута прозрачность государственных процедур — все это было неясно. Но был шанс на то, что рыночные отношения, частная собственность будут защищены. Именно выигрыш Ельцина давал надежду, что пойдут иностранные инвестиции, власть справится с собственными финансовыми проблемами, удастся заменить дорогие короткие внутренние займы длинными и дешевыми внешними.

К выборам 1996 г. мы подошли с широкой коалицией сил, которые не хотели прихода коммунистов. В этой коалиции были представлены различные направления — от либералов, которые хотели нормальных рыночных институтов, прозрачных равных правил игры, до так называемых олигархов, которые хотели управлять государством, иметь доступ к бюджетным ресурсам, сохранять разнообразные льготы и привилегии. Эта широкая коалиция и обеспечила победу на президентских выборах 1996 г.

Уже летом 1996 г. было ясно, что в этой коалиции произойдет раскол по вопросу стратегическому: что делать дальше? Есть путь развития рыночной демократии западного типа — это путь либеральных реформ. Он предполагает, во-первых, финансовую стабилизацию, т. е. новые серьезные меры по ограничению бюджетного дефицита, наведению порядка в государственных финансах при помощи налоговой реформы, реформы системы социальной защиты, на этой основе — преодоление бюджетного кризиса, ликви-

дацию бюджетных неплатежей за счет того, что государство не будет обещать невыполнимого, во-вторых, равные правила игры. Налоги будут платить все, а государство перекроет каналы уклонения от уплаты налогов, обеспечит эффективный контроль за использованием бюджетных ресурсов. И есть другой путь — в общество третьего мира с неэффективным коррумпированным государством, где налоги платят только слабые, а сильные — нет и, наоборот, сильным платит государство. Борьба вокруг этой стратегической альтернативы оказалась принципиальной для второго срока президентства Ельцина.

После выигрыша на президентских выборах Ельцин тяжело заболел. Сформированное в августе 1996 г. правительство Черномырдина оказалось одним из самых слабых российских кабинетов за время реформ. Ему был предоставлен уникальный шанс: только что избран на второй срок президент, признавшая эти выборы оппозиция деморализована своим поражением и поддержала В. Черномырдина подавляющим большинством голосов в Государственной думе. Существует возможность распустить парламент и провести новые парламентские выборы. Есть карт-бланш на проведение серьезных реформ в России. Возросло доверие в мире к России и к ее рыночным институтам. Россия получает достаточно высокий кредитный рейтинг, отражающий ее потенциал, ее ресурсы. Несмотря на болезнь Ельцина, спрос на российские ценные бумаги высок. Россия впервые выходит на рынок еврооблигаций и на хороших условиях занимает там деньги. Появляется ажиотажный спрос на акции «Газпрома». Впервые за 80 лет российская компания выходит на Нью-Йоркскую фондовую биржу. Рынки отреагировали на избрание Ельцина так, как они должны были отреагировать, — началом роста портфельных и прямых инвестиций в Россию, даже при наличии такого негативного фактора, как болезнь президента. Иными словами, была открыта дорога для развития и закрепления реформ.

КАК КАБИНЕТ ЧЕРНОМЫРДИНА УПУСТИЛ ШАНС ВЫВЕСТИ РОССИЮ НА ПУТЬ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ СТРАН

Однако правительство Черномырдина в этот решающий для хода реформ момент показало себя беспомощным. Серьезной законодательной программы реформ в деморализованную Думу не предложено.

Кабинет принимает противоречивые решения, продолжает раздавать невыполнимые обещания. Главное крупное дело сформированного правительства — это предоставление государственных гарантий для займов на строительство высокоскоростной магистрали «Петербург — Москва» — характерная афера того периода. Правительство не способно выбрать приоритеты, оно представляет в Государственную думу самый авантюрный бюджет за последние годы, — бюджет, в котором доходы завышены по крайней мере на 5 пунктов ВВП. В ответ на вызов финансового кризиса — разрыв между тем, что ты обещаешь, и тем, что ты реально получишь, — правительство наращивает обещания, твердо зная, что их не выполнить.

Правительство находится под сильным влиянием промышленно-финансовых групп и не предпринимает серьезных действий, чтобы наладить сбор налогов. В 1996-м при исключительно благоприятной конъюнктуре на мировом рынке нефти нефтяные компании накапливают неплатежи по налогам, объясняя, что именно сейчас их невозможно заплатить. Высокие цены на газ — и такая же ситуация с «Газпромом».

Короче говоря, правительство оказывается слабым, неспособным дать ответ на ключевые вопросы российской жизни. Бюджетный кризис продолжает обостряться. Начинается массовый рост задолженности по пенсиям, зарплатам, приобретающий опасный характер на фоне бездействия, беспомощности власти. Отсюда, естественно, нарастающее разочарование общества, падение авторитета президента и правительства.

И как обычно в России, реформы начинаются не тогда, когда есть замечательный политический шанс для их старта, а только тогда, когда кризис обостряется. Когда ситуация стала трудноуправляемой, оппозиция вновь почувствовала свою силу, именно в это время, накануне весенней (1997 г.) волны демонстраций и протестов, начинается радикальный поворот в экономической политике, поворот к новой волне либеральных реформ. ДВР на протяжении предшествующих месяцев энергично выступал за такой поворот. По инициативе Института экономических проблем переходного периода в конце 1996 г. была развернута работа над блоком документов, который потом воплотился в президентском Послании февраля 1997 г. и послужил базой той программы, которую предложило правительство «молодых реформаторов».

ПРОГРАММА «МОЛОДЫХ РЕФОРМАТОРОВ»

Основные ориентиры этой программы были либеральными и адресовались к ключевым проблемам российской социально-экономической политики — бюджетного кризиса, бюджетных неплатежей, возврата доверия к государству. Собственно, программа состояла из набора мер, направленных на рационализацию государственных расходов, с тем чтобы за ними был обеспечен жесткий контроль, на проведение налоговой реформы, позволяющей перестроить налоговую систему: добиться ее упрощения, снижения предельных ставок налогообложения и расширения налоговой базы. Далее шли структурные реформы, которые необходимы для обеспечения прозрачности естественных монополий, демонополизация тех секторов, которые не являются собственно монополиями, обеспечение эффективного использования средств в этих секторах. Программа также включала реформу системы социальной защиты, жилищно-коммунальной сферы, системы межбюджетных отношений, формирование казначейской системы исполнения бюджета, тендерные механизмы контроля за государственными закупками и т. д. Этот набор предложений был поддержан президентом и составил каркас президентского Послания 1997 г., по существу представлявшего собой развернутую программу реформ второго срока президентства Ельцина¹.

Если бы эта программа была реализована, Россия была бы страной с твердыми финансами, со стабильной валютой, страной инвестиционно привлекательной, с эффективными механизмами контроля за расходованием бюджетных средств, с существенно более высоким доверием населения к государству, с простой и разумной налоговой системой и системой адресной социальной защиты, позволяющей действительно бороться с бедностью².

Кабинет «молодых реформаторов» был призван реализовать именно эту программу.

Правительство «молодых реформаторов» второй волны было сформировано и начало действовать. Оно оказалось достаточно

сильным, профессиональным и неплохо взялось за дело. Буквально в первые сто дней новый кабинет сумел представить в Думу набор важнейших реформаторских документов: проект нового Налогового кодекса, предполагающего радикальную трансформацию налоговой системы, ряд документов по реформе социальной поддержки. Правительство добилось повышения налоговых поступлений, сдвигов в погашении задолженности по зарплатам и пенсиям (от быстрого наращивания перешло к сокращению этой задолженности), начало наконец серьезную работу с естественными монополиями. К тому же в кабинет был включен наряду с эффективным А. Чубайсом популярный Б. Немцов — молодой, энергичный региональный лидер. Он — в глазах общества — очевидный кандидат в президенты, наиболее популярный в стране. Соответственно создается ощущение, что все происходящее в стране не короткий эпизод, что и после 2000 г. этот курс реформ будет продолжен.

А если это так, то можно представить, что, глядя на Россию в это время, думает инвестор. Он думает, что в России сейчас осмысленное правительство, оно проведет налоговую реформу, упорядочит бюджет, наладит защиту частной собственности. А ведь в стране огромный рынок, интеллектуальный потенциал, природные богатства — так, значит, надо сейчас идти в Россию, причем быстро, пока все места не заняты. И именно в это время в Россию идет приток иностранного капитала, российские акции растут быстрее, чем в любой другой стране мира, форсированно наращиваются резервы Центрального банка, растет спрос на национальные деньги, восстанавливается доверие к рублю. Начинают всерьез обсуждаться и реализовываться крупные инвестиционные проекты, связанные с прямыми инвестициями в фармацевтику, в пищевую промышленность, нефтедобычу. В стране падает уровень социальной напряженности — это показывают все социологические опросы на протяжении весны—лета 1997 г. В основном решена проблема задолженности по пенсиям и зарплатам бюджетников.

Еще не обезврежена бомба замедленного действия, заложенная предшествующей финансовой политикой: у государства по-прежнему крупный бюджетный дефицит, финансируемый за счет краткосрочных займов. Но пока страна получает приток иностранных инвестиций, есть возможность резко снизить процентную ставку по государственным займам. К середине лета она снижа-

¹ Выигрыш Ельцина открывал дорогу стабилизации демократического режима, новой волне реформ, росту доверия мировых финансовых рынков к России.

² Самая серьезная проблема, борьба вокруг которой обусловила перелом осенью 1997 г., — взаимоотношения собственности и власти.

ется в номинальном исчислении до 18%, а реально, учитывая темпы инфляции, до 8–10%. Это уже совместимо с экономическим ростом. Экономический рост начинается через два месяца после начала работы правительства «молодых реформаторов», в мае — июне, на фоне оптимизма инвесторов по отношению к России, растущего спроса, низких процентных ставок, заинтересованности банков в кредитовании реального сектора. Основные кирпичики на месте: стабильные цены, стабильный рубль, снизившаяся процентная ставка, разумные экономические перспективы — все готово для устойчивого экономического роста в России.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННО-ФИНАНСОВЫХ ГРУПП

Но в этот самый момент, как и бывает в России в последние годы, начинается пробуксовка реформ. Подчеркиваю, не из-за случайных факторов, а из-за фундаментальной разделенности общества по вопросу о стратегических приоритетах и отсутствия надежной политической поддержки курса президента и правительства. Самая серьезная проблема, борьба вокруг которой обусловила перелом осенью 1997 г., — взаимоотношения собственности и власти.

Все, что начало получаться у правительства реформаторов, получалось потому, что они твердо взяли на вооружение принцип равных правил игры: каким бы ты влиятельным ни был, тебя заставят платить налоги, у тебя заберут бюджетные счета и ты не будешь прокручивать бюджетные деньги. Правительство организует формирование казначейской системы и усиливает бюджетный контроль. Те, чьи интересы все это задевает, недоумевают: зачем же делать это сейчас, когда все идет хорошо? Ведь именно в это время капитал у промышленно-финансовых групп растет как на дрожжах вместе с ростом спроса на российские акции. Главная проблема, чтобы у конкурента он не вырос быстрее. Постепенно вызревает база, по существу, поверхностного конфликта вокруг аукциона по пакету акций «Связьинвеста», одного из самых прозрачных и открытых из всех крупных аукционов, которые проводились в России. Это, кстати, признано всеми его участниками.

Но так как на этом аукционе одна из мощных финансово-информационных группировок, контролирующая значительную часть каналов информации и уверенная в своих правах и привилегиях,

не получила того, что хотела, с этого момента начинается так называемая банковская война. Именно с этого времени ряд крупных финансово-промышленных групп, руководители которых твердо уверены в своих правах на особые привилегии, убеждены в том, что собственность и власть должны быть переплетены, объявляют войну новому правительству реформ. Они очень быстро находят взаимопонимание с парламентской оппозицией, которая уже оправилась от поражения и готова к новой атаке.

ОЛИГАРХИ В РОЛИ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ НА СТОРОНУ КОММУНИСТОВ

У этих людей нет постоянных союзников, есть только постоянные интересы. Собственно, с этого времени российские реформы начинают терять перспективы. Становится особенно ясно, сколь во многом успех российской стратегии постсоциалистической трансформации зависит от президента. Он главный гарант того, что у нас будут проводиться реформы в условиях отсутствия мощной парламентской их поддержки. А президент колеблется: ведь вся эта борьба происходит в рамках коалиции, которая привела его к победе на выборах 1996 г. Надо мириться, надо жить дружно, вместе... И вместо того чтобы в этот момент твердо и энергично поддержать правительство «молодых реформаторов», заявить, что этот курс будет реализован, и не просто сказать, а доказать сказанное действием, он занимает позицию беспристрастного арбитра, желающего примирить непримиримое.

Эти события происходят в тот момент, когда в российской демократической жизни еще многое не устоялось: и новое правительство, и рыночные механизмы — это еще не отлаженная машина (для этого нужны десятилетия), а живой, растущий, развивающийся, на все реагирующий организм. В действиях кабинета теряется наступательная энергия. Возникает ощущение растущей разделенности, слабости правительства. Встает вопрос: а так ли оно привержено той программе рыночных реформ, которую само же прокламировало? А будут ли у тех, кто провозгласил эту программу, силы заставить мощные финансово-промышленные группы отдать бюджетные деньги, платить налоги? В это время и оценки Запада, мировых инвесторов, по отношению к России становятся менее радужными. Они не видят гарантий того, что программа, которая была

предложена правительством, будет реализована, что правительство не будет отправлено в отставку. К тому же развернута энергичная, мощнейшая кампания по дискредитации Немцова. Это приводит к резкому падению его рейтинга, и шанс на избрание реформаторского президента на последующих выборах становится призрачным. Вот тут и задумывается зарубежный потенциальный инвестор: а так ли прекрасны перспективы у России, не начнется ли снова откат от курса реформ? В этот самый момент все вспоминают о том, что базовые проблемы — та бомба замедленного действия — никуда не делись: и короткие долги, и бюджетный дефицит...

В августе–октябре 1997 г. ситуация зависает. Что будет — неясно. Неопределенность отражается в налоговых поступлениях: правительство ослабло — налоговые поступления уменьшились. Еще не все потеряно, еще можно поправить положение, но реформы уже явно забуксовали.

Этап реформаторского правительства условно можно определить как время между формированием его в марте 1997 г. и началом финансового кризиса и кадровыми перестановками в его составе в ноябре этого же года. Этот этап распадается, в свою очередь, на два периода. Первый из них, в марте–июле, — это период нагнетания, период уверенности: кажется, что все хорошо. И второй — это период отступлений, нерешительности, колебаний. Он приходится на время между августом и ноябрем.

Взрыв бомбы, заложенной усилиями думского большинства

К ноябрю 1997 г. реформы явно забуксовали. На это накладывается мировой финансовый кризис, радикально меняющий обстановку, вызывающий общее изъятие капиталов с развивающихся рынков. Какое влияние оказывает он на Россию? У страны есть нерешенные финансовые проблемы, причем крупные; у нее есть накопленный бюджетный дефицит; короткий долг; большие деньги вложены в ГКО, и изъятие их инвесторами — это серьезное напряжение для российской бюджетной системы. Тем не менее по отношению

к России мировые рынки и после начала кризиса настроены благоприятно. Россия пока еще — на фоне эйфории от начавшихся либеральных реформ — по-прежнему рассматривается как страна с огромными перспективами; у страны достаточно крупные валютные резервы, накопленные в предшествующие месяцы 1997 г., большой потенциал. И хотя ясно, что будут некоторые перетряски, что придется повышать процентную ставку, что это затормозит экономический подъем, катастрофы, краха почти никто не опасается.

Первая реакция на кризис — из двух стран со сходными бюджетными проблемами, России и Бразилии: по последней он бьет гораздо сильнее, чем по первой.

Затем на это накладываются радикальные изменения в российском правительстве — так называемое книжное дело. Не хочу входить в детали — они известны. Но в результате не стоящего, на мой взгляд, выеденного яйца, хорошо разыгрываемого скандала, раскрученного вокруг книжки, деньги от которой идут в благотворительный фонд, олигархам удается добиться серьезнейшего ослабления позиций реформаторов в правительстве. А Чубайс лишается поста министра финансов, что существенно ослабляет финансовую политику; уходят из правительства М. Бойко и П. Мостовой, уходит из администрации президента А. Казаков¹. Все это создает ощущение радикального ослабления позиций реформаторов в правительстве, сомнений в их способности реализовать прокламированную весной программу.

Когда наступил переломный момент

Политическая победа так называемых олигархов над теми, кто хотел заставить их платить налоги и отдавать деньги, очевидна. Теперь Россия, с точки зрения реальных и потенциальных инвесторов, оказывается не страной с блестящими перспективами, проводящей раз-

¹ Бойко Максим Владимирович — экономист, в 1997 г. заместитель председателя правительства; Мостовой Петр Петрович — экономист, бывший заместитель председателя Госкомимущества, руководитель Федеральной службы по вопросам несостоятельности и финансового оздоровления; Казаков Александр Иванович — экономист, в 1996–1997 гг. заместитель председателя правительства, руководитель Госкомимущества, затем — первый заместитель главы администрации президента. Все трое — активные организаторы процесса приватизации на первом этапе российских рыночных реформ. — *Прим. ред.*

умную политику и находящейся в начале экономического подъема, — Россия оказывается в их глазах страной, где линия власти непонятна и прогнозируется трудно, где только что произошло радикальное перераспределение сил, влияющих на экономическую политику. Шансы на реализацию либеральных реформ призрачны.

Первое, что мы видим после изменений в правительстве: Дума, по предложению Г. Явлинского, возвращает в кабинет уже принятый в первом чтении Налоговый кодекс. (А Налоговый кодекс является одним из важнейших элементов базы, которая лежит в основе оптимизма инвесторов.) Инвесторы получают сигнал, что о намеченных структурных реформах следует забыть. Их реакция — из России надо срочно забирать деньги, пока успеешь.

Именно в это время наступает переломный момент. Как раз после ноябрьских перемен в правительстве начинается быстрое сокращение золотовалютных резервов страны. 14 ноября, выступая в программе «Зеркало», я рассказывал, к каким последствиям приведет уход Чубайса с поста Министра финансов. Чубайс — это символ той политики, которая вызывает доверие зарубежных инвесторов. При Чубайсе для них было понятно, какую экономическую политику проводит и намерена проводить страна, и уход его с поста министра финансов неизбежно приведет к изъятию многих денег с российских рынков, к мощному давлению на резервы, к началу кризиса российских ГКО, к резкому падению курса акций и т. д. и в связи с этим — к тяжелейшим последствиям для рыночной экономики.

К сожалению, такое развитие событий мы и наблюдали на протяжении последующих дней. Все это радикально изменило финансовую ситуацию. Надо было к ней приспособливаться, и Центральному банку следовало немедленно снова поднимать учетную процентную ставку и процентную ставку по ГКО. До середины ноября ЦБ пытался удержать ситуацию на двух важнейших рынках — рынке валюты и рынке ГКО. После того как произошли упомянутые изменения в правительстве, продолжение этой политики было безнадежно: она вела лишь к утрате резервов. Но, с другой стороны, сразу показать, как рынок отреагировал на изменения в правительстве, тоже считалось плохо. Поэтому ЦБ две недели продолжал безнадежные попытки держать оба рынка, а С. Доренко рассказывал с экрана, как провалились прогнозы о том, что рынок тяжело

отреагирует на уход Чубайса... И только через две недели, потратив несколько миллиардов долларов резервов и радикально ухудшив соотношение между резервами и коротким долгом (что потом стало важнейшим фактором дестабилизации положения в России в 1998 г.), — только после этого Центробанк уходит с рынка ГКО.

Начинается новый этап в российской экономической политике — этап борьбы с подступающим кризисом. Ясно, что, как только номинальные процентные ставки подскочили до 35–40%, об экономическом росте надо забыть. Ослабленные реформаторы в правительстве пытаются восстановить контроль, продолжать ту линию, с которой они в свое время шли в правительство. В начале декабря А. Чубайс принимает демонстративное решение, показывающее, что курс неизбежен, — об изъятии за долги имущества двух крупнейших финансово-промышленных групп: Ангарского нефтехимического комбината, принадлежащего «Онэксим-банку», и Омского нефтеперерабатывающего завода, принадлежащего «Сибнефти». Через неделю Черномырдин проводит заседание ВЧК, где отменяет это решение, — это тоже демонстрация. Всему миру показывают, что происходит в российской власти; демонстрируется, что никаких налогов богатые и сильные платить не будут, а платить будут только слабые и глупые. Подан мощнейший сигнал, что налоговые платежи — это удел простолюдинов. Нормальному гражданину этот сигнал говорит о том, что государство у нас слабое и неэффективное.

С большим трудом, на основе технических ухищрений и разумных действий правительства и Центрального банка удается справиться с новой волной финансового кризиса конца января, когда резко падает спрос на российские бумаги. Тем не менее всем очевидно, что правительство разделено, слабо, не способно проводить последовательную политику. Экономика адекватно реагирует на эти изменения начавшимся ростом бюджетной задолженности. Только к началу января закрыли задолженности по пенсиям и зарплатам бюджетников. Но фундаментальная проблема разрыва между доходами бюджета и его расходами не решена, более того, все те реформы, которые необходимы для ее решения, отодвинуты в сторону. Бюджетный кризис снова начинает обостряться.

Пройдя 1997 год — год огромных перепадов от оптимизма и начинающегося российского подъема до разочарования осени, Россия оказывается в точке, близкой к той, в которой она была в феврале

1997 г.: беспомощное правительство, не имеющее понятной экономической линии (речь идет не о декларациях, а о конкретных действиях в бюджетной, финансовой, налоговой сферах); нарастающие неплатежи; растущее недовольство населения. Короче говоря, пришли туда, откуда уходили.

«НЕПЛОХОЕ» ПРАВИТЕЛЬСТВО КИРИЕНКО

В это время Ельцин, недовольный работой правительства, видя, как оно буксует и работать эффективно не способно, отправляет в отставку Черномырдина и назначает молодого технократа Кириенко исполняющим обязанности премьера, затем представляет его кандидатуру в Думу.

Вопрос, почему выбор пал на Кириенко, следует адресовать в первую очередь Ельцину, но, я предполагаю, у президента было желание поставить человека молодого, энергичного, неглупого, ни с кем не связанного, который не был бы обременен ни грузом ответственности за предшествующее, ни грузом прошлых конфликтов, который ни с кем не успел поссориться, которого может принять Дума, хотя бы под давлением и с третьего раза, с которым все будут работать. Кириенко утвержден, сформировано правительство — неплохое, свободное от серьезного влияния финансово-промышленных групп, энергичное и не разделенное внутри себя. Правительство снова поднимает знамена программы весны 1997 г. Оно приступает к активным действиям, в том числе по усилению контроля за бюджетными расходами; попадают под прессинг крупные должники бюджета.

Правительство это, правда, имеет структурную слабость: в нем нет очевидного лидера в области финансово-экономической политики, который был бы адекватной заменой А. Чубайсу. Много разумных, энергичных людей, человека же, способного быть лидером собственно финансово-экономической политики, в новом кабинете не оказывается.

А это накладывается на два обстоятельства. Первое: правительство, сформированное без участия финансово-промышленных групп и не связанное с ними, намеренное соблюдать равные для всех правила игры, с самого начала оказывается в институциональном конфликте: оно лишено поддержки этой достаточно мощной и влиятельной группы. Второе: оно не имеет парламентской поддержки.

Да, оно квалифицированное, компетентное, но политически слабое, целиком зависит от поддержки президента. Между тем последний год показал нам, что эта поддержка, сколько бы раз ни была она декларирована, увы, ненадежна.

И вот такой кабинет — технократический, имеющий хорошую программу, но политически слабый — сталкивается со следующей мощной волной мирового финансового кризиса.

В 1997 г., когда выяснилось, что Россия способна занимать деньги под низкие проценты, большинству инвесторов казалось, что российские финансовые перспективы недурны: по всем международным стандартам российский долг отнюдь не высок при условии, что в России проводится ответственная финансовая политика, короткий и дорогой долг можно трансформировать в длинный и дешевый. Теперь же, когда российские перспективы гораздо более призрачны, валютных резервов недостаточно, происходит падение цены на нефть, снижающее, в свою очередь, поступления в бюджет и внушающее дополнительное беспокойство инвесторам, вновь становится ясно, что этот короткий и дорогой долг — мина, способная взорваться в любой момент.

Правительству Кириенко, которое оказалось в такой ситуации, можно было искренне посочувствовать: ведь оно пыталось действовать в целом правильно в условиях, когда мина не только заложена, но и фитиль уже запален.

Конечно, технические ошибки были. Медленно отреагировали на кризис в мае, долго не могли понять, что, собственно, надвигается. Не начали действовать достаточно энергично в первую же неделю, 12 мая. Медлили до 17 мая, да и потом раскачивались, не видели масштаба угрозы, не понимая того, как быстро все это взорвется.

В чем угроза при кризисах подобного типа? Потребность в финансовых ресурсах, необходимых для восстановления доверия рынка, растет в геометрической прогрессии: сегодня нужно для этой цели 5 млрд, завтра нужно будет уже 10, послезавтра — 20, а после послезавтра и 40 не помогут.

В конце мая приступили к консультациям с МВФ, принципиальные договоренности о новом крупном пакете финансовой поддержки были достигнуты А. Чубайсом в Вашингтоне. Решена, казалось, одна из фундаментальных проблем: МВФ готов выделить нам крупный пакет финансовой помощи. Однако правительство,

получив эту информацию, опять медлит, топчется на месте, в течение трех недель просто теряет время. Между тем, если бы быстро и энергично была проведена операция по получению кредита 10 млрд долл., не 22 млрд, обращаю ваше внимание, а 10, если бы такую операцию осуществили в середине июня, а не 20 июля, то все шансы стабилизировать ситуацию в России имелись. Они были упущены.

Можно найти немало — не хочу входить сейчас в детали — технических просчетов, связанных со слабостью финансово-экономического блока. А в условиях острейшего финансового кризиса цена маленькой ошибки в выборе направления может быть равносильна катастрофе.

В УСЛОВИЯХ НЕКОНТРОЛИРУЕМОЙ СИТУАЦИИ

В целом, повторю, правительство Кириенко действовало правильно. Просто зависело от него далеко не все. Главное, что правительству не удалось завоевать доверие инвесторов. Ну да, размышляли они, хорошее правительство и программу предлагает хорошую, однако где гарантии, что предложенная им программа будет выполнена? Дума-то не приняла ничего важного из того, что было в пакете антикризисных мероприятий. Приняла что-то второстепенное, но вот все законы, которые должны были увеличить поступления в федеральный бюджет, она не приняла и никогда не примет. А если нет адекватной правовой базы, все решения кабинета, принятые в целях пополнения бюджета, малоэффективны. Так где же гарантии, что появится законодательная база под все, что обещает сделать правительство? Ведь убедить надо не одного человека в МВФ, надо убедить рынки, что без серьезной политической поддержки возможно сохранение стабильности национальной финансовой системы. А в это время российская Дума демонстрирует, что стабильность рубля ей не нужна, более того — и кредиты МВФ она отдавать не собирается, эта тема в стенах Думы активно обсуждается.

Политическая слабость правительства, отсутствие мощной политической поддержки, неверие в его способность сохранить и спасти рыночные механизмы в условиях кризиса — это и стало важнейшим детонатором того, что произошло в начале и середине августа: 22 млрд долл., о предоставлении которых России объявили МВФ и Ми-

ровой банк, оказалось недостаточно, чтобы радикально изменить ситуацию на рынке. Между тем рынок обладает способностью подтверждать собственные прогнозы. Если инвесторы в страну не верят, то уходят с рынка; уходят с рынка — значит, государство не сможет обслуживать короткий долг. Даже если оно перестает платить кому бы то ни было, кроме кредиторов, все равно невозможно финансировать короткий долг из текущих поступлений. А как только становится ясно, что государство не может обслуживать внутренний долг, ситуация становится неконтролируемой.

Собственно, с чем столкнулось правительство по состоянию на 14–15 августа? Рынок не верит российскому государству, котировки российских валютных ценных бумаг быстро падают, российские крупные банки, взявшие под залог этих бумаг кредиты, должны поставлять дополнительные средства в обеспечение залога — с каждым падением цен все больше и больше. Они сталкиваются с неразрешимыми проблемами и начинают сбрасывать крупные портфели самих валютно-номинарованных бумаг, соответственно обваливая рынок и заставляя другие банки выполнять нарастающие лавинообразно обязательства. Они вынуждены продавать свои ГКО по любой цене, предъявлять спрос на валюту, чтобы направлять ее на обеспечение собственных займов... Мощный сброс ГКО, масштабный спрос на валюту, резервы Центрального банка тают с каждым днем — вопрос в том, когда правительство и ЦБ объявят, что они полностью потратили все, что заняли у МВФ в июле, и это окончательно обвалит рынок.

Можно было пытаться на некоторое время продлить агонию, еще на 5–7 дней, но дальше ликвидные резервы будут равны нулю. По существу это финансовая катастрофа. Это то, что правительство пыталось предотвратить в предшествующие месяцы, страшный удар по доверию к России, по стабильности всех рыночных институтов. 15 августа стало ясно, что кризис неминуем: заложенная при Чернобырдине усилиями думского большинства бомба короткого долга взорвется, и взорвется с тяжелейшими финансово-экономическими последствиями. Руководство правительства и Центрального банка вместе с Международным валютным фондом начало активно обсуждать, что же делать в этой ситуации.

Еще раз подчеркиваю: катастрофа произошла, бомба взорвалась, финансовая система разнесена вдребезги. Никаких хо-

роших вариантов в принципе не существует, существуют плохие и отвратительные.

Серьезный откат назад

Как мы уже отметили выше, в условиях финансового краха хороших вариантов спасения ситуации в принципе не существует: есть только плохие и отвратительные.

Один из этих вариантов — девальвировать рубль, отпустить его в свободное плавание и при этом за счет эмиссии финансировать ГКО. У этого сценария жестко заданные последствия. После того как вы отпускаете рубль, становится ясно, что это тяжелейший удар по инвесторам. Вам предстоит погашать примерно 20–30 млрд руб. обязательств по ГКО в месяц. Погашать их из текущих поступлений в принципе невозможно: налоги приносят вам примерно 12–13 млрд руб. в месяц, доходы от таможни еще 7–8 млрд. Имея ежемесячно 20 млрд поступлений, вносить 20–30 млрд — нерешаемая задача. Если вы намерены полностью рассчитываться по обязательствам, то должны прийти к эмиссионному финансированию — печатать деньги и этими фантиками как бы рассчитываться с инвесторами. Естественно, все, что государство будет им платить в условиях пляски курса, будет моментально обесцениваться и, скорее всего, ничего не будет стоить к тому времени, когда вы заплатите. Вы входите в режим экстремально высокой инфляции, ее обеспечат сочетание быстрого наращивания денежной массы, осознания рынком того, как вы дальше будете эмитировать деньги, и высоких инфляционных ожиданий, порождаемых форсированной девальвацией. Плюс ко всему при этой политике — резкое падение реального курса рубля и очевидная невозможность обслуживать внешний долг.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВАРИАНТ

Альтернатива, выбранная в этой ситуации правительством и Центральным банком, на мой взгляд, была разумна. В чем она заключается? Отпустить курс (провести девальвацию в той или иной форме), провести реструктурирование внутреннего долга, вве-

сти временный мораторий на обслуживание российскими банками своих обязательств, на этой базе избежать крупномасштабной эмиссии, дать возможность выйти на новый уровень курса, вступить в переговоры с кредиторами об условиях обслуживания долга и попытаться выйти из этого кризиса с тяжелыми, но все же меньшими потерями.

О вариантах, которые в это время обсуждались, и технических ошибках, сделанных правительством в процессе принятия решений. Первое и, с моей точки зрения, главное: решение выйти из коридора с верхней границей 7 руб. 10 коп., которая должна была соблюдаться в течение трех лет, в новый коридор с границами от 6,5 до 9,5 руб. — это худшее из возможных решение. Меньшим злом был бы выход в режим плавающего курса без каких бы то ни было ограничений, потому что ясно, что Центральный банк, будучи связан новым коридором и не имея возможности защитить его все-раз, растратит резервы и потом вынужден будет все равно отпустить рубль. Убежден, что лучшим решением была бы немедленная радикальная — примерно двукратная — девальвация, но после этого выход в режим фиксированного курса рубля по отношению к доллару на уровне, позволяющем подкрепить денежную базу валютными резервами.

И тогда резервов бы хватило. Если бы с 6,2 руб. за долл. — это курс на 14 августа — мы сразу вышли на курс 12 руб. за долл., то у нас вся денежная база подкреплялась бы валютными резервами. После этого очевидным становилось, что игра против рубля хотя и возможна, но абсолютно бессмысленна, бесперспективна: рубль вышел на новый уровень поддержки, очень высокий — да, с очень серьезным ударом по всем пропорциям, но он устойчив и не возникает хаоса, постоянно прыгающего на десятки процентов вверх и вниз курса, делающего невозможными импорт, любые контракты, расчеты и т. д. Экономика может приспособиться к этой новой реальности. Да, мы получаем удорожание импортных товаров, но вместе с этим отечественный товаропроизводитель обретает более широкие возможности для конкуренции. Решение неприятное, но оно дает первую точку стабильности.

Этот вариант обсуждался, против него не было выдвинуто серьезных экономических аргументов. В основном аргументы были политического характера: Ельцин только что заявил, что девальва-

ции не будет, поэтому любая прямая девальвация крайне нежелательна. Это первая техническая ошибка. Вторая техническая ошибка — обязательный характер моратория.

Я понимаю основания, по которым можно было вводить мягкий контроль за движением капитала на это время и давать российским банкам, не имеющим средств для расчетов с кредиторами, передышку, с тем чтобы они образовали консорциум и начали переговоры. Но у нас было два типа банков: были, еще до решений 17 августа, откровенные банкроты (собственно, из-за их банкротства развитие событий в предшествующую неделю стало столь стремительным) и были банки, которые выполняли свои обязательства и были готовы делать это в дальнейшем. Долго дискутировали о том, надо ли делать этот мораторий добровольным или принудительным. Мое мнение и мнение моих единомышленников — сделать его добровольным. Мнение, которое учитывало интересы в первую очередь банков-банкротов, состояло в том, что мораторий следует сделать принудительным. В конце концов, правительство и Центральный банк приняли именно это решение.

Третьей технической ошибкой был выбранный в окончательном варианте механизм реструктуризации ГКО. Схема, предложенная первоначально, была принципиально иной. Она предусматривала два разных режима — для резидентов и нерезидентов. Что касается резидентов, то предполагалось, что 20% стоимости ценной бумаги гасятся в срок ее погашения, 20% — в течение следующих 4 лет, причем по оставшейся сумме выплачиваются проценты: 30% — в первый год, 25% — во второй, 20% — в третий, 15% — в четвертый. Для нерезидентов предполагался обмен этих бумаг на номинированные в валюте облигации с погашением на пятый, шестой и седьмой годы при доходности 6,25%.

Эта несимметричная схема учитывала разные заботы двух типов кредиторов государства.

Для отечественных кредиторов она означала, что принадлежащие им ценные бумаги получают ликвидность. Ликвидность сразу, в размере 20%, — это примерно то, что необходимо для того, чтобы поддержать банковскую систему на плаву в этих условиях. И плюс к тому вы получаете приличные процентные доходы в течение четырех лет. Конечно, всякое реструктурирование отвратительно, но главное — ценная бумага у вас в руках не является бессмыслен-

ной, спрос на нее появится на второй день после того, как она объявляется реструктурированной.

Нерезиденты получают то, что всего важнее им: гарантии валютной сохранности основной суммы задолженности. Да, под низкие проценты, но есть серьезные шансы, что деньги будут сохранены.

Сейчас при обсуждении этого вопроса и с отечественными, и с зарубежными инвесторами все сходится на том, что, конечно, эта схема намного лучше того, что получилось в конечном счете. Но тогда правительство втянулось в сложный торг с резидентами и нерезидентами. Из этого торга ничего хорошего выйти не могло, в результате принятая схема не позволяет нерезидентам сохранить валютный номинал бумаги, отечественным инвесторам получить для их бумаг ликвидность — короче говоря, она оказалась худшей из возможных.

Однако при всех этих серьезных технических издержках ситуация по состоянию на 21–22 августа, хотя и оставалась очень сложной, отнюдь не смотрелась как катастрофическая. Напомню, что 17 августа МВФ в своем заявлении по существу солидаризировался с мерами, принятыми в России, оказал поддержку правительству и Центробанку, тем самым открыв дорогу к получению нового транша выделенного нам займа.

Каким было тогда настроение инвесторов? Да, в России принято неприятнейшее решение, нанесен тяжелейший удар по доверию рынков. Но так или иначе проблема бюджета расчищена на ближайшее время, значит, есть возможности финансирования текущих расходов, дорога к получению второго транша кредита МВФ не закрыта. Бурной денежная эмиссия не будет, значит, не будет быстрого форсированного падения курса рубля, неконтролируемого разгона инфляции. Неприятно, но самое сложное и самое неприятное как будто уже позади. Ясно было, что технические ошибки надо поправить; в режим фиксированного курса — с какими-то потерями из-за того, что не сделали это сразу, — можно войти.

Радикальные изменения произошли со сменой премьера 23 августа. В ходе сложнейшего маневра, когда все зависит от согласованности действий Центрального банка и правительства, когда участники этого процесса вовлечены в труднейшие переговоры, — меняется правительство, начинается длинный период политической нестабильности. Непонятно, что будет представлять собой но-

вое правительство, из кого оно будет состоять, что оно будет делать. Ничего непонятно.

КРИЗИС В ПОЛЬЗУ ДУМСКОГО БОЛЬШИНСТВА

На мой взгляд, при принятии решения о смене премьера роль сыграли не чисто политические мотивы. Правительство Кириенко категорически не нравилось так называемым олигархам: чужое, не уважает, денег не дает и т. д. Какой замечательный момент для того, чтобы его заменить. Кто-то же должен за финансовый кризис отвечать? Кто? Правительство Кириенко. Самое сложное, как кажется в этот момент олигархам, позади: ведь кабинет самое неприятное уже сделал, теперь все пойдет легче. Ставится лояльный премьер, который за пять месяцев понял, с какой стороны у бутерброда масло и кто настоящий начальник... И когда в ходе финансового кризиса будет решаться, какие банки выживут, а какие нет, кто получит сейчас деньги, а кто не получит, у кого будут брать налоги, а у кого не будут, новый старый премьер будет делать строго то, что ему скажут.

На мой взгляд, именно этот важнейший фактор проложил дорогу решению, принятому 23 августа и радикально изменившему экономическую и политическую ситуацию.

А дальше все понятно, новый премьер, неизбежное заигрывание с оппозицией, риторика, которая не может вызвать на рынке ничего, кроме паники: что еще могут породить заявления о том, что правительство собирается напечатать деньги и со всеми расплатиться? Рынок реагирует на все это адекватно, и начинается мощное давление на курс рубля. Именно после этого Центральный банк приостанавливает торги, исчезает валютный рынок, курс доллара начинает свой неконтролируемый рост, исчезают товары из магазинов, идет стремительный разгон инфляции. И на этом фоне — все более агрессивное думское большинство, которому неожиданно на блюдечке передали власть, на которую оно и не надеялось. Осуществляется все более агрессивный нажим на правительство, именно в этой ситуации происходит отставка председателя Центробанка. Мы оказываемся без правительства, без Центрального банка, без отношений с Международным валютным фондом, т. е. тот маневр, который был предпринят 17 августа, — очень опасный, но дававший какие-то шансы на выход — оканчивается политической, а поэтому

экономической и финансовой катастрофой. Что в этой ситуации делать? Если иметь в виду аспект чисто экономический, то ответ абсолютно понятен: нет ни одной точки в этой траектории, где ситуация становится полностью неуправляемой. В каждой точке есть набор экономически осмысленных мер, позволяющих пусть с издержками, не немедленно, однако стабилизировать ситуацию.

Но политически все это далеко за гранью того, к чему идет дело. Расшатав финансовую систему и приготовив финансовый кризис, парламентское большинство оказывается бенефициарием, оно получает от этого кризиса главную выгоду. Именно оно теперь играет решающую роль в формировании правительства, именно его программные установки оказываются начертанными на знаменах нового кабинета Примакова, экономический лидер парламентского большинства Маслюков становится первым вице-премьером. Плюс ко всему одержана серьезная победа над президентом.

Сейчас у нас будет серьезный откат назад. Этот откат назад явится попыткой реализации альтернативы либеральной экономической политике — последовательного пути в третий мир. Подобная попытка, я уверен, не понравится очень большой части общества. Я убежден, что после нее число энтузиастов поиска третьего пути заметно сократится и в обществе в целом, и в элитах. Проблема останется: серьезная разделенность России. Но в следующей итерации влияние, сила, потенциал тех, кто хочет видеть Россию европейской страной, станут куда ощутимее.

Да, ситуация сегодня тяжелая, но она легче, чем была в 1991 г. За это время выстроены рыночные институты, обретены рыночные навыки. Главная беда 1992 г. состояла в том, что он начинался в обществе, которое вообще не имело рыночного опыта. Не имело на протяжении трех поколений. Люди не понимали: как это так — конвертируемый рубль? Как это так — на прилавках все мыслимые товары, я прихожу, плачу деньги и забираю то, что мне нужно, разве так бывает? Не понимали, что такое вексель, что такое форвард, что такое контракт, как его выполнять. Не было огромного числа людей с рыночным знанием, не было институтов, навыков, традиций и т. д. Не было на протяжении десятилетий.

Сейчас при всех издержках, даже если рыночные институты будут радикально подорваны, в стране миллионы, десятки миллионов людей с рыночным опытом и рыночным знанием, а это предель-

но важно с точки зрения продолжительной перспективы. Сейчас не надо будет тратить такое количество времени для того, чтобы вырастить плеяду из сотен тысяч молодых людей, которые умеют работать в условиях рынка, знают, как это делается, имеют международные связи, говорят на иностранных языках, пользуются Интернетом, живут в открытом мире. Не надо будет так долго прививать навыки, связанные с рыночными институтами. И этот опыт, по моему глубокому убеждению, непременно будет востребован.

БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Сегодня же все зависит от того, насколько ретиво правительство возьмется за реализацию программы тех политических сил, которые его поддерживали. Если оно станет энергично печатать деньги, решит осуществлять, скажем, программу академиков, то курс доллара будет измеряться не сотнями рублей — черный курс будет измеряться числами с большим количеством нулей, а официальный будет фиксированным и, может, будет измеряться хоть шестьюдесятью копейками. Другое дело, что фиксированный курс не будет иметь ни к чему никакого отношения. Если правительство будет осторожным, испугавшись последствий, будет действовать более сдержанно, разгон инфляции будет медленным.

Надо понять, как выглядит реальная развилка. Есть накопленные серьезные финансовые проблемы, обусловленные разрывом между государственными обязательствами и уровнем доходов государства. Первый вариант — делать примерно то же, что делало правительство Кириенко, т. е. резко ограничивать обязательства, принимать жесткий бюджет, оказывать давление на налогоплательщиков, иметь бюджет с крупным первичным профицитом, постепенно снижать объем задолженности. Второй вариант: печатать деньги, раздавать их всем. Третий вариант: ничего не делать. При этом продолжает накапливаться задолженность, контролировать ее будет гораздо труднее, чем предшествующему правительству, она будет нарастать быстрее, и те же самые политические силы, которые поставили новый кабинет, будут все настойчивее говорить: что вы делаете, вы же теперь отвечаете за все, надо срочно печатать деньги...

В то, что это правительство сумеет выработать и реализовать курс либеральных реформ, я не верю. Того, что оно сможет неко-

торое время ничего не делать, исключить не могу. Новый кабинет может неделю, две, три, четыре, пять стоять с закрытыми глазами, что-то говорить и ничего не делать на фоне накапливающихся проблем и обостряющейся ситуации, но потом неизбежно примет решение пойти по второму пути. Тогда разгон инфляции, выход ее из-под контроля, развал рыночных механизмов будут растянуты во времени. Это не то, что случится на протяжении следующих шести—восьми недель, а то, что произойдет в течение трех—шести месяцев.

И все же в заключение хочу отметить, что при всей трагичности ситуации то, что происходит сегодня, впервые за долгие годы создает возможность серьезной политической активизации тех социальных групп в России, которые реально заинтересованы в стабильности валюты, в рыночных реформах, в работающей рыночной экономике, в открытости миру. Эти группы в России есть, и они не малы. Они были политически пассивны. У них было ощущение, что все перечисленное им гарантировано. Ну это же нормальная жизнь, когда у тебя конвертируемая валюта, возможность ездить за границу с кредитной карточкой, а не с кипятильником и бульонным кубиком. Зачем, считали они, нам политика? Пусть политикой занимаются неудачники, недотепы, те, кто не сумел приспособиться, найти себя в новых условиях. Сейчас на очереди массовая политическая активизация этих групп, и вопрос в том, как ее организовать. Это тот средний класс, который может стать опорой серьезного движения России к рынку, к устойчивым, серьезным реформам, как это случилось в Болгарии после периода неокommунистического правления. Но, к сожалению, он может кинуться и под крыло заботливого диктатора-националиста, который пообещает защитить и утешить. Однако мне кажется все-таки, что большая часть этого среднего слоя ориентирована на демократию, на сохранение открытости миру.

Убежден, что мобилизация этого потенциала позволит радикально изменить политический ландшафт России, по-другому выстроить следующие президентские и парламентские выборы, получить другой парламент. Конечно, для этого нужна очень серьезная работа наша и наших единомышленников по созданию политического объединения, позволяющего мобилизовать этот потенциал и направить его на борьбу за цивилизованную, демократическую, рыночную Россию.

Уроки российского кризиса для стран с переходной экономикой

Мягкие бюджетные ограничения и слабый административный контроль привели Россию на грань гиперинфляции. Опыт России учит: надо проводить дезинфляцию быстро и без промедления вводить жесткие бюджетные ограничения.

Какие уроки российский финансовый кризис может преподать другим странам с переходной экономикой? Я мог бы подойти к рассмотрению этого вопроса, выложив кучу подробностей относительно обменного курса, процентной ставки, бюджетной политики или, возможно, более интересных подробностей об ошибках, допущенных российским правительством и Центральным банком России, а также, увы, даже Международным валютным фондом. Но я поступаю иначе: сосредоточу внимание на проблеме мягких и жестких бюджетных ограничений.

Мягкие бюджетные ограничения

Понятие мягких бюджетных ограничений, в сущности означающее отсутствие финансовой ответственности менеджеров предприятий, было выработано буржуазными (не социалистическими) экономистами применительно к предприятиям, действующим в условиях социалистической системы. На мой взгляд, использование этого термина в отношении к предприятиям переходных экономик и вообще постсоциалистических экономик вполне уместно. В условиях социалистической системы положение руководителя предприятия никак не было связано с тем, прибыльно или убыточно это предприятие. Мягкое бюджетное ограничение было закономерным результатом государственного бюджетного процесса, весьма далекого от соображений эффективности или прибыли. В рыночных же условиях, поскольку прибыль составляет смысл и цель деятельности руководителя, мягкие бюджетные ограничения применяются редко и всегда на непродолжительное время. Рыночная экономика,

Опубликовано в: Finance and Development. A quarterly magazine of the IMF. June 1999. Vol. 36 (Number 2).

Статья написана на английском языке. Перевод на русский язык Л.И. Лопатникова.

как вы знаете, основана на очень жесткой бюджетной дисциплине. Руководителя, чье безразличие к бюджетным соображениям подводит предприятие к банкротству, ждет в скором будущем очень незавидная судьба.

Жесткое административное ограничение

С другой стороны, в условиях социалистической системы мягкие бюджетные ограничения сосуществуют с жесткими административными ограничениями. Поскольку каждое предприятие было частью разветвленной иерархии, государство осуществляло жесткий контроль за назначением руководителей и обеспечивало выполнение возложенных на них задач, включая достижение многообразных целей социального характера. Однако когда тоталитарные социалистические режимы начали распадаться, административный контроль над руководителями предприятий тоже отпал. На некоторых стадиях развития во всех постсоциалистических экономиках это явление вело к опасному сочетанию мягкого бюджетного контроля и мягкого или не существующего административного контроля.

Чтобы понять положение руководителей предприятий в социалистической системе, попробуйте представить себе экономику, в которой собственник предприятия не испытывает никакой необходимости заботиться о том, принесет оно прибыль или нет, потому что убытки всегда могут быть компенсированы разными бюджетными послаблениями — такими как субсидии, кредиты на выгодных условиях и возможность накопления налоговых недоимок без неприятных последствий. Подумайте, что все это может означать для общей эффективности рыночного механизма!

Во-первых, это может означать, что обычные рыночные инструменты перераспределения ресурсов от плохо работающих неэффективных предприятий к лучше работающим и эффективным, не действуют. Рыночный порядок становится неэффективным.

Во-вторых, поскольку мягкие бюджетные ограничения несовместимы с равновесной и эффективной налоговой системой, налоговые обязательства предприятия на практике определяются не налоговым законодательством, но условиями договоренности между предприятием и государственными властями. Подобные договоренности неотвратимо ведут к коррупции.

ХУДШЕЕ В ОБОИХ МИРАХ

Как я уже упоминал, практически все постсоциалистические страны испытали на себе проблемы, связанные с сочетанием мягких бюджетных ограничений и мягких административных ограничений.

Чем отличались экономики «рыночного социализма», существовавшие до начала серьезных реформ, от того, что мы видим в посткоммунистической реальности? До реформ руководители предприятий находились под прессом тоталитарного политического контроля. Это определяло их поведение. Им надо было показывать, что они лояльные члены партии. Но, к сожалению, правда и то, что многие руководители старались присваивать средства предприятий для обогащения — собственного и своих семей. Однако возможности таких операций не были безграничными. Тогда еще предприятие должно было выполнять требования централизованного плана и обеспечивать некий уровень благосостояния своих работников. В случае невыполнения руководителем своих основных обязанностей это могло рассматриваться как разрыв его контракта с политическим истеблишментом. До этого просто не доходило, поскольку могло грозить нарушителю серьезными последствиями.

После краха социализма тоталитарный режим со всем его социальным и административным давлением перестал существовать. И тогда сочетание мягких бюджетных и мягких административных ограничений привело к совершенно нежелательным последствиям для предприятий, для общества и для экономики в целом. Такого развития, безусловно, следовало ожидать, имея в виду социальную обстановку, возникавшую после свержения тоталитарного режима. Почему? Во-первых, вследствие представлений, глубоко укоренившихся в обществе за 70 лет социализма, предприятия не были самостоятельными единицами, они рассматривались как часть государства, результат социалистической индустриализации. Как можно было привлечь предприятие к ответу на том простом основании, что в определенное время оно оказалось не способным выполнять свои налоговые обязательства? Это был бы абсурд: именно обязанностью государства было содержать предприятие, а никак иначе.

Во-вторых, поскольку руководители предприятий были частью социальной инфраструктуры тоталитарного общества, они ничем не отличались от других чиновников государственной админи-

страции. Все они вместе учились в университетах, вместе работали, постоянно общались друг с другом. Они могли и сговариваться при случае. Хотя и существовали политические и законодательные препятствия — в последнее десятилетие их осталось совсем немного, — это сочетание слабого бюджетного контроля, слабого административного контроля и отношений кумовства создавало неэффективную, стагнирующую и в высокой степени коррупционную среду.

СРЕДСТВА СПАСЕНИЯ

Что могло бы изменить эту ситуацию? Какие силы способны повернуть экономику в сторону жестких ограничений, воздействующих на предприятия? Первым условием является устранение чудовищной несбалансированности бюджета и денежного навеса, оставшихся в наследство от социалистической эпохи. Часть политической элиты мечтает о соответствии западным нормам макроэкономической стабилизации, что требует снижения темпов роста предложения денег, сокращения дефицита бюджета и устранения мягких бюджетных ограничений (включая очень жесткое противодействие невыполнению налоговых обязательств). В странах Центральной Европы, таких как Венгрия и Польша, которые тоже были в аналогичной ситуации и в которых эти мечтания подогревались стремлением элиты присоединиться к Европейскому союзу, правительства на первой стадии постсоциалистического перехода действовали решительно и быстро, устанавливая серьезную, если не сказать жесткую, финансовую дисциплину на предприятиях. И они сумели выкорчевать укоренившуюся традицию мягких бюджетных ограничений уже вскоре после начала перехода.

Интересен пример Чешской Республики, которая к моменту краха социалистической экономики, единственная из стран социализма, находилась в лучшем финансовом состоянии, и это состояние сохранялось все первые годы переходного периода. Убаюканное вплоть до самодовольства этими финансовыми преимуществами правительство не стало ужесточать бюджетные ограничения предприятий. Несмотря на хваленую макроэкономическую эффективность Чешской Республики, правительство отложило реструктуризацию, позволив крупным государственным предприятиям, по-прежнему пользоваться мягкими бюджетными ограничениями

на протяжении первых трех лет постсоциалистического перехода, и ввело Закон о банкротстве только в 1993 г. Результатом такой задержки была потеря трех драгоценных лет.

В большинстве случаев макроэкономическая стабилизация в постсоциалистических странах неотделима от микроэкономики. Стабилизация не может продвигаться без бюджетных ограничений на уровне предприятий и общей реструктуризации неэффективной экономической деятельности. Разумеется, в России макроэкономическая политика в течение первых лет реформ была чрезвычайно слаба, главной причиной чему были отсутствие политического согласия и фактическое двоевластие (что подтверждается скачущей инфляцией на протяжении всех этих лет). Неадекватные бюджетные и денежные ограничения на макроэкономическом уровне сочетались с неадекватными бюджетными ограничениями на уровне предприятий.

ФИНАНСИРОВАНИЕ БЮДЖЕТА

За время неудачных попыток денежной стабилизации в России инфляция разрушила денежное обращение и затруднила финансирование бюджетных дефицитов. Люди были сыты постоянной инфляцией. Ситуация резко отличалась от той, которая была в момент коллапса социалистической экономики, и показывала бессмысленность откладывания реформ.

Разрушение инфляцией денежного равновесия сделало коэффициент монетизации экономики (отношение денежной массы к ВВП) намного более низким, чем если бы дезинфляция была достигнута на более ранней стадии. Более того, эрозии бюджетных доходов также способствовало безнаказанное накопление налоговых недоимок. Было очень трудно противостоять этой прочно укоренившейся привычке, а тем более изменить ее.

Возможности государства производить заимствования на внутреннем рынке для финансирования дефицита были строго ограничены в связи с отсутствием свободных денежных средств в экономике. Его бюджетные доходы были низки как в абсолютных цифрах, так и в сравнении с теми государствами переходной экономики, которые раньше начали процесс реформ. И оно казалось неспособным осуществить то решительное сокращение расходов,

которое было необходимо для монетарной стабилизации. Между 1995 г. и первой половиной 1998 г. правительство боролось против мягких бюджетных ограничений на уровне предприятий, огромных бюджетных дисбалансов на макроэкономическом уровне и слабой монетарной политики. Оно преуспело в ужесточении монетарной политики, но борьба с микроэкономическими и макроэкономическими бюджетными трудностями продолжалась.

В 1995–1998 гг. проблема сбора налогов не была проблемой налоговой администрации в общепринятом смысле. Это была в большей степени политическая борьба по вопросу о том, что составляло сердцевину нарождающейся экономической системы: либо она будет системой, в которой отношения между государством и предприятиями регулируются законом, либо она сохранит прежний бизнес, основанный на политическом влиянии и персональных контактах. Результатом борьбы явилось то, что я бы назвал полуравновесием, при котором дефицит бюджета стабилизировался на уровне примерно 6–7% ВВП, но не было достаточной политической поддержки, чтобы сократить эту цифру. Разумеется, на долговременный период дефициты такого размера устойчиво сохраняться не могут. Они могут продолжаться, может быть, год или два, но когда-то правительству придется либо урезать расходы и реструктурировать взаимоотношения между государством и предприятиями, либо забыть о монетарной стабилизации. Выбор очевиден.

Очередные угрозы

Происшедшие с 1997 г. радикальные изменения в международном финансовом климате поставили российскую экономику с ее слабой финансовой политикой перед серьезной угрозой. Неспособное сократить бюджетный дефицит, российское правительство обнаружило, что крайне трудно финансировать разрыв только путем заимствований у МВФ и Мирового банка. Не стоит говорить, что даже еще большие трудности обнаружились при поиске возможностей финансировать дефицит бюджета за счет коммерческих кредитов. Возможность получения коммерческих кредитов зависела от колебаний настроения на международных финансовых рынках. Если рынки характеризуются оптимизмом и наступательным духом, некоторая передышка возможна, но, если настроение изменится, за-

емщик попадет в весьма серьезную западню. Иностранные инвесторы крайне осторожны, имея дело с непредсказуемой политикой обменного курса: чтобы привлечь капитал, вы должны иметь прозрачный и стабильный обменный курс. Приток капиталов невозможен без хеджирования рисков валютного обмена.

Между осенью 1997 г. и августом 1998 г. российское правительство встало перед выбором между двумя возможными стратегиями. Первая состояла в том, чтобы продемонстрировать волю к ужесточению бюджета путем пересмотра своих отношений с крупными предприятиями, в частности, в нефтегазовом секторе, установив для них жесткие бюджетные ограничения. Вторая — отступить, отказаться от попыток проведения антиинфляционной политики. К сожалению, попытка ужесточить бюджетную политику не нашла достаточной политической поддержки. Неизбежным результатом было продолжение практики мягких бюджетных ограничений, мягкой бюджетной политики и мягкой денежной политики.

Первые шаги нового правительства, сформированного в сентябре 1998 г., показали, что оно тоже привержено мягкой бюджетной политике. Каковы были эти первые шаги? Во-первых, правительство провело переговоры с крупнейшими налогоплательщиками, тем самым оно институционализировало практику формирования налоговых обязательств не по закону, а по соглашению. Во-вторых, оно также институционализировало систему денежных послаблений путем разрешения предприятиям выплачивать налоги натурой и списания налоговой задолженности сельскохозяйственным предприятиям.

Это не были изолированные инициативы. Они составляли часть последовательной политики (даже если правительство этого не признавало), существо которой состояло в том, чтобы сохранить для элиты контроль над ценными объектами собственности и дать ей возможность управлять предприятиями независимо от уровня их эффективности, причем расплачиваться должно было государство. Что и произошло в России за последние пять месяцев.

КРАТКИЙ СОВЕТ

В заключение я хотел бы извлечь несколько уроков из российского опыта.

Если социалистическая экономика перестает функционировать, государству следует постараться как можно быстрее провести дезинфляцию. Отложенная дезинфляция обойдется намного дороже.

Если правительство сталкивается с отложенной дезинфляцией, оно должно радикально сократить бюджетный дефицит.

Следует решительно отказаться от иллюзии, будто бы дефицит можно профинансировать за счет краткосрочных заимствований.

Следует обращать внимание на уязвимость режима валютного курса в связи с изменениями потребительских цен.

Надо понять, что ужесточение бюджетных ограничений важно не только для повышения доходов бюджета, но и для того, чтобы рыночный механизм мог действовать, и тем самым для повышения эффективности экономики.

Егор Тимурович Гайдар
Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 6

Выпускающий редактор *Е.В. Попова*
Редактор *Ф.Н. Морозова*
Художник *В.П. Коршунов*
Оригинал-макет *О.З. Элоев*
Компьютерная верстка *Е.О. Элоева*

≈

Подписано в печать 10.06.13. Формат 70×100/16
Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. печ. л. 39,0
Тираж 3000 экз. Изд. №187. Заказ №
Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82–84

Коммерческий отдел
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
com@anx.ru
www.domdelo.org

ISBN: 978-5-7749-0696-3

9 78 5 774 9 0696 3

